

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Институт филологии
Крымское отделение Союза переводчиков России
ГБУК РК «Крымская республиканская
универсальная научная библиотека им. И. Я. Франко»

**ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ДИСКУРС:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД**

Материалы V международной научно-практической конференции

*Симферополь
29 – 30 апреля 2021 года*

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2021

УДК 81'25
ББК 81.2–7
П 27

Главный редактор:

д. филол. н., доц. М. В. Норец.

Заместитель главного редактора:

к. филол. н., доц. М. А. Шевчук-Черногородова.

Редакционная коллегия:

д. филол. н., проф. А. Д. Петренко (Симферополь, Россия);
д. филол. н., проф. А. Э. Левицкий (Москва, Россия);
д. филол. н., проф. Т. А. Казакова (Санкт-Петербург, Россия);
д. филол. н., проф. С. А. Кочетова (Горловка, ДНР);
д. филос. н., проф. О. Р. Демидова (Санкт-Петербург, Россия);
д. филол. н., проф. М. А. Новикова (Симферополь, Россия);
д. филол. н., проф. Г. И. Лушникова (Ялта, Россия);
д. филол. н., проф. О. В. Резник (Симферополь, Россия);
д. филол. н., доц. О. А. Джумайло (Ростов-на-Дону, Россия).

П 27 **Переводческий дискурс: междисциплинарный подход:** материалы V международной научно-практической конференции, Симферополь, 29–30 апреля 2021 г. / гл. ред. М. В. Норец. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2021. – 396 с.

ISBN 978-5-907438-32-3

В сборнике представлены статьи по докладам участников V международной научно-практической конференции «Переводческий дискурс: междисциплинарный подход», которая проводилась в г. Симферополь 29–30 апреля 2021 г. Рассматриваются актуальные проблемы теории и практики перевода, современного литературоведения, прикладные аспекты и жанровые стратегии перевода, перевод и межкультурная коммуникация, а также вопросы методики преподавания иностранных языков и переводоведческих дисциплин и научно-библиографической деятельности библиотек.

УДК 81'25
ББК 81.2–7

Сборник печатается в авторской редакции. За содержание статей, достоверность данных, цитат, имен и названий ответственность несут авторы публикаций. Редколлегия не всегда разделяет взгляды авторов.

ISBN 978-5-907438-32-3

© Коллектив авторов, текст, 2021
© Шевчук-Черногородова М. А., верстка, дизайн, 2021
© ИТ «АРИАЛ», макет, оформление, 2021

УДК 372.881.1

**СМЕШАННОЕ ОБУЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВУЗА
(НА ПРИМЕРЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА)**

Н. В. Абрамова,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Саратовская государственная юридическая академия, Саратов

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема смешанного обучения в вузе. В статье проанализированы концепции занятия при смешанном обучении. Статья раскрывает содержание понятия «Перевернутый класс». Основное внимание в работе автор акцентирует на факторах успешного онлайн-занятия. Особое внимание уделено содержанию смешанного обучения. Даются примеры дополнительных электронных ресурсов при изучении иностранного языка и примеры интерактивных средств обучения.

Ключевые слова: смешанное обучение, дистанционное обучение, «перевернутый класс», традиционное обучение, иностранный язык, мотивация, содержание обучения, интерактивные средства.

Summary. This article deals with the problem of blended learning in higher education. The article analyzes the concepts of classes by blended learning. The article reveals the content of the concept of “Flipped classroom”. The author focuses on the factors for a successful online lesson. Special attention is paid to the content of training by blended learning. Examples of web sites for learning foreign language and examples of interactive learning tools are given.

Key words: blended learning, distance learning, "flipped classroom", traditional learning, foreign language, motivation, learning content, interactive tools.

Смешанное обучение (blended learning) - это важная форма обучения на современном этапе. Эта форма обучения представляет собой сочетание традиционных форм аудиторного обучения с дистанционным обучением. При этом важны обе формы, так, как только при правильном сочетании возможно эффективное занятие. Концепция занятия при смешанном обучении включает в себя следующее:

1) гибридное обучение сочетает фазы аудиторного занятия с фазой онлайн-занятия;

2) сочетание использует преимущества обеих форм обучения и компенсирует недостатки;

3) согласно результатам исследований, успех усвоения знаний примерно на 10% выше при смешанном обучении, чем на традиционных занятиях.

При правильно выстроенной концепции смешанного обучения успеваемость обучающихся в вузе будет выше, чем при аудиторном обучении. Одной из наиболее удачных моделей смешанного обучения

является «Перевернутый класс» (“Flipped classroom”), где перевернутым становится сам процесс обучения. Этот термин широко используется для описания структуры практически любых занятий, которые строятся на просмотре предварительно записанных лекций с последующим их обсуждением непосредственно в аудитории. В фазе онлайн-занятия происходит передача знаний, обучающиеся сами перерабатывают учебный материал. А непосредственно в аудитории происходит применение полученных знаний, обучающиеся упражняются и общаются друг с другом, отвечают на вопросы друг друга [2, с. 179-178]. Самое важное на данном этапе то, что обучающийся усваивает новый учебный материал. Важно правильно объяснить и с самого начала обратить внимание обучающихся на концепцию смешанного занятия. Сначала преподаватель должен оказать поддержку обучающимся, впоследствии, если они будут знать, как всё это работает, занятия будут проходить успешно.

Большой плюс «перевернутого класса» заключается в том, что на занятие обучающиеся приходят подготовленными. У них есть возможность изучить видеоматериалы по теме занятия дома, причем в том темпе, который им подходит, с возможностью задерживаться на наиболее сложных для восприятия местах.

Во время занятий по иностранному языку роль преподавателя – выступать консультантом, поощряя обучающихся на самостоятельные исследования и совместную работу [1, с. 215].

Классическая модель учебного процесса в системе высшего образования при смешанном обучении представляет собой последовательность фаз традиционного и электронного обучения. Причем начинается она с фазы аудиторного обучения, потом меняется на фазу онлайн-обучения и т.д. На начальной фазе традиционного обучения надо представить обучающимся учебную концепцию, познакомить обучающихся между собой, дать информацию об учебной платформе. Далее в фазе онлайн отрабатывается не только уже изученный учебный материал, но и изучают новый учебный материал. Изученный материал отрабатывается в фазе традиционного занятия и эти фазы постоянно меняются. При смешанном обучении количество традиционных и дистанционных занятий одинаковое, то есть 50% аудиторных занятий, 50% дистанционных занятий.

Существует 3 фактора для успешного иноязычного онлайн-занятия:

1) **организация занятия:** план занятия должен продумать преподаватель, разработать методико-дидактическую концепцию для передачи нового материала. Поскольку для обучающихся это новая форма обучения, им необходима техническая и организаторская поддержка, обучающихся нужно мотивировать. При смешанном обучении к преподавателям предъявляются более высокие требования, работать приходится интенсивнее и напряженнее, чем при традиционном обучении в аудитории. Для преподавателей – это шанс для профессионального роста

и новшеств. Также большое значение имеет техническая поддержка. Мотивация – это движущая сила любого обучения. При смешанном обучении необходимо поддерживать интерес к содержанию обучения посредством формирования положительных эмоций. Необходима внутренняя мотивация, благодаря которой получают удовольствие от изучения иностранных языков. Важна и внешняя мотивация, нацеленная на профессиональные перспективы (сдача международных языковых экзаменов) [3, с. 7].

2) **интерактивность**, которая предусматривает:

- постепенную учебную активизацию;
- использование различных форм обучения (работа в группах, работа в парах и т.д.);
- использование различных цифровых средств;
- учет шкалы концентрации внимания (концентрация внимания на обычном занятии у взрослых составляет 15-20 минут, на онлайн-занятии - 10-12 минут, что требует смены форм обучения);
- четкая формулировка задания;
- визуализация задания;
- регулярное получение обратной связи (например, всё ли вам понятно, всё ли в порядке и т.д.);
- контроль успеваемости (проведение учебного контроля, тестов с целью проверки усвоения материала);
- включение фазы физической активности (движений) на занятии.

3) **содержание обучения**, которое включает:

- учебники и рабочие тетради (аналоговые и цифровые);
- дополнительные материалы – интерактивные упражнения и задания в формате PDF для учебников и рабочих тетрадей;
- веб сайты с дополнительными заданиями;
- интерактивные средства обучения (Quizlet, Padlet, Quizzz, kahoot и др.).

Использование гибридных учебных пособий дают возможность новым концепциям занятия. Ход фазы аудиторного занятия и онлайн занятия по иностранному языку в вузе выглядит следующим образом:

- 1) постановка цели занятия;
- 2) активизация предыдущего материала;
- 3) отработка содержания занятия;
- 4) контроль результатов;
- 5) домашнее задание/проектная работа.

Существует большое количество интерактивных средств обучения, приложений для образовательных проектов. Среди них Mentimeter, Quizzz, Quizlet, Padlet, Book creator, Learning-snacks и др. Данные интерактивные средства включают интерактивные задания, повторять которые можно много раз и получать ответ, выполнять задания можно в любом темпе.

Таким образом, в настоящее время смешанное обучение становится чрезвычайно востребованным как в области обучения иностранным языкам в вузе, так и в других сферах профессионального образования. Разнообразие интерактивных интернет ресурсов дает новые возможности презентации учебного материала в доступной и интересной форме. Данный метод имеет огромный потенциал в обучении иностранным языкам, так как он интегрирует инновации, электронные ресурсы, современные интерактивные средства в традиционный процесс обучения.

Список использованных источников

1. Абрамова Н. В. Рефлексия в обучении как условие формирования иноязычной компетентности у будущих юристов (на примере немецкого языка) // В сборнике: Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания. Материалы II Международной научно-практической конференции. Редколлегия: Е. А. Пригодич [и др.]. 2019. С. 213-217.

2. Абрамова Н. В. Профессионально-ориентированное обучение как важнейший фактор повышения эффективности обучения иностранным языкам в юридическом вузе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 5 (100). С. 178-181.

3. Железовская Г. И., Абрамова Н. В., Гудкова Е. Н. Формирование креативного коммуникативного поведения у выпускников системы профессионального образования // Инновационные проекты и программы в образовании. 2016. № 3. С. 6-10.

УДК 811.161.2

ПЕРЕВОД ЛИНГВОКРЕАТИВНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В СКАЗКЕ Л. КЭРРОЛЛА «АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС»

Е. Л. Ачилова,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и культуры речи, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

В. П. Ачилова,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры украинской филологии, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье сопоставлены варианты перевыражения лингвокреативов в IX главе сказки Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес» в текстах её переводов на русский и украинский языки, выявлены различные пути их трансляции. Основными методами исследования стали описательный и сопоставительный. В ряде случаев переводчики не просто воссоздают авторский лингвокреатив, но и сами включаются в игру, создают оригинальные каламбурные образования.

Ключевые слова: лингвокреативные образования, перевод, варианты перевода, игра слов, каламбур.

Summary. This article compares the variations of re-expression of linguistic creative formations in the Russian and Ukrainian translations of Chapter 9 of Lewis Carroll's fantasy "Alice in Wonderland", and it identifies various ways of rendering such linguistic creative formations. The main research methods are descriptive and comparative. In a number of cases, the translators not only recreate the author's linguistic creative formations, but also join in the game and create original pun.

Key words: linguistic creative formations, translation, translation variations, play on words, pun.

Сказка Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес» многократно становилась объектом внимания переводчиков и исследователей и продолжает вызывать интерес лингвистов [3, с. 57].

Существование в национальных культурах нескольких переводов одного и того же иноязычного литературного произведения, имеющего в оригинале, как правило, одно текстовое воплощение, называют множественностью переводов, или ретрансляцией. Повторные переводы являются обычной практикой художественного перевода, это средства реализации креативного потенциала переводческого акта во взаимодействии его составляющих: текста-источника, переводчика, рецептора, исходной и целевой культур [6, с. 190].

Чаще всего объектами повторных переводов выступают известные произведения мировой классики, обозначаемые термином «канонические». Именно к таким и принадлежит Кэрролловская «Алиса», характеризующаяся наличием многих слоев содержания, что создает почву для множества переводческих решений, субъективных интерпретаций. Кроме того, повторные переводы создают условия для интеллектуального и культурного обогащения потенциального рецептора, предоставляя ему возможность приобщиться к каждой новой интерпретации исходного текста и сравнить ее с предыдущими; вводят в целевую культуру новый материал и идеи, заполняя пробелы в целевой культуре или привнося в неё то, чего не было раньше.

По наблюдениям Н. М. Демуровой, в книгах Л. Кэрролла нет юмора ситуаций, они построены на юморе слов и понятий, с ними связанных. Именно языковая игра определяет действия героев и развитие сюжета. В отличие от перевода юмора ситуаций, при котором затруднений почти не возникает, авторская словесная игра адекватно почти не переводится. Поэтому переводчику приходится делать выбор между содержанием высказывания (т. е. тем, что говорится) и юмористическим приемом (тем, как это говорится) [1].

О. В. Ребрий тоже подчёркивает, что каламбуры являются настоящей страстью автора, ими просто-таки пестрят страницы сказки. Кэрролл применяет различные каламбуры: лексические, грамматические, фразеологические, иногда по несколько в одной ситуации, превращая труд

переводчиков в настоящее испытание, о чем свидетельствуют их комментарии [6, с. 201].

Актуальность исследования заключается в стремлении современной лингвистики как можно более точно анализировать и описывать переводческие решения при переводе лингвокреативов в художественных текстах.

Под лингвокреативными образованиями (лингвокреативами) понимаем любые намеренные отступления от нормы с целью создания новых смыслов и придания тексту нового, чаще всего комического, звучания.

На переводческий процесс влияет и стратегия переводчика, и его предпочтения, и вкусы, и степень свободы. В зависимости от целевой установки переводчик может сохранять лингвостилистические особенности оригинала (стратегия отстранения) или стараться сгладить те черты, которые вряд ли примут читатели перевода (стратегия освоения, одомашнения) [2, с. 174].

Используя модель перевода каламбуров, предложенную Т. Олейник, можно вывести алгоритм работы переводчика при перевыражении лингвокреативов: 1) распознавание лингвокреативных образований в тексте оригинала; 2) установление способа образования лингвокреатива (игра со звучанием слова, его формой, обыгрывание прецедентного текста и т. п.); 3) нахождение эквивалентного слова / словосочетания в языке перевода; 4) трансформация этого эквивалента в лингвокреативное образование [4, с. 105–106].

При этом переводчику важно не только знать язык, но и понимать смысл и роль лингвокреативов в произведении, а также иметь фоновые знания о культуре, истории, реалиях, присущих месту и времени написания произведения. Двусмысленность лингвокреативных образований может привести к смысловым либо формальным потерям при переводе, поэтому переводчики прибегают к таким приёмам, как замена, компенсация, целостное преобразование и др.

Цель данного исследования – сопоставление перевыражения лингвокреативов в IX главе сказки «Алиса в стране чудес» на русский и украинский языки.

Фактическим материалом для работы стали англоязычный оригинал и переводы на русский язык Н. Демуровой (1), Б. Заходера (2), А. Кононенко (3), В. Набокова (4), Ю. Нестеренко (5), Н. Старилова (6) и на украинский язык Г. Бушиной (7), В. Корниенко (8) [5].

В связи с ограниченным объёмом статьи рассмотрены две ситуации, в основе которых лежит игра со словами.

В первой ситуации Алиса открывает для себя связь продуктов с человеческими качествами, делая предположение: "*Maybe it's always pepper that makes people hot-tempered*". Л. Кэрролл сыграл на многозначности слова *pepper*, усилив его лексемой *hot-tempered*. Сравним

варианты перевода: *От перца, верно, и начинают всем перечить...* (1) – переводчик обратилась к слову, близкому по звучанию к *перец* – *перечить*; *от перцу люди делаются вспльчивые* (2); *благодаря перцу люди становятся так вспльчивы* (4); *Кстати, не перец ли делает людей такими вспльчивыми* (6); *від перцю люди робляться запальні* (7) – переводчики воспользовались авторским методом, давая лишь намек на языковую игру; *перец заставляет людей так горячиться* (3); *от перца люди горячатся* (5) – переводчики сыграли на вкусе перца, связав его остроту и жжение; *від лютого перцю люди стають такі сердиті* (8) – переводчик добавляет эпитет, подчеркивая качество использованием прилагательных одного синонимического ряда: *лютий* – *сердитий*.

Воодушевившись открытием «закона природы», Алиса продолжила размышлять о том, что *"and vinegar that makes them sour – and camomile that makes them bitter – and – barley-sugar and such things that make children sweet-tempered"*. Сравним варианты переводов: *От уксуса – кукусятся, <...> от горчицы – огорчаются, от лука – лукавят, от вина – винятся, а от сдобы – добреют* (1); *от уксуса делаются кислые... а от хрена – сердитые, а от... а от... а вот от конфет-то дети становятся ну прямо прелесть!* (2); *от уксуса становятся кислыми, а от касторки человек наполняется горечью, а... а от доброй порции мороженого и всего такого дети добреют* (3); *А уксус заставляет людей острить, а лекарства оставляют в душе горечь, а сладости придают мягкость нраву* (4); *от уксуса они киснут – а от горьких лекарств – огорчаются, а... а от сладостей дети становятся просто конфетками* (5); *а уксус делает их кислыми, а ромашка едкими, а... а сладости делают детей послушными* (6); *від оцту робляться кислі... а від хрону – сердиті... а от... а от від цукерок діти стають такі милі та слухняні* (7); *Від гірчиці – гіркне на душі, від кориці – починаєш усім коритися, від звіробою – визвірюються, а... а зате від карамелі чи інших цукерок діти стають солодкі-пресолодкі* (8). Как видно, все переводчики, кроме В. Корниенко, сохранили только первый компонент перечисления – уксус. Н. Демурова расширяет перечисление, создавая новые лингвокреативные образования на основании игры с омонимичными корнями, к тем же приемам прибегает В. Корниенко. В остальных переводах лингвокреатив в разной степени утрачен.

Во второй ситуации Алиса обсуждает с Герцогиней горчицу: *"Only mustard isn't a bird," Alice remarked. "Right, as usual," said the Duchess: "what a clear way you have of putting things!" "It's a mineral, I THINK," said Alice. "Of course it is," said the Duchess, who seemed ready to agree to everything that Alice said: "there's a large mustard-machine near here. And the moral of that is – "The more there is of mine, the less there is of yours"*. Автор обыграл омонимичные части существительного *mineral* и местоимение *mine* и высмеял страсть Герцогини постоянно делать нелепые выводы. В

переводах использованы разные образы, ставшие исходными для передачи лингвокреатива:

1) основанные на обыгрывании лексемы *минерал*: – Кажется, горчица – *минерал* <...> – *Минерал* огромной взрывчатой силы. Из нее делают мины и закладывают при подкопах... А мораль отсюда такова: *хорошая мина при плохой игре – самое главное!* (1); – *Горчица – это, кажется, минерал* <...> – *Вот именно, минерал!* <...> Тут неподалеку что-то *минировали* *горчичными минами*, совсем на днях. А отсюда мораль: «*Чему быть – того не миновать!*» (2); – *Это минерал*, я думаю <...> – *Конечно же* <...> тут рядом *большая горчичная шахта, ее взрывали минами*. А отсюда мораль – «*у меня прибудет, у тебя убудет*» (5); – *Гірчиця – це, здається, мінерал* <...> – *Еге ж, мінерал* <...> *Десь тут поблизу мінери натрапили на великі поклади гірчиці*. А мораль з цього така: «*Поклади більше собі – менше лишиться іншим*» (8). Переводчики также воспользовались омонимичностью корней лексем *минерал* и *мина*. Кроме того, Н. Демуровой и Б. Заходеру удалось ввести в контекст паремии *хорошая мина при плохой игре* и *чему быть – того не миновать*, что позволило сохранить дух оригинала. Ю. Нестеренко воспользовался буквальным переводом, не сохранив лингвокреатива. Г. Бушина создала вторую лингвокреативную цепочку, обыграв омографы: существительное в И. п. *пОклады* (рос. «залежи») и императивную форму глагола *покладИ* (рос. «положи»);

2) основанные на обыгрывании значения *полезные ископаемые / ископаемые*: «*Это полезное ископаемое, по-моему,*» <...> «*Ну конечно же! Как раз здесь поблизости ведутся обширные разработки горчичных залежей*. И мораль сего: «*Работа – не волк, в лесу не лежит*» (3); – *Горчица – ископаемое, кажется* <...> – *Ну, конечно* <...> *Тут недалеко производятся горчичные раскопки*. И мораль этого: *не копайся!* (4); – *Я думаю, это полезное ископаемое* <...> – *Именно!* <...> *Тут совсем рядом есть горчичная шахта!* А мораль тут вот в чем: «*Чем больше у меня, тем меньше у тебя*» (6). А. Кононенко и В. Набоков обыграли однокоренные образования, соответственно *залежи*, *лежать* и *ископаемое*, *раскопки*, *не копайся*. В переводе Н. Старилова лингвокреатив не сохранен;

3) основанное на лексеме *порох* (рус. «пыль»): – *По-моему, гірчиця, особливо мелена – це такий собі порох* <...> – *Ну, звісно ж* <...> *Тут неподалік під горою є великі поклади гірчичного пороху...* Звідси мораль: «*Не дивись високо – запорошиш око!*» (8). В. Корниенко обыграл однокоренные *порох*, *запорошиш*.

Таким образом, при переводе лингвокреативных образований переводчики ищут различные пути их трансляции. Рассмотренные иллюстрации свидетельствуют о том, что все переводчики, творчески решая отдельные переводческие задания, в целом не выходят за рамки стратегии одомашнения, а в ряде случаев стремятся не просто воссоздать

авторскую языковую игру, но и включиться в неё, становясь создателями оригинальных лингвокреативных образований.

Список использованных источников

1. Демурова Н. М. О переводе сказок Кэрролла [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wonderland-alice.ru/public/interpretation/> (дата обращения 11.01.2021).
2. Лаврентьева Е. С. Трудности перевода лингвостилистических особенностей художественных текстов в рамках игровой концепции языка // Языки. Культуры. Перевод. Материалы международного научно-практического форума. М.: Изд. Московского университета. 2013. С. 169–179.
3. Нефедов И. В., Чигрина А. В. Отражение языковой игры в переводах сказки Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016, № 6–4. С. 55–60.
4. Олейник Т. Трудности перевода стилистического средства «каламбур» в художественной литературе // Научни трудове на русенския университет. 2013. Том 52. Серия 6.3. С. 104–108.
5. Параллельные переводы с комментариями и иллюстрациями [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ytime.com.ua/ru/50/2767> (дата обращения: 21.12.2020).
6. Ребрій О. В. Пригоди Аліси в Україні, або про множинність сучасних перекладів // Лінгвістика ХХІ століття: нові дослідження і перспективи. 2009. № 3. С. 190–205.

УДК 811.161.2

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА В. НАБОКОВА «ЛОЛИТА» НА УКРАИНСКИЙ ЯЗЫК

Е. Л. Ачилова,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и культуры речи, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

А. А. Лобанова,

обучающийся четвертого курса бакалавриата кафедры русского языка и культуры речи, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье проанализированы стилистические трансформации, зафиксированные в украинском переводе романа В. Набокова «Лолита». В работе использованы описательный и сопоставительный методы исследования. Как показало исследование, стилистические преобразования заключаются в выборе языковой единицы, относящейся к иной сфере употребления либо имеющей другую стилистическую окраску.

Ключевые слова: перевод, стилистическая трансформация, переводческие преобразования, стилистически нейтральная лексика,

стилистически окрашенная лексика, общеупотребительная лексика, лексика ограниченной сферы употребления.

Summary. This article analyses stylistic transformations implemented in the Ukrainian translation of V. Nabokov's novel "Lolita". The research methods are descriptive and comparative. Our research showed that the stylistic transformations are carried out through the choice of a linguistic unit, which belongs to a different sphere of usage or contains a different stylistic coloring.

Key words: translation, stylistic transformation, translation transformation, stylistically neutral vocabulary, common lexis, common vocabulary, vocabulary with limited sphere of usage.

Достижение семантической эквивалентности при переводе текста в ряде случаев подразумевает необходимость использования различных переводческих преобразований (трансформаций, или замены). Лингвисты, исследующие проблемы перевода, дают различные определения переводческим трансформациям. Так, А. Д. Швейцер писал: «Переводческие трансформации – это межъязыковые операции перевыражения смысла» [8, с. 118].

Р. К. Миньяр-Белоручев считает, что «трансформация – основа большинства приемов перевода. Заключается в изменении формальных (лексические или грамматические трансформации) или семантических (семантические трансформации) компонентов исходного текста при сохранении информации, предназначенной для передачи» [4, с. 201].

В. Н. Комиссаров отмечает, что переводческие трансформации – это преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода в указанном смысле, и поскольку такие трансформации осуществляются с языковыми единицами, имеющими и план выражения, и план содержания, то они носят формально-семантический характер, так как преобразуют и форму, и значение исходных единиц [2].

Л. Т. Латышев, принимая во внимание два критерия адекватного перевода – равноценность регулятивного воздействия исходного и переводного текстов и их семантико-структурное подобие, – объясняет переводческие трансформации как «отступление от структурного и семантического параллелизма между исходным и переводным текстом в пользу их равноценности в плане воздействия» [3, с. 27].

Характер трансформаций в каждом конкретном случае позволяет раскрыть нужные условия, которые и дают возможность осуществить отход от буквализмов.

Важно заметить, что представление процесса перевода как преобразования одной формы выражения в другую имеет условный смысл, так как единицы оригинала остаются в неизменном виде. Переводчик лишь находит им в языке перевода коммуникативно равноценные единицы, позволяющие адекватно передать содержание оригинального текста; т.е.

происходит перевыражение смысла путем определенных отношений, которые могут описываться условно.

Условный характер переводческих трансформаций выражается также в том, что они представляют собой не реальные действия переводчика, а констатацию процесса перевода, поскольку этот процесс никак не наблюдается, он происходит в процессе мышления переводчика. По этой причине переводческие трансформации приходится описывать, сопоставляя исходные и конечные отрезки текста.

Актуальность данной работы заключается в том, что впервые предпринята попытка изучить и описать стилистические трансформации при переводе на украинский язык романа В. Набокова «Лолита».

Стилистические трансформации представляют собой «преобразования стиля текста при передаче стилистического значения с целью воссоздать в переводе тот же эффект, т. е. вызвать у читателя аналогичную реакцию, хотя часто переводчику приходится достигать этого, прибегая к совершенно иным языковым средствам, используя приемы замены и компенсации [7].

При анализе перевода романа В. Набокова «Лолита» с русского языка на украинский, выполненного Кириллом Васюковым, было найдено значительное количество стилистических трансформаций. Проанализируем некоторые из них:

1) стилистически нейтральные лексические единицы переведены лексемами с оттенком пренебрежительности:

«Его отец и оба деда торговали вином, бриллиантами и шелками (распределяйте сами» – Ср.: «Його батько та обидва діди гендювали вином, діамантами й шовками (розподіляйтесамі)».

Русский глагол *торговать* стилистически нейтральный, в то время как украинский вариант *гендювати* представляет собой стилистически маркированную единицу с оттенком пренебрежительности, которая по значению ближе к русскому *барыжничать, спекулировать*.

«Девочка ничего не почувала» – Ср.: «Дівчисько нічого не вчуяло».

В качестве эквивалента к русскому стилистически нейтральному слову *девочка* переводчик подобрал вариант *дівчисько*, также имеющий оттенок пренебрежительности.

2) общеупотребительные лексические единицы переведены лексемами ограниченной сферы употребления, а именно – диалектизмами:

«Под каким-то крайне прозрачным предлогом (другого шанса не предвиделось, и уже ничто не имело значения) мы удалились из кафе на пляж, где нашли наконец уединенное место, и там, в лиловой тени розовых скал, образовавших нечто вроде пещеры, мы наскоро обменялись жадными ласками, единственным свидетелем коих были оброненные кем-то темные очки» – Ср.: «З якогось украй прозорого приводу (іншого шансу не передбачалось, та вже ніщо не мало значення) ми віддалились від кав'ярні на пляж, де знайшли нарешті відлюдне місце, і там, у бузковій

тіні рожевих скель, які створили щось на кшталт яскині, ми побіжно обмінялися спраглими ласками, єдиним свідком яких були кимсь загублені окуляри».

Лексема *пещера* в русском языке является общеупотребительной, стилистически нейтральной. Украинское слово *яскиня* относится к стилистически ограниченной лексике и маркировано в словаре как диалектное. На наш взгляд, такой выбор эквивалента усложняет понимание текста читателем. Кроме того, в «Зведеному словнику застарілих та маловживаних слів» лексема *яскиня* имеет значения ‘пещера; могила; нора, берлога, яма, прірва’, что может вызывать у читателя нежелательные негативные ассоциации [1].

«Мы не насилуем, как это делают brave солдаты» – Ср.: «Ми не твалтуємо, як то роблять браві жовніри».

Для перевода стилистически нейтральной лексемы *солдаты* переводчик выбрал стилистически ограниченное диалектное слово *жовніри* со значением ‘солдат’, хотя в украинском языке имеется аналог этого слова.

3) общеупотребительная лексическая единица переведена словом разговорной сферы употребления:

«Последнее время я замечал, что моя толстая Валерия как-то изменилась – выказывает странное беспокойство, иногда даже нечто вроде раздражения, а это шло вразрез с установленным характером персонажа, которого ей полагалось у меня играть» – Ср.: «В останній час я помічав, як моя дебела Валерія якимось змінилась – виказує дивне занепокоєння, іноді щось на кшталт обурення, а це не пасувало до встановленого характеру персонажа, який вона повинна була для мене грати».

Лексема *толстый* в русском языке характеризуется как стилистически нейтральная, в то время как украинский вариант *дебелый* имеет помету ‘разговорное’ со значением ‘крепкого строения тела; полный, здоровый’.

«А именно наш сосед, доктор Куильти, родственник известного драматурга» – Ср.: «Він власне наш сусід, доктор Куїльті, кривний відомого драматурга».

Русская лексема *родственник* стилистически нейтральна, в то время как украинский вариант (субстантивированное прилагательное) *кривний* стилистически маркирован как разговорный, имеет значение ‘то же, что кровный; родной’.

4) лексическая единица разговорной сферы употребления переведена общеупотребительной лексемой:

«Одна из моих работ, озаглавленная "Прустовская тема в письме Китса к Бенджамину Бейли", вызвала одобрительные ухмылки у шести-семи ученых, прочитавших ее» – Ср.: «Один з моїх творів, озаглавлений

"Прустівська тема в листі Кітса до Бенджаміна Бейлі," викликав схвальні **посмішки** в шістьох-семи учених, які прочитали його».

Русское слово *ухмылка* содержит в себе значение 'то же, что усмешка', стилистически маркировано как разговорное, в то время как украинский вариант *посмішка* является стилистически нейтральным.

5) лексическая единица разговорной сферы употребления переведена лексемой с оттенком фамильярности, наблюдается снижение регистра речи:

«Она казалась какой-то пушистой и резвой, одевалась *lagatine*, щедро показывала гладкие ноги, умела подчеркнуть белизну подъема ступни черным бархатом туфельки, и **надувала губки**, и переливалась ямочками, и кружилась в тирольской юбке, и встряхивала короткими белокурыми волосами самым что ни на есть **трафаретным** образом» – Ср.: «Вона здавалась якоюсь пухнастою й грайливою, вбиралась *lagatine*, щедро показувала гладкі ноги, вміла підкреслити біліну під'єму ступні чорним оксамитом черевичка, і **приндилась**, і вигравала ямками, й затрушувала коротким білявим волоссям в найтрафаретніший в світі спосіб».

Русское выражение *надувать губки* (*надувать губы*) ограничено разговорным стилем употребления и имеет иронический оттенок, а украинский вариант *приндиритися* стилистически маркирован как фамильярный.

Таким образом, анализ материала показал, что переводчик использовал к различные типы стилистических трансформаций. В частности, в ходе исследования переводного текста зафиксирован выбор лексических единиц иной сферы употребления, а также изменение стилистической окраски слова в языке перевода. Однако, по нашему мнению, не все переводческие преобразования можно считать оправданными.

Список использованных источников

1. Зведений словник застарілих та маловживаних слів [Електронний ресурс]. URL: <http://litopys.org.ua/rizne/zvslovnyk.htm#Ya> (дата обращения 27.12.2020).

2. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.

3. Латышев Л. К. Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы ее достижения. М.: Международные отношения, 1981.

4. Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода. М.: Московский лицей, 1996. 298 с.

5. Набоков В. Лолита. М.: АСТ, 2004.

6. Набоков В. Лоліта. Пер. з рос. Кирило Васюков. [Електронний ресурс]. URL: <https://www.ukrlib.com.ua/world/printit.php?tid=3713> / Література / Кирило Васюков / (дата обращения 27.12.2020).

7. Толковый переводоведческий словарь [Электронный ресурс] / Л. Л. Нелюбин. 8-е изд., стереотип. М.: Флинта: Наука, 2016. 320 с.

8. Швейцер Л. Д. Теория перевода: статус. Проблемы, аспекты. М., 1998.

УДК 811.12

ПРОЕКТИВНО-КОНСТРУКТИВНЫЙ МЕТОД В ПРАКТИКЕ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ

В. Н. Базылев,

доктор филологических наук, профессор, профессор Школы иностранных языков, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва

Аннотация. Статья презентует опыт предпереводческого анализа текста в аудитории студентов-миллениалов, основанный на проективно-конструктивной методике. Данная методика предполагает освоение обучающимися знаний о внутренней структуре как функциональной организации текста оригинала и навыков построения соответствующей текстовой структуры в языке перевода. В основе методики лежит моделирование речевого жанра в рамках процесса коммуникативно-речевой деятельности по созданию словесного произведения.

Ключевые слова: переводоведение, предпереводческий анализ текста, публицистический текст, перевод, трансформация.

Summary. The article presents the experience of pre-translation analysis of the text in the audience of millennial students, based on the projective-constructive method. This technique involves the development of students' knowledge about the internal structure as a functional organization of the original text and the skills of building the corresponding text structure. The methodology is based on the modeling of the speech genre within the process of communicative and speech activity to create a new text.

Key words: translation studies, pre-translation analysis of the text, journalistic text, translation, transformation.

Современному поколению студентов университетских отделений лингвистики, реализующих переводческий профиль, на семинарах и практических занятиях предлагаются для изучения и анализа оригинальные тексты разных жанров из произведений художественной литературы и публицистики.

При этом следует задаться вопросом: учитывает ли преподаватель современные когнитивные особенности своей целевой аудитории? Насколько успешно реализуется на занятии личностно ориентированный подход, который требует адаптации учебных материалов и технологий обучения не только к возрастному своеобразию обучающихся, но также предусматривает создание условий для раскрытия их личностных особенностей. Безусловно, продуктивность такого учебного процесса зависит от его содержания, формы и характера общения со студентами.

Следовательно, успех во многом определяется тем, насколько хорошо преподаватель знает личностные особенности учащегося, знаком с его интересами, чертами характера, учитывает приобретенные умения, навыки, знания, то есть все то, что было накоплено этой языковой личностью в процессе социализации (подробнее см. 1, с. 780).

Целью подготовки будущих переводчиков является при этом научить студента определять жанрово-стилистическую принадлежность текста и давать установленному речевому жанру подробную функционально-текстовую и языковую характеристику.

Данный вид работы рассматривается как часть предпереводческого анализа текста. Дело в том, что профессиональный переводчик должен владеть знаниями о внутренней структуре как функциональной организации текста оригинала и навыками построения соответствующей текстовой структуры в языке перевода.

Для изучения и анализа системы изложения содержания мы предлагаем к апробации т.н. проективно-конструктивный метод, в основе которого лежит моделирование речевого жанра в рамках процесса коммуникативно-речевой деятельности по созданию словесного произведения. Для этого выстраиваются логико-речевая и в соответствии с ней — лингвистическая модель жанра.

При выстраивании логико-речевой модели речевого жанра особое внимание в предлагаемой методике уделяется описанию так называемого конструкта, который представляет собой динамическую систему, опирающуюся на композиционно-речевую форму, архитектонику-речевую форму и тональность.

Предлагаемая методика нашла свое пока не завершенное изложение в ряде авторских учебных пособий и использовалась на занятиях по переводу в пору работы автора в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина, в Московском гуманитарном университете, в Московском государственном лингвистическом университете и в последний год в Школе иностранных языков НИУ Высшая школа экономики [2-4].

В предлагаемом нами материале мы остановимся на одном типе полемических текстов - статьях жанровой разновидности «оценивающая полемика». Тип рассуждения в данных статьях можно определить как «оценивающее полемическое рассуждение» вследствие того, что полемисты в своих суждениях отводят значительное место оценке высказанной точки зрения оппонента и реализуют свои высказывания с помощью языковых средств, носящих яркий эмоционально-оценочный характер.

Данные статьи публикуются под рубрикой «Streitgespräch»; они представляют собой классическую полемику, участники которой ведут спор при непосредственном общении друг с другом в редакции в присутствии журналистов, направляющих своими вопросами обсуждение.

Рассуждение в полемических статьях строится традиционно, в зависимости от последовательности конкретных суждений и обобщений, как дедуктивное (от общих утверждений к частным выводам) или индуктивное (умозаключение от фактов к некоторой гипотезе).

В текстах жанровой разновидности «оценивающая полемика» в абсолютном большинстве случаев применяется смешанный тип рассуждения. Его особенностью является то, что вывод по предшествующим суждениям содержит одновременно посыл - новый тезис, который подтверждается и развивается или опровергается оппонентом: Westerwelle: Die Rente meiner Generation ist ohne Reformen nicht sicher (1). Das hat mit der Produktivität zu tun, aber auch mit der demographischen Entwicklung. Die Menschen gehen früher in die Rente und werden immer älter. Also bekommen sie länger Rente. Wir dürfen bei unseren ersten Änderungen nicht stehen bleiben. Deutschland hat die ältesten Studenten und die jüngsten Ruheständler (2). Das kann so nicht bleiben (3).

Blüm: Da muß ich Ihnen recht geben. Wir leisten uns eine zynische Altersverschrottung. Wir müssen aufpassen, nicht einem neuen Jugendtick zu verfallen, als seien die Alten nicht mehr brauchbar...(4)

(1) - тезис, (2) - раскрытие, (3) - вывод-тезис, (4) - обоснование нового тезиса оппонентом.

Несмотря на то, что мы определили общий принцип, по которому строится рассуждение в полемических текстах исследуемой жанровой разновидности, процесс рассуждения на логическом уровне не является гомогенным.

В ходе полемики происходит последовательное развитие обсуждаемой темы, один из полемистов выдвигает тезис, аргументирует его, выслушивает позитивную или негативную оценку своего суждения, приводимую его оппонентом и мнение оппонента по данному вопросу, и опять активно вступает в полемику, высказывая следующее суждение.

Данное развитие темы осуществляется с помощью различных по объему логических блоков, состоящих, как правило, из двух следующих друг за другом суждений - своего рода «логических звеньев», например: «полное несогласие» — 2-ой полемист высказывает резкое не-согласие с точкой зрения своего оппонента; «частичное согласие» - 2-ой полемист соглашается с приведенным оппонентом суждением, но корректирует его, оформляет его заново и представляет его в новом свете; «критическая оценка» — 2-ой полемист оценивает высказывание оппонента и продолжает развивать начатую мысль со своей позиции; «вопрос, вытекающий из оценки» - 2-ой полемист высказывает свою оценку мнения оппонента и задает ему вопрос.

Данные «логические элементы» позволяют создать более четкую картину, отражающую специфику полемического рассуждения в текстах описываемой жанровой разновидности и перейти к более детальной характеристике рассуждения.

Таким образом обучающемуся преподносится основа композиционно-речевой формы «рассуждение», в основе которой лежит сложная по своей природе каузальная связь, отражающая взаимозависимое и взаимообусловленное существование предметов и явлений объективной реальности. Каузальность понимается в широком смысле как логическая связь, как внутреннее логическое содержание композиционно-речевой формы «рассуждение».

Следовательно, сохранению данных особенностей при переводе необходимо придавать особое значение. Естественный характер оригинала может быть передан в языке перевода только при условии подбора соответствующих средств стилистического синтаксиса. Высокий уровень оценочности полемических текстов отражается, конечно же, не только в синтаксических средствах языка, но во многом в особенностях лексического оформления – экспрессивных словах, фразеологии и средствах образности. Поэтому в процессе предпереводческого анализа и моделирования речевого жанра «публицистическая полемика» и его разновидности «оценивающая аргументирующая полемика» особое внимание было уделено основной составляющей его конструкта – полемическому рассуждению.

Логической базой полемического рассуждения является некое логическое единство, состоящее из утверждения и опровержения. Утверждение и опровержение представляют собой два полюса полемики, объединенные сетью аргументации. Данные составляющие являются основой для выделения специфических логических звеньев – полного несогласия, частичного согласия, критической оценки и вопроса, вытекающего из оценки, с помощью которых формируется полемическое рассуждение в текстах данной жанровой разновидности.

Естественный характер общения участников полемики обуславливает, как мы указали на это выше, синтаксис текстов: для сохранения данного характера текста оригинала при обучении необходимо подбирать аналоги средств стилистического синтаксиса в тексте перевода. Другим важным фактором сохранения высокого уровня оценочности текстов исследуемой жанровой разновидности при переводе является подбор эквивалентов и аналогов эмоционально окрашенных лексических средств оригинала.

Список использованных источников

1. Базылев В. Н. Обучение иностранному языку «цифрового» поколения студентов // *New world, new language, new thinking: Материалы III ежегодной международной научной-практической конференции*. М.: Дипакадемия МИД РФ, 2020. С. 780-788.
2. Базылев В. Н. Дидактика перевода. Хрестоматия и учебные задания. М.: ГосИРЯ им. А. С. Пушкина, 2012. 180 с.
3. Базылев В. Н. Креативный курс перевода. Предтекстовый этап. М.: МосГУ, 2014. 200 с.

4. Базылев В. Н. Дидактика перевода с позиций компетентностного подхода // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы III международной научно-практической конференции. Симферополь: Изд-во Ариал, 2019. С. 24-29.

УДК 81'25: 004.738.52

ОСОБЕННОСТИ ЛОКАЛИЗАЦИИ ВЕБ-САЙТА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е. А. Бармина,

*кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет,
Севастополь*

Аннотация. В статье представлены результаты сравнения веб-сайтов интернет-магазинов на русском и английском языках. Выявлены особенности локализации веб-сайтов. Полученные результаты можно применять при проведении культурно-сопоставительных исследований особенностей восприятия информации представителями разных культур, а также для адаптации продукта в соответствии с лингвокультурными и прагматическими характеристиками адресата.

Ключевые слова: локализация, адаптация, глобализация, целевая аудитория.

Summary. The article presents the results of comparing online stores websites in Russian and English. The author reveals features of website localization on the material of the English and Russian languages. The results can be applied in the cultural and comparative studies dedicated to the perception of information by representatives of different cultures, as well as for adapting the product in accordance with the linguistic, cultural and pragmatic characteristics of the recipient.

Key words: localization, adaptation, globalization, target audience.

В XXI в. цифровые технологии и глобализационные процессы по-новому определяют место перевода в межъязыковой и межкультурной коммуникации. С развитием информационных технологий перевод предстает в новых формах: аудиовизуальное сопровождение, интерфейс программного обеспечения мобильных приложений и т. д. Интернет-страницы и программное обеспечение должны быть адаптированы в языковом и культурном плане к рынкам сбыта. Если компания хочет представить свои продукты и услуги целевой группе в Интернете, ее маркетинговая стратегия должна позволить пользователям как можно меньше испытывать затруднения в понимании содержания своего веб-сайта. Эту задачу призвана решить локализация, которая «представляет собой процесс перевода текста, в ходе которого осуществляется его адаптация в соответствии с лингвокультурными и прагматическими

характеристиками адресата» [2, с. 162]. Исследования интернет-рынка последних лет подтверждают, что локализация является важным этапом подготовки сайта для иноязычной аудитории.

Локализация как относительно молодое направление в теории и практике перевода представляет большой интерес для изучения в связи с тем, что сейчас многие компании стремятся выйти на международный рынок. А качественная локализация веб-сайта является важной составляющей успеха компании и имеет принципиальное значение для ее имиджа на международном рынке. Процесс локализации является неотъемлемой частью реализации программных продуктов на мировом рынке и стратегическим средством привлечения целевой аудитории.

Локализация предполагает всестороннее изучение целевой культуры, которое необходимо для правильной адаптации продукта к потребностям отдельных рынков. Объектами локализации является все, что используется аудиторией другой страны: программное обеспечение; веб-сайты (Интернет-магазины, международные порталы и т.д.); компьютерные игры; мультимедиа (например, видеоролики) и прочее [1, с. 42].

Цель статьи – рассмотреть особенности локализации веб-сайтов интернет-магазинов на примере английского и русского языков.

В качестве материала для анализа структуры оригинального сайта мы обратились к официальным веб-сайтам ряда ведущих зарубежных компаний. В рамках данной работы проводится анализ двух версий сайтов: английской и русской.

Прежде всего была рассмотрена структура веб-сайтов для последующего анализа локализации. Был проведен анализ нескольких разделов для выявления схожих и отличительных черт. В верхней части находится главное меню сайтов. Практически на всех торговых площадках представлены разделы «*Women / Men*», которые в русской версии сайта переведены как «*Женское / Мужское*», «*Женщинам / Мужчинам*», «*Для женщин / Для мужчин*». Исключение составляет веб-сайт компании «*Reserved*», где данные разделы переведены как «*Она / Он*». Отсюда вытекает одна из основных проблем, с которой сталкиваются переводчики при выполнении локализации Интернет-ресурса. Данная проблема носит больше технический характер, нежели языковой: частое несовпадение длины текстов на языке оригинала и перевода. Например, при переводе с английского языка на русский объем текста в среднем увеличивается в 1,5 раза. Так как при переводе сайта меняется средняя длина слова, баланс расположения текста на странице может нарушиться. Переводчик обязан руководствоваться принципами экономичности и компактности, в противном случае удлинение строки текста будет нечитаемым для пользователя.

Приведём пример с веб-сайта компании H&M. Из соображений компактности, локализатор заменил раздел «*Sustainability*» на раздел «*Распродажа*», так как фраза «*Экологическая и социальная*

ответственность» в главном меню выглядела бы слишком громоздко. Поэтому данная рубрика была перенесена в нижнее меню страницы. Кроме того, раздел «Распродажа» с большей вероятностью может привлечь русского покупателя. В целом, проведённый анализ показывает, что расположение элементов, как верхней, так и нижней частей интерфейса в русской версии идентично англоязычной, отличие заключается только в лингвистических средствах, использованных для перевода на русский язык. Однако на некоторых из изученных веб-сайтов одни и те же элементы имеют разное расположение. Данный факт позволяет предположить, что локализация сайта была проведена с учетом потребности российской аудитории.

Особое место в адаптации контента англоязычных веб-сайтов занимают различные конвертируемые величины (единицы измерения, валюты, формат написания адресов, даты и времени). В качестве примера была рассмотрена адаптация данных компонентов на сайте компании «Bershka». На сайте представлены контакты для связи с отделом поддержки: *«If you prefer, call us at 0 808 234 02 09 Monday to Friday from 08:00 to 17:00 Saturday from 09:00 to 15:00»*. В русскоязычной версии данная информация представлена как *«В случае необходимости позвоните нам по телефону 8 800 555 1205 Понедельник - Пятница с 9:00 до 21:00 по Московскому времени Суббота - Воскресенье с 9:00 до 19:00 по Московскому времени»*.

Важное значение для локализации веб-сайтов интернет магазинов имеют вопросы, связанные с адаптацией условий оплаты и доставки, что вызывает необходимость конвертизации соответствующих единиц. Также следует учитывать, что изменению подвергаются и разделы, касающиеся, например, способов оплаты. Так, на англоязычных версиях чаще всего указаны такие способы, как VISA, MasterCard, AMEX, PayPal, GiftCard, Discount, Pay on delivery, а на русскоязычных – VISA, MasterCard, МИР.

Одна из основных проблем, с которой сталкивается переводчик – выбор варианта обращения к пользователю. Проблема выбора варианта обращения связана с языковыми различиями. В английском языке «you» универсально и может обозначать как «ты», так и «Вы». При локализации сайтов крупных международных корпораций соответствие «ты» практически никогда не используется. Исключение составляют бренды, ориентированные на молодёжь. В нашем случае мы можем наблюдать именно такой случай. Компания «Pull & Bear» в основном выпускает товары для молодёжи, поэтому обращение на «ты» уместно.

Подобная тенденция наблюдается также на странице компании «Asos». Создатели сайта пишут небольшие статьи о том, какие образы можно создавать, сочетая предметы одежды из их коллекции, и для какого случая подходит та или иная вещь. Например, *«If you're a fan of the phrase go hard or go home, this neon lace bodysuit is for you»*. В переводе эта фраза выглядит так: *«Если тебе по душе принцип «все или ничего», то это*

неоновое кружевное боди с глубоким вырезом – для тебя». Ещё одним примером такого обращения является один из лозунгов компании «Asos» «*Made by us, loved by you*», который был переведен как «*Делаем мы, нравится тебе*».

Также стоит отметить такую важную деталь, как использование приемов характерных для фамильярно-разговорного стиля для создания дружелюбного тона повествования. Например, на сайте торговой площадки «Divided»: «*Divided: Good times*» / «*Divided: всё супер!*» Слово «супер» характерно в основном для молодёжного сленга. Также переводчик решил добавить экспрессии, преобразовав повествовательное предложение в восклицательное. Локализатор веб-сайта компании «Pull & Bear» также прибегнул к данному приёму, переведя фразу «*Discover the essentials for this season's outfits*» как «*Открой для себя самые хитовые вещи сезона*». Слово «хитовые» также в основном употребляется молодёжью, что свидетельствует о том, что компания считает данную возрастную группу своим основным реципиентом.

Таким образом, локализация – многогранный и трудоёмкий процесс, который представляет собой культурную и языковую адаптацию веб-сайта к условиям его использования на конкретной территории. Локализация не ограничивается переводом отдельных текстовых составляющих. Она включает в себя ряд задач: перевод текстовых файлов; адаптацию информации с учетом специфики рынка и национального менталитета; адаптацию графического интерфейса и пр. На протяжении всех этапов локализации необходимо учитывать особенности восприятия контента и графики требуемой иностранной аудиторией, стратегии маркетинга и другие важные параметры. Локализация является формой межкультурной коммуникации, успешность которой возможна при условии учета социокультурных компонентов языка пользователей.

Кроме того, тема адаптации веб-контента к русскоязычной целевой аудитории имеет огромные перспективы для дальнейшего исследования, поскольку развитие технологий изменило способы ведения бизнеса и перевода. В связи с этим одна из основных маркетинговых стратегий – предлагать продукты и услуги в Интернете и делать их доступными для пользователей, переводя веб-контент.

Список использованных источников

1. Батюкова Н. А. Многоязычная локализация в современном виртуальном пространстве // Образовательные технологии в виртуальном лингво-коммуникативном пространстве: материалы IV Международной виртуальной конференции по русистике, литературе и культуре. Ереван: Лимуш, 2011. С. 42–45.

2. Волкова И. Д. Глобализация и локализация как векторы развития туристического интернет-дискурса (на материале русского, английского и французского языков): дис. ... канд. фил. наук. Волгоград, 2017. 210 с.

УДК 372.811.161.1

**КОММЕНТИРОВАНИЕ ЛЕКСИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ КАК ИНОСТРАННОМУ
(ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)***А. В. Брыгина,**кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва*

Аннотация. В текстах художественной литературы XIX века, которые становятся объектом изучения в иностранной аудитории, встречаются слова, значения которых в современном русском языке отличается от тех значений, в каких они были употреблены классиками русской словесности. Данные слова становятся предметом сопоставительного исторического анализа, учебного комментария и дискуссии о современном эквиваленте выбранных слов, поскольку главная цель учащихся — овладеть речевыми навыками современного русского языка. Аналог процесса деархаизации лексики в адаптированном учебном варианте — процесс перевода, где семантическое тождество становится критерием для предлагаемых лексических замен в адаптации.

Ключевые слова: русский как иностранный, вторичный текст, трансформация текста, адаптированный художественный текст, методика преподавания иностранных языков, учебный комментарий, диахрония и синхрония.

Summary. The Russian literary texts of the 19th century, which become the object of study for foreign students, contain words whose meanings in the modern Russian language differ from those in which they were used by the Russian classics. These words become the subject of comparative historical analysis, educational commentary and discussion about the modern equivalent of the selected words, since the main goal of the students is to master the speech skills of the modern Russian language. Analogous to the process of dearchaization in the version adapted for the students is the translation process, where semantic identity becomes a criterion for the proposed lexical substitutions in the adapted variant.

Key words: Russian as a foreign language, secondary text, text transformation, adapted literary text, foreign language teaching methodology, educational commentary, diachrony and synchronicity.

Вопрос о комментировании художественного текста литературного произведения в обучении русскому как иностранному возникает с целью оптимизации восприятия содержательно-смыслового и содержательно-языкового аспекта текста, с целью создания комфортной среды обучения и успешной коммуникации на изучаемом языке. Необходимость комментирования текста может быть обусловлена тем, что значения слов в

процессе эволюции языка изменились, в этом смысле это река, в которую нельзя войти дважды. Словари, фиксирующие значения лексем, есть лишь синхронные срезы этой «реки», а сам язык покидает свой словарь в тот момент, когда его очередной фолиант выходит из печати [1].

О необходимости включения в образовательный процесс оригинальных художественных текстов говорят многие учёные, методисты. Так, например, в монографии Н. Д. Гальсковой и Н. И. Гез находим следующее утверждение: «В связи с направленностью учебного процесса по иностранным языкам на ситуации межкультурного взаимодействия особую значимость приобретает такая характеристика текста, как аутентичность» [2, с. 128]. Однако практический опыт обучения показывает, что аутентичный художественный текст русской классической литературы XIX века не всегда релевантен в иностранной аудитории *начального* и *среднего* этапа обучения. Решение данной проблемы видится нами в комментировании лексических единиц изучаемого текста, а также в репрезентации вторичного, вспомогательного учебного адаптированного варианта текста, который будет служить своеобразным мостиком, соединяющим время, пространство, культуры, языки, прошлое и настоящее.

Согласно ГОСТ 7.0.3-2006 комментарий – это «составная часть аппарата издания, представляющая собой свод сведений, которые разъясняют и толкуют факты, слова, фрагменты текста или всего произведения» [4]. В текстах художественной литературы (Пушкин, Тургенев, Чехов, Толстой), которые становятся объектом изучения в иностранных группах РКИ, встречаются слова, значения которых в современном русском языке отличается от тех значений, в каких они были употреблены классиками русской словесности. Данные слова становятся предметом сопоставительного исторического анализа, учебного комментария и дискуссии о современном эквиваленте выбранных слов, поскольку главная цель учащихся — овладеть речевыми навыками *современного* русского языка. Аналог процесса деархаизации лексики в адаптированном учебном варианте — процесс перевода, где семантическое тождество становится критерием для предлагаемых лексических замен в адаптации.

Коммуникативная ясность изучаемого текста на иностранном языке — это то, к чему следует стремиться любопытному читателю, и это то, что может быть реализовано при таких условиях работы с аутентичным текстом, как лингводидактическое комментирование и/или адаптация. В.И. Карасик определяет коммуникативную ясность художественного текста как «совпадение интенции автора и интерпретации адресата, если текст оказывает на читателя или слушателя эмоциональное воздействие, если повторное восприятие этого же текста доставляет большее удовольствие, чем первое чтение, то интенция автора реализовалась успешно» [3]. Однако коммуникативная ясность художественного текста

наряду с текстами нехудожественными (научными, публицистическими) определяется также точностью формы выражения определённого смысла. Для студентов-иностранцев начального и среднего этапа обучения такой «точной формой» становится современный эквивалент той лексической единицы, которую он изучает опосредованно, знакомясь сначала с учебной адаптацией, и только потом (продвинутый уровень владения языком) с исходным вариантом в аутентичном тексте. Читая текст учебной адаптации, и далее, текст оригинала, знакомясь с разнообразными трансформациями (киноадаптации, театральные постановки литературного произведения), каждый раз читатель/слушатель заново открывает для себя новые смыслы художественного слова, переживает новые эмоции, постепенно погружаясь в культуру изучаемого языка, в большую литературу.

Наряду с историзмами, встречающимися в классической литературе (*карета, сани, кучер, верста*) и требующими объяснительного или иллюстративного комментария для современного читателя, находятся слова, значение которых современные толковые словари фиксируют как архаичные, наряду с другими значениями того же слова, актуальными для современного дискурса. Так, например, употребление слова *любовник* в архаичном значении *возлюбленный* в повести Пушкина «Метель» может быть истолковано традиционно: *любовник* — это мужчина, который находится в половой связи с женщиной, но не состоит с ней в браке. Очевидно, что такая интерпретация искажает представление современного читателя-иностранца о содержательно-смысловой основе истории Пушкина.

Если попытка заменить слово *сарафан* главной героини Лизы-Акулины из повести «Барышня-крестьянка» на *костюм* в адаптированной учебной версии (пособие И. П. Абдалян, С. И. Юшмановой «Учимся читать русскую классику». М., 2001) является неудачным методическим приёмом, то словам, значения которых трансформировались с течением времени, необходимо давать комментарий и обязательно предьявлять современный эквивалент /эквиваленты данной лексической единицы в контексте. Далее предлагаем сравнить два текста: слева – фрагмент текста повести А. С. Пушкина «Метель», справа – рекомендуемый адаптированный учебный вариант.

<i>Исходный текст</i>	<i>Адаптированный текст</i>
Поручив барышню попечению судьбы и искусству Терешки кучера, обратимся к молодому нашему любовнику .	Доверив барышню судьбе и искусству Терешки кучера, обратимся к молодому нашему жениху/влюблённому .

Следующий пример иллюстрирует изменение в лексической сочетаемости слов из рассказа Л. Н. Толстого «Воробей и ласточка». Справа в таблице ниже предложен вариант учебной адаптации, который

более предпочтителен для студентов-иностранцев начального и среднего этапа обучения, поскольку на данном этапе овладения языком закладываются базовые речевые навыки и умения:

<i>Исходный текст</i>	<i>Адаптированный текст</i>
Вдруг прилетел табунок ласточек: все ласточки подлетали к гнезду — как будто для того, чтоб посмотреть на воробья, и опять улетали.	Вдруг прилетела стайка ласточек: все ласточки подлетали к гнезду — как будто для того, чтобы посмотреть на воробья, и опять улетали.

После прочтения адаптированного текста и работы по закреплению и активизации лексики, можно предлагать студентам прочитать данный фрагмент оригинального рассказа, сформулировав следующий вопрос: Скажите, как в рассказе писатель называет стайку ласточек? И далее необходимо обратить внимание учащихся на то, что в современном русском языке мы говорим: табун лошадей, но стая птиц.

Ещё один интересный пример находим в рассказе Л. Н. Толстого «Девочка и грибы». Синонимию слов *машина* и *поезд* в литературном тексте девятнадцатого века также можно обсуждать в аудитории, предлагая студентам самим догадаться о значении слова *машина* в исходном тексте и сформулировать толкование, дать современный эквивалент слову. Задача посильная даже для студента начального этапа обучения. Ниже приводим фрагмент оригинального текста и адаптированного варианта:

<i>Исходный текст</i>	<i>Адаптированный текст</i>
Две девочки шли домой с грибами. Им надо было переходить через железную дорогу. Они думали, что машина далеко, влезли на насыпь и пошли через рельсы.	Две девочки шли домой и несли грибы из леса. Они должны были переходить через железную дорогу. Они думали, что поезд ещё далеко и пошли через рельсы.

Стилистически маркированные слова (*увидал, услышал, меньшая сестра*) следует дозированно предлагать студентам: простота узнавания значения лексических единиц оборачивается обратной стороной медали — стилистическая интерференция *увидал/увидел, услышал/услышал, меньшая/младшая* вследствие незакреплённых речевых навыков становится речевой ошибкой. Недифференцированность данных слов в языковом сознании учащихся определяется их уровнем языковой компетенции, поэтому на начальном этапе обучения лучше предлагать нейтральный, общеупотребительный вариант (*увидел, услышал*):

<i>Исходный текст</i>	<i>Адаптированный текст</i>

Старшая девочка побежала назад, а меньшая ... Когда поезд прошёл, все увидали , что девочка лежит между рельсами головой вниз и не шевелится...	Старшая девочка побежала назад, а младшая ... Когда поезд прошёл, то все увидели , что девочка лежит между рельсами лицом вниз и не двигается...
--	---

В заключение хотелось бы отметить, что сопоставление синхронного состояния языка с диахроническими языковыми процессами может не только обогатить языковую картину мира учащихся, но и разнообразить методику работы с художественным текстом на уроках русского как иностранного.

Список использованных источников

1. Баршт К. А. О направлениях и пределах комментирования художественного текста [Электронный ресурс] // Вопросы литературы. 2009. № 5. С. 280-303. URL: <https://voplit.ru/article/o-napravleniyah-i-predelah-kommentirovaniya-hudozhestvennogo-teksta/> (дата обращения 9.01.2021).

2. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика: Учеб. пособие для студ. лингв, ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр Академия, 2004. 336 с.

3. Карасик В. И. О категориях дискурса. [Электронный ресурс]. URL: <http://homepages.tversu.ru/~ips/JubKaras.html> (дата обращения 9.01.2021).

4. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200045958> (дата обращения 9.01.2021).

УДК 811.134.2

ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА ЯЗЫКА НА ТОЧНОСТЬ ПЕРЕВОДА: МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Т. С. Вершинина,

*кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры
клинической психологии и педагогики, Уральский государственный
медицинский университет Минздрава РФ, Екатеринбург*

О. В. Егорова,

*старший преподаватель кафедры второго иностранного языка,
Институт международных связей, Екатеринбург*

Аннотация. В статье обсуждаются вопросы эквивалентности перевода и точности передачи информации при переводе в языковой паре «испанский язык – русский язык», дается краткий анализ различий национальных вариантов испанского языка на уровне лексических единиц в некоторых странах испано-язычного мира; на основе опыта переводческой практики в описываемых странах О.В. Егоровой

приводятся примеры перевода некоторых слов в зависимости от страны перевода и сферы употребления.

Ключевые слова: перевод, межкультурная коммуникация, точность передачи информации, национальный вариант языка, диалект, языковая пара.

Summary. The article discusses the issues of translation equivalence and accuracy of information transfer when translating in the language pair "Spanish - Russian", provides a brief analysis of the differences between the national variants of the Spanish language at the level of lexical units in some countries of the Spanish-speaking world; based on the experience of translation practice in the described countries. O.V. Egorova gives examples of translation of some words, depending on the country of translation and the sphere of use.

Key words: translation, intercultural communication, accuracy of information transfer, national language variant, dialect, language pair.

В сегодняшнем многополюсном мире процесс, в условиях противостояния разных политических систем, трансформации национальных ценностных систем, когда этнические, культурные традиции противопоставляются интересам отдельных политических элит, особенно остро встают вопросы адекватности выбора коммуникативных стратегий и тактик, выстраивания межкультурного общения на уровне, способствующем максимальному пониманию коммуникативных намерений партнеров и обеспечивающем максимально точную интерпретацию содержания высказывания. Международное общение, несмотря на преобладание английского языка, реализуется и с помощью других языков; все более важную роль в международной жизни начинают играть такие языки, как китайский и испанский.

Все больше укрепляет свои экономические и политические позиции регион Латинской Америки. Партнерство с латиноамериканскими странами является приоритетным направлением внешней политики ведущих государств мира, в частности Российской Федерации. Двусторонний формат сотрудничества зачастую переходит в многосторонний, что приводит к росту торгово-экономических связей нашей страны с испаноязычными странами. Например, Россия расширяет внешнеэкономические отношения с испаноязычными странами в области авиационной техники, в сфере телекоммуникаций. Россия сотрудничает с Аргентиной, Кубой, Эквадором, Боливией в области энергетики, строительства и инвестиций. С Кубой наша страна также сотрудничает по транспортным и инфраструктурным проектам, проектам по восстановлению объектов металлургии. Налаживается взаимодействие в фармакологической отрасли по производству вакцин с Никарагуа, Аргентиной. В Эквадоре открыт уникальный технологический и образовательный парк на базе Фонда «Сколково». [1, 2]. Такое растущее взаимодействие требует повышенного внимания к самому процессу

коммуникации и, в частности, к переводу в языковой паре «русский язык – испанский язык».

Важность точной и полной передачи информации, включая смысловой, стилистический, эмоциональный и другие аспекты взаимодействия, неоспорима в условиях выстраивания отношений и налаживания коммуникации с партнерами, контрагентами и даже конкурентами. Вопросы эффективной коммуникации стали особенно актуальными в рамках межнационального общения, в процессе осуществления перевода с различных языков, поскольку «язык дает возможность человеку материализовать свои мысли и свое отношение ко всему происходящему вокруг него. Таким образом, язык становится основным транслятором информации, средством общения между людьми, уникальным инструментом коммуникации» [3]. Именно уровень языковой компетенции переводчика, его грамотность и умение точно передать заданную информацию определяют успех коммуникации, а, следовательно, и успех развития отношений и сотрудничества.

Как уже отмечалось выше, российские предприятия работают и развивают экономическое сотрудничество с представителями разных стран испаноязычного мира. И, несмотря на наличие единой языковой структуры в основе испанского языка, диалекту каждой страны свойственны свои фонологические, лексические и даже грамматические особенности. Общая культура и общность языка не свидетельствуют об однородности культурно-языкового коллектива. Системе каждого языка свойственно наличие территориальных, социальных, профессиональных, возрастных и даже гендерных различий, что сказывается на особенностях употребления средств языка отдельными группами, имеющими соответствующие различия, которые могут указывать также и на уровень образования, личной культуры, систему ценностных ориентаций и способы мышления отдельных представителей той или иной общности.

Функционирование языка в разных странах, населенность территорий коренными народами, каждому из которых присущи своя культура, язык и обычаи, географические и климатические особенности территорий, приводит к возникновению определенных различий, что является причиной возникновения национального варианта языка. Даже в разных частях одной страны язык может приобретать отличительные черты от языка, нормированного в соответствии с требованиями, утвержденными Испанской Королевской академией (RAE). В некоторых странах территориальные различия в языке оказываются весьма существенными, и это сказывается на многих уровнях языка, в том числе фонетическом, грамматическом, лексическом, синтаксическом, стилистическом. В целях обеспечения наиболее точной передачи информации переводчику следует учитывать диалектные характеристики языка, поскольку от качества перевода зависит установление связей и налаживание долгосрочных отношений с представителями стран, где

территориальные отличия привнесли свои особенности в систему языка. Так, по мнению Я. И. Рецкера, «задача переводчика - передать средствами другого языка целостно и точно содержание подлинника, сохранив его стилистические и экспрессивные особенности. Под «целостностью» перевода надо понимать единство формы и содержания на новой языковой основе. Если критерием точности перевода является тождество информации, сообщаемой на разных языках, то целостным (полноценным или адекватным) можно признать лишь такой перевод, который передает эту информацию равноценными средствами. Иначе говоря, в отличие от пересказа, перевод должен передавать не только то, что выражено подлинником, но и так, как это выражено в нем» [4, с. 10].

Трудности, с которыми сталкивается переводчик при работе с испанским языком разных стран могут быть разделены на несколько категорий. К ним можно отнести лексические, фонетические и грамматические различия. Рассмотрим диалектные различия испанского языка на примере лексики. По данной проблеме существует довольно много работ, обратимся к статье Гюнтера Хенша (Günther Haensch) «Испанский язык в Америке и в Европе», в которой он описывает многогранность таких различий [5]. Он указывает на существование множества универсальных терминов, отражающих реальность любой из стран испаноязычного мира и которые будут поняты их представителями (к ним относятся, например, *automóvil*, *ducha*, *permiso de conducir*, *gasolinera*), но также и обращает внимание на так называемые экзотизмы испанского языка, слова, являющиеся частью культуры, реалий отдельной страны, о значении которых чаще всего и не догадываются жители Испании или другой страны испанского мира. Различия могут проявляться в лексике, в том числе в написании слов, использовании ударений, категории рода и числа, возвратности и переходности глаголов, использовании предлогов и даже различных суффиксов или окончаний однокоренных существительных с одним и тем же значением. [5, 6]. Кроме того, он обращает внимание на то, что одно и то же слово может иметь абсолютно разные значения в разных испаноговорящих странах либо похожие значения, но с разной коннотацией, оттенком или частотой использования. В качестве иллюстрации к сказанному Г. Хенш приводит пример, в котором описание одних и тех же стандартных процедур, которые человек совершает изо дня в день, в разных странах, говорящих на испанском языке, будет описываться по-разному не только с точки зрения используемых слов, но и с точки зрения и их лексической сочетаемости: "Колумбиец, проснувшись утром, моется (*se baña* - колумбийский вариант испанского языка, *se ducha* - кастильский вариант испанского языка), моет (*se baña*) руки, голову, чистит зубы, бреется, надевает белье (*pantaloncito* - колумбийский вариант испанского языка, *calzoncillo* - кастильский вариант испанского языка), футболку (*franela* - колумбийский вариант испанского языка, *camiseta* - кастильский вариант испанского языка), носки (*medias* -

колумбийский вариант испанского языка, *calcetines* - кастильский вариант испанского языка), рубаху, возможно, с запонками, (*mancornas* - колумбийский вариант испанского языка, *gemelos* - кастильский вариант испанского языка) и костюм (*vestido* - колумбийский вариант испанского языка, *traje de caballero* - кастильский вариант испанского языка). Затем он завтракает (*se desayuna* - колумбийский вариант испанского языка, *desayuna* - кастильский вариант испанского языка), на завтрак он пьет черный кофе (*tinto* - колумбийский вариант испанского языка, *café solo* - кастильский вариант испанского языка) или кофе с молоком (*perico* - колумбийский вариант испанского языка, *café cortado* - кастильский вариант испанского языка), а может быть еще и яичницу-болтуню (*huevos pericos con tocineta* - колумбийский вариант испанского языка, *huevos revueltos con bacon* - кастильский вариант испанского языка). Если он умеет водить машину (*manejar* - колумбийский вариант испанского языка, *conducir* - кастильский вариант испанского языка), он выезжает на машине (*carro* - колумбийский вариант испанского языка, *coche* - кастильский вариант испанского языка) из гаража». Приведенный пример показывает, что в Колумбии для передачи значения «мыться» используется глагол *se baña*, в то время как в Испании обычно используется глагол *se ducha*; в Колумбии «футболка» передается существительным *franela*, а в Испании для этого используется существительное из кастильского варианта языка *camiseta*, смысл слова «носки» передается в Колумбии существительным *medias*, в Испании же используется слово *calcetines*. Для глагола «завтракать» в Колумбии прибегают к его возвратной форме *se desayuna*, в кастильском же варианте языка возвратность для этого глагола не используют, черный кофе в Колумбии *tinto*, а в Испании - *café solo*, кофе с молоком в Колумбии – *perico*, в Испании – *cortado*, яичница-болтуня - *pericos con tocineta*- колумбийский вариант, и *huevos revueltos con bacon* - кастильский.

Зачастую перевод диалектных форм вызывает сложности у переводчика в том случае, если он не уделяет должного внимания стилевой принадлежности лексики; различия в разговорном стиле, естественно, будут более существенными, нежели в стиле, который объединяет официально-деловые документы (*registro formal*). Также различия можно наблюдать не по стилевой принадлежности, а по сфере деятельности, например, в области экономики, науки и техники или гуманитарной науки и медицины. На основе опыта одного из авторов статьи¹ переводческого сопровождения проектов по международному сотрудничеству России и испаноязычных стран в разных отраслях экономики, считаем возможным привести несколько примеров таких различий, которые собраны в собственной практике и обнаружены при изучении и анализе литературы

¹ Егорова О.В.

на испанском языке. В таблице приводятся некоторые лексические единицы, используемые в различных сферах экономики, которые должны быть использованы при переводе с русского языка на испанский, в зависимости от того, в какой стране осуществляется перевод.

Русский	Испанский				
	Куба	Аргентина	Мексика	Испания	Венесуэла
Квартира	apartamento	departamento	departamento	piso	apartamento
Тротуар	acera	vereda	banqueta	acera	vereda
Бассейн	piscina	piscina	alberca	piscina	piscina
Штукатурка	revoco	revoque	aplanado	enfoscado	revoque
Стеклоблок	ladrillo de vidrio	vitrobloc k	vidrio block	pavés	ladrillo de vidrio
Выкладывают плиткой	azulejar	colocar azulejo	colocar azulejo	alicatar	pegar azulejo
Лебедка	cabrestante	malacate	cabrestante	cabrestante	winche
Трос	cable de acero	cable de acero	cable	cable	guaya
Лампа	bombilla	bombita	foco	bombilla	bombillo
Кабель питания		cable de energía	cable de corriente eléctrica	cable de alimentación	cable de alimentación de energía
«Флешка»	memorias flash	pendrive	memoria USB	pincho	pendrive
количество точек на дюйм (DPI)		DPI/PPP	DPI	PPI (puntos por inch)	
абонент	abonado	usuario	abonado	cliente	abonado
дисплей	pantalla	pantalla	pantalla	visualizador	pantalla
поворотники	lucos direccionales	lucos direccionales	direccionales	lucos direccionales	lucos de cruce
Крестообразный баллонный ключ	cruceta	llave cruz	llave de cruz	llave de rueda en cruz	llave de cruz
бампер	defensa	paragolpe	defensa	paragolpes	parachoque
НДС (налог)		Impuesto	Impuesto al	Impuesto	Impuest

на добавленную стоимость)		al valor agregado	valor agregado	sobre el valor añadido	o al valor agregado
Медицинская маска	nasobuco	barbijo	cubrebocas	Mascarilla protectora	Mascarilla tapaboca

Из таблицы видно, что различия в лексике довольно существенные и могут проявляться в самых разных отраслях: строительство, телекоммуникации, автомобилестроение, финансы, медицина.

Необходимость поиска эквивалентов в соответствии с национальными и культурными характеристиками испанского языка возникает на различных уровнях коммуникации. Будь то перевод технических документов, устный перевод переговоров разного уровня, перевод корреспонденции или в рамках неформального общения. В поисках эффективного взаимодействия и установления взаимопонимания в коммуникации представителей разных лингвокультурных общностей переводчикам приходится учитывать национальные особенности культуры, особенности языка или его варианта, который функционирует на данной территории, учитывать социальные, возрастные, гендерные, профессиональные особенности партнеров по общению, включая не только вербальные, но и невербальные аспекты.

Список использованных источников

1. Пятков А. Россия – Латинская Америка в XXI веке. Трудности и противоречия сближения [Электронный ресурс] // *Russie.Nei.Visions*, №119. Ифри, Июль 2020. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/pyatakov_russia_latina_merica_ru_2020.pdf (дата обращения: 12.01.2021).
2. Яковлев П. П. Латинская Америка на мировой геополитической карте [Электронный ресурс] // Центр иберийских исследований Институт Латинской Америки РАН. URL: https://eulacfoundation.org/en/system/files/10493-9957-1-pb_doc_75.pdf (дата обращения: 12.01.2021).
3. Мартиросян А. Г., Петрова Л. Г. Перевод как вид коммуникации [Электронный ресурс] // *Вестник КемГУ*. 2014. №1 (57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevod-kak-vid-kommunikatsii> (дата обращения: 12.01.2021).
4. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Р. Валент, 2007. 244 с.
5. Хенш Г. Испанский язык в Америке и в Европе: Ч.2 // *Panace@*. 2002. № 7. С. 3–7.
6. García A. M. C. *Lingüística y terminología*. México: D.F., Universidad Nacional Autónoma de México, 2004. P. 262.

УДК 808.5

ПЕРЕВОД СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ЯЗЫКОВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Т. С. Воложанина,

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и перевода, Гуманитарный факультет, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург

Н. Г. Талашова,

кандидат филологических наук, ведущий специалист отдела разработки тестовых материалов, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Аннотация. Статья посвящена стилистическим средствам, которые используются для манипуляции в политическом дискурсе. Авторы рассматривают стилистические приемы в инаугурационной речи Дональда Трампа и оценивают успешность их перевода на русский язык тремя переводчиками. Делается вывод об основных трудностях, с которыми сталкивается переводчик при переводе политического текста.

Ключевые слова: политический дискурс, перевод, стилистические приемы, манипуляция.

Summary. The article is devoted to stylistic devices that are used for manipulation in political discourse. The authors analyze the stylistic devices in Donald Trump's inaugural speech and assess if they are successfully translated into the Russian language by three translators. In conclusion there is information about the major difficulties that the translators face while translating a political text.

Key words: political discourse, translation, stylistic devices, manipulation.

Политика играет важную роль в жизни общества, регулируя взаимоотношения человека с государственной властью. Различными аспектами политики интересуются не только политологи и социологи, но и философы, историки и даже лингвисты. Политический дискурс представляет собой обширное поле для изучения языковых средств, направленных на манипуляцию аудиторией.

К понятию «политический дискурс» обращались многие исследователи, например, А. Н. Баранов и Е. Г. Казакевич определяли это понятие как «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освещенных традицией и проверенных опытом...» [1, с. 6]. Голландский лингвист Т. ван Дейк рассматривал понятие дискурс в узком смысле и полагал, что это «класс жанров, ограниченный социальной сферой, а именно политикой» [2, с. 122]. Такого же мнения придерживается Е.И. Шейгал, по словам которой политический дискурс – это «любые речевые образования, содержание которых относится к сфере политики» [8, с. 23]. Так, политический дискурс ограничен профессиональными

рамками деятельности политиков, он представляет собой разновидность институционального дискурса.

Отличительной чертой политического дискурса является наличие языковых средств приемов, направленных на манипуляцию общественным сознанием. Искусство манипуляции восходит к античности, уже тогда была отмечена связь между искусным владением языком и успехом на политическом поприще [7, с. 207]. С лингвистической точки зрения, манипуляция – это «разновидность манипулятивного воздействия, осуществляемого путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [6, с. 170]. Язык политики является сферой повышенной ответственности. Таким образом, проблема достижения адекватности перевода политического дискурса и соблюдения передачи манипулятивных конструкций остается актуальной задачей для переводчиков. При переводе политического дискурса важно не только обладать знаниями об историческом развитии страны, нравах и обычаях народа, традициях, которые изменяются на каждом этапе развития данной лингвокультурной общности, но также разбираться в стилистических средствах и других способах языковой выразительности, так как часто они выступают в качестве средств манипулятивного воздействия.

Целью этой работы является выявление стилистических средств речевой манипуляции в политическом тексте и оценка успешности перевода такого текста с английского языка на русский с точки зрения сохранения манипулятивной составляющей. Материалом исследования послужили инаугурационная речь американского президента, Дональда Трампа и ее переводы тремя переводчиками: Родионом Раскольниковым из интернет-издания «Спутник и Погром», Ольги Голубка из портала «Ftimes» и Тимура Олевского из интернет-газеты «Настоящее время». Рассмотрим несколько наиболее интересных примеров.

Каждому американцу вне зависимости от политических взглядов запомнился лозунг, которым Дональд Трамп закончил свое выступление:

*Together, we will make America **strong** again. We will make America **wealthy** again. We will make America **proud** again. We will make America **safe** again. And yes, together we will make America **great** again [9].*

Каждый переводчик по-своему адекватно и эквивалентно перевел эти предложения. Все эпитеты были переведены достаточно корректно, выдержан единый стиль и ритм на протяжении всего перевода этих предложений:

*Вместе мы сделаем Америку **сильной** вновь. Мы сделаем Америку **богатой** вновь. Мы сделаем Америку **гордой** вновь. Мы сделаем Америку **безопасной** для жизни вновь. И да — вместе мы сделаем Америку **великой** вновь [5].*

*Вместе мы вернем Америке **силу**, вернем Америке **богатство**, вернем Америке **гордость**, вернем Америке **безопасность**. И так вместе*

мы вернем Америке **величие** [3].

*Вместе, мы сделаем Америку **сильной** снова. Мы сделаем Америку **богатой** снова. Мы сделаем Америку **гордой** снова. Мы сделаем Америку **безопасной** снова. И, да, – вместе, Мы сделаем Америку **великой** снова* [4].

Однако в переводе Голубки в отличие от остальных нарушена структура предложения, и короткие предложения объединены в два длинных, тем самым утрачена манипулятивная составляющая данных предложений. Суть коротких предложений с точки зрения манипулятивности – подчеркнуть важность каждого слова, каждой мысли.

В следующем примере был использован прием гиперболизации:

*One by one, **the factories shuttered and left our shores**, with not even a thought about the millions and millions of American workers **that were left behind*** [9].

Только один из переводчиков смог сохранить этот прием при переводе:

*Один за одним **заводы закрывали свои двери и покидали наши берега**, и никто не подумал о миллионах американских рабочих, брошенных на произвол судьбы* [5].

Словосочетание *left our shores* он перевел буквально, тем самым сохранив и смысл, и оригинальный стилистический прием. Также Раскольников подобрал очень удачный перевод для словосочетания *left behind*. Его перевод звучит так же трагично, как и оригинал.

В переводе Олевского опущено выражение *left our shores*, видимо, переводчик либо не смог найти в словарях и корпусах эквивалентного перевода, либо, возможно, вообще не увидел прием гиперболизации в данном предложении:

*Один за другим, **заводы закрывались**, даже не задумываясь о миллионах и миллионах американских рабочих, оставленных за бортом* [4].

Голубка приняла решение не переводить данное предложение, тем самым лишив читателя информации о ситуации с рабочими, трудившимися на заводах.

В следующем примере был использован прием антитезы:

The forgotten men and women of our country will be forgotten no longer [9].

Перевод Голубки положительно выделяется на фоне других переводов, так как переводчик сохранила и параллельную конструкцию, и прием антитезы. Также она передала уточнение про «нашу страну», что ещё раз подчеркнуло и в переводе, что Трамп ставит Америку на первое место:

Забывтые мужчины и женщины нашей страны больше не будут забытыми! [3].

В данном примере используется инверсия, как один из инструментов речевой манипуляции, выполняющий эмфатическую функцию, т.е. не прямой порядок слов в предложении выделяет ту его часть, которая, по

мнению говорящего, является наиболее важной. Этот прием никто из переводчиков не смог передать:

О забытых мужчинах и женщинах Америки вспомнят вновь [5].

Забытые женщины и мужчины больше не будут забыты [4].

По нашему мнению, к сожалению, в данном случае это невозможно. Невозможность передачи объясняется различием в грамматическом строении языка оригинала и языка перевода.

Таким образом, в политическом дискурсе встречаются различные стилистические приемы, направленные на манипуляцию сознанием реципиента. Отмечается, что не каждый переводчик успешно справляется с переводом стилистических приемов. Иногда переводчик прибегает к опущению слов, предложений или целых абзацев, что нельзя делать в политическом дискурсе, особенно при переводе речей политиков, так как это может привести к серьезным искажениям. Переводчику сложно не только распознать прием и подобрать адекватный перевод, но и, самое главное, сохранить манипулятивную составляющую предложения. Обычно в одном предложении содержатся два и более стилистических приема, что также вызывает трудности. Добиться эквивалентной передачи всех скрытых смыслов предложения, а также соблюсти структуру и не потерять ритм текста в переводе – умение «виртуоза».

Список использованных источников

1. Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. Советский политический язык (от ритуала к метафоре). М.: Знание, 1991. 248 с.

2. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртене, 1989. 308 с.

3. Газета «Ftimes» [Электронный ресурс] URL: <http://ftimes.ru/trends/strany-trends/89633-inauguracionnaya-rech-donaldatrapa-s-perevodom-na-russkij-yazyk-vremya-pustoj-boltovni-zakonchilos.html> (дата обращения: 10.11.2018).

4. Газета «Настоящее время» [Электронный ресурс] URL: <https://www.currenttime.tv/a/28247234.html> (дата обращения: 10.11.2018).

5. Газета «Спутник и погром». [Электронный ресурс] URL: <https://sputnikipogrom.com/usa/65043/trump-speaks/> (дата обращения: 10.11.2018).

6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

7. Нильсен Е. А., Воложанина Т. С., Талашова Н. Г. Манипулятивный потенциал языков идеологии (на примере вымышленных языков из романов Дж. Оруэлла «1984» и Е. Замятина «Мы») // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. проф. Г. Н. Манаенко. Выпуск 15. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2017. 384 с.

8. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса; дис. ... д-ра

филол. наук. Волгоград, 2000. 440 с.

9. The Inaugural Address. [Электронный ресурс] URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/the-inaugural-address/> (дата обращения: 08.02.2020).

УДК 81-26

ОСОБЕННОСТИ ВОССОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ В ПЕРЕВОДЕ РОМАНА У. ГЕРХАРДИ «ПОЛИГЛОТЫ»

А. Э. Воротникова,

*доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры
французского языка и иностранных языков для неязыковых профилей,
Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж*

Аннотация. В статье рассматриваются способы воссоздания национальной специфики в русском переводе романа «Полиглоты» британского писателя У. Герхарди. В центре внимания – особенности передачи слов, обозначающих реалии общественной жизни и материального быта Англии, России, Франции и других стран, представителями которых выступают герои произведения. Исследовательский интерес вызывает также перевод антропонимов – говорящих имен. Перевод направлен на реконструкцию романной картины мира, которая оказывается возможной посредством глубокого проникновения в авторский замысел и понимания расхождений – корреляций в лингвокультурных системах английского и русского языков.

Ключевые слова: национальная специфика, реалия, транслитерация, транскрипция, имя собственное, говорящая фамилия.

Summary. The article deals with the ways of reconstruction of national specificity in the Russian translation of the novel «The Polyglots» by the British writer W. Gerhardie. The focus is on the peculiarities of the translation of the words that denote the realia of social and material life in England, Russia, France and other countries, whose representatives are the heroes of the work. The translation of anthroponyms – charactonyms – is also of research interest. The translation is aimed at reconstructing the novel's picture of the world, which is made possible by a deep insight into the author's idea and understanding of the discrepancies – correlations in the linguocultural systems of the English and the Russian languages.

Key words: national specificity, realia, transliteration, transcription, proper name, charactonym.

Роман «Полиглоты» (1925) английского писателя Уильяма Герхарди, прожившего много лет в России, проникнувшегося ее культурой и языком, представляет любопытное явление с переводческой точки зрения. В центре повествования – судьба иностранцев – главного героя Жоржа Дьяболоха, члена британской военной миссии, и его англо-бельгийских родственников, волей случая оказавшихся в России времен Гражданской войны и вынужденных спастись от нее бегством сначала на Дальний

Восток, а затем в Европу.

Чтобы выявить особенности трансформации английского произведения в русский текст, обратимся к переводу Валерия Вотрина, опубликованному в 2017 году. Неудивительно, что в романе, где действие вращается вокруг пребывания иностранцев в России, встречается множество реалий как западной, так и отечественной культуры. Передача их на русский язык осуществляется несколькими способами.

Во-первых, путем транслитерации или транскрипции, как в случае с британским флагом, популярность которого во всем мире позволяет переводчику непосредственно использовать его английское обозначение: «the Union Jack» [2] – «Юнион Джек» [1, с. 9]. Другие примеры из данной группы: названия английских газет («the Daily Mail» [2] – «Дэйли Мэйл» [1, с. 17], «Pluckworth» [2] – «Плаксворт» [1, с. 210], «Jane Sons» [2] – «Джейн Санс» [1, с. 210], «Norman Elder» [2] – «Норман Элдер» [1, с. 210]), европейских улиц («the Promenade des Anglais at Nice» [2] – «променад дез Англэ в Нице» [1, с. 114], «the High» [2] – «Хай-стрит» [1, с. 32]) или обозначение жителей Лондона и просторечия, на котором они общаются, – «Cockney» [2] – «кокни» [1, с. 52-53].

Не представляет сложности и перевод слов-реалий из японской лингвокультуры, в которую оказываются погруженными на какое-то время герои Герхарди: «sake» [2] – «сакэ» [1, с. 53], «geisha» [2] – «гейша» [1, с. 53], «rickshaw» [2] – «рикша» [1, с. 56]. Благодаря распространенной в английском языке конверсии, последнее слово может выступать, в отличие от русского, не только существительным, но и глаголом, что служит экономии языковых средств: «I rickshawed about Tokyo» [2]. При попадании в русскую грамматическую систему «rickshawed» требует замены на словосочетание «ездил на рикше» [1, с. 56]. А вот японское заимствование-варваризм «soolie» [2] – «кули» В. Вотрин, вероятно, не слишком полагаясь на эрудицию русского читателя, предпочел передать перифразом «рикши-работяги» [1, с. 41], воспроизведя национальную азиатскую специфику реалии и, по сути, дав описательный перевод.

Примечательно, что стремление Герхарди сохранить русский колорит социально-политической, исторической и материально-бытовой среды облегчает задачу переводчика. Так, ставшее известным за рубежом после русской революции 1917 года обозначение поддержавшей ее, радикально настроенной части населения – «Bolsheviks» [2] – возвращается в переводе к своей оригинальной форме – «большевики» [1, с. 77]. То же самое происходит с английскими транслитерациями/транскрипциями русских реалий «troikas» [2] – «тройки» [1, с. 13], «goloshes» [2] (неверно транслитерированное автором на английский язык слово) – «галоши» [1, с. 143], «Bourgouyka» [2] – «буржуйка» [1, с. 118], «the Kolchakites» [2] – «колчаковцы» [1, с. 100], «the Russian moujik» [2] – «русский мужик» [1, с. 129] и т. п.

Переводческая изобретательность проявляется в тех романских

эпизодах, где В. Вотрин, как бы копируя манеру Герхарди вкраплять в основной текст слова из разных языков, сохраняет написание русских лексем буквами английского алфавита, например: «Явился также митрополит. Vladika извинился за свой воскресный визит...» [1, с. 195] («There also came a Metropolitan. The vladika apologized for calling on a holiday...» [2]); «Годами правительство считало нужным травить русский pravoslavniy народ» [1, с. 195] («For years and years the Government had seen fit to poison the Russian pravoslavnie people» [2]).

Иногда переводчик – носитель русского языка – вынужден «корректировать» автора-англичанина, употребляющего, например, в значении «валенки» [1, с. 242] словосочетание «felt goloshes» [2] вместо «felt boots» (галоши, как известно, надевались на валенки).

В иных случаях, когда У. Герхарди вынужден прибегать к английским аналогам русских слов-реалий (предположительно во избежание перегрузки текста излишней лингвострановедческой информацией), В. Вотрин выступает своего рода сотворцом произведения в его переводном варианте. Следующее предложение, где упоминается чин полицейской стражи: «He played practical jokes on policemen, and on one occasion tied a constable to a tame bear» [2], – звучит по-русски так: «Он вечно строил каверзы городовым, а однажды привязал квартального к ручному медведю» [1, с. 13]. Английская лексема «policeman» выступает гиперонимом по отношению к русскому гипонимическому понятию «городовой», обозначающему низший чин городской полиции в Российской империи. Переводчик оправданно прибегает к сужению и конкретизации исходного значения слова «policemen» с целью акцентирования национальной специфики передаваемого фрагмента действительности. «Constable» в свою очередь передается ближайшим по семантике русским словом «квартальный», так же, как и в английском, обозначающим низший полицейский чин. В обоих случаях при использовании слов «городовой» и «квартальный», которые приобрели уже во время создания «Полиглотов», а тем более в XXI столетии архаизированный характер, переводчику удастся не только вернуть «русскость», несколько стертую в соответствующем отрывке подлинника, но и воскресить дух ушедшей дореволюционной эпохи.

Сравнение оригинального и переводного текстов позволяет выявить специфику английского взгляда на русскую культуру, что находит отражение в языке. Так, каракулевые шубы, которые носят в зимние холода герои романа, называются по-английски «astrakhan coat» [2]. Очевидно метонимическое происхождение лексемы «astrakhan» от названия российского города, который долгое время являлся центром торговли каракулем, ввозимым из Узбекистана, основного места разведения каракульских овец. Иногда чужой взгляд оказывается более пронизательным и схватывает некоторые национальные особенности, которые остаются незамеченными самими носителями языка.

Исследовательский интерес представляет и оставшаяся скрытой от русского читателя экстралингвистическая информация из области английской культуры. То, что в переводе передается как «либеральное правительство» [1, с. 138], в самом романе звучит как «a Pink regime» [2]. Цветовые обозначения политической принадлежности имеют место быть не только в отечественной, но и в западноевропейской языковой картине мира. В приведенном словосочетании розовый цвет выступает умеренной версией красного, который ассоциируется с радикальными идеологиями.

Еще один пример перевода, основанного на использовании языкового аналога без сохранения фоновой лингвострановедческой информации: «a Sam Browne belt» [2] передается в русском варианте как «офицерский ремень» [1, с. 205]. За появлением этого предмета военного обмундирования стоит целая история. Ремень, а точнее портупея, был назван по имени генерала Сэма Брауна, лишившегося во время службы в Британской Индийской армии левой руки, вследствие чего он придумал для собственного удобства такой способ использования портупеи, при котором она позволяла вытаскивать холодное оружие из ножен и не держать их другой рукой. Опускание имени изобретателя портупеи едва ли следует считать переводческим просчетом, поскольку и сами англичане сегодня в большинстве своем едва ли знают историю ее происхождения. Решающим при переводе оказывается прагматический фактор информационно-языковой экономии.

Герхарди стремился запечатлеть образ России и Европы в эпоху тектонических сдвигов в общественно-политической жизни, напоминающих библейское столпотворение – результат падения Вавилонской башни и утраты единого для всех средства коммуникации. Авторский замысел В. Вотрин умело воплощает, сохраняя без перевода в основном тексте отрывки французской речи и давая их толкование в сносках. По мере чтения романа читатель привыкает к повторяющимся едва ли не в каждой главе излюбленным выражениям дяди Эммануила, бельгийца по происхождению: «Que voulez-vous?», «C'est la vie», «Courage! Courage!». Не переведенное обозначение мнимой болезни тети Терезы «crise de nerfs» [1, с. 76] сообщает ситуации вокруг ипохондрии этой эгоистичной притворщицы ироническое звучание. Оставшееся без перевода указание на офицерский чин дяди Эммануила – «Commandante» [1, с. 11] – также служит созданию иронического подтекста: находящийся под началом своей властной жены и фактически отлынивающий от участия в военных действиях, этот персонаж выглядит отнюдь не героически.

В оригинальном французском написании даются слова и выражения, обозначающие реалии из бытовой сферы: названия духов «Mon Boudoir» [1, с. 26], «Cœur de Jeanette» [1, с. 406], травяного чая «tisane» [1, с. 79], марки шампанского «Œil de Perdrix» [1, с. 257]. Причем, лишь немногие из них снабжены пояснительными примечаниями. В большинстве случаев таковые представляются излишними, засоряющими основное содержание,

поскольку сам контекст, в котором возникают иноязычные слова, рождает догадки об их семантике. Основным же фактором, обуславливающим выбор переводчика в пользу сохранения оригинального облика рассматриваемых лексем, является стремление запечатлеть национальное своеобразие соответствующего фрагмента реальности.

В исконном виде воспроизводятся и в английском, и в русском текстах романа немецкоязычные названия из области искусства: песня Р. Шумана на слова Г. Гейне «Ich grolle nicht» [1, с. 203], выражение из гётевского «Фауста» «das Ewig-Weibliche» [1, с. 248], опера Р. Вагнера «Götterdämmerung» [1, с. 286].

Однако сохранение оригинального написания слов, обозначающих национально-специфические феномены, наблюдается в переводе далеко не всегда. Так, в русской транскрипции/транслитерации сохраняются слова, давно ассимилировавшиеся в отечественной лингвокультуре: английские лексемы «бридж» [1, с. 363] – «bridge» [2] (карточная игра), «лаун-теннис» [1, с. 66] – «lawn-tennis» [2] (дословно «теннис на лужайке»), «сноб» [1, с. 362] – «snob» [2], «снобизм» [1, с. 362] – «snobbery» [2], французские «бювар» [1, с. 165] – «buvard» [2], «Боврил» [1, с. 363] – «Bovril» [2] (фирменное название мясного экстракта для бульона). Если архаичное слово «бювар» не имеет специального пояснения в переводном тексте, поскольку, как предполагается, может быть знакомо отечественному читателю из русской классической литературы, то «Боврил» воспринимается как нечто чуждое и непонятное, а потому требующее отдельного толкования в сноске.

Особого внимания заслуживает перевод английских антропонимов, тем более что в «Полиглотах» они зачастую сближаются с тропами и служат созданию комического и/или иронического эффекта. Своеобразное имя протагониста Georges, вполне соответствующее своему эксцентричному носителю, передается как «Жорж». Если Герхарди сообщает данному оному странное звучание путем добавления конечной «s» к нормативному «George», то Вотрин воссоздает эту странность за счет опущения первой и предпоследней буквы «д» в русском эквиваленте имени «Джордж».

Фамилия майора Beastly передается как «Скотли», то есть являет собой подобие кальки с английского. Такой способ перевода представляется удачным лишь отчасти. С одной стороны, прилагательное «beastly» – это, действительно, «скотский» по-русски, а суффикс «ly», широко распространенный в английском словообразовании, придает русскому переводному аналогу фамилии иностранное звучание. С другой стороны, привычная для русского слуха фамилия «Скотт» нейтрализует ироническую семантику оригинального онима: «скотство» майора, довольно ограниченного, но при этом безобидного человека, заключается главным образом в его дурной привычке бриться не обычным способом, а палить огнем щетину на слишком чувствительной коже щек, что вызывает

непереносимый для окружающих запахов. Семантика говорящей фамилии в русском варианте отчасти затемняется, отдаваясь на откуп «английскости» звучания.

Итак, акцентирование в переводе «Полиглотов» национальной специфики, наиболее полно проявляющейся в словах-реалиях и именах собственных, представляется вполне оправданным. Оно обусловлено необходимостью воссоздания романной картины мира в «его минуты роковые» – в период исторических катаклизмов, выявляющих со всей очевидностью многообразие и единство социальных, культурных и языковых основ человеческого существования.

Список использованных источников

1. Герхарди У. Полиглоты / Пер. с англ. В. Вотрин. Екатеринбург – Москва: Кабинетный ученый, 2017. 440 с.
2. Gerhardie W. The Polyglots [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: https://royallib.com/read/Gerhardie_William/the_polyglots.html#0 (дата обращения 29.01.2021).

УДК 81`25

УЧЕТ РАЗЛИЧИЙ В СЕМАНТИЧЕСКОМ ОБЪЕМЕ ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ-ЭКВИВАЛЕНТОВ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

П. Е. Гапиенко,

обучающийся четвертого курса аспирантуры кафедры романо-германской филологии и лингводидактики, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина; старший преподаватель кафедры лингвистики и переводоведения, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург

Аннотация. Отсутствие сформированной методологии перевода искусствоведческих текстов, включающих специализированные термины искусствоведения, приводит к проблеме поиска адекватного русскоязычного аналога английских искусствоведческих терминов. Цель настоящего исследования состоит в выявлении переводческих ошибок, обусловленных различием в семантическом объеме англоязычных и русскоязычных терминов искусствоведения. Материалом исследования послужил англоязычный труд Тамары Т. Райс «*The Scythians (Ancient Peoples and Places)*» и его перевод на русский язык. Методы исследования включают сопоставительный анализ оригинала и перевода, дефиниционный анализ, контекстуальный анализ, метод количественных подсчетов. В результате выявлены такие переводческие ошибки, как употребление схожих формально, но разных по значению терминов, а также неправильный выбор значения оригинального многозначного термина из-за неверной трактовки контекста.

Ключевые слова: искусствоведческая терминология, семантический объем, термин, переводоведение, переводческие ошибки.

Summary. The absence of a developed methodology for the translation of Art history texts, including specialized Art history terms, leads to the problem of finding an adequate Russian-language analogue of Art history terms in the English language. The purpose of this study is to identify translation errors that are due to the difference in the semantic volume of English and Russian terms of Art history. The research material was Tamara T. Rice's «The Scythians (Ancient Peoples and Places)» and its translation into Russian. Research methods include comparative analysis of the original and its translation, definition analysis, contextual analysis, numeric counts. As a result, such translation errors as the use of similar formally, but different in meaning, as well as the wrong choice of the meaning of the original polysemantic term due to an incorrect interpretation of the context were identified.

Key words: Art history terminology, semantic volume, term, translation studies, translation errors.

Актуальность данного исследования связана с освещением специфики перевода текстов искусствоведческой тематики. Одной из трудностей, с которой сталкиваются переводчики, работающие в этой сфере, является отсутствие фундированной методологии перевода англоязычной искусствоведческой терминологии на русский язык. Отсутствие теоретической базы подобного рода сказывается на качестве перевода терминов-эквивалентов – зачастую переводчик не видит и не учитывает разницу в семантическом объеме терминов, относящихся к исходному языку и языку перевода, что потенциально может привести к неточностям и даже серьезным ошибкам перевода. Цель данной работы состоит в выявлении ошибочных переводческих решений, возникающих в процессе перевода искусствоведческих текстов по причине разницы семантических объемов терминов искусствоведения, относящихся к разным языкам. Для достижения поставленной цели необходимо сопоставить оригинальный специализированный текст на английском языке и его перевод на русский язык. Материалом исследования послужил труд археолога Тамары Т. Райс «The *Scythians* (Ancient Peoples and Places)» [10] совместно с его переводом на русский язык, выполненным Л.А. Карповой [6]. К материалу исследования относятся также такие словари, как словарь терминов Российской академии художеств [7], Merriam-Webster [9], Oxford Dictionary of Art and Artists (5 ed.) [11]. Методы исследования включают сопоставительный анализ оригинала и перевода, а также такие лингвистические методы, как контекстуальный анализ, дефиниционный анализ, метод количественных подсчетов.

Перевод научных терминов на иностранный язык – одна из самых важных и сложных задач, с которой сталкиваются переводчики [1; 5]. И.В. Васильева, А.В. Неруш [1], А.Б. Пешкова [5] утверждают, что без точного перевода терминов научная дисциплина может утратить свое

назначение, и, как следствие, потерять свой научный статус. С.В. Гринев отмечает, что в процессе перевода 75% времени посвящено поиску правильного перевода научных терминов [3]. При этом на данный момент нет однозначно установленного определения понятия «термин». Согласно известному отечественному специалисту в области терминоведения В. М. Лейчику, термин означает конкретное или специальное понятие, которое относится к языку для специальных целей: «термин – лексическая единица определенного языка для специальных целей, обозначающая общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [4, с. 31-32]. Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин [2], А. В. Суперанская [8] также полагают, что термин употребляется в языке для специальных целей для обозначения понятий, применимых в области профессиональных знаний. Данное свойство термина доказывает необходимость четкого разграничения термина от слов общебытовой лексики как формально, так и с точки зрения семантики.

В этой связи обращает на себя внимание тенденция, когда переводчик по причине отсутствия профессиональных знаний в области искусствоведческой терминологии воспринимает искусствоведческие термины, относящиеся к языку для специальных целей, как лексические единицы общелитературного языка, что в процессе перевода приводит к искажению содержания термина, и даже к выбору терминов, которые не соответствуют контексту. Например, фрагмент исследования Тамары Т. Райс [6] *«nevertheless, the Scytho-Sarmatian style probably continued to influence the decorations produced in Scandinavia between about a. d. 450 and 600, even though Shetelig argues against this view, firstly because the gap between the heyday of Scythia's art and the dawn of the migration style in Scandinavia was considerable, and secondly because of the absence of stags in Germanic animal art, which was the main source of the Scandinavian style»* [10, с. 286] переведен на русский язык следующим образом: *«тем не менее скифо-сарматский стиль, вероятно, продолжал оказывать влияние на украшения, сделанные в Скандинавии между 450-м и 600 гг. н. э., хотя Шетелиг оспаривает эту точку зрения, во-первых, из-за значительного разрыва во времени между периодом расцвета скифского искусства и зарождением «миграционного» стиля в Скандинавии и, во-вторых, из-за отсутствия изображений оленей в германском «зверином» искусстве, которое было главным источником скандинавского стиля»* [6, с. 85]. При сопоставлении обоих фрагментов выявлена тенденция к эквивалентному переводу искусствоведческих терминов: *Scytho-Sarmatian style*=скифо-сарматский стиль; *Scythia's art*=скифское искусство; *animal art*=«звериное» искусство, что свидетельствует о стремлении переводчика настолько возможно точно перевести оригинальный текст. Однако буквальный перевод приводит к искажению формы термина, так как в

русскоязычной терминологии закрепилось название «звериный стиль», а не «звериное искусство» [7].

В следующем отрывке: «*as excavations in Russia multiplied, producing ever more examples of **animal art**, it became evident that the whole Eurasian steppe had had a life which stretched far back into the past and that, in the Scythian period, all parts of it had been linked by close and regular contacts*» [10, с. 28], которому соответствует данный перевод: «по мере того как множилось число раскопок, извлекая на свет божий все больше образцов **анималистического искусства**, стало очевидным, что на просторах всей евразийской степи когда-то существовала жизнь, корни которой уходят в далекое прошлое, и что в эпоху скифов все ее части были связаны между собой тесными регулярными контактами» [6, с. 6], выявлена еще одна ошибка: понятие *animal art* в данном случае переведено как **анималистическое искусство**. В русскоязычной искусствоведческой терминологии **анималистическое искусство** понимается как **анималистический жанр**. В определении анималистического жанра, предложенного в словаре терминов Российской академии художеств [7] указано: «...сложению А. ж. предшествует долгая традиция изучения и изображения животных. Об острой наблюдательности свидетельствуют изображения зверей и птиц в первобытном искусстве; ярко выразительны стилизованные фигуры в памятниках звериного стиля (у скифов, кельтов, германцев, в англо ирландских и новгородских рукописях), в искусстве Древнего Востока, Африки, Океании, Древней Америки, в народном творчестве многих стран...». Следовательно, **звериный стиль** появился задолго до формирования анималистического жанра, и по этой причине не может быть однозначно отнесен к данному жанру. Таким образом, несмотря на кажущуюся простоту понимания искусствоведческой терминологии, её перевод на иностранный язык может вызывать сложности – лексические единицы, которые в общелитературном языке воспринимаются как синонимичные, в искусствоведческой терминологии могут обозначать разные понятия; за тем, что на первый взгляд похоже на формальную вариацию термина, скрывается несоответствие их семантических объемов на разных языках.

В процессе перевода англоязычного исследования на русский язык также была допущена существенная фактическая ошибка. Так, оригинальному отрывку «*the ceremonial towel ranked as a family heirloom. It had been worked by an ancestress and, together with the family's **icons**, it was numbered among the household's most treasured*» [10, с. 183] соответствует следующий перевод на русский язык: «*церемониальное полотенце считалось семейной реликвией. Оно было сделано руками какой-нибудь прародительницы и вместе с семейными **иконами** входило в состав наиболее оберегаемой и ценной части имущества. Рисунки на полотенце напоминали ранние прототипы. Его главным мотивом неизменно была богиня*» [6, с. 84]. В The Oxford Dictionary of Art and Artists (5 ed.) [11]

термину *icon* дается следующее определение: «*an image of a saint or other holy personage, particularly when the image is regarded as sacred in itself and capable of facilitating contact between him or her and the personage portrayed. The term has been applied particularly to sacred images of the Byzantine Church and the Orthodox Churches of Russia and Greece*» (изображение святого или другого праведного персонажа, особенно когда изображение считается священным само по себе и способно облегчить контакт между ним или ней и изображаемым персонажем. Этот термин применяется, в частности, к священным изображениям Византийской церкви и Православных церквей России и Греции). В словаре терминов Российской академии художеств термин *икона* упомянут как «живописное (реже рельефное) изображение Христа, Богородицы, святых, сцен из Священного писания, предмет поклонения в христианской религии (православной и католической)...» [7]. Как у англоязычного, так и русскоязычного термина схожие дефиниции – он понимается как предмет религиозного культа в христианстве. Соответственно, термин *icon/икона* ошибочно применять к скифским языческим традициям. В приведенном примере *icon* уместнее трактовать как *image* [9] – один из вариантов толкования данного слова. По указанной причине лексическую единицу *icon* следует перевести на русский язык как «изображение». Таким образом, многозначность английской лексики *icon* и неправильное понимание контекста привели к ошибке при переводе на русский язык.

Таким образом, семантический объем многих, на первый взгляд, эквивалентных терминов искусствоведения английского и русского языков, может не совпадать. Данное обстоятельство может привести к неточностям перевода и даже переводческим ошибкам. В настоящем исследовании установлены следующие причины ошибок перевода: недостаточно профессиональный перевод терминов, который привел к одновременному функционированию в переводе далеко не синонимичных понятий (*анималистическое искусство* ≠ «звериный» стиль), а также к некорректному употреблению одного из вариантов перевода (в данном тексте *animal art* ≠ *анималистическое искусство*). Также обнаружен неправильный выбор значения многозначной лексической единицы (напр. *icon*) исходного языка, чему также способствовало неверное толкование контекста. Опираясь на приведенные примеры переводческих ошибок, можно прийти к следующему выводу: для предупреждения неточностей перевода необходимо тщательно исследовать семантический объем эквивалентных терминов разных языков, учитывать особенности языка для специальных целей (в данном случае искусствоведческого) в исходном языке и языке перевода, а также принимать во внимание культурный контекст, который обуславливает выбор правильного переводческого эквивалента.

Список использованных источников

1. Васильева И. Л., Неруш А. В. Межъязыковые особенности перевода научных текстов: правильное построение предложения при переводе [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/11_EISN_2010/Philologia/64010.doc.htm (дата обращения: 23.01.2021).
2. Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах: Учебное пособие для филологических специальностей вузов. М.: Высшая школа, 1987. 104 с.
3. Гринев С. В. Введение в терминоведение. М.: Моск. лицей, 1993. – 309 с.
4. Лейчик В. М. О методах и принципах конструирования терминосистем // Семантика естественных и искусственных языков в специализированных системах. Л.: ЛГУ, 1979. 192 с.
5. Пешкова А. Б. Перевод научных текстов (английский язык). Воронеж: Издательский дом Воронежского государственного университета, 2013. – 31 с.
6. Райс Т. Скифы. Строители степных пирамид / пер. Л. А. Карпова. М.: Центрполиграф, Внешторгпресс, 2003. 106 с.
7. Словарь терминов Российской академии художеств [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rah.ru/science/glossary/> (дата обращения: 25.01.2021).
8. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: вопросы теории. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 248 с.
9. Merriam-Webster [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/icon> (дата обращения: 20.01.2021).
10. Talbot Rice, T. The Scythians [Electronic Resource] // London: Thames and Hudson, 1957. – Mode of access: URL: <http://www.jessesword.com/sf/view/327>. (дата обращения: 17.01.2021).
11. The Oxford Dictionary of Art and Artists (5 ed.) [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: <https://www.oxfordreference.com/> (дата обращения: 21.01.2021).

УДК 82-193.3

**ENGLISH VS BRITISH В СОВРЕМЕННОЙ
ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ПОЭЗИИ КЭРОЛ ЭНН ДАФФИ***Л. Н. Глухенькая,**обучающийся третьего курса аспирантуры кафедры русской и зарубежной литературы, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. В статье анализируются концепции английскости и британскости в общественно-политической лирике современной британской поэтессы Кэрол Энн Даффи. В выбранных для анализа

стихотворениях, с одной стороны, актуализируется тема мультикультурализма, а с другой – тема трансформации общества, в котором отношений граждан и власти переходят в утилитарную плоскость и ведут, в свою очередь, к утрате национальной самоидентификации и общих ценностей как англичанина, так и британца (чувства солидарности и гордости).

Ключевые слова: К. Э. Даффи, современная британская поэзия, постмодернистская поэзия, английскость, британскость.

Summary. The article discusses the concepts of Englishness and Britishness in the sociopolitical lyrics of the contemporary British author Carol Ann Duffy. In the poems under consideration, on the one hand, the topic of multiculturalism is actualized, and on the other hand, the topic of transformation of society, in which the relations of citizens and authorities turn into utilitarian and lead conversely to the loss of national self-identification and common values of both the Englishman and the British (feelings of solidarity and pride), is revealed.

Key words: C. A. Duffy, British poetry, contemporary British poetry, postmodern poetry, Englishness, Britishness.

Главной тенденцией многих современных национальных литератур является их интегративность и мультикультурализм. Однако в начале XXI века, в эпоху постмодерна, вопрос национальной идентичности приобретает особую актуальность, на первый план выходит контекст, в который может быть помещена национальная идентичность, что формирует новые теоретические предпосылки исследования национальной языковой картины мира в художественной системе современной литературы. В отечественной науке вопросам английской и британской национальной идентичности в постмодернистской прозе в разное время занимались Е. Г. Петросова, З. Р. Зиннатуллина, Е. Г. Сатюкова, В. В. Ивашева. В круг изучаемых произведений попали постмодернистские романы Дж. Фаулза, Г. Свифта, П. Акройда, М. Стюарт и др. При этом вышеперечисленные работы отечественных исследователей практически оставляют без внимания поэзию, а между тем и современная британская лирика проявляет интерес к вопросам «английскости» и «британскости», имеющих, согласно П. Акройду, различные пути развития (происхождение первой обусловлена англосаксонским путем развития, а второй – кельтским вариантом эволюции). Яркий пример тому находим в творчестве Кэрол Энн Даффи – стихотворения *Translating the English, 1989* и *Translating the British*, они же и станут предметом изучения в данной исследовательской работе. Их сопоставительный анализ станет **целью** предлагаемой статьи.

Кэрол Энн Даффи (род. 1955) – популярная британская поэтесса и драматург, поэт-лауреат в 2009–2019 гг., «best known for her dramatic monologues imagining the voices of character types rarely heard in poetry» [2, с. 850] / «известная благодаря своим драматическим монологам и

персонажам, которых нечасто встретишь в поэзии» (перевод мой – Л.Г.). Отмечается, что особое мастерство монолога в творчестве Даффи можно наблюдать в стихотворении *Translating the English, 1989* [7].

Возможно, влияние на поэтику Даффи оказала именно историческая эпоха, в которую пришлось становление поэтессы (1990–е гг.). Читателю, в особенности русскоязычному, поэзия Даффи и вовсе может быть не похожа на настоящие стихотворения, этому способствуют частое отсутствие рифмы и характерное для прозы разворачивание сюжета (читатель читает стихотворения Даффи как истории и может представить сценарий по мере его развития). Язык ее поэзии не отличим от повседневного разговора. В ней много юмора и сатиры, за это ее любит современная широкая аудитория, жаждущая в определенной мере оторваться от обычной «серьезности» поэзии.

Более того, поэтесса, чьи работы включены в учебную программу в Великобритании, обладает удивительным отличием: ей искренне восхищаются как широкие массы, так и коллеги по цеху. Ее технически острую и уверенно феминистскую поэзию Даффи часто признают примером послевоенной британской поэзии (эпохи Тэтчер и последующих годов). Пишет ли она об урбанизации, детских переживаниях, семейной жизни, гендерных стереотипах, борьбе за права человека или сложной взаимосвязи языка и национальной идентичности, в поэзии Даффи находит отражение то, что критик Джоди Аллен-Рэндольф называет «the heroic within the populist» [1, с. 12] / «героическим среди популистского» (перевод мой – Л.Г.).

Тема национальной идентичности поднимается Даффи в двух стихотворениях *Translating the English, 1989* и *Translating the British*.

Английскость. Стихотворение *Translating the English, 1989* Даффи пишет, как это видно из заглавия, в 1989 году. Композиционно в нем также присутствует эпиграф: ... *and much of the poetry, alas, is lost in translation...*

Обилие орфографических, грамматических и синтаксических ошибок (стилистически можно говорить о графоне – в стилистике Гальперина) наталкивает на мысль о том, что английский не является родным языком для лирического героя, который, тем не менее, приглашает читателя в «свою страну»: «Words are dropped, some are inserted randomly into the monologue, and all-together it sounds like someone trying their best to describe the wonderful things about where they live» [5] / «Одни слова пропущены, другие появляются в монологе совершенно случайно, и в общем и целом стих звучит так, словно кто-то изо всех сил пытается описать замечательное место, в котором он живет» (перевод мой – Л.Г.). Приведем текст стихотворения:

«Welcome to my country! We have hear Edwina Currie
and The Sun newspaper. Much excitement.
Also the weather has been most improving
even in Feburary. Daffodils. (Wordsworth. Up North.) If you like

Shakespeare or even Opera we have too the Black Market.
 For two hundred quids we are talking Les Miserables,
 nods being good as winks. Don't eat the eggs.
 Wheel-clamp. Dogs. Vagrants. A tour of our wonderful
 Capital city is not be missed. The Fergie,
 The Princess Di and the football hooligan, truly you will
 like it here, Squire. Also we can be talking crack, smack
 and Carling Black Label if we are so inclined. Don't
 drink the H₂O. All very proud we now have
 a green Prime Minister. What colour yours? Binbags.
 You will be knowing of Charles Dickens and Terry Wogan
 And Scotland. All this can be arranged for cash no questions.
 Ireland not on. Fish and chips and the Official Secrets Act
 second to none. Here we go. We are liking
 a smashing good time like estate agents and Neighbours,
 also Brookside for we are allowed four Channels.
 How many you have? Last night of Proms. Andrew
 Lloyd-Webber. Jeffrey Archer. Plenty culture you will be agreeing.
 Also history and buildings. The Houses of Lords. Docklands.
 Mny thrills and high interest rates for own good. Muggers.
 Much lead in petrol. Filth. Rule Britannia and child abuse.
 Electronic tagging, Boss, ten pints and plenty rape. Queen Mum.
 Channel Tunnel. You get here fast no problem to my country
 my country my country welcome welcome welcome.» [3, с. 11].

Здесь находит воплощение стереотипный «туристический обмен» (англ. *tourist exchange*), что позволяет Даффи таким образом поднимать вопросы о взаимосвязи языка, национальности и идентичности [7]. Главный герой – неназванный гид, который с гордостью может похвастаться достопримечательностями своей страны и при этом создает ее неблагоприятный портрет и портрет ее в значительной степени поверхностной нации. Использование искаженного синтаксиса, тем не менее, указывает не столько на неспособность овладеть английской грамматикой, сколько на тот факт, что сопоставляя высокую культуру прошлого и низкое и преступное настоящее, герой предстает человеком, обладающим пронизательностью, в противовес ограниченности его речи и аутсайдерской позиции.

Уже первые строки отражают понимание рассказчика того, что т.н. разговор о погоде является частью «of everyday English linguistic currency» [5] / «повседневной английской языковой валюты» (перевод мой – Л.Г.). Под языковой валютой здесь подразумеваются фразы-клише, которые определяют культурную ассимиляцию говорящего, ведь как туристы, так и мигранты сталкиваются с проблемой «инаковости», касающейся и языка, и самой местности, и ее обычаев. При этом, «conventions of speech and custom are often tacit rather than explicit» [7] / «условности в речи и обычаи

чаще являются негласными, а не явными» (перевод мой – Л. Г.). Поскольку же рассказчик выступает в роли гида, то его функция – способствовать преодолению культурных различий.

Комментарии гида охватывают широкий спектр вопросов, он дает советы, начиная с *Don't eat the eggs* (здоровый совет по предотвращению сальмонеллы) и заканчивая *Ireland not on* (предупреждение о табуировании обсуждения разногласий с Ирландией), открыто обличает общественные (например, экологические) проблемы: *Much lead in petrol. Filth. Rule Britannia and child abuse*, раскрывает дилемму морального обнищания нации.

Такое наслоение способствует постмодернистскому эффекту коллажа, Даффи драматизирует состояние растерянности, в котором пребывает человек, неноситель языка, подчеркивая таким образом степень, в которой идентичность предопределяется культурой и языком. Но так ли чужд этот человек Англии?

С одной стороны, стилевое смешение (в стихотворении можно найти элементы политической речи, разговорного языка, рекламные слоганы, вежливые фразы-клише) отражает онтологическую категорию постмодерна – фрагментарности. Принимая эту особую маску, поэт демонстрирует противоречия, присущие английской нации, когда во главу угла ставится различие между тем, как хотят видеть себя сами англичане, и тем, как их видят другие.

С другой стороны, главный герой выражает обеспокоенность по поводу изменений в стране, которые привели к тому, что сами ее жители стали чувствовать себя отчужденными. Англичанин конца XX века – приспособленец в т.н. тэтчерской Британии (англ. *Thatcherite Britain*), стране острых ощущений и высоких процентных ставок, культуры изобилия и культы наличных.

Так, поднимая вопрос национальной самоидентификации, Даффи демонстрирует «a sharp awareness of how the social power dynamic between empowered and disempowered groups of people developed in Britain during and after the Thatcher regime» [6, с. 106] / «четкое понимание того, как именно развивалась динамика власти, построенной на отношениях администрации и граждан, в Британии во время и после режима премьер-министра Тэтчер» (перевод мой – Л. Г.) и как это повлияло на самоидентификацию гражданина: от появления чувств отстраненности и проявления апатии до потери связи с Родиной.

Британскость. В стихотворении *Translating the British*, которое Даффи написала уже более 20 лет спустя (в 2012 году), будучи на посту поэта-лауреата, поэтесса откликается на значимые события в жизни британского общества более остро. Задав новый вектор развития современной британской поэзии, в т.ч. лауреатской, Даффи в свое время достаточно решительно отказалась от традиционной церемониальной функции лауреата, окончательно выбрав путь критики социального строя.

Так, в стихотворении *Translating the British* главный герой уже не метафорический гид-иностранец, но автор-обличитель, не просто реагирующий на Олимпийские игры-2012, проводившиеся в Лондоне, но обличающий пороки современной политической системы и ее институтов, проблемы нетерпимости, нивелирования этических и законодательных норм. Приведем текст стихотворения:

«A summer of rain, then a gap in the clouds
and The Queen jumped from the sky
to the cheering crowds.

We speak Shakespeare here,
a hundred tongues, one-voiced; the moon bronze or silver,
sun gold, from Cardiff to Edinburgh
by way of London Town,
on the Giant's Causeway;
we say we want to be who we truly are,
now, we roar it. Welcome to us.
We've had our pockets picked,
the soft, white hands of bankers,
bold as brass, filching our gold, our silver;
we want it back.

We are Mo Farah lifting the 10,000 metres gold.
We want new running-tracks in his name.
For Jessica Ennis, the same; for the Brownlee brothers,
Rutherford, Ohuruogu, Whitlock, Tweddle,
for every medal earned,
we want school playing-fields returned.
Enough of the soundbite abstract nouns,
austerity, policy, legacy, of tightening metaphorical belts;
we got on our real bikes,
for we are Bradley Wiggins,

side-burned, Mod, god;

we are Sir Chris Hoy,
Laura Trott, Victoria Pendleton, Kenny, Hindes,
Clancy, Burke, Kennaugh and Geraint Thomas,
Olympian names.

We want more cycle lanes.

Or we saddled our steed,

or we paddled our own canoe,
or we rowed in an eight or a four or a two;
our names, Glover and Stanning; Baillie and Stott;
Adlington, Ainslie, Wilson, Murray,

Valegro (Dujardin's horse).

We saw what we did. We are Nicola Adams and Jade Jones,
bring on the fighting kids.

We sense new weather.

We are on our marks. We are all in this together» [4].

Если, с одной стороны, «олимпийское» стихотворение Даффи – это возвышенный разговор о самой британскости, британских чемпионах, чувствах солидарности, национального единства и гордости, то, с другой стороны, Даффи переходит к прямому социальному обличению воровства банкиров и выражает всеобщее недовольство политикой строгой экономики.

Таким образом, оба концепта, английскости и британскости, у Даффи опираются на традиционное представление об англичанине и британце, что имеет как схожие черты, так и различия. Тем не менее, разница в 20 лет задала вектор развития именно концепту «британскости», когда мультикультурализм, отраженный в нем большей степени, провозглашается, согласно новой «Оксфордской истории английской литературы», возрождением английской литературы. С другой стороны, национальная самоидентификация (в т.ч. язык, культура и история) оказывается подвержена изменениям со стороны идеологии нового общественного строя, когда новые идеалы ведут к обнищанию нации не только в материальном, но и в моральном отношении.

Список использованных источников

1. Allen-Randolph J. "Remembering Life before Thatcher." Rev. of Selected Poems by Carol Ann Duffy // *The Women's Review of Books*. 12.8 (1995). P. 12.
2. *Anthology of Twentieth-Century British and Irish Poetry* / ed. by K. Tuma. – Oxford University Press, 2001. 976 p.
3. Duffy C. A. *The Other Country* / C. A. Duffy. London, England: Anvil Press Poetry, 1990. P. 11.
4. Duffy C. A. 'Translating the British, 2012' by Carol Ann Duffy [Электронный ресурс] // *The Guardian*, 10 August 2012. – Mode of access: URL: <https://www.theguardian.com/books/2012/aug/10/carol-ann-duffy-olympics-london> (дата обращения: 10.05.2020).
5. Meredith Wright. Essay 1. *The Modern Poet: Our Society's Language* [Electronic Resource] // Michigan State University. – Mode of access: URL: <https://msu.edu/course/eng/394h/bjwright.html> (дата обращения: 10.05.2020).
6. *The Poetry of Carol Ann Duffy: 'Choosing Tough Words'* / ed. by A. Michelis, A. Rowland. Manchester University Press, 2004. 224 p.
7. *Voice as Vision: Carol Ann Duffy* by Jane Satterfield [Electronic Resource] // *The Mezzo Cammin Women Poets Timeline Project*. – Mode of access: URL: <http://www.mezzocammin.com/timeline/timeline.php?vol=timeline&iss=1900&cat=50&page=duffy> (дата обращения: 10.05.2020).

УДК 821.162.1

**ПЕРЕДАЧА ДЕФЕКТОВ РЕЧИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С ПОЛЬСКОГО
ЯЗЫКА НА РУССКИЙ (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ
К. И. ГАЛЧИНСКОГО «СТРАСНАЯ ЗАБА»)*****О. В. Гусева,****кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры славянской
филологии, Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург*

Аннотация. Статья посвящена малоисследованным проблемам передачи дефектов речи в переводе с польского на русский язык, на примере стихотворения польского поэта К. И. Галчиньского «Страсная заба». Цель статьи – рассмотреть способы передачи индивидуальных отклонений от литературной нормы при переводе с польского, а также зависимость переводческого решения от интенций автора. Исследование приводит к выводу, что основным средством передачи неправильностей речи являются функциональные аналоги и компенсация, но для сохранения различных видов экстралингвистической информации в тексте переводчик должен также учитывать цели, которые преследовал автор, используя дефект речи в качестве основного стилистического средства.

Ключевые слова: польско-русский перевод; языковая норма; индивидуальные особенности речи; перевод отклонений от литературной нормы.

Summary. The article is devoted to a little-studied problem of the transfer of speech disorders in translation from Polish into Russian (on the example of the poem “Strassnaya Zaba” by the Polish poet K. I. Galczynski). The purpose of the article is to consider ways of transmitting individual deviations from the literary norm when translating from Polish and the dependence of the translator's decision on the author's intentions. The study leads to the conclusion that the main means of the transfer of speech disorders are functional analogs and compensation but to preserve various types of extralinguistic information in the text, the translator must also take into account the goals that the author pursued using the speech defect as the main stylistic means.

Key words: Polish-Russian translation; linguistic norm; individual features of speech; translation of deviations from the literary norm.

Одной из проблем художественного перевода является передача особенностей произношения персонажа, особенно в тех случаях, когда нарушение речи несет в себе значительную смысловую нагрузку. Даже при достаточно близкой фонетической структуре языков как, например, в русском и польском, переводчик может столкнуться с трудностями, связанными с передачей дефектов речи. В статье рассмотрена эта малоизученная в русско-польском переводе проблема.

Каждая единица речи несет в себе определенный объем информации, которая должна быть сохранена при переводе. Помимо смысловой информации, заключенной в ядре лексического значения слова, единица

речи обладает дополнительными видами информации, которые являются важными и необходимыми элементами словесного содержания. В. В. Виноградов выделял шесть видов экстралингвистической информации: смысловую, эмоционально-экспрессивную, социолокальную, хронологическую, фоновую и дифференциальную [1, с. 55].

В процессе обучения переводу, в особенности, если этот процесс идет параллельно с освоением иностранного языка, студенты в первую очередь учатся передавать смысловую, т.е. денотативную информацию. Затем, развивая словарный запас, они осознают, что в каждом синонимическом ряду лишь одно-два слова стилистически нейтральны, остальные же несут в себе эмоционально-экспрессивную информацию, которую необходимо сохранять при переводе. Изучение грамматики позволяет точнее передавать дифференциальную информацию, связанную со спецификой языковой системы. Более глубокое освоение языка дает возможность опознать устаревшие слова, выделить в тексте архаизмы и неологизмы и передать при переводе хронологическую информацию. Благодаря погружению в культуру страны изучаемого языка студенты лучше узнают национальные формы, виды и проявления духовной и материальной культуры и учатся передавать реалии, в которых заключена фоновая информация. Высокий уровень владения языком позволяет распознать заключенную в единице речи социолокальную информацию, которая свидетельствует о социальной принадлежности и локальной распространенности. Но свойственное носителю языка умение отличить стилистически нейтральную лексику от просторечия, жаргонизма или диалектизма недостаточно для переводчика, который не только должен правильно осмыслить переводимый текст, но и подобрать точные лексические соответствия в языке перевода. Иными словами, речь идет о профессиональных компетенциях переводчика, которые не ограничиваются только свободным владением языками оригинала и перевода.

Обучение навыкам передачи разнообразных видов знаменательной информации входит в программу подготовки профессиональных переводчиков. Как правило, программы рассматривают особенности передачи двух основных групп отклонений от литературной нормы, которые подробно рассмотрели С. Влахов и С. Флорин в своей монографии «Непереводимое в переводе» [2, с. 251–260]. К первой группе отклонений исследователи отнесли коллективные отклонения, включающие просторечие, диалекты, жаргоны, арго, сленг и профессиональные языки. Во вторую группу отклонений от литературной нормы входят вольности устной речи, детский язык, ломаная речь, дефекты речи и ошибки в произношении и правописании.

В теории перевода лучше всего освещена проблема перевода коллективных отклонений, об этом писали многие российские [1] и польские теоретики перевода [5, 6]. Гораздо меньше исследована группа

индивидуальных отклонений от литературной нормы, включающая разнообразные дефекты речи: косноязычие, пришепетывание, шепелявость, сюсюканье, гнусавость, картавость, заикание. Стандартным решением при переводе этой группы является поиск функционального аналога или краткое пояснение в тексте, напр. «говорил, заикаясь». Также элементы языковой характеристики персонажа, как правило, не связаны с конкретным словом, что дает переводчику возможность использовать прием компенсации, вводя найденное соответствие в другом месте текста.

Но при поиске переводческого соответствия переводчик в первую очередь должен ответить на вопрос: как автор использует данное стилистическое средство в произведении и с какой целью он это делает? Чаще всего отклонения от литературной нормы появляются в произведении как отдельные вкрапления для раскрытия образа, для речевой характеристики персонажа, а также для создания соответствующего стилистического эффекта, напр. сатирического, иронического или комического. Задача переводчика становится значительно усложняется, когда отклонение становится основным языковым и стилистическим средством в произведении, как, например, в стихотворении К. И. Галчиньского «Страсная заба: стихотворение для сепелявых», написанном в 1936 г. Это произведение ставит перед переводчиком и другие задачи: в нем появляются варшавские реалии 30-х гг. прошлого века, имена собственные, игра слов и острая сатирическая направленность, и, кроме того, рифма, хотя и нерегулярная. Данное произведение использовалось на занятиях по переводческой практике по художественному переводу с польского языка.

При предпереводческом анализе этого стихотворения в качестве основной студенты называли проблему передачи «шепелявости»: во всем стихотворении шипящие польские „sz”, „ż” и „cz” заменены на свистящие „s”, „z” и „c”. Подобная разновидность расстройств речи (так называемый «сигматизм») характерна и для русского языка, поэтому после несложного фонетического анализа подбор функциональных аналогов не вызывал трудностей у молодых переводчиков. Но, как показала практика, увлечение «технической» стороной перевода в отрыве от идейно-художественного содержания произведения часто приводит к невосполнимым потерям, в результате чего перевод становится неадекватным. Поэтому необходим более тщательный анализ текста.

«Страсная заба: стихотворение для сепелявых» характерно для Галчиньского, известного своей склонностью к веселой языковой игре, абсурдному юмору и острой социальной сатире. Фабула произведения довольно абсурдна: муж с женой, выходя из магазина, видят, как по центральной улице Варшавы скачет «страсная заба». Поскольку такое отвратительное явление не должно иметь, муж – «большая сыска» – организует охоту на жабу. Спустя три года, после долгих бюрократических процедур, жаба была схвачена, а в честь этого события организовано

«торжественное празднование» с трибунами и речами. В финале общественность хором славит начальство:

A społeczeństwo: – Zeczywiście,
dobrze, ze tę zabę złapaliście,
wsyscy pseto zawołajmy: “Niech zyje!”. [4]

И граздана закричали: «Ура!» и «Виват!
Да здравствуют, здравствуют наси нацальники,
наси засситники и наси пецальники!» [3, с. 57]

Инфантильная шепелявость в этом стихотворении становится маской, за которой поэт прячет резкую политическую сатиру: он высмеивает бюрократию, которой нужно три года, чтобы совершить банальное действие, смеется над государственной пропагандой, которая из пустяка делает повод для проведения торжественного митинга, и издевается над бездумностью толпы, которая готова славить власти за ничтожные достижения. Неудивительно, что это стихотворение Галчиньского, неплохо представленного в переводах на русский язык, долгое время не пропускала цензура. Впервые оно было опубликовано в переводе Евгения Храмова в 1987 г. [3, с. 57].

Анализ стихотворения показывает, что стилизация детского сюсюкающего языка в этом стихотворении – это прием, который нужен автору, чтобы подчеркнуть абсурдность действий бюрократии, беспомощность и инфантильность соотечественников. Шепелявость характерна для всех героев произведения, а также для авторской речи. При этом сам Галчиньский не был последователен в замене всех шипящих на свистящие, понимая, что эта словесная игра не является основной его задачей. Эмоционально-экспрессивная и фоновая информация в этом стихотворении выходят на первый план, что позволяет переводчику свободнее использовать функциональные аналоги и прием компенсации при передаче отклонений от литературной нормы. Это объясняет, например, свободу Е. Храмова в выборе названия стихотворения: польское слово „żaba”, созвучное русскому «жаба», в действительности означает «лягушка». В учебных переводах студентов появлялась «лягушка» и «лягуська». На второй план отходят имена собственные, появляющиеся в произведении, например, «Чеслав – Цеслав» или «Шимон – Симон» могут быть заменены на «Гжегожа – Гзегоза» или «Кшиштофа – Ксистофа» без ущерба для идейно-художественного содержания. Студенты, переводившие это стихотворение, предлагали заменить шипящие губным «ф», что соответствует губно-зубной разновидности шепелявости: «Однафды одна дама с муфем на Марфалковской», однако это переводческое решение было признано неудачным ввиду его неблагозвучности. Также в учебных переводах студентов встречались отказы от передачи реалий, мотивированные тем, что названия варшавских улиц «Маршалковская» или «Новы Свят» ничего не говорят русскому

читателю, при этом, отказ от локальной маркировки делает стихотворение универсальным.

Таким образом, при переводе дефектов речи необходим не только анализ речевого поведения героя и особенностей данного дефекта, но и тщательный анализ интенций автора художественного произведения для правильной интерпретации всего текста и адекватной передачи всех видов содержащейся в нем экстралингвистической информации.

Список использованных источников

1. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 342 с.
3. Храмов Е. Стихотворения 1956-1986. М.: Советский писатель, 1987.
4. Gałczyński K. I. Strasna zaba: wiersz dla sepleniących [Electronic Resource] // Kulturalna Polska. – Mode of access: URL: <http://galczynski.kulturalna.com/a-7140.html> (дата обращения 24.01.2021).
5. Lipiński K. Vademecum tłumacza. Kraków: Idea, 2004. 187 s.
6. Wojtasiewicz O. Wstęp do teorii tłumaczenia. Warszawa: Wydawnictwo Terpis, 2005. 104 s.

УДК 656.11

ЛИНГВОДИДАКТИКА ПЕРЕВОДА: ЧТО ПОКАЗАЛ «КОСИНУС ПИ»

Н. А. Давыдова,

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, факультет иностранных языков и регионоведения, Московский Государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Аннотация. Статья освещает вопросы подготовки устных переводчиков, в том числе в свете ежегодного международного конкурса «Косинус Пи». По мнению автора, в методике преподавания устного перевода особое внимание должно уделяться достижению возможно более полного автоматизма в продуцировании грамотной речи на иностранном и на родном языке. «Речевые автоматизмы» помогают адекватно и вместе с тем экономно передать ту или иную коммуникативную ситуацию, а затем могут применяться для передачи аналогичных смысловых ситуаций, переходя таким образом в разряд универсальных переводческих формул (клише).

Ключевые слова: «Косинус Пи», синхронный перевод, устный последовательный перевод, лингводидактика перевода, методика обучения, развитие профессиональных навыков, речевые формулы, клише.

Summary. The article deals with the problems of interpreters' training in the light of the Cosines Pi international annual contest. In the author's opinion the methods of teaching should focus on reaching – as much as possible – automatism in producing lexically and grammatically correct speech both in English and in Russian. This is achieved by applying speech (translation) formulas, or clichés.

Key words: Cosines Pi, simultaneous interpreting, consecutive interpreting, linguodidactics of translation, teaching methods, professional skills development, speech formulas, clichés.

Международный конкурс устных переводчиков «Косинус Пи» является чем-то вроде смотра переводческих талантов, а его финалисты и победители, как правило, получают рабочие контракты в крупных компаниях. Цель данной статьи – попытаться взглянуть на проблемы преподавания перевода, прежде всего устного, через призму требований конкурса.

Во-первых, «Косинус Пи» показал явный приоритет синхронного над устным последовательным переводом. Само название представляет собой акроним английской фразы *contest of simultaneous interpreters*. Нельзя не обратить внимание на такой факт: для синхронистов на конкурсе существуют две номинации – «Профессионал» для переводчиков с профессиональным опытом работы свыше пяти лет и «Потенциал» для студентов специализированных вузов не младше третьего курса или опытом работы. Для последовательных переводчиков существует только номинация «Профессионал». Следовательно, у студентов и выпускников тех лингвистических вузов, где не делается упор на преподавание синхронного перевода, более низкие шансы получить престижную работу.

Другой важный момент – направление перевода. Как известно, в общемировой практике принято переводить почти исключительно «на себя», т.е. с иностранного на родной язык, тогда как в силу исторических особенностей у нас в стране сложилась традиция переводить «в обе стороны», и состязания «Косинус Пи» эту традицию не нарушают [1].

Условия международного конкурса переводчиков предусматривают – как для синхронного, так и для последовательного перевода – четыре этапа испытаний в каждой из языковых пар (нас интересует пара английский – русский), в ходе которых конкурсантам предлагается перевести видео материал продолжительностью до восьми минут по тематическим направлениям: экономика и политика, бизнес и менеджмент, законы, IT-технологии, банковское дело и финансы, медицина. Отрадно, что, несмотря на знакомую всем преподавателям нехватку аудиторных часов, конкурсанты в массе своей достаточно успешно справляются с трудностями – обилием терминов и специальной лексики других разрядов = практически во всех этих сферах.

Ответ участника записывается на видео в реальном времени. Перевод оценивается по пяти параметрам: произношение, общее значение,

грамматика, стиль, терминология. Конкурсанты, вышедшие в четвертьфинал, заочно принимают участие в парных состязаниях в режиме онлайн, причём пара для каждого из них выбирается случайным образом. Прошедшим в полуфинал предоставляется возможность пройти недельную образовательную программу под руководством маститого наставника, участвовать в целом ряде тренингов и мастер-классов. Наконец, по результатам выполнения программы наставники выбирают финалистов, которые приглашаются на заключительный – очный – этап. Условия этого этапа призваны воспроизвести среду, в которой обычно работают профессиональные переводчики: осуществляется перевод перед членами жюри специализированных текстов в сфере макроэкономики, политики, экологии и других областей.

Как можно видеть, ни на одном из этапов конкурса перевод не ограничивается одним направлением – с иностранного языка на русский. Этот момент, в частности, следует учитывать при подготовке программ обучения будущих устных переводчиков, в которых, на наш взгляд, существует чрезмерный перевес англо-русского перевода.

Ещё более важным является выбор методик (или методов) преподавания, которые бы обеспечивали формирование профессиональных умений и навыков на таком уровне, чтобы позволить выпускникам соответствующих вузов если не участвовать в международном конкурсе, то, по крайней мере, осуществлять перевод на достойном его финалистов уровне.

Опыт многих лет обучения переводу показывает, что в процессе устного перевода, при отсутствии времени и опоры на письменный текст, возникает необходимость добиться возможно более полного автоматизма в продуцировании грамотной речи на иностранном и на родном языке. Вряд ли можно переоценить роль этих речевых навыков, в том числе в достаточно стрессовых условиях конкурса. Помимо термина «автоматизмы» или «речевые автоматизмы», применяется также термин «клише», под которым в лингвистике принято понимать стандартные, часто воспроизводимые в текстах фразы, выражения, словосочетания и синтаксические конструкции. Как ни парадоксально, проблема формирования автоматизма (автоматизации речевых навыков) нашла более полное отражение в рамках когнитивной психологии, а не в лингводидактике и методике преподавания иностранных языков, ещё менее она известна в лингводидактике перевода.

При этом действия переводчика понимаются как работа с глоссарием эквивалентов – эквивалентов в самом широком смысле, от лексических единиц до синтаксических конструкций и речевых формул, - позволяющих в кратчайшее время передать смысл исходного текста. Примером может служить простая, но крайне важная с точки зрения частоты использования формула для передачи ситуации, когда происходит изменение численности или объёма чего-либо: *a drop/rise/cut/decline/fall ...in something*. Достаточно

продуктивной, как показала практика, является и ёмкая формула *to aim/ be aimed at something / to do something*, с помощью которой можно передавать целый спектр ситуаций, выражающих намерение или нацеленность на что-либо. Для передачи логически следующих одна из другой ситуаций вполне применима формула с глаголом *to result in*.

Во многом благодаря частотности употребления переводческие клише очень часто помогают адекватно и вместе с тем экономно передать ту или иную коммуникативную ситуацию, а затем могут применяться для передачи аналогичных смысловых ситуаций, переходя таким образом в разряд универсальных переводческих формул. Иначе говоря, речевые клише-автоматизмы, как и прочие автоматизированные навыки, обладают следующими признаками: они воспроизводятся относительно часто, в одинаковой форме, грамматически правильно и с высокой скоростью, без пауз и промедлений. Поскольку они ассоциируются с конкретной речевой ситуацией, то и в дальнейшем могут «автоматически» возникать в памяти применительно к аналогичной речевой ситуации или отдельным её компонентам. По мере накопления переводческого опыта число «любимых» формул-клише, позволяющих не только адекватно транслировать смысл, но и снизить стрессовые нагрузки, у каждого переводчика возрастает.

Но вернёмся к профессиональной подготовке устных переводчиков. Практика показывает эффективность применения следующих методов обучения. Так же, как и на конкурсе «Косинус», студентам, обучающимся по специальности «Перевод и переводоведение», предлагается перевести звучащий текст без опоры на письменный его вариант, но, в отличие от конкурса, с предварительным тщательным изучением оригинала – оригинала, из которого студенты в ходе выполнения домашнего задания «извлекают» эквиваленты и речевые формулы. Как и на конкурсе, тексты могут затрагивать самые разные сферы: политику, экономику, право, медицину и т.п. Если позволяет количество выделенных аудиторных часов, целесообразно отработать перевод текстов, разных по жанру и стилистическим особенностям.

Сказанное выше предполагает высокие требования, предъявляемые к учебному материалу. Опыт многих лет преподавания перевода показывает, что хорошие результаты даёт творческое использование существующих учебных пособий, даже если они специально не предназначены для интересующих нас целей.

На сегодняшний день ещё мало информации, на основании которой можно было бы с уверенностью рассуждать о том, выпускники и студенты каких вузов занимают призовые места. Между тем востребованность выпускаемых тем или иным учебным заведением специалистов является одним из важнейших критериев их деятельности. Если судить по «судейской коллегии», МГЛУ явно лидирует (с сожалением следует

отметить некоторое отставание МГУ), и в ближайшие годы этому лидерству ничего не угрожает.

В завершение приведём беседу о переводческом наследии и традиции в современных условиях, состоявшуюся на площадке «Косинус Пи» 24 сентября 2020 г. между двумя выпускниками МГПИИЯ им. М. Горького (теперь МГЛУ): председателем жюри конкурса профессором Д. И. Ермоловичем и председателем Совета независимых экспертов этого же конкурса П. Р. Палажченко [2]. Наибольший интерес, на наш взгляд, представляют два момента.

Во-первых, оба собеседника подчеркнули необходимость системного подхода к обучению переводу, без которого нельзя выстроить методику преподавания. Секрет успеха выпускников своей alma mater они объясняют в первую очередь системностью, свойственной применявшейся ещё в 60-70-х гг. методике, основанной на трудах таких классиков, как Я. И. Рецкер, В. Г. Гак и другие. Второй момент связан с пониманием роли теории, т.е. науки о переводе. Многие, говорилось в ходе беседы, считают, что для успешной деятельности наука не нужна, важен лишь опыт подбора соответствий. Это не так. Каждый переводчик должен анализировать то, что он делает. Науку следует понимать как обобщённую, осмысленную концепцию из накопленных знаний, постоянно проверяемых практикой. Думается, оба высказанных положения составляют основу лингводидактики перевода.

Список использованных источников

1. КОСИНУС Пи [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Y3qctwQuIOM&t=116s> (дата обращения 15.01.2021)

2. Сайт Д. И. Ермоловича [Электронный ресурс]. URL: <http://ermolovich.ru/> (дата обращения: 10.04.2019; 15.01.2021).

УДК 130.2:314.743

ПЕРЕВОД КАК ЗЕРКАЛО КУЛЬТУРЫ

О. Р. Демидова,

*доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии,
Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург*

Аннотация. В статье анализируется современное состояние отечественной культуры, отражением которого выступает низкий уровень переводческого искусства, негативным образом сказывающийся как на общекультурном и языковом поле, так и на сознании сообщества и его системе ценностей. По мнению автора, перевод, рассматриваемый в количественном и качественном аспектах, является достоверным показателем прогрессивного или регрессивного движения культуры в рамках типологической оппозиции «донор – реципиент», определяющего ее место в единой иерархии межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: перевод, культура, язык, взаимодействие культур, заимствование, калькирование, культурное развитие.

Summary. The paper analyses the actual state of Russian culture as reflected by the present-day level of the art of translation which negatively influences both the general cultural / language state and the collective consciousness with its axiological system. The author argues that translation regarded both qualitatively and quantitatively is a reliable evidence of the progressive or regressive vector of cultural development within the typological opposition «the donor – the recipient» determining the place of a national culture in the general intercultural communication hierarchy.

Key words: translation, culture, language, cultural interrelations, cultural loans, calculus, cultural development.

Одним из существенных показателей общего состояния и типа культуры справедливо принято считать ее способность вступать во взаимодействие с другими культурами и характер / принцип этого взаимодействия. В соответствии с этим критерием любая культура в различные периоды своего развития осциллирует между двумя типологическими инвариантами: «потребительским» (преимущественно заимствующим из внешнего культурного поля) и «донорским» (преимущественно воздействующим на него), поступательно развиваясь от первого ко второму и – в определенных социокультурных обстоятельствах – обратно. Подобное амбивалентно направленное движение обусловлено двумя обстоятельствами: во-первых, все культуры проходят одни и те же стадии развития; во-вторых, для различных культур эти стадии не совпадают во времени. Иными словами, при типологически единой для всех стадийной парадигме наблюдаются существенные хронологические различия, что и является основной предпосылкой для продуктивного межкультурного взаимодействия в режиме «give-and-take».

Перевод как один из основных механизмов указанного взаимодействия (подробнее см. [1; 2]) не только способствует взаимному обогащению в иерархически организованном пространстве мировой культуры, но и выступает как показатель места, занимаемого отдельными национальными культурами в этой иерархии в определенный исторический период, позволяющего отнести каждую из них к тому или другому из вышеозначенных типов. В соответствии с этим именно перевод в совокупности его количественных и качественных характеристик можно считать весьма надежным показателем культурного развития как в прогрессивном (движении вперед), так и в регрессивном (движении назад) отношении. Общий объем переводимых текстов, их видовая, отраслевая и жанровая специфика (художественные, научные, научно-популярные, политические, технические и пр.; поэзия, проза, драматургия, публицистика и пр.; «элитная» и массовая литература и мн. др.), типы и способы перевода, а равно и наиболее употребительные переводческие стратегии и приемы свидетельствуют не только о потребностях

определенной культуры и ее актуальном состоянии, но и – что более важно – о выборе того или иного пути развития, в конечно итоге ориентированном на один из двух вышеуказанных типов. Причины, лежащие в основе этого выбора, далеко не всегда ограничиваются собственно культурным полем, в определенных исторических обстоятельствах выходя за его пределы в пространство геополитическое, идеологическое и/или экономическое. В подобных случаях радикально меняется объективно выполняемая переводом функция: он не может более способствовать обогащению и творческому развитию воспринимающих культуры и языка, превращаясь в орудие их последовательного разрушения.

Общее состояние отечественного перевода последних трех десятилетий являет собой печальный пример подобного положения дел. Основной корпус переводимых художественных текстов составляет продукция достаточно низкопробной массовой литературы (триллеры, хоррор, криминальные драмы, любовные и «деловые» романы, фэнтези, романы о пришельцах и звездных войнах и пр. т.п.) с присущими им агрессией, многочисленными эпизодами насилия разного рода, с примитивным языком и банальными сюжетными коллизиями, «ходульными» персонажами, выступающими выразителями вполне определенной системы ценностей. Переводчиками и редакторами художественных переводов, как и переводов научных, публицистических, журналистских, технических и других специальных текстов нередко выступают непрофессионалы, не владеющие ни техникой перевода, ни одним из двух задействованных языков.

Основным приемом нередко становится калькирование разного рода: переводные тексты изобилуют фонетическими, лексическими, грамматическими, стилистическими кальками, которые постепенно и весьма агрессивно входят в русский язык и отечественную речевую практику, вытесняя принятые в них нормы и подменяя их нормами другого, преимущественно английского в его американском варианте, языка¹. Незнание сопоставительной грамматики, сопоставительной стилистики, правил слово- и смыслообразования, фразеологии синтаксического по своей природе русского и аналитического – английского языков приводит к невольному, а нередко и намеренному возрождению буквалистского перевода, затемняющего, искажающего, а в ряде случаев и полностью уничтожающего смысл, ср.: «он заинтересовался знать» (англ. «he got interested to know»), «было важно, чтобы они вчера пришли туда» (англ. «it was important that they should have come there yesterday»), «он казался бывшим красивым» (англ. «he seemed to have been

¹ Следует отметить, что подобные процессы типичны не только для России, что давно уже стало поводом для размышлений о выраженной агрессии американской культуры, причем, далеко не в лучшем ее изводе.

good-looking»), «хорошенький чайник с рыбой» (англ. «pretty kettle of fish») и мн. т.п. Несоблюдение существующих в двух языках различий между временем действия и выражающей его формой глагола (пресловутое английское правило согласования времен, отсутствующее в русском языке) искажает заложенную в оригинальном тексте последовательность событий, ср.: «Он сказал, что ходил туда» (англ. «He said he went there»). Непонимание семантических принципов и механизмов образования и функционирования английских синонимических рядов, с одной стороны, и многозначности слова, с другой, вызвало к жизни заполонившее русское языковое пространство слово-паразит «комфортно», употребляемое в самых неуместных ситуациях. Вместо русских «место», «расположение», «местонахождение» появилась вездесущая «локация»; английское «hospital», допустимое и в гражданском, и в военном контексте, посредством бездумного калькирования превратилось в вытеснивший русскую «больницу» «госпиталь», в русском языке исходно употреблявшийся лишь в узкоспециальном смысле для обозначения военного медицинского учреждения. Незнание правил и традиции передачи географических названий или подчеркнутый отказ от них имеет результатом сосуществование в одном предложении Гудзона и Восточной реки (англ. the Hudson, the East River) или чередование Флориды с Флоридой (англ. Florida).

При чтении некоторых современных переводов может показаться, что время повернуло вспять, а сложившееся положение дел в известной мере повторяет то, которое существовало в России в XVIII–первой половине XIX вв., с его засильем калек и буквализмов разного рода, тяжеловесным синтаксисом, очевидным непониманием переводчиками оригинального текста, привдвиншим к смысловым ошибкам и пропускам. Однако не менее очевидно и существенное историко-культурное отличие: в восемнадцатом столетии отечественная школа перевода только начинала складываться, ощупью прокладывая себе путь и не имея за плечами традиции, на которую можно было бы опереться. К началу Петровских реформ русская культура и язык значительно отставали от основных европейских, и для заполнения многочисленных лакун потребовались множественные заимствования реалий, понятий и обозначающих их слов из английского, французского, немецкого, итальянского, голландского языков. Но все они производились не в режиме бездумного калькирования, а осмысленно, непременно сопровождаясь необходимыми толкованиями и пояснениями в примечаниях и предисловиях переводчиков к переводимым иноязычным текстам и нередко вызывая широкую полемику и детальные обсуждения в переводческом сообществе, о чем свидетельствуют как личная переписка мастеров перевода, так и журнальные публикации [3; 4, с. 28-318; 5]. Понятийные и языковые новшества не навязывались агрессивно российскому сообществу, а постепенно и аккуратно внедрялись в языковое пространство и общественное сознание, т.е., в единое поле

отечественной культуры – и далеко не все заимствования в нем прижились. Современная же российская культура в лице значительной части ее носителей безответственно поглощает целые пласты инокультурных реалий и иноязычной лексики, с готовностью и нередко без понимания подменяя «новыми» словами, оборотами и структурами давно существующие в родном языке и все более превращая его в некий наднациональный глобальный воляпюк, конструируемый в соответствии с доведенными до абсурда требованиями «современности» и политкорректности. Подобная позиция разрушает не только язык – она разрушает индивидуальное и общественное сознание, позволяя всем желающим легко манипулировать им в нужных целях, искусно жонглируя малопонятными заимствованиями и скрывая за модными словами истинные намерения.

Разумеется, и сегодня издают и переиздают хорошие книги в достойных переводах, старых и новых, а немногие действительно профессиональные переводчики стремятся сохранить достижения отечественной переводческой школы, сочетавшей точное знание с высоким искусством и считавшейся лучшей в мире. О попытках сохранить традицию свидетельствуют, например, серии «Корифеи художественного перевода: петербургская школа» и «Мастера художественного перевода», выходящие с 2011 г. в издательствах «Петрополис» (СПб.) и Центра книги Рудомино (М.) соответственно, а также «Мастера перевода» (М.: Терра-Книжный клуб), продолжающие традицию, заложенную сериями советского периода «Мастера современной прозы» (1971–1991), «Мастера поэтического перевода» (1963–1985) и др., вышедших в московских издательствах «Прогресс», «Радуга» и Издательстве иностранной литературы. Однако все это, к сожалению, стало скорее исключением, чем правилом, перейдя из разряда нормы, основного культурного потока в разряд маргиналий – во-первых, в современных изданиях подобного рода переиздаются работы мастеров советской эпохи; во-вторых, тиражи этих изданий несопоставимы с прежними.

Если допустить, что любая культура неизменно отражает себя в зеркале перевода, придется признать, что современная культура России предстает в нем не самым лестным для себя образом. Положение усугубляют журналисты, блогеры, чиновники всех рангов и, к сожалению, многие деятели культуры, включая писателей, своим именем и статусом словно узаконивающие право уродливого новояза на жизнь и все более широкое и весьма агрессивное распространение. В результате русский язык все дальше отходит от своей литературной нормы «великого и могучего», а русская культура, забыв о своей великой традиции, постепенно переходит в разряд вторичных культур заимствующего типа.

Список использованных источников

1. Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Л.: Наука, 1979. 494 с.

2. Кулешов В. И. Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке (первая половина). Изд. 2-е. М.: Изд-во Московского университета, 1976. 350 с.
3. Левин Ю. Д. Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. Л.: Наука, 1985. 299 с.
4. Русские писатели о переводе (XVIII–XX вв.). Л.: Советский писатель, 1960. 696 с.
5. Demidova O. R. Translators about Translation: Conversations across Times and Countries // Филологические науки. 2019. № 6. С. 106-111.

УДК 8'81

МЕТАФОРА И ЕЕ ПЕРЕВОД В РОМАНЕ У. ГОЛДИНГА «ПОВЕЛИТЕЛЬ МУХ»

Э. К. Джапарова,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь

И. С. Абкеримова,

обучающийся второго курса магистратуры кафедры английской филологии, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь

Аннотация. В статье рассмотрена роль метафоры в произведении У. Голдинга «Повелитель мух». Настоящее исследование основано на таких специальных методах как метод исследования мифопоэтики, когнитивного моделирования и анализ концептуальных метафор. Предлагается перевод примеров концептуальных метафор с английского языка на русский, описывающих роль и характерные особенности концептуальных единиц.

Ключевые слова: мифопоэтика, метафора, перевод, Повелитель мух.

Summary. The article considers the role of metaphor in the work of W. Golding “Lord of the Flies”. The present research is based on such special methods as the method of research of mythopoetics, cognitive modeling and analysis of conceptual metaphors. The article offers translation of examples of conceptual metaphors from English into Russian, describing the role and characteristic features of conceptual units.

Key words: mythopoetics, metaphor, translation, Lord of the Flies.

Мифопоэтическая картина мира занимает первое место по происхождению, так как она была свойственна первобытному мышлению. Данную тему изучали различные лингвисты (А. Ф. Лосев, Дж. Лакофф, Е. М. Мелетинский и т.д.), литературоведы (Ю. М. Лотман, А. Я. Гуревич), философы и культурологи (Э. Кассиер, Р. И. Павиленис, М. Элиаде).

Роман У. Голдинга «Повелитель Мух», выпущенный в 1954 году, имеет широкую славу и популярность среди читателей всего мира. В

данном произведении исследуются противоречивые аспекты человеческой природы, их распространенность и значение для общества. Роман своей идеей напоминает социальный эксперимент – есть группа подопытных и есть закрытое пространство [1, с.224].

Голдинг называл свои романы мифами, чем и объясняется мифопоэтичность выбранного произведения. Его тема – страшная природа человека, живущая в каждом из нас. Мифопоэтическое мышление объясняется бинарными оппозициями, на которых построен мир романа: свет и тьма, смерть и жизнь, дьявольское и божественное, бессознательное и разумное; человек в романе не выделяется – он стоит наравне с природой; логика вытесняется эмоциями – здравый смысл мальчиков затемняется инстинктами и желаниями [3, с. 68].

Цель настоящей работы – выявить особенности функционирования и перевод метафоры в романе У. Голдинга «Повелитель Мух».

При создании мифопоэтической картины все неживое непременно становится живым. Так и в романе Голдинга природа оживает. Передается же ее одушевление через многообразные антропоморфные метафоры. Остров представляется лабиринтом из разнообразных по своей природе местностей. Хотя мы и не можем четко увидеть образность места действия, описание природы и маршрутов занимает довольно большую часть романа. При этом каждый пейзаж обязательно олицетворяется. Приведем примеры олицетворения:

- The sea/waves

«Then the sea breathed again in a long, slow sigh, the water boiled white and pink over the rock...», «There was no sense of the passage of waves; only this minute-long fall and rise and fall...», «The glittering sea rose up, moved apart in planes of blatant impossibility» [4]. («Потом море снова медленно, тяжело вздохнуло, вскипело над глыбой белой розовой пеной»; Здесь волны не ходили, они не шли никуда, просто вскидывались и обрывались, вскидывались и обрывались; Слепящее море вздымалось, слоилось на пласты сущей немыслимости) [2].

- The coral reef / land

«the coral reef and the few stunted palms that clung to the more elevated parts would float up into the sky... Sometimes land loomed where there was no land and flicked out like a bubble as the children watched» [4]. («коралловый риф и торчавшие кое-где по его возвышениям чахоточные пальмы взмывали в небо...А то земля вдруг вставала там, где никакой земли не было, и тут же на глазах у детей исчезала, как мыльный пузырь» [2].

- The sky/clouds/moon/lights

«The clouds were sitting on the land; they squeezed, produced moment by moment this close, tormenting heat», «A sliver of moon rose over the horizon... but there were other lights in the sky that moved fast, winked, or went out...» [4]. («Тучи наваливались на землю; они выжимали, выдавливали от

минуты к минуте все более душный, томительный жар», «Лунный серп всплыл над горизонтом... но вот в небе зажглись иные огни, они метались, мигали, гасли») [2].

- The forest

«the forest further down shook», «the forest minutely vibrated», «Now the forest stirred, roared, flailed», «The forest and he were very still», «the forest sighed» [4]. («деревья внизу затряслись», «лес легонько подрагивал», «от лес всколыхнулся, забился, загудел», «и он и лес – оба затихли», «лес охнул») [2].

- The wind / the breeze

«the wind roared», «The wind steadied and bore it», «a gust of wind set all three spluttering», «A sudden breeze shook the fringe of palm trees» [4]. («Ветер взвыл», «ровный ветер», «ветер заставил их отплеываться», «Вдруг ветер качнул пальмы») [2].

Исходя из данных примеров, можно выделить следующие способы создания антропоморфных метафор:

- почти всегда, описывая природные явления, автор употребляет с ними глаголы, что употребляются с живыми существами: «the forest vibrated/roared», «the clouds were sitting on the land», «a sudden breeze shook», «an interminable dawn faded the stars out» [4].

- также помимо глаголов с природными явлениями сочетаются описательные для человека прилагательные: «the looming sky», «the vivid stars danced», «the green light was gentle», «dying trees» [4].

- природе присваиваются наименования частей тела (или же признаки человеческой или животной внешности): «the pink lips of the shell», «the jungly end ... drawn at the end to a pink tail», «there was a gash visible in trees» [4].

Итак, на основе вышеперечисленных данных, мы можем выделить следующие лингвокогнитивные модели, где сферой-источником выступает природа:

1. природа человека

- человеческое поведение

«Then the sea breathed again in a long, slow sigh, the water boiled white and pink over the rock...»; «The clouds were sitting on the land; they squeezed, produced moment by moment this close, tormenting heat» [4]. («Потом море снова медленно, тяжело вздохнуло, вскипело над глыбой белой розовой пеной», «Тучи наваливались на землю; они выжимали, выдавливали от минуты к минуте все более душный, томительный жар») [2].

- описание человека

«the looming sky», «the green light was gentle», «dead or dying trees» [4]. («хмурое небо», «тихий зеленый свет обливал их», «мертвые и гибнущие деревья») [2].

- части тела

«the pink lips of the mouth», «there was a gash visible in trees». («разинутые розовые губы», «глубокая рана – там были покалечены стволы») [2].

2. природа – животное

- поведение животного
- «the wind roared», «The breezes that on the lagoon had chased their tails like kittens» [4]. («ветер взвыл», «ветер, рево носившийся по лагуне, как котенок») [2].

Почти все природные явления ассоциируются в большинстве своем с человеком, а так же с животным. Таким образом, подтверждается присущий мифу антропоморфизм, доминирующий над иными способами сравнения.

Стоит также отметить, что в данном романе встречается парадоксальное олицетворение мертвых тел, напоминающее оксюморон «живой труп». Например, действия живого существа переносятся на труп упавшего парашютиста: «... and the figure sat, its helmeted head between its knees, held by a complication of lines» [4]. («и тело, укрепленное их сплетеньем, село, уткнувшись шлемом в колени») [2], «Fifteen yards away from them came the plopping noise of fabric blown open» [4]. («В пятнадцати ярдах от них хлопала вздутая ткань») [2].

Так же олицетворяется отрубленная голова свиньи, насаженная на палку: «... in front of Simon, the Lord of the Flies hung on his stick and grinned» [4]. («прямо против Саймона ухмылялся насаженный на кол Повелитель мух», «Fancy thinking the Beast was something you could hunt and kill! – said the head» [4]. («И вы вообразили, будто меня можно выследить, убить? – сказала голова») [2], «Simon was inside the mouth» [4]. («Пасть поглотила Саймона») [2].

Таким образом, следует заключить, метафора – метод познания мира, она лежит в основе любого мифотворчества, так как является главным элементом бессознательной формы первичного познания. На примере произведения «Повелитель мух» Уильяма Голдинга, мы проследили, что вытесняя пустой образ неживого, метафора создает мифопоэтическое пространство. Через проведенный анализ антропоморфных метафор в романе было выяснено, что выражается антропоморфизм главным образом через сравнение природы конкретно с человеком, что доказывается наличием следующих лингвокогнитивных моделей: природа – человеческое поведение, природа – описание человека, природа – части тела. Также встречается парадоксальное олицетворение мертвых тел – труп парашютиста и отрубленная голова свиньи.

Список использованных источников

1. Васильева Е. К. 50 знаменитых английских романов / Е. К. Васильева, Ю. С. Пернатъев. Харьков: Фолио, 2004. 510 с.
2. Голдинг У. Повелитель мух / пер. с англ. Е. Суриц. Москва: АСТ,

2014. 317 с.

3. Шанина Ю. А. Мифопоэтика романов Уильяма Голдинга: дис.... канд. филол. наук. Уфа, 2007. 251 с.

4. Golding William Lord of the Flies. KOMAScript and LaTeX, 2005. [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: http://kkoworld.com/kitablar/uilyam_qoldinq_milchekler_krali-eng.pdf (Дата обращения: 29.01.2021).

УДК 81'42(=111)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЖЕНЩИНА» В РОМАНЕ ВИРДЖИНИИ ВУЛЬФ «НА МАЯК»

Э. К. Джапарова,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь

А. А. Власова,

обучающийся второго курса магистратуры кафедры английской филологии, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь

Аннотация. В статье рассмотрена реализация концепта «женщина» в произведении В. Вульф «На маяк». Указывается, что образ Миссис Рэмзи, является отражением сущности женщины, которая является хранительницей очага и умеет преодолевать материальные и физические трудности в жизни. Предлагается перевод примеров концептуальных составляющих с английского языка на русский, описывающих роль и характерные особенности женщины традиционной английской семьи.

Ключевые слова: концепт, перевод, женщина, семья, хранительница очага, личное пространство.

Summary. The article discusses the implementation of the concept “woman” in the work of V. Wolf “To the lighthouse”. It is indicated that the image of Mrs. Ramsay is a reflection of the essence of a woman who is the keeper of the hearth and knows how to overcome material and physical difficulties in life. Translation of examples of conceptual components from English into Russian, describing the role and characteristics of a woman in a traditional English family, is proposed.

Key words: concept, woman, family, hearth keeper, personal space, translation.

Одним из главных направлений в современной лингвистике считается изучение языка в тесной связи с познавательной деятельностью человека. Такое направление называется, когнитивная лингвистика. Когнитивная лингвистика занимается исследованием коммуникативно-релевантных концептов языковой картины мира. В аспекте этого направления язык состоит из системы концептов, с помощью которых носители языка воспринимают, интерпретируют и передают информацию,

поступающею из внешнего мира. Таким образом, язык строится на основе «базовых» концептов, тех явлений, которые отражают культурные особенности и специфику коллективного сознания [1, с. 126].

Особое внимание ученые лингвисты уделяют концепту «женщина», который был рассмотрен в работах А. А. Аминовой, И. Бойцова, Л. Х. Дзасежевой, М. Р. Епремян, Е. И. Калугиной и т.д. Данный концепт является одним из важнейших феноменов национального сознания. Именно в таком понимании данный концепт будет рассмотрен в данной работе. И хотя такому концепту посвящены многие исследования в области социологии, психологии, философии, истории, в области лингвистической литературы концепт «женщина» изучен недостаточно. Поэтому мы предлагаем рассмотрение женщины как феномена в английской языковой картине мира, где она обретает свое множественное и вариативное обозначение [2, с. 151].

Целью нашей работы является репрезентация концепта «женщина» через образ Миссис Рэмзи в романе В. Вульф «На маяк».

Ярким примером отражения концепта «женщина» в литературе является произведение В. Вульф «На маяк». Автор описывает многодетную семью, которая сталкивается с трудностями семейной жизни. Главной героиней романа является Миссис Рэмзи. В семье восемь детей. Несмотря на то, что у Миссис Рэмзи есть муж, на нее ложится вся тяжесть жизни многодетной семьи. Она мудрая женщина, ей около 50 лет, но даже в таком возрасте она не утратила своей красоты, все соседи уважают и ценят ее. Она хранительница очага, дети сильно привязаны к своей матери. Характер Миссис Рэмзи, ее внутренняя сила хорошо прослеживаются через ее действия:

- “...Mrs Ramsay braced herself, and, half turning, seemed to raise herself with an effort, and at once to pour erect into the air **a rain of energy**, a column of spray, this fountain and spray of life, the fatal sterility of the male plunged itself, like a beak of brass, barren and bare...” [3, p.26]. (“...Миссис Рэмзи напряглась и, полуобернувшись, как будто с усилием приподнялась и тотчас же излила в воздух дождь энергии, столб брызгов, словно этот фонтан был источником жизни, который погружался в роковую мужскую скудость, как медный, бесплодный и голый клюв”).

- “...She laughed, she knitted. Standing between her knees, very stiff, James felt **all her strength** flaring up to be drunk and quenched by the beak of brass, the arid scimitar of the male, which smote mercilessly, again and again, demanding sympathy...” [3, p.26]. (“...Она смеялась и вязала. Стоя между ее коленями, очень напряженная, Джеймс чувствовал, как вся ее сила разгорается, устремляясь опьяненному и утоленному медному клюву, безжалостному ятагану, который бил безжалостно, снова и снова, требуя сочувствия...”).

- “...So boasting of her **capacity to surround and protect**, there

was scarcely a shell of herself left for her to know herself by; all was so lavished and spent; and James, as he stood stiff between her knees, felt her **rise in a rosy flowered fruit tree laid with leaves and dancing boughs** into which the beak of brass, the arid scimitar of his father, the egotistical man, plunged and smote, demanding sympathy...” [3, p. 27]. (“...Так хвастаясь своей способностью оберегать, она едва ли могла узнавала себя; все было так расточительно; и Джеймс, стоя неподвижно между ее коленями, чувствовал, как она тянулась вверх розовым цветущим фруктовым деревом, покрытым листьями и танцующими ветвями, в которые вонзался и бил медный клюв, бесщадный ятаган его отца, эгоиста, требуя сочувствия...”).

Автор описывает миссис Рэмзи как сильную, стойкую женщину. При описании используются такие лексические единицы как «energy», «spray», «fountain of life», «strength»; Через их семантику становится ясно, что эта женщина сильна и физически, и ментально, она может в короткий срок справиться с духом, привести свои мысли в порядок.

Более того, в каждом описании миссис Рэмзи Вирджиния Вульф характеризует и ее мужа. Словосочетание «the beak of brass» повторяется несколько раз. На наш взгляд, данное словосочетание имеет сексуальную коннотацию. Как только ее муж, мистер Рэмзи, чувствует себя никчемным, непринятым и непонятым обществом, он незамедлительно требует к себе внимания жены. Миссис Рэмзи создает вокруг себя скорлупу «shell», в этом пространстве она чувствует себя очень комфортно. Ее муж вторгается в ее личное пространство, пытаясь пробить ее «скорлупу» медным клювом. Ей же просто необходимо это пространство, так как на ее плечах держится и вся семья, и дом, и муж, который без нее ничто.

Вирджиния Вульф показывает не только сильную сторону миссис Рэмзи. Главная героиня, прежде всего, женщина. Так, миссис Рэмзи сравнивается с фруктовым деревом, с цветком.

Другая составляющая, которая прослеживается в данных контекстах – религиозная. Можно предположить, что фруктовое дерево с розовыми цветами – это яблоня. Цветы яблони символизируют женскую красоту. Действительно, миссис Рэмзи была красива, и она сохранила свою красоту к 50 годам.

Вирджиния Вульф на протяжении всего романа большое внимание уделяет отношению миссис Рэмзи к своему мужу:

- “His arm was almost like **a young man's arm**, Mrs Ramsay thought, thin and hard, and she **thought with delight** how strong he still was, though he was over sixty, and how untamed and optimistic” [3, p. 48]. (“Рука у него была почти как у юнца, - подумала миссис Рэмзи, - тонкая и твердая, и она с восторгом подумала, какой он все еще сильный, хотя ему уже за шестьдесят, и какой неукротимый и оптимистичный”).

- “There was **nobody** whom she **reverenced as she reverenced him**. She was quite ready to take his word for it, she said...” [3, p. 48]. Не было

никого, кого она почитала бы так, как его. Она была вполне готова поверить ему на слово, сказала она....”.

Миссис Рэмзи очень сильно любила своего мужа. Она безгранично уважала и чттила его. Это подтверждают такие лексеммы в семантике слов как «profound awe and respect», «admiration for someone», «feel very happy». Временами она считала, что недостойна его. Мистер Рэмзи же, напротив, считал, что это она слишком хороша для него. Он полагал, что обязан ей всем, и был безгранично ей благодарен за то, что она являлась его супругой.

Еще один контекст – то, как миссис Рэмзи видит свою жизнь:

- “Everything seemed **possible**. Everything seemed **right**. Just now (but this cannot last, she thought, dissociating herself from the moment while they were all talking about boots) just now she had **reached security**; she **hovered like a hawk suspended**; like a **flag** floated in an element of joy which filled every nerve of her body fully and sweetly, not noisily, solemnly rather, for it arose, she thought, looking at them all eating there, from husband and children and friends” [3, p.73]. («Все казалось возможным, все казалось правильным. Только что (но это не может длиться вечно, думала она, отделяя себя от того момента, когда они все говорили о ботинках) только что она достигла безопасности; она парила, как подвешенный ястреб; как флаг плыл в стихии радости, которая наполняла каждый нерв ее тела полностью и сладко, в тишине, и, скорее торжественно, потому что она возникла, когда она осматривала их всех за едой: мужа, детей и друзей»).

Миссис Рэмзи была счастлива. Безусловно, ее жизнь не была легкой, но она сумела сохранить в себе силы и внутренний стержень. Она умела увидеть свое счастье, даже, казалось бы, в такие бытовые, ничего незначащие моменты. Она не сожалела о прожитой жизни, миссис Рэмзи думала иначе. Она знала, что многое еще впереди: такие словосочетания как «able to be done», «potential» помогают нам понять смысл ее слов. К 50 годам она достигла того понимания жизни, к которому стремилась: она чувствовала поддержку семьи и в то же время чувствовала свободу («freedom from doubt, anxiety»).

Таким образом, концепт «женщина» на примере миссис Рэмзи становится частью концептуальной моделью произведения Вирджинии Вульф «На маяк». На основании анализа, мы сделали вывод, что концепт «женщины» представляет собой слабый пол с сильным характером, хранительница очага, которая может постоять за себя. В целом «женщина» предстает перед нами как смелая и самостоятельна, со своими положительными и отрицательными чертами.

Список использованных источников

1. Коногорова А. А. Концепт «женщина» в английской лингвокультуре // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. 2010. № 10. С. 126-129.

2. Епремян М. Р. Некоторые аспекты исследования языковой репрезентации концепта «женщина» в произведениях британских романисток // Известия российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 101. С.149-152.

3. Woolf V. A To the Lighthouse [Electronic Resource] – Mode of access: URL: <https://opentextbc.ca/englishliterature/wp-content/uploads/sites/27/2014/10/To-the-Lighthouse-Etext-Edited.pdf> (дата обращения 28.01.2021).

УДК 81'25

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ МЕЖСЛАВЯНСКОГО ПЕРЕВОДА

В. И. Ермола,

кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Чэнь Сяовэй,

обучающийся второго курса магистратуры кафедры славянской филологии, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Аннотация. В статье рассматриваются общие особенности передачи национально-специфической лексики при межславянском переводе. Цель данной работы состоит в выявлении особенностей приемов передачи национально-специфической лексики при осуществлении межславянского перевода и предложении новых переводческих приемов для работы в этом направлении. В ходе работы были выявлены проблемы и особенности перевода такого рода. Также были описаны и предложены приемы передачи национально-специфической лексики в межславянском переводе. Основным выводом работы является указание на необходимость уделить особое внимание культурной составляющей перевода и максимальной семантической и стилистической эквивалентности исходного текста и текста перевода (воссоздание текста оригинала для языковой культуры реципиента).

Ключевые слова: адекватный перевод, межславянский перевод, исходный язык, язык перевода, сравнительный анализ

Summary. The article deals with general issues and methods of translating nationally marked vocabulary between Slavic languages. The purpose of this work is to identify the peculiarities of methods of transferring the nationally marked vocabulary during inter-Slavic translation, as well as to suggest new translation techniques for working in this field. Problems and peculiarities of inter-Slavic translation were identified and analyzed in the course of the work. In addition, methods of transfer of nationally marked

vocabulary during inter-Slavic translation were suggested and described. Major conclusion of the work was an indication of the need of giving particular attention to a cultural component of translation, as well as to semantic and stylistic equivalence of the source and target texts (re-creation of the original work for the target linguaculture)

Key words: adequate translation, inter-Slavic translation, source language, target language, comparative analysis

Современная переводческая наука рассматривает перевод как разновидность межъязыковой коммуникации, целью которой является замена оригинала вторичным текстом, создаваемым в иной культурно-языковой среде. Каждый язык обладает уникальными чертами, сформированными историей, культурой и бытом народа-носителя этого языка. Восприятие же этих особенностей может вызывать трудности у представителей иных культурно-языковых сред. Данные национально-специфические единицы имеются на лексическом уровне, наиболее же представленными из них являются реалии. Так как восприятие произведений, созданных на другом языке, представляет собой чтение адаптированных текстов, то есть переводов, а не оригиналов, то особый акцент следует делать именно на воссоздании исходного текста на языке-реципиенте, а не просто его калькировании.

Славянские языки весьма схожи, что выражается в наличии большого числа общих синтаксических и лексических черт. Так, Н. А. Мещерский подчеркивает, что древнеславянский язык в начальную эпоху своего существования представлял собой единую фонетическую, грамматическую и лексико-стилистическую систему, понимаемую всеми носителями славянских наречий [5, с. 15].

Процесс разделения лексической и стилистической составляющих литературных славянских языков начался в XIV-XV вв. Л. С. Ковтуном отмечается, что в этот период перечни славяно-русских соответствий указывают на формирующуюся мысль о самостоятельности русского языка и его особенностях по сравнению с другими славянскими языками [3, с. 203]. С XVI в. начинается развитие перевода как явления в отношениях между славянскими странами. Активное становление и развитие славяно-славянских культурных связей и соответственно литературного перевода, в том числе славяно-русского, пришлось на XVII-XVIII вв. – эпоху интенсивного развития литературного русского языка и его системы стилей [7, с. 10]. Период с конца XVIII до конца XIX века отмечается процессами развития национальных идентичностей славянских народов и их унификации. В XIX в. продолжается развитие славянской лексикографии, как моноязычной, так и двуязычной. В XX веке оно приобретает массовый характер.

В XXI веке особое внимание уделяется переводу реалий, лингвокультурологическому анализу перевода и схожим практикам. Тем не менее, следует заметить, что вследствие близости славянских языков и

наличия немалого количества общих языковых элементов, подобный переводческий анализ достаточно трудно проводить. Осложняет его значительное количество внутренних культурных заимствований. Касаясь данной темы, Е. Бартминьский замечает, что современные исследователи отмечают важную роль этимологического анализа в реконструкции языковой картины мира [1, с. 11].

Отсутствие единой классификации реалий – одна из основных проблем при переводе данных языковых единиц. Существование различных терминов для обозначения понятия реалий показывает сложность перевода этой группы лексики.

Проблема передачи лексики, включающей в себя реалии, всегда была одной из основных проблем в истории перевода. Тем не менее, это не значит, что, сталкиваясь с подобными «непереводимыми словами», переводчик не сможет подобрать соответствия для них без потери эквивалентности. Вопрос в том, как именно это следует осуществлять. Как отмечает А. В. Федоров, не существует слов, которые нельзя было бы перевести на другой язык хотя бы приблизительно, путем создания распространенного сочетания слов данного языка [9, с. 608].

История переводов с одного славянского языка на другой имеет глубокие корни. Именно особенности эволюции национальных литературных традиций сформировали базис семантических различий между языками и их отличающейся картины мира, которая включает в себя и национально-специфическую лексику.

Необходимо отметить, что выделение особенностей семантических свойств реалий, относящихся к культуре определенного народа, существует и в близкородственных языках. Это касается также и имен собственных, которые в переводе могут рассматриваться как национально-специфическая лексика. При художественном переводе следует тщательно анализировать уровень изменения смыслового наполнения имен собственных, а также средства скрытой и явной смысловой компенсации.

Языковая картина мира, передающая смыслы одного языка на другой, при этом рассматривается как совокупный комплекс зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа [6, с. 6]. В то же время языковая картина мира плотно переплетена с коннотативной лингвистикой. Как отмечает В. А. Маслова, коннотативное слово может не только создавать, но и удерживать глубинный смысл, связанный с семантикой слова, закреплять его в языке, таким образом формируя национально-культурную языковую картину [4, с. 57].

Следует обратить внимание на тот факт, что даже в родственных языках и культурах значение одних и тех же слов может значительно различаться. Например, слова “час” и “czas” – существительные, обозначающие время. Однако различие между ними проявляется в том, что в польском языке это слово имеет значение общего понятия времени, а в

русском языке – конкретные 60 минут. В славянских языках имеется большое количество слов, обладающих схожим коннотативным содержанием, но различающимися нюансами в значении, зависящими от языка.

Перевод текстов, прецедентных для исходного языка, имеет особо важное значение и представляет собой специфическую сложность в сфере перевода художественных текстов. Д. Б. Гудков отмечает, что прецедентный текст определяется как законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, хорошо знакомый любому среднему члену лингвокультурного сообщества, обращение к нему многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом высказывания и символы. [2, с. 106]. Различия во времени и месте, разделяющие исходный текст и текст перевода, неизбежно приводят к неточностям при переводе. Подобрать соответствия ко многим подобным реалиям в другом языке представляет собой трудную, часто невозможную задачу. При передаче подобных реалий в художественном переводе необходимо не только следовать общим правилам передачи реалий, но и воздерживаться от использования неологизмов и архаизмов с национальной окраской.

Одним из наиболее часто встречающихся способов функционирования реалий в виде апеллятивов в славянских языках является лексикализация. Данный способ характерен при функционировании ономастических реалий, однако следует отметить, что ономастические единицы не всегда имеют равные прецедентности в славянских языках.

Лексико-семантическая трансформация (модуляция) – один из наиболее распространенных способов перевода реалий. Из общепринятых модуляций можно назвать конкретизацию, генерализацию, описательный перевод.

При осуществлении перевода большое внимание уделяется генерализации и конкретизации, так как лексика славянских языков отличается большей конкретностью, чем лексические единицы многих других индоевропейских языков.

Следует также отметить тот факт, что хотя славянские языки и относятся к группе родственных языков, они, тем не менее, не обладают идентичной ономастической системой. Примером могут послужить различия между православным месяцесловом и католическим мартирологом. Определенную схожесть можно заметить только если проводить аналогии между русскими и южнославянскими именниками – антропонимы, содержащиеся в них, частично «восходят к общим основам и входят в активный словарный запас» [8, с. 85]. Одним из основных и наиболее трудных вопросов взаимодействия между различающимися культурами является проблема переводимости. Обычно выделяют три подхода к оценке сложности перевода. В частности, это теории о

принципиальной непереводаемости, принципиальной переводаемости или относительной переводаемости. Эквивалентность понимается как максимальное соответствие текста перевода тексту оригинала. Стоит заметить, что полной эквивалентности достичь едва ли возможно. Для достижения удовлетворительности перевода, следует уделять внимание не только его точности и равнозначности, но и поддержанию баланса в ходе контакта между языками в процессе создания перевода.

При осуществлении перевода, переводчику нужно осознавать разницу между тем, что в переводимом тексте является лишь малозначительной деталью, а что – значимым структурным компонентом текста. Восприятие текста не должно становиться чрезмерно сложным и тяжёлым. Это можно считать базисом хорошего перевода: переводчик борется за адекватность не лексическую, а эмоционально-ассоциативную, то есть за художественную адекватность.

Список использованных источников

1. Бартмицкий Е. Роль этимологии в реконструкции языковой картины мира // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы II Международ. науч. конф., Екатеринбург, 8-10 сентября 2012 г.: в 2 ч. Ч. 1 / [ред. кол.: Е.Л. Березович (отв. ред.) и др.]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. С.10–12.
2. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 286 с.
3. Ковтун Л. С. Языкознание у восточных славян в XI-XV вв. // История лингвистических учений: Позднее Средневековье / Отв. ред. А. В. Десницкая. СПб: Наука, 1991. С. 182-207.
4. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 2-е изд., стереотип. М.: Академия, 2004. 208 с.
5. Мещерский Н. А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XV веков: (Учеб. пособие). Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1978. С.17–21.
6. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальное сознание. Изд. 3, перераб. и доп. Воронеж: Истоки, 2007. 61 с.
7. Рогов А. И. Проблемы славянского барокко // Славянское барокко: историко-культурные проблемы эпохи: сборник. М.: Наука, 1979. С. 3–12.
8. Тодоров Т. Г. Особенности антропонимической системы романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» и её передача в болгарском и английском переводах романа // Русский язык за рубежом. 1995. № 2-3. С. 84–87.
9. Федоров А. В. Основы общей теории перевода: Лингвистический очерк. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Высш. школа, 1968. 416 с.

УДК 81'44=624.01

**ТЕХНИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА
ТЕКСТОВ СТРОИТЕЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ
(ВОЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВЕННЫХ ОСТРОВОВ)*****О. В. Ермоленко,****кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков № 1, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь****И. И. Елькина,****кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры строительного инжиниринга и материаловедения, Академия строительства и архитектуры, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь****С. А. Беленков,****обучающийся первого курса магистратуры кафедры геостойкого строительства зданий и сооружений, Академия строительства и архитектуры, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. На протяжении многих лет перевод научно-технической литературы рассматривался в качестве особой дисциплины, существующей на стыке лингвистики, с одной стороны, и науки, и техники, с другой. Публикации последних десятилетий направлены на попытку разграничения научных и технических текстов перевода. Тем не менее, за последнее время количество лингвистических исследований по вопросам перевода научно-технических текстов возросло незначительно, что обуславливает актуальность данного исследования. Цель работы – показать значимость лексической эквивалентности в процессе перевода текстов строительной тематики и выявить особенности перевода терминологических единиц сферы строительства. Методы исследования: аналитический и сопоставительный метод. В качестве объекта исследования определены технические тексты строительной сферы деятельности, предметом исследования выступают лексические аспекты перевода текстов строительной сферы (возведение искусственных островов). Показано, что перевод специализированных технических текстов является одним из самых сложных видов перевода, требующего владения как языковым материалом, так и специализированными профессиональными знаниями.

Ключевые слова: технический перевод, тексты строительной направленности, специализированная терминология, строительная терминология.

Summary. For many years, the translation of scientific and technical texts has been considered as a special discipline that exists at the intersection of linguistics, on the one hand, and science and technology, on the other. Publications of recent decades are aimed at trying to distinguish between

scientific and technical translation texts. However, in recent years, the number of linguistic studies on the translation of scientific and technical texts has increased slightly, which determines the relevance of this study. The purpose of the work is to show the importance of lexical equivalence in the process of texts translation on construction topics and to identify some features of the terminological units translation in the construction sector. Research methods: analytical and comparative method. The object of the study is the technical texts of the construction sphere, the subject of the study is lexical aspects of the translation of the texts of the construction sphere (the building of artificial islands). It is shown that the translation of specialized technical texts is one of the most difficult types of translation, which requires both language and specialized professional knowledge.

Key words: technical translation, construction-oriented texts, specialized terminology, construction terminology.

Проблемы перевода научно-технической литературы связаны с трудностями перевода технического текста, а также факторами, влияющими на создание качественного текста перевода. На основе анализа работы ирландского исследователя Дж. Бирна «Технический перевод. Стратегии к применению» А. О. Ушакова [5] рассматривает трудности перевода технических текстов, заключающиеся в сложной терминологии, стиле технического текста, уровне знаний технического текста автором, переводчиком и реципиентом, культурной составляющей технических текстов, необходимостью специального исследования процесса создания технического текста с акцентом на выделении технического перевода как отдельного вида перевода.

Технические тексты, как известно, по своему характеру относятся к виду информативного перевода. К числу основных особенностей перевода научно-технических текстов относят их информативную насыщенность, однозначность, ясность и точность в формулировках, логичность и строжайшую последовательность изложения технического материала, изобилие специализированной или узкоспециализированной научно-технической терминологии, соблюдение специфических стилевых характеристик, осведомленность об особенностях технических текстов и, более того, технической сферы, данного профиля документа, текста или статьи. Технические тексты наиболее распространены в таких областях науки и техники как машиностроение, оборонная промышленность, авиастроительная, нефтяная и строительная отрасль, кораблестроение. Техническому переводу подлежат техническая специализированная документация (технологические карты, паспорта на оборудование, инструкционные материалы, патенты, схемы, проектно-сметная документация и т.д.), научные монографии как текст инженерно-технической науки.

Современные тенденции развития мировой экономики обусловили определенную глобализацию строительного сектора с привлечением

зарубежных инвесторов или подрядчиков, что требует, в свою очередь, перевода строительной документации, нормативно-технических требований, протоколов проведения переговоров, заключения договоров. Строительство объектов промышленного или гражданского назначения начинается с маркетинговых исследований, разработки концепции инвестиционно-строительного проекта, следовательно, технически грамотный перевод всей документации имеет ключевое значение и оказывает влияние на принятие инвестиционных и проектных решений. Перевод проектной и рабочей документации требует от переводчика глубоких знаний в сфере строительных технологий, поскольку без владения профессиональными знаниями невозможно технически грамотно перевести проектную и рабочую документацию, тексты по архитектурно-планировочным решениям, конструктивным и инженерным решениям, а тексты, касающиеся проблем коммуникационных систем (электроснабжение, теплоснабжение, водоснабжение и водоотведение, вентиляционные системы, газоснабжение и др.) или инженерно-геодезических, инженерно-геологических, инженерно-гидрометеорологических, инженерно-экологических, инженерно-геотехнических решений требуют от переводчика дополнительной подготовки в каждой конкретной области знаний. Обязательными для переводчика являются знания строительной техники и строительных материалов, строительных норм и правил (СНиП, ГОСТ, общепринятые международные стандарты). Так, по мнению В. Н. Комиссарова, при переводе технических текстов знание предмета является более важным, чем знание языка, которое, в свою очередь, прежде всего, должно распространяться на знание терминов.

Язык строительной сферы деятельности – вербальный язык, но обладающий тенденцией к привлечению авербальных средств (рисунки, чертежи, схемы) с тенденцией к интернационализации и выполнению эпистемической, когнитивной и коммуникативной функций. В сфере строительства используются прагматические тексты научно-технического и официально-делового стилей речи, что, в свою очередь, не может не влиять на особенности перевода этих текстов.

В качестве примера обратимся к текстам строительной тематики, посвященным созданию искусственных островов. Данное строительство позволяет эффективно решать ряд экономических, территориальных, экологических или демографических проблем. Считается, что история строительства искусственных островов восходит к временам древнего Египта. В наши дни возведением искусственных островов занимаются страны Персидского залива, Голландия, Россия, Израиль, Сингапур, Китай, Канада и др. Один из самых известных в России искусственных островов – Первомайский, был создан при Екатерине II в оборонных целях, чтобы разместить артиллерийскую батарею для обороны Очакова. Существует две версии сооружения острова. Первая – основой послужили затопленные

баржи с песком, вторая – в дно были забиты дубовые сваи. В СССР первый искусственный остров был создан в Каспийском море в районе Махачкалы в довоенный период (на нем располагался пороховой склад). В 1985 г. проектировался искусственный остров в рекреационных целях близ Севастополя, однако к его строительству так и не приступили. Со временем расширился не только географический спектр искусственных островов, но и спектр применяемых строительных технологий и материалов: использование инновационных методов строительства искусственных островов (строительство антропогенных насыпей из мягких оболочечных конструкций, габионов, льда, твердых бытовых отходов). «В современных условиях стоимость строительства объектов должна быть предельно минимизирована, а сами объекты многофункциональны, максимально эффективны и долговечны» [4]. Тем не менее, основные этапы строительства искусственных островов подразумевают драгирование (dredging), подготовку основания (bed preparation), бетонные работы (concreting). Так, текст, описывающий процесс выполнения бетонных работ, изобилует строительной терминологией: «tube piles», «tie rods», «boundary rock bunds», «sheet piles», «concrete armor unit», «cofferdam», «concrete slab», «concrete retaining wall». «The following steps are involved in concreting processes for construction of artificial island:

- temporary tube piles, tube piles and tie rods are driven in to the sea bed so as to support the boundary rocks;
- boundary rock bunds are placed on the either sides of the sheet piles;
- between the rock bunds, hydraulic fill is deposited to remove seawater and form an island;
- concrete armor unit are placed permanently all around the island to protect it from waves;
- now piles are driven to sea bed to stabilize the structure;
- inside part of the island is evacuated and cofferdam is installed;
- thick concrete slab is laid down at the base;
- reinforce concrete retaining wall is built around the island» [7].

В процессе бетонирования для строительства искусственного острова задействованы следующие этапы:

- временные трубчатые сваи (обсадные трубы), шпунтовые сваи и стяжные тяги забиваются в морское дно для того, чтобы поддерживать пограничную породу;
- по обеим сторонам шпунтовых свай располагаются граничные защитные каменные дамбы;
- между защитными дамбами размещается гидравлический наполнитель для удаления морской воды и образования острова;
- бетонные защитные блоки размещаются по границе всего острова, чтобы обезопасить его от волн;
- сваи забиваются в морское дно, чтобы стабилизировать конструкцию;

- внутренняя часть острова удаляется и устанавливается коффердам;
- в фундамент укладывается толстая плита из железобетона;
- вокруг острова возводится подпорная железобетонная стена (*перевод – наш, С. Б.*).

Текст, посвященный строительству основания фундамента, может вызвать ряд затруднений у неподготовленного переводчика даже со словом «bed», перевод которого не может производиться по его основному значению (сущ., как «кровать», «ложе», «постель»). В некомпетентном переводе возможен следующий вариант: «Подготовка прочного и твердого ложа на водной толще является выдающимся шагом в строительстве искусственного острова» – *The preparation of a strong and hard bed on the water strata is prominent step in construction of artificial island* [7]. Перевод данного слова возможен исключительно как строительный термин «основание фундамента» (*строит.*). Общеупотребительное слово «prominent» и словосочетание «prominent step» так же не может не вызвать сомнений при переводе в заданном контексте.

Таким образом, выбор наиболее правильного и подходящего способа перевода общеупотребительных, специализированных или узкоспециализированных лексических единиц текстов технической направленности является важнейшей задачей переводчика. Требование соблюдения баланса в процессе технического перевода строительной документации является необходимым условием избежания нарушений переводческого процесса.

Список использованных источников

1. Восконьян В. Г. Строительство искусственного острова [Электронный ресурс] // Современные наукоемкие технологии. 2006. № 8. С. 88-91. URL: <http://www.top-technologies.ru/ru/article/view?id=24816> (дата обращения 28.01.2021).
2. Илюшкина М. Ю. Теория перевода: основные понятия и проблемы: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2015. 84 с.
3. Романова С. П., Коралова А. Л. Пособие по переводу с английского на русский. М.: КДУ, 2007. 176 с.
4. Семенов Д. А., Калошина С. В. Инновационные технологии строительства искусственных островов // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Строительство и архитектура. 2016. Т. 7, № 4. С. 80-92. DOI: 10.15593/2224-9826/2016.4.08
5. Ушакова А. О. Специфика технического перевода // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2017. №4. С. 18– 25.
6. Щербакова И. В. Особенности перевода технических текстов [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–2. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=21712> (дата обращения: 20.01.2021).

7. Artificial Island Construction Methods, Design and Advantages [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: <https://theconstructor.org/construction/artificial-island-construction-methods/16380/> (дата обращения: 30.01.2021).

УДК 81'25

МЕДИЦИНСКИЙ ПЕРЕВОД КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

М. Г. Зеленцова,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Ю. А. Ашакина,

обучающийся первого курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Данное исследование посвящено комплексному изучению вопроса о роли медицинского перевода в современных условиях и месте профессионального переводчика в данном процессе. В статье рассматривается вопрос медицинского перевода с точки зрения межкультурной коммуникации, анализируются основные трудности в данном направлении перевода. Рост терминологического пласта лексики в области медицины непрерывен, особенно в период пандемии Covid-19 во всем мире, что требует постоянного изучения и анализа. Исследование данного вопроса осуществлялось с применением следующих подходов и методов: метод сплошной выборки и обработки данных, типологический подход, анализ и синтез, сопоставительный метод анализа.

Ключевые слова: медицинский перевод, врач, пациент, медицинская терминология, коронавирус, Ковид-19.

Summary. This study is focused on a comprehensive study of the role of medical translation in modern conditions and the place of a professional translator in this process. This article examines the issue of medical translation from the point of view of multicultural communication, analyzes the main difficulties of this area of translation. The increase of the terminology layer in the sphere of medicine is persistent, especially during the Covid-19 pandemic around the world, which requires constant study and analysis. The study of this topic was carried out by means of the following approaches and methods: the method of continuous sampling and data processing, typological approach, analysis and synthesis, the method of comparative analysis.

Key words: medical translation, doctor, patient, medical terminology, coronavirus, Covid-19.

Медицинский перевод был и продолжает быть своеобразным «мостом» в межкультурной коммуникации современности. Перевод в

данной сфере часто включает в себя перевод документов, связанных с применением новых лекарственных средств, клинических, технических, нормативных или маркетинговых документов, относящихся к области медицины, фармацевтики или здравоохранения. Медицинский перевод облегчает общение и правильное лечение, и уход за пациентами, говорящими на разных языках. «Медицинский переводчик должен быть профессионалом, так как любой неправильный перевод или ошибка могут привести к серьезным последствиям. Как и в любой конкретной области, медицинский перевод требует подготовки и обширных знаний предмета, помимо лингвистических навыков» [1].

Современными исследованиями в области медицинского перевода служат труды Стеблецовой А. О., Ширинян М. В., Зверевой А. С., Сайко М. А., Vuzarna-Tihenea A., Krichker O. Ye. и др. В связи с постоянным ростом количества медицинской терминологии появляется необходимость в изучении проблем ее перевода. Примерами последних таких исследований являются работы Лысиковой Ю. А., Осатаевой А. Н., Бельской А. Е., Головачевой Д. В. и др.

Врачи, принимающие иноязычных пациентов, должны иметь возможность давать инструкции пациентам на понятном для них языке. Также медицинские работники могут нуждаться в переводчиках для перевода историй болезни пациентов, которые недавно переехали в страну и не очень хорошо говорят на языке принимающей страны, но принесли с собой свои медицинские записи. Пациенты также должны иметь полное представление о состоянии своего здоровья и о том, как их врач собирается его лечить. Как правило, врачи “думают” на языке медицинских терминов. Использование научных терминов может создавать барьер понимания между врачом и пациентом, поэтому профессионалы предпочитают использовать термины из повседневного языка при разговоре со своими пациентами. Примерами таких терминов могут служить такие понятия как «rhinorrhea» и «diadochokinesia». «Rhinorrhea», в переводе «ринорея», является сложным термином, который подходит для использования в научных исследованиях и медицинских записях. В случае перевода данного термина пациенту, профессиональный переводчик будет использовать простой термин «насморк». Так, термин «diadochokinesia», в переводе «диадохокинез» или «пронация и супинация», будет переводиться как «сгибание и разгибание».

Кроме того, фармацевты, которые предоставляют лекарства для пациентов, назначенных врачом, должны получить медицинских переводчиков для перевода дозировок и другой информации о лекарствах, чтобы пациент не неправильно понял инструкции и как правильно использовать лекарства. Поэтому быстрый и точный перевод документов имеет первостепенное значение.

Информация о лекарствах и медицинских изделиях зачастую предоставляется на национальном языке страны, которая их продает, но на

сегодняшний день это гораздо сложнее. На данном этапе жизненно важная информация в области медицины должна быть доступна на всех языках тех, кто, вероятно, захочет получить доступ к такой информации, так как сфера медицинского перевода стала еще более важной с ростом миграции. Большое количество людей переезжают из одной страны в другую, не зная языка.

Статистика показывает, что существует высокий спрос на перевод в сфере медицинских услуг. Например, «в США более 45 миллионов человек не используют английский в качестве основного языка. И еще 21 миллион человек недостаточно хорошо говорят по-английски» [2].

В экстренной ситуации, когда пациент не говорит на языке, который используется доктором, нередко пациенты прибегают к помощи коллег или членов семьи в вопросе перевода. По мнению Софии Сарфраз, старшего клинического сотрудника в педиатрии и медицинском образовании, медицинские переводчики имеют подготовку и опыт, которых могут не хватать членам семьи и другим медицинским работникам. Переводчики должны быть нейтральными и безынициативными, что может оказаться трудным для семьи. «Член семьи может также дать пациенту свою собственную версию событий, и их акцент на что-либо может исказить консультацию. Также представляется трудным проверить правдивость интерпретации. Это может привести к ошибочному диагнозу» [5].

В связи с вышеизложенными проблемами и трудностями врачей и пациентов, в больших клиниках наблюдается популяризация профессии медицинского координатора. Данная профессия имеет более обширный круг обязанностей по сравнению с медицинским переводчиком. Координатор не только осуществляет перевод, но и курирует пациента от момента подбора клиники до обследования и лечения. Также медицинский координатор занимается всеми бытовыми вопросами, а также оказывает психологическую поддержку иноязычному пациенту на протяжении всего времени.

Начиная с 2019 года во всем мире повысился как спрос на медицинский перевод в связи с распространением вируса Covid-19, так и возникли новые трудности для переводчиков. Например, так как в больницах США не хватает средств индивидуальной защиты, лишь немногие медицинские переводчики могут лично работать с пациентами Covid-19, как это было ранее. Доктор Алистер Мартин из Массачусетской многопрофильной больницы в Бостоне объяснил, что на данный момент большинство языковых переводов осуществляется дистанционно. Общение через переводчика удваивает или утраивает продолжительность медицинского обмена информацией, больше путая и беспокоя пациентов и их семей, которые уже находятся в стрессовой ситуации. «Вспышка коронавируса умножила препятствия для медицинского перевода, ведь больничные палаты шумные, наполненные жужжанием кислородных

баллонов и разговорами персонала. Из-за масок голоса врачей и пациентов приглушены, а медицинские работники стараются по возможности держаться на расстоянии от своих пациентов для уменьшения рисков» [3].

Новую терминологию труднее перевести, потому что, когда слово создается на одном языке, также на других языках должен создаваться термин таким образом, который подходит для каждой отдельной культуры. Некоторые понятия могут быть общепринятыми во всем мире, но не все термины соответствуют лингвистическим и культурным нормам других языков. «Social distancing», в переводе на русский «социальное дистанцирование» является одним из примеров термина, который был создан только во время этой пандемии, и каждая культура будет интерпретировать его по-своему [4].

В вопросах о глобальных пандемиях, переводческие службы должны быть одним из основных компонентов скоординированных глобальных ответных мер. Информация должна быть переведена и распространена немедленно и глобально после подтверждения ее подлинности. Нехватка сертифицированных устных и письменных медицинских переводчиков создала пробел в механизмах реагирования на глобальные кризисы. По данным Федерального бюро статистики труда США «занятость устных и письменных переводчиков, по прогнозам, вырастет на 19% с 2018 по 2028 год, что намного быстрее, чем средний рост занятости всех профессий» [6]. Это происходит несмотря на недавние улучшения в области машинного перевода в значительной степени из-за нехватки сертифицированных переводчиков не только в США, но и во всем мире.

В связи с тяжелым положением в сфере здравоохранения, появляется все большее количество сервисов для медицинского перевода, где представлены различные словари новой терминологии, связанной с пандемией Covid-19, медицинские статьи, статистика по заболеваемости во всем мире, а также различные информационные ресурсы. На данный момент все это предоставляется только на 18 языках, однако, этот список постоянно расширяется благодаря переводчикам, которые распространяют информацию на все большее количество людей.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что медицинский перевод представляет собой особенно сложный процесс. Профессия медицинского переводчика требует стрессоустойчивости и максимальной сосредоточенности, так как от качества выполненного перевода зачастую зависит здоровье и жизни людей. Этот вид перевода должен осуществляться исключительно профессиональными медицинскими переводчиками во избежание любых недопониманий между врачами и пациентами, а также неточностей при постановке диагноза и назначении лечения.

Список использованных источников

1. Bastin M. What is the Importance of Medical Translation Today? [Electronic Resource] – Mode of access: URL:

<https://www.betranslated.com/blog/importance-of-medical-translation-today/>.
(дата обращения 10.01.2021).

2. Blackwood M. Why Medical Translation and Medical Interpretation Services are Key in Quality Healthcare [Electronic Resource] – Mode of access: URL: <https://thedoctorweighsin.com/language-interpretation-in-healthcare/>.
(дата обращения 11.01.2021).

3. Goldberg E. When Coronavirus Care Gets Lost in Translation [Electronic Resource] – Mode of access: URL: <https://www.nytimes.com/2020/04/17/health/covid-coronavirus-medical-translators.html>. (дата обращения 10.01.2021).

4. Importance of Translations During COVID-19 [Electronic Resource] – Mode of access: URL: <https://www.kontekst.com/importance-of-translations-during-covid-19/>. (дата обращения 11.01.2021).

5. Rimmer A. Can Patients Use Family Members as Non-professional Interpreters in Consultations? [Electronic Resource] – Mode of access: URL: <https://www.bmj.com/content/368/bmj.m447>. (дата обращения 11.01.2021)

6. Tirosh O. The Coronavirus, Global Pandemics and the Role of the Medical Translator and Interpreter [Electronic Resource] – Mode of access: URL: <https://www.tomedes.com/translator-hub/coronavirus-medical-translation>.
(дата обращения 12.01.2021).

УДК 81'25

АУДИОВИЗУАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

М. Г. Зеленцова,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

М. С. Васильев,

обучающийся первого курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье проведен анализ развития аудиовизуального перевода на Западе и в Китае. Целью статьи является обзор китайско-западных перспектив перевода субтитров фильмов и связанные с этим лингвокультурные аспекты. В процессе обработки материала был применен системный подход, а также метод анализа и индукции. В статье также рассматривается аудиовизуальный перевод с междисциплинарной точки зрения на базе материалов статей зарубежных исследователей. В ходе анализа полученных данных было выделено области, требующее последующего углубленного изучения, а именно: культурные аспекты, технические ограничения и стратегии перевода.

Ключевые слова: Аудиовизуальный перевод (АВТ), китайско-западная перспектива, перевод субтитров фильмов, социокультурные элементы.

Summary. The article examines the development of audiovisual translation in the West and in China. The purpose of the article is to review the Sino-Western perspectives on the translation of film subtitles and related linguistic and cultural aspects. In the process of processing the material, a systematic approach was applied, as well as the method of analysis and induction. The article also considers audio-visual translation from an interdisciplinary point of view based on the materials of articles by foreign researchers. In the course of the analysis of the data obtained, areas that require further in-depth study were identified, namely: cultural aspects, technical limitations and translation strategies.

Key words: Audiovisual Translation (AVT), Sino-western Perspective, Film subtitle Translation, Social-cultural Elements.

В последние десятилетия, с развитием кинематографа и аудиовизуальных технологий, аудиовизуальный перевод, или также называемый экранным переводом, все больше привлекает внимание академических кругов. Хотя, как отмечает Карамитроглу: «аудиовизуальный перевод не имеет эквивалентного статуса с литературным переводом, нельзя отрицать, что его академическая ценность постепенно становится значительной не только в чисто академическом исследовании, но и на практике» [7, с. 10].

Перевод субтитров фильмов, как одно из новых направлений исследований аудиовизуального перевода, также приобретает все большее значение в переводоведении в эпоху цифровизации. Перевод субтитров фильмов в западных академических кругах переживает относительно длительный период развития, в то время как в академических кругах материкового Китая он занимает лишь короткое время из-за политико-исторических проблем.

Перевод субтитров в аудиовизуальных продуктах (например, телевизионных драмах, фильмах, видеоклипах и т. д.) был подробно исследован европейскими учеными, такими как Недергард-Ларсен (1993), Гардини (1998), Готлиб (2000), Карамитроглу (2000), Кронин (2009) и другими.

Недергард-Ларсен (1993) классифицировал культурные проблемы в субтитрах и аргументировал некоторые идеи о том, как преодолеть разрыв между различными культурами при переводе фильма.

Культурные аспекты в переводе субтитров фильма неизбежно учитываются, потому что фильм также является продуктом определенной культуры. Кронин настаивал на том, что «отношения между культурой, обществом, миграцией, национальной идентичностью и глобализацией

взаимосвязаны и взаимозависимы и должны рассматриваться с междисциплинарной точки зрения в контексте кино и перевода» [3].

Гардини исследовал процесс принятия решений в субтитрах к фильмам. В работе «Принятие решений в области субтитрования» [5] проанализировано преимущества и характеристики дубляжа и субтитрования при переводе британских фильмов на итальянский язык и указал на технические и текстовые ограничения субтитрования.

Перевод субтитров должен учитывать временные ограничения, пространственные ограничения и компоновку. Как правило, продолжительность появления субтитров очень коротка, почти от 1 до 3 секунд вместе с одним кадром (там же). Чтобы сохранить четкость изображения, субтитры обычно занимают две строки пространства на одной картинке.

Западные ученые разработали целый ряд подходов в рамках изучения перевода субтитров к фильмам. Однако следует признать, что проблематично выстроить единую универсальную стратегию, своего рода методическое пособие для переводчиков субтитров. Кроме того, многие как культурные, так и идеологические аспекты страны, могут влиять и ограничивать принятие решений переводчиком.

Перевод фильма все еще развивается. С переходом культуры переводоведения в 1990-е годы он опирался на знания и подходы из других социальных дисциплин и в направлении междисциплинарных/мультидисциплинарных исследований.

В материковом Китае существует множество групп перевода субтитров, которые состоят из любителей кино, английских телевизионных драм и японских мультфильмов, которые владеют двумя языками, такими как китайский и английский или же китайский и японский. Они переводят английские фильмы/телевизионные драмы или японские анимационные фильмы на китайский язык и делятся ими через виртуальные интернет-сообщества. Большинство групп перевода субтитров являются некоммерческими. Они делают перевод субтитров полностью полагаясь на свой энтузиазм. В этом новом феномене, появившемся с развитием Интернета и цифровизации, Перес-Гонсалес заявил, что фансабберы обладают «уникальным разнообразным потенциалом в качестве покровителей, производителей, дистрибьюторов и зрителей продукта с субтитрами» [9]

Стоит отметить, что стратегия перевода субтитров занимает жизненно важное место в изучении киноперевода. Многие авторитетные ученые разработали ряд принципов, основанных на их опыте перевода и теоретических исследованиях. Азимакулас писал, что «субтитры должны быть краткими и ясными, поскольку одновременно действуют пространственные и временные ограничения» [1, с. 840].

Разработаны четыре принципа перевода субтитров фильмов, основанных на особенностях и ограничениях субтитров фильмов:

”стандартизация“; ”упрощение/сгущение“; ”перефразирование“; ”опущение/удаление“.

Список использованных источников

1. Asimakoulas D. Towards a Model of Describing Humour Translation: A Case Study of the Greek Subtitled Versions of Airplane! and Naked Gun!. *Meta: Journal des traducteurs/Meta: Translators' Journal*, vol. 49. No. 4. 2004. P. 822–842.
2. Chaume F. Film Studies and Translation Studies: Two Disciplines at Stake in Audiovisual Translation. *Meta*, 49 (1), 2004. P. 12–24.
3. Cronin M. *Translation goes to the Movies*. London and New York: Routledge, 2009.
4. Díaz-Cintas J. Dubbing or subtitling: The eternal dilemma. *Perspectives: Studies in Translatology*, 7(1), 1999. P. 31–40.
5. Guardini P. Decision-making in subtitling. *Perspectives, Studies in Translatology*, 6(1), pp. 91–112, 1998.
6. Gottlieb H. Subtitling. in *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*, (Ed.) by Mona Baker, London and New York: Routledge. 1998. P. 243–249.
7. Karamitroglou F. *Towards a Methodology for the Investigation of Norms in Audiovisual Translation*. Amsterdam: Rodopi. 2000.
8. Nedergaard-Larsen B. Culture-Bound Problems in Subtitling. *Perspectives: Studies in Translatology*, Vol.2, 1993. P. 207–241.
9. Perez-González L. Fansubbing Anime: Insights into the ‘Butterfly Effects’ of Globalisation on Audiovisual Translation. *Perspectives*, 14 (4), 2006. P. 267-268.

УДК 81'25

АУДИОВИЗУАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И ЕГО СПЕЦИФИКА

М. Г. Зеленцова,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

А. В. Кашанская,

обучающийся первого курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Статья посвящена аудиовизуальному переводу и его специфике. В статье рассматривается теоретическое обоснование аудиовизуального перевода и основные подходы к его изучению. Проведенный анализ отечественного и зарубежного опыта исследований в области аудиовизуального перевода позволяет выделить основные подходы к изучению данного явления и проследить динамику их

использования с учетом их положительных и отрицательных сторон, большого объема аудиовизуального контента и предъявляемых к переводчику требований качества.

Ключевые слова: перевод, аудиовизуальный перевод, переводоведение, мультипликационный фильм

Summary. The article considers the audiovisual translation and its peculiarities. Theory basis and its main approaches are examined. The main approaches to audiovisual translation investigation are defined by the analyses of national and foreign experience in the field of audiovisual translation. It allows to trace the dynamics of their application taking into account their positive and negative features, a large amount of the content and the quality requirements needed to obtain a quality translation.

Key words: translation, audiovisual translation, translation studies, animated film.

Целью представленной работы является анализ основных подходов к изучению аудиовизуального перевода.

В современном мире аудиовизуальный перевод набирает все большую популярность. Это обусловлено генерацией большого объема аудиовизуального контента: фильмы, сериалы, мультипликационные фильмы, реклама и прочее. Из-за большого объема аудиовизуального контента, такой перевод довольно часто не отличается высоким качеством. Чаще всего это связано с недостаточной проработкой теоретических основ аудиовизуального перевода. В связи с этим, в данной статье изучив и обобщив отечественный и зарубежный опыт исследований в области аудиовизуального перевода, сформулированы основные подходы к изучению данного явления.

Термин «аудиовизуальный перевод» сравнительно недавно вошел в отечественную лингвистику и переводоведение, и, хотя, по мнению некоторых исследователей, данное явление можно рассматривать как разновидность художественного, на данный момент самой распространенной и общепринятой является противоположная точка зрения [8, с. 211]. Несмотря на ряд общих проблем, поликодовая и полимодальная природа кинотекста (который бывает не только художественным, но и документальным, научным, рекламным) делает его уникальным, а потому совершенно очевидно, что к аудиовизуальному переводу едва ли применимы те же подходы, что и к литературному, последовательному или синхронному переводу [4, с. 127].

А. В. Козуляев выделяет аудиовизуальный перевод как «отдельную дисциплину на основе следующих факторов:

1) это «ограниченный» (constrained) перевод из-за присутствия внешних по отношению к языку и «коммуникативной ситуации» ограничений;

2) аудиовизуальное произведение полисеманлично по своей сути;

3) аудиовизуальный перевод требует знания различных стратегий семантического анализа, и (что более важно) семантического синтеза, учитывающих суть и объемы информации, поступающей по параллельным каналам восприятия» [5, с. 375].

С процессом аудиовизуального перевода связан ряд сложностей, как технических, так и культурологических, связанных и не связанных с двойственной природой кинотекста, с наличием вербальной и невербальной составляющих, оказывающих непосредственное влияние на конечный продукт и его восприятие [4, с. 127].

В настоящее время исследователи аудиовизуального перевода большое внимание уделяют именно его техническим аспектам, устанавливающим определенные ограничения на свободу действий переводчика, таким как техника создания субтитров, особенности перевода для закадрового озвучивания, нюансы липсинка [3].

Также Кустова О. Ю. полагает, что, несмотря на достаточно полное исследование технической стороны вопроса, на данный момент создать качественный продукт перевода невозможно. Зачастую из-за соблюдения всех технических рекомендаций исследователи пренебрегают художественными аспектами, целостностью образов и даже авторским замыслом. А. В. Козуляев также отмечает, что внимание переводчиков с классическим образованием чаще всего обращают на себя внеязыковые ограничения [5, с. 374]. Обычно в этих ограничениях, таких как скорость речи или длина субтитров, видится исследователям причина смысловых потерь, что далеко не всегда является единственным и основным источником проблем при переводе [1].

Необходимо отметить, что всплеск интереса к проблемам аудиовизуального перевода (мультимедийного перевода, киноперевода, кино- / видеоперевода и т. п.) в российском переводоведении приходится на середину 2000-х гг., когда отечественные исследователи осознали, что для изучения перевода аудиовизуальных материалов необходимо использовать отдельный методологический аппарат, отличный от того, что традиционно используется при изучении устного или письменного перевода.

Изучив и обобщив отечественный и зарубежный опыт исследований в области аудиовизуального перевода, в Табл. 1 сформулированы основные подходы к изучению данного явления.

Таблица 1

Основные подходы к изучению аудиовизуального перевода

	Подход	Описание
1	Текстоцентрический	Аудиовизуальный перевод анализируется исключительно с позиции лингвистики [Маленова, 2017].
	Культурологический	Рассматривает аудиовизуальный перевод,

2		делая основной акцент на дополнительную коммуникативную нагрузку, которую микроструктуры языка оригинала получают в рамках макроструктуры культуры оригинала [Федорова, 2009, с. 145].
3	Лингвокультурный	Особое внимание уделяется истории развития кинематографа и кино- / видеоперевода, а также экстралингвистической обусловленности аудиовизуального перевода [Горшкова, 2007, с. 135].
4	Деятельностный	Аудиовизуальный перевод рассматривается как особый вид переводческой деятельности, который требует разработки отдельных методов исследования и обучения [Козуляев, 2018].
5	Функциональный	Основан на анализе ограничений, накладываемых на переводчика аудиовизуальных произведений и обусловленных спецификой отдельных видов аудиовизуального перевода [Titford, 1982, p. 113;].
6	Коммуникативно-функциональный	Концепт ограниченного перевода рассматривается в рамках теории коммуникации, обращая внимание на объективные факторы, непосредственно влияющие на процесс выполнения различных видов перевода [Mayoral et al., 1988, p. 359-360].
7	Дескриптивно-семиотический	Суть состоит в рассмотрении аудиовизуального текста как полисемиотического единства, а процесса перевода – как акта переноса информации между семиотически разнородными единствами [Delabastita, 1989, p. 196].
8	Прагматико-динамический	С точки зрения данного подхода можно вычленить системную лингвистическую основу аудиовизуального перевода [F. Chaume, 2012].
9	Интегративный междисциплинарный	Объединяет в тех или иных формах элементы и методологию подходов, описанных выше: «теорию переводческой эквивалентности, скопос-теорию, приемы дескриптивных исследований в области перевода, а также

	знания основ сценарного мастерства и базовые компетенции в сфере кинематографии и кино-производства» [Gambier, 2008]
--	--

Каждый из указанных подходов имеет свои положительные и отрицательные стороны, на основании которых можно проследить динамику использования того или иного подхода, что представлено на Рис. 1.

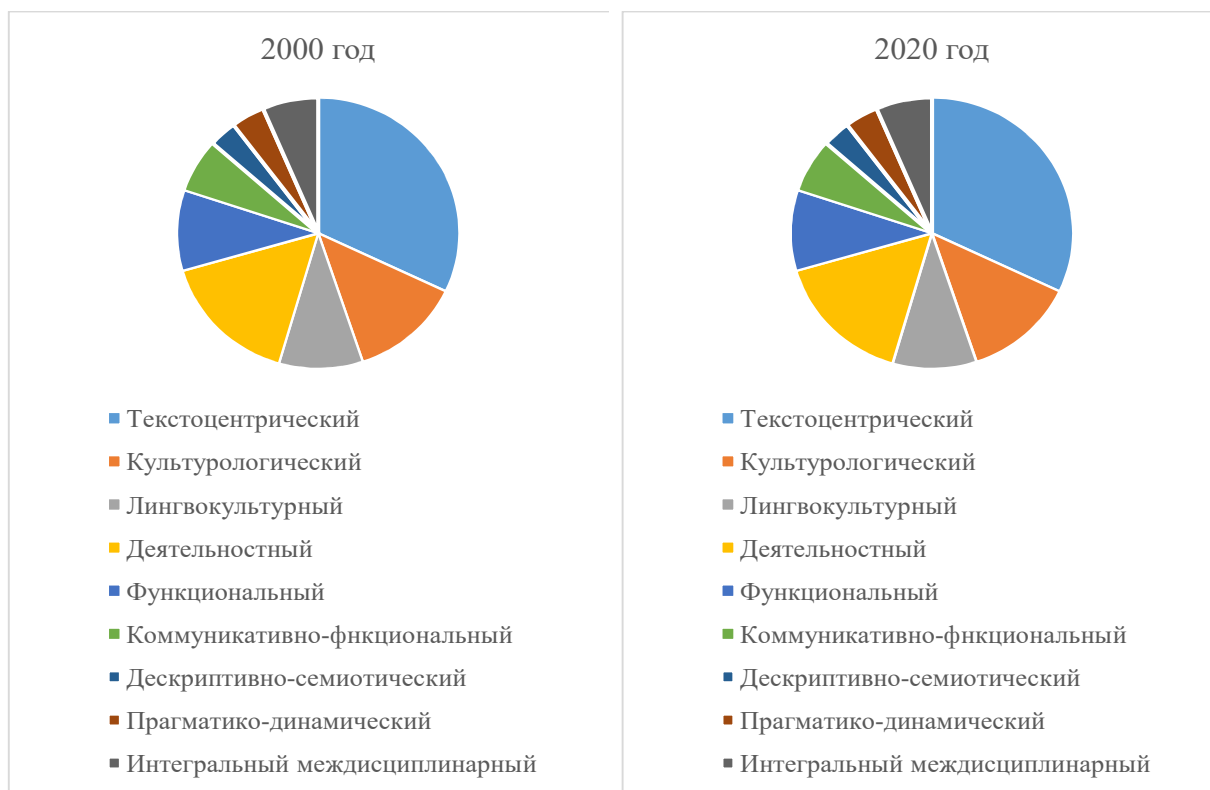

Рис. 1. Сравнительный анализ использования подходов к изучению аудиовизуального подхода 2000 г. и 2020 г.

На основании проведенного анализа можно сделать **вывод**, что в последние годы все больше работ выполняется в рамках интегративного междисциплинарного подхода, объединяющего в тех или иных формах элементы и методологию других подходов. Необходимость использования данного подхода к аудиовизуальному переводу обусловлена тем, что согласно данному подходу – это процесс перевода, который не заканчивается текстом, а заканчивается доставкой текста конечному получателю.

Исходя из всего вышеупомянутого, можно утверждать, что аудиовизуальный перевод – не разновидность устного или художественного перевода, а особый вид переводческой деятельности. Анализ подходов к изучению данного явления, разработанных отечественными и иностранными коллегами, лишний раз убеждает нас в этом.

Список использованных источников

1. Афанаскина Н. Ю. Киноперевод как объект исследования лингвистики, социологии, межкультурной коммуникации и теории // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 4. С. 58–66.
2. Горшкова В. Е. Перевод в кино. Иркутск: Иркутский государственный лингвистический университет, 2006. 278 с.
3. Егорова Т. А. Субтитрование и дубляж. Определение, сравнение методик. Плюсы и минусы // Вестник науки и образования. 2019. №. 3-1 (57). С. 46-50.
4. Кустова О. Ю. Концептуальные модели исследования кино перевода // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. СПб., 2019. № 192. С.123-130.
5. Козуляев А. В. Аудиовизуальный полисемантический перевод как особая форма переводческой деятельности и особенности обучения данному виду перевода // Царскосельские чтения. 2013. Т. 1. №. XVII. С. 375.
6. Козуляев А. В. Понимание как составляющая процесса аудиовизуального перевода и методические приемы обучения пониманию аудиовизуальных произведений // Проблемы языкознания и педагогики. Вестник ПНИПУ. 2018. №4. С. 181-199.
7. Маленова Е. Д. Теория и практика аудиовизуального перевода: отечественный и зарубежный опыт // Коммуникативные исследования. 2017. № 2 (12). С. 32–46.
8. Матасов Р. А. Перевод кино/видео материалов: лингвокультурологические и дидактические аспекты. М.: МГУ. 2009. 211с.
9. Федорова И. К. Перевод кинотекста в свете концепции культурного переноса: проблема переводческой адаптации // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. 2009. № 43 (181). Вып. 39. С. 142–149.
10. Chaume F. Audiovisual Translation: Dubbing // Translation Practices Ex-plained series. Routledge: London, 2012. 235 p.
11. Delabastita D. Translation and mass-communication: Film and T.V. translation as evidence of cultural dynamics // Babel. 1989. Vol. 35:4. pp. 193–218.
12. Gambier Y. Multimedia, Multilingua: Multiple Challenges // (Multi)Media Translation: Concept, Practices, and Research / ed. by Yves Gambier, Henrik Gottlieb. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2001. pp. VIII–XX.
13. Mayoral R. Concept of Constrained Translation: Non-linguistic Perspectives of Translation = Concepto de - traducción sudordinada (cómic, cine, canción, publicidad): Perspectivas lingüísticas de la traducción // Meta. 1988. Vol. 33. Issue 3. P. 356–367.

14. Titford C. Subtitling – Constrained Translation // *Lebende Sprachen*. 1982. XXVII (3). P. 113–116.

УДК 81'25

УПРАВЛЕНИЕ ТЕРМИНОЛОГИЙ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

М. Г. Зеленцова,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь

А. Т. Козлова,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкой филологии, Институт филологии, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье внимание сосредоточено на вопросе технической компетенции современного переводчика, на применении компьютерных технологий для осуществления быстрого и качественного перевода специальных текстов, где главную трудность представляет особая терминология, часто узкоспециализированная. Проанализированы преимущества владения знаниями об управлении терминологии и явные недостатки отсутствия таковых у переводчиков в процессе профессиональной деятельности.

Ключевые слова: управление терминологией, терминологическая база, глоссарий, автоматизированный перевод, память перевода, CAT-инструменты.

Summary. The article considers the problem of acquiring technological competence by contemporary interpreters and translators through applying computer technology to carry out quick and quality translation of the special texts as terminology and its terms being highly specialized cause some troubles. The advantages of having terminology management skills are analyzed as well as disadvantages of not being aware of them in the process of translation.

Key words: terminology management, terminological database, glossary, Computer-Aided Translation, Translation Memory, CAT tools.

Сегодня трудно уже представить почти любую сферу деятельности, которая способна обойтись без инновационных технологий. Современный ритм жизни требует принятия быстрых и качественных решений, при этом призывает использовать стремительно развивающиеся передовые технологии, позволяющих ускорять работу в разы. Сфера перевода и переводческих услуг тоже не стала исключением. Сейчас как никогда остро встает вопрос о технической компетенции переводчика, об использовании в своей работе вспомогательных ресурсов для удовлетворения возросших потребностей на рынке переводческих услуг.

Стоит подчеркнуть, что сегодня компетенция, связанная с представлениями о применении передовых информационных технологий в

процессе работы над переводом как письменным, так и устным становится одной из важных компетенций современного переводчика. При этом и работодатели также выдвигают ряд требований как: владение автоматизированными системами перевода; предоставления перевода в виде базы данных, при этом должно быть высокое качество и скорость выполнения заказа.

Итак, на рынке программного обеспечения XXI века есть огромный выбор всевозможных средств, помогающие переводчикам быстро и качественно выполнить перевод. САТ-инструменты, так называемые «кошки» (Computer Assisted Translation tools) знакомы почти всем, кто занят в сфере профессионального перевода. Под данным понятием понимают целый комплекс программ, включающий перевод документации, локализацию ПО, введение терминологических словарей, проверку качества перевода и создание проектов. Одно из главных преимуществ – это наличие Translation Memory (TM) «переводческой памяти», которая позволяет накапливать в базе переводов данные и создавать тематические глоссарии в различных отраслях знаний. А главное – она позволяет нескольким переводчикам одновременно работать над общим проектом, согласовывать терминологию и стилистику переводимого текста.

Целью данной статьи является проанализировать существующие преимущества и недостатки применения компьютерных технологий, позволяющие переводчику работать с терминологией, обрабатывать ее, извлекать из текста, составлять глоссарии и создавать терминологическую базу.

Неотъемлемой частью работы над переводом является *управление терминологией*, обеспечивающее единообразие терминологической системы во всем тексте. Управление терминологией – это систематический отбор, обработка и предоставление терминов в виде записей терминологической базы в целях согласованного употребления слов, связанные с продукцией и услугами заказчика на исходном языке и во всех языках, необходимые для перевода. Крупные кампании требуют использования единой терминологической базы всеми переводчиками, работающие над их проектами. И это справедливо, ведь отсутствие подобной ведет к искажению содержания документации, нарушению коммуникации, как в письменной, так и в устной речи. При этом надо помнить, что кампании могут требовать владения несколькими типами глоссариев как отраслевым (включает терминологию определенной сферы, например, нефтегазовой и т.д.); клиентским (включает специфическую лексику/жаргоны, характерные для фирмы, на которую работает переводчик) и непосредственно глоссарием проекта (позволяет сохранять единообразие терминологии при работе над крупным заказом).

Стоит также обратить внимание на структуру управления терминологией. В нее входит 1) извлечение терминологии; 2) создание

словарных статей; проверка глоссариев и терминологических баз и 3) постоянное ведение терминологической базы.

На помощь переводчикам для автоматизированного извлечения терминологии приходят следующие программы: Simple Concordance Program; MonoConc Pro; Concordancer for Windows; MultiTerm Extract; PROMT Terminology Manager – PROMT TerM; Word Tabulator, SynchroTerm [2]. Из них PROMT TerM и MultiTerm Extract являются лидерами среди данных программ, поддерживают большое количество функций, значительно улучшающие эффективность работы и сокращают время на постредактирование текста. Как справедливо отмечает Н. А. Астраханцев «к настоящему времени разработано множество методов автоматического извлечения терминов, однако, как и во многих других задачах автоматической обработки текстов, большая часть методов существенно зависит от языка и предметной области входных текстов, что естественным образом сужает практическую применимость метода» [1, с. 8]. Другими словами, извлечение терминологии – это создание терминологической базы на основе имеющейся документации. Известно, что техническая, научная, юридическая, патентная и другая узкоспециализированная документация изобилует специфической лексикой, много повторов и только специальные программы способны детально «обработать» ее за короткое время и дать качественный результат.

Для создания терминологической базы переводчикам помогают такие известные переводческие программы как Trados, Memsource, MemoQ и др. Trados – мастер создания терминологической базы, конструктор, который может содержать абсолютно любое количество дополнительной информации. Memsource Cloud – полноценная переводческая среда, которая включает память переводов, интегрированный модуль машинного перевода, управление терминологией и переводческий редактор в виде веб-приложения и автономного приложения. Она представляет собой интеграцию с памятью перевода, терминологией, машинным переводом и управление справочной информацией в среде настольных, клиент/серверных и веб-приложений [7].

Для управления терминологии существуют также сетевые сервисы как Termwiki (сеть обмена знаниями, основанная на конкретных предметно-ориентированных областях и терминологических тезаурусах создаваемых и управляемых пользователями и экспертами), Termbases (имеет русский и немецкий интерфейс, расширенный поиск в терминологической базы на основе термина и концепции с настраиваемыми атрибутами и языками), Nomigy (предназначен для переводчиков, лингвистов, национальных и международных организаций), Abbyu Lingvo. Pro (призван упростить работу переводчиков с корпоративной терминологией). Одновременно можно

проводить 1) автоматический поиск в сетях терминологических баз с помощью бесплатной программы ApSIC Xbench для одновременного поиска в нескольких терминологических базах в Интернете; 2) обмен терминологическими базами и разметку терминологии с помощью форматов файлов TBX (Termbase Exchange format); TML (Terminology Markup Languages), где с помощью тегов термины в документе могут быть размечены (дополнены метаданными): дефиниции, источники, стандарты, эквиваленты, области применения, коды, акронимы, языки и т.п.

При работе над терминологией не стоит забывать и о существовании международных терминологических стандартов, целью которых является координация терминологий, гармонизация частично совпадающих или не совпадающих терминологий. Существует Международная организация по стандартизации (ISO) – всемирная федерация национальных организаций по стандартизации, технические комитеты которой разрабатывают эти стандарты. В основе стандартизации лежит принцип выработки терминов-эталонов, терминов-образцов в пределах одной страны или в группе стран, которая является обязательным для применения в официальных научных, деловых и производственных текстах [8].

Проанализировав все особенности использования информационных технологий в процессе перевода для управления терминологии можно отметить, что среди преимуществ и недостатков отображены в таблице 1:

Преимущества использования ПО для работы с терминологией	Недостатки НЕ использования ПО для работы с терминологией
Сокращение времени и человеко-часов, затраченных на перевод текста за счет его автоматизации и внедрения повторяющихся сегментов из ТМ (Translation Memory)	Без инструментов и процессов, обеспечивающих согласованное употребление утвержденных терминов различия в терминах будут неизбежно появляться и приводит к терминологическому рассогласованию текста на языке перевода
Комплексная работа над переводом и автоматическое распознавание терминологии и наличие самого терминологического словаря	Translation Memory не альтернатива созданию терминологической базы, работа с <i>новой</i> терминологией система ТМ – вообще непригодна
Объединение терминологии на всех языках в один словарь	Без терминологической базы, «память переводов» содержит множество переводов, сокращенных форм и вариантов перевода одного и того же термина, что затрудняет или делает невозможным подбор одинаковых терминов для

	перевода
Полный технический арсенал для работы с терминологией: поиск, сортировка, редактирование	Приведение текстов перевода к терминологическому единообразию на этапе редактирования без данных инструментов приводит к значительным затратам времени и снижению продуктивности
Управление терминологическими базами: создание, редактирование, экспорт/импорт данных	Право на редактирование есть у всех пользователей
Гибкая структура терминологической базы: термины, синонимы, аббревиатуры; описательная информация в форме произвольного текста или списков выбора; иллюстрации; системные поля с автоматическим обновлением	Приводит к значительным затратам времени и снижению продуктивности
Поддерживают функцию общей ТМ и Термбаз, обновляемые в режиме реального времени	Разные термины или разработка их разными авторами, отсутствие понятий владения и управления утвержденной терминологией приводит к противоречивым публикациям, разочарованным клиентам, росту временных и финансовых затрат на локализацию
возможность поиска отдельных терминов не только в словаре, но и в переведенных документах, а также в онлайн базах терминов и словарях	отсутствие управления терминологией стоит дороже
Повышение скорости и качества ручного перевода, обеспечивают проверку правописания, наличие дополнительной информации: статус, определение, контекст, комментарии	
Возможность взаимодействия всех участников «клиент-сервер» и подключение в центральной базе	
Можно работать либо в онлайн-режиме, либо в автономном режиме (в основном – 30 дней)	

Автоматическая оценка качества	
Наличие полной, составленной под конкретный проект базы терминов уже на начальных этапах проекта позволяет освободить удаленных разработчиков, авторов, и, конечно же, переводчиков от самостоятельных трудоемких поисков терминов	
Управление терминологией стоит денег (многие ПО платные)	

В заключении необходимо еще раз подчеркнуть следующее: во-первых, современный переводчик должен быть технически подкованным и владение САТ программами – must have; во-вторых, сейчас представлено более 50 продуктов на рынке ПО для переводчиков, которые условно можно классифицировать на бесплатные (Smartcat), доступные (Memsource) и профессиональные (Trados Studio, MemoQ); в-третьих, главное требование современного рынка услуг – высокая скорость их оказания, поэтому данные инструменты являются необходимыми союзниками для переводчиков. Однако, софт, т.е. ПО станет мощнее и проще на основе систем программного перевода, но необходим и контроль со стороны высококвалифицированных переводчиков, которые всегда будут востребованы. И последнее, термины и терминология, которую они формируют – это актив заказчика, влияющие на его коммерческий успех, на имидж, бренд, как самого заказчика перевода, так и на профессиональный уровень и рейтинг переводчика на рынке труда в XXI веке.

Список использованных источников

1. Астраханцев Н. А. Автоматическое извлечение терминов из коллекции текстов предметной области с помощью Википедии // Труды ИСП РАН, том 26, вып. 4, 2014. С. 7– 20.
2. https://www.englishhelp.ru/translator/articles-for-translator/11_extract-terms-tools.html (дата обращения 06.01.2021).
3. <http://skos.um.es/> (дата обращения 06.01.2021).
4. http://www.iso.org/iso/ru/products/standards/catalogue_ics_browse.htm?ICS1=01&ICS2=020& (дата обращения 10.01.2021).
5. http://www.iso.org/iso/home/store/catalogue_tc/catalogue_detail.htm?csnumber=43427 (дата обращения 10.01.2021).
6. <http://www.archiv.ru/news/27/17975/> (дата обращения 16.01.2021).
7. <https://wiki.moda/wikipedia/MemoQ> (дата обращения 16.01.2021).
8. https://vuzlit.ru/829534/kodifikatsiya_standartizatsiya_terminov_algorithm_zaklyucheniya_terminologicheskogo_standarta (дата обращения 06.01.2021).

УДК 81'25

НАПУТСТВЕННАЯ РЕЧЬ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ВЫЗОВ***М. Г. Зеленцова,****кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь****Е. С. Мурлыкина,****обучающийся второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. В данной статье рассмотрен вопрос особенностей перевода особого вида публичной речи – эпидейктической речи. Выделены общие и специфические черты эпидейктической речи. Составлена таблица имеющихся вариативных наименований понятия «напутственная речь» в английском языке, отражающая объем содержания каждого слова. Материалом данного исследования послужили скрипты речей видео выступлений известных людей во время пандемии 2020 г. перед выпускниками вузов.

Ключевые слова: напутственная речь, эпидейктическая речь, речевые жанры, устный перевод

Abstract. This article carries out the analyses of the peculiarities of public speech translation – commencement speech in particular. Common and specific features of this epideictic oratory are identified. A table of the available variable names of the concept of “commencement speech” in the English language is compiled, reflecting the volume of the content of each word. The material of this study is the scripts of famous people speeches during the 2020 pandemic to university graduates.

Key words: commencement speech, epideictic oratory (ceremonial oratory), speech genres, oral translation.

В Америке есть традиция приглашать на церемонию выдачи дипломов какое-нибудь известное лицо, обычно кого-то из бывших выпускников университета, чтобы он произнес напутствие нынешним выпускникам. Данный жанр выступлений известен с давних времен, еще с античности, а поводом (типической ситуацией) для произнесения подобных речей является торжественное событие, поэтому их иногда называются торжественными речами (эпидейктическими).

Цель проанализировать особенности данного типа речей для восприятия и адекватного перевода в процессе устного перевода.

Материалом данного исследования послужили скрипты речей видео выступлений Oprah Winfrey, Bill Gates, Barack Obama, Dr. Anthony Fauci, Tim Cook выпускникам американских вузов в период пандемии 2020 г., находящиеся в открытом доступе в сети Интернет.

Термин «эпидейктическая речь» впервые встречается в работе

Аристотеля «Риторика» [1], а родоначальником этого жанра риторики считают Горгия, при этом современники, в свою очередь, связывают появление направления эпидейктики с его произведениями «Похвала Елене» и «Защита Паламеда». И на протяжении веков, и в наше время ученых интересовали и интересуют данные речевые жанры: «обсуждалось само понятие «эпидейктики»; ставился вопрос о необходимости выделения этого рода риторики, что объяснялось широтой использования речей торжественного рода и зыбкостью границ между этим родом и другими родами риторических сочинений; а также повышенным вниманием и интересом к жанрам публичного социума и жанрам бытового общения», – справедливо рассуждает современный исследователь эпидейктики С. В. Шаталова [3, с. 12].

В эпидейктической речи, согласно Аристотелю, превозносились добродетели, к числу которых относили справедливость, мужество, благоразумие, рассудительность, мудрость, великодушие, бескорыстие, щедрость, кротость и так далее [1, с. 13-164].

В данной статье в качестве рабочего определения «напутственной речь выпускникам» используется дефиниция, сформулированная Е. Н. Галичкиной: «напутственная речь выпускникам» имеет монологическую форму высказывания и реализуется как в условиях устной публичной речи (непосредственного выступления приглашённого гостя на церемонии вручения дипломов), так и письменного публицистического жанра (скрипта речи видео выступления, транслируемого в средствах массовой коммуникации)» [2].

Следует отметить, что в английском языке напутственная речь имеет несколько наименований как “commencement address” или “commencement speech”, “words of severance”, “graduation speech”, “valedictory speech” и “baccalaureat sermon”. Весь объем данных понятий и содержания данных синонимов, которые имеют свои отличительные черты, отражены в таблице, согласно данным словарей [4-7]:

Таблица 1

commencement speech (AmE)	commencement address	words of severance	graduation speech (BrE)	valedictory (valedictorian) speech // valedictory (valedictorian) address	baccalaureat sermon
---------------------------	----------------------	--------------------	-------------------------	---	---------------------

<p>an address given to graduating students, generally at a university, by a notable figure in the community</p>	<p>a speech given to graduating students, generally at a university, generally in the United States, although the term is also used for secondary education institutions</p>	<p>severance involves the ending of a relationship or connection</p>	<p>a vehicle designed to deliver a celebratory farewell statement, reflecting on experiences, accomplishments and future hopes and aspirations.</p>	<p>a farewell address or speech given at a graduation ceremony. This address is normally given by one of the most outstanding graduating students. Valedictory speeches are very common in universities and colleges in the United States and Canada</p>	<p>in some American colleges, a sermon delivered as a farewell discourse to a graduating class</p>
<p>это напутственная речь, обращённая, прежде всего, к выпускникам высших учебных заведений, мотивирующая речь может также произноситься и в общеобразовательном учреждении</p>	<p>речь по случаю вручения дипломов в США</p>	<p>слова прощания, свидетельствующие об окончании отношений или связей</p>	<p>представляет собой как напутственную речь выпускникам, произносится учителями, директорами или приглашёнными гостями,</p>	<p>прощальная речь, которую произносит один из лучших учеников/студентов в США и Канаде</p>	<p>напутственная речь”, которая произносится приглашёнными гостями перед выпускниками учебных заведений, получающими академич</p>

			так и прощальную речь самих выпускников		ескую степень бакалавра (чаще всего это проповеди, поучения, нотации или наставления», дающиеся как в устном, так и в письменном виде)
--	--	--	---	--	--

Среди общих черт эпидейктической речи отметим следующие как: оригинальность, образность, уход от речевых стандартов, шаблонов; для усиления воздействующего эффекта использование метафор, эпитетов, сравнений, риторических вопросов парцелляции; продуманность, подготовленности, лаконизм; композиционная стройность выступления (наличие вступления, главная часть и заключение).

К специфическим чертам можно отнести: стремление поддержать человека или группу людей, вселить чувство уверенности, вселить высокие чувства; адресат испытывает чувство уверенности в себе (реакция «виновника торжества»); интонационная выразительность; уместное паузирование, логическое ударение, адекватный характеру содержания; темпоритм произношение, выбранная тональность; язык многообразен и разносторонен.

Анализируя выступления некоторых известных политических деятелей, актеров, писателей и общественных деятелей, мы подробнее остановимся на наиболее употребительных стилистических, лексических приемах и выразительных средствах, используемые для создания интересных и привлекательных текстов, создающие переводчикам трудности при их устном переводе.

Данный период был непростой для всего мира, и формат выступлений изменился тоже. Продолжительность выступлений, тон, и языковое оформление – сильно отличаются от тех, которые были в прошлые годы. Речи стали короче, на них повлияла ситуация с пандемией и предстоящие президентские выборы в США, поэтому сама риторика выступлений стала крайне прямолинейной.

Главные мысли выступлений – это осуществление мечты, борьба за ее осуществление, затем идет идея борьбы за равенство, выборе будущей профессии, преодоление преград, вызовов современности, при нынешней ситуации во всем мире.

Так, известная телеведущая Опра Уинфри, выступления которой всегда вызывают у слушателей крайне искренние эмоции, побуждают к действию, и даже приводят к победе на выборах, и на этот раз осталась верной своей традиции (говоря о правах обездоленных, чернокожих) сказала следующее: «Can you, the class of 2020, show us not how to put the pieces back together again but how to create a new and more evolved normal, a world more just, kind, beautiful, tender, luminous, creative whole? We need you to do this because the pandemic has illuminated the vast systemic inequities that have defined life for too many for too long» [10].

В переводе: «Можете ли вы, выпуск 2020 года, показать нам не то, как снова придти в себя, а как создать что-то новое, более продвинутое, мир, который будет больше чем просто справедливым, добрым, прекрасным, нежным, светлым, творческим? Нам нужно, чтобы вы сделали это, так как пандемия высветила значительные системные неравенства, которые слишком долго определяли жизнь слишком многих» (перевод – наш). Применяя конкретизацию, добавление, компенсацию, смысловое развитие передается именно та смысловая интенция автора, придающая всей этой короткой речи мотивацию к действию.

Интересной, на наш взгляд, является следующая фраза: «For every person burdened by bias and bigotry, for every black man and woman living in their American skin, fearful to even go for a jog, inequality is a pre-existing condition». При переводе переводчику следует крайне аккуратно перевести выражение «living in their American skin», исходя из принципов демократии и соблюдения прав всех граждан США. Мы предлагаем следующий перевод: «Для каждого человека, обремененного предвзятостью и фанатизмом, для каждого чернокожего мужчины и женщины, которые имеют американское гражданство, и для которых страшно даже выйти на пробежку, неравенство стало уже привычной нормой». В конце свое го выступления, Опра добавила: «This moment is your invitation to use your education to begin to heal our afflictions, to apply the best of what you've learned in your head and felt in your heart». В переводе: «Сегодняшний момент жизни – это ваше приглашение, чтобы начать использовать ваше образование для исцеления наших недугов, применяя самое лучшее из того, чему вы научились и чувствуете всем сердцем» (перевод – наш).

Итак, слово «affliction» – «бедствие» при переводе не сочетается со глаголом «to heal» – заживать, исцелять, поэтому было заменено на адекватное по смыслу фразы слово «недуг». Выражение «learned in your head», благодаря смысловому развитию слова «head» заменено на «чему вы научились».

Известный предприниматель и филантроп Билл Гейтс так

приветствовал выпускников 2020: «Some of you may have been inspired by this crisis to pursue careers in epidemiology or health. That's fantastic, but it's not the only way to contribute. Policymakers are going to have a lot of decisions to make in the months and years to come about how we recover from this crisis, and how we prevent it from ever happening again. You can use your voice and your vote to insist on policies that create a healthier, better future for everyone everywhere» [10].

«Некоторые из вас, возможно, были вдохновлены этим кризисом, который позволил продолжить карьеру в сфере эпидемиологии или здравоохранения. Это фантастика, но это не единственный способ, где можно приложить свои усилия. В ближайшие месяцы и годы политикам предстоит принять множество решений, как нам выйти из этого кризиса и как предотвратить его повторение снова. Вы можете использовать свое право голоса, и именно ваш голос сможет настаивать на создании такой политики, которая создает более здоровое, лучшее будущее для всех и каждого повсюду» (перевод – наш). В его словах слышится призыв к голосованию на предстоящих президентских выборах. При этом в духе напутственных речей, сказал пару фраз о своей жизни, своем опыте: «I never saw myself working in philanthropy or on global health at all, let alone leaving behind my job at Microsoft to do it full-time. As you get older, your interests and your skills will evolve. My advice is to be open to change. Don't be afraid to try something new» [10]. «Я никогда не представлял, что буду работать на благотворительность или на здравоохранение вообще, не говоря уже о том, чтобы оставить свою работу в Microsoft, чтобы заниматься только ею. С возрастом ваши интересы и навыки будут развиваться. Мой совет – будьте открытыми для перемен. Не бойтесь попробовать что-то новое» (перевод – наш). Грамматические замены, смысловое развитие, целостное преобразования позволяет переводчику донести адекватно посыл данной речи.

Барак Обама – 44-й президент США отметил следующее: «If the world is going to get better it's going to be up to you. With everything suddenly feeling like it's up for grabs, this is your time to seize the initiative. Nobody can tell you anymore that you should be waiting your turn, nobody can tell you anymore that this is how it's always been done. More than ever this is your moment, your generation's world to shape» [10].

«Если мир становится лучше, то это зависит от вас. Когда все вдруг начинает зависеть от выпускников, это – то самое время, чтобы перехватить инициативу. Никто больше не сможет сказать вам, что вы должны ждать своей очереди, никто больше не сможет сказать вам, что так было всегда. Настал именно ваш час, когда ваше поколение может изменить мир» (перевод – наш).

«You've got more tools, technology and talents than my generation did. No generation has been better positioned to be warriors for justice and remake the world» [10]. «У вас больше средств, технологий и талантов, чем было у

моего поколения. Ни одно поколение не было лучше подготовлено к тому, чтобы стать борцами за справедливость и переделать этот мир» (перевод – наш).

Выступая, Тим Куук, исполнительный директор компании Apple, сказал следующее: «Many more will know real hardship and fear. Others still will be cut to the bone» [10]. Данная идиома имеет значение «To reduce or decrease something significantly». Однако из контекста следует, что автор намекает на то, что другим от жизни достанется больше остальных. «Многие еще узнают, что такое настоящие трудности и страх. Другие все же набьют себе шишки».

Интересным в этом году стало выступление ученого-иммунолога, инфекциониста, директора Национального института изучения аллергических и инфекционных заболеваний (National Institute of Allergy and Infectious Diseases) Anthony S. Fauci. Он поделился своим опытом учебы в школе, сказав: «I had the good fortune to graduate from Regis high school in 1958. I often say it was the best educational experience I could have imagined. I became immersed in the intellectual rigor of a Jesuit education. Importantly, certain tenets of the Jesuit tradition have sustained me throughout my life and career» [10]. В переводе «Мне посчастливилось окончить среднюю школу Реджиса в 1958 году. Я часто говорю, что это был лучший образовательный опыт, который я мог себе представить. Я погрузился в интеллектуальную строгость иезуитского образования. Важно отметить, что некоторые принципы иезуитской традиции поддерживали меня на протяжении всей моей жизни и карьеры». Здесь упоминается про иезуитское образование, которое строилось на таком методе преподавания, «чтобы у ученика появлялось желание самому разбираться в материале, который становился сложнее с каждым уроком. Тем самым ученик развивался не только интеллектуально, но и морально; он привыкал к трудностям, к нестандартным ситуациям и старался находить к каждой из них подход» [11].

Итак, подводя итог всему вышесказанному, стоит отметить: во-первых, насколько бы речь оратора не была красноречивой, и эмоционально окрашенной, переводчик говорит нормативно (грамматически и лексически правильно), придерживаясь «срединного пути»; во-вторых, в переводе непременно должна присутствовать логическая связь последующего с предыдущим (при последовательном переводе особо остро стоит об этом вопрос); в-третьих, если текст произносимого перевода должен понятен самому переводчику, то он будет понятен и конечному адресату (не следует отвлекаться на поиск образных эквивалентов, чтобы передать образность)

Список использованных источников

1. Аристотель. Риторика//Античные риторика. М.: Изд-во МГУ,1978.
2. Галичкина Е. Н. Напутственная речь выпускникам как речевой жанр // Мордовский государственный педагогический институт имени

- М.Е. Евсевьева: Гуманитарные науки и образование, 2015. С. 109-113.
3. Шаталова С. В. Эпидейктические жанры речи: дис ... канд. филол. наук. Ярославль, 2009. 379 с.
 4. Collins English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>
 5. Online COBUILD Advanced English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dictionary.reverso.net/english-cobuild/>
 6. Online Oxford Advanced Learner's Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/>
 7. Online Longman Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ldoceonline.com>
 8. <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/severance;>
 9. https://en.wikipedia.org/wiki/Commencement_speech;
 10. <https://www.forbes.com/sites/susanadams/2020/05/16/the-best-commencement-speeches-of-2020/?sh=6203f16973f0>
 11. <https://mel.fm/obrazovaniye/6194785-jesuits>

УДК 81'25

ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТА СПРАВЕДЛИВОСТИ И ПРАВОСУДИЯ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА

М. Г. Зеленцова,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Д. В. Яковлева,

обучающийся второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье рассматривается вопрос отображения концепта справедливости и правосудия на материале одного из самых известных детективов «Десять негритят» Агаты Кристи. Проанализированы различные символы и мотивы, различные взгляды персонажей на правосудие, через которые реализуется данный концепт. Адекватная передача концепта позволяет точно транслировать смысловое содержание исходного текста.

Ключевые слова: Агата Кристи, «Десять негритят», справедливость, правосудие, Филипп Ломбард, Судья Лоуренс Уоргрейв, Мисс Брент.

Summary. The article touches the problem of the justice and judgment concept reflecting while translating one of the most famous detective story “Ten Little Niggers” by Agatha Christie. Various symbols and motives as well as characters' points of view are analyzed which are accumulated in this concept.

An adequate concept translation allows transferring semantic meaning of the original text.

Key words: Agatha Christie, «Ten Little Niggers», Justice, Judgement, Philip Lombard, Judge Lawrence Wargrave, Miss Brent.

«Одно из самых холодных и точных исследований Кристи в области человеческой продажности, не искупленной спасительной компетентностью детектива» – так описывают многие критики детектив Агаты Кристи «Десять негритят». Произведение, названное фразой из последней строки детского стихотворения «Десять негритят» держит внимание читателей до самой последней страницы. Развязка же поражает всей своей оригинальностью.

Детективная беллетристика, использующая типичную сюжетную структуру Кристи, которую соавтор Дороти Л. Сэйерс назвала типом «*кроссворда*» (происходит убийство; детектив его расследует; каждый является потенциальным подозреваемым и ведет себя подозрительно; личность убийцы раскрывается детективом публично, где все присутствуют), стал синонимом архетипической детективной истории [5, с. 11].

За сравнительно небольшим исключением, истории Кристи разворачиваются не в определенное время, а скорее в стереотипной идиллической обстановке загородного дома или деревни со стереотипными персонажами [6, с. 33]. В конце рассказа, после устранения преступников, первоначальный «Райский сад» («Райская идиллия») восстанавливается [4, с. 158]. Вселенная ее историй безопасна и уединённа.

Однако, как любой другой выдающийся писатель не живёт без идеи и мысли, так без критики не живёт не одно его произведение. Это коснулось и данного произведения.

Первое, в чем был обвинен роман Агаты Кристи – использование слова «негр» в его названии. Хотя это и детская песенка, хоть в ней и присутствует данное слово, критики и читатели восприняли его как прямонаправленный расизм, и многие издательские дома начали переиздавать детектив под другими названиями.

Без обвинений не остался также один из «гостей» острова – Филипп Ломбарт. Его критики и читатели сочли олицетворением «колониальных настроений британцев, которые знают себя как избранный народ мира, который должен принести цивилизацию нецивилизованным».

«Концепт (лат. *conceptum* «мысль; содержание; понятие») – в философии определяется как «содержание понятия в отвлечении от языковой формы его выражения». Концепт имеют этническую основу и обусловлен национальным менталитетом. Концептуальная картина мира справедливо считается богаче языковой» [3]. Увлечение темой справедливости характерно для детектива как жанра. Детективная фантастика развивалась в девятнадцатом и двадцатом веках и отражала

основные вызовы современности. По словам Саймонса: «В социальном смысле детективная история выражает в крайней форме стремление среднего и высшего классов британского общества к прочному, почти иерархическому социальному порядку и к эффективной полиции» [7].

1920-е и 1930-е годы известны как Золотой век детективных историй. Особенно в Соединенных Штатах, это были суровые времена ошеломляющего социального неравенства и экономических трудностей. Тем не менее, криминальные истории редко упоминали о таких трудностях, сосредоточившись вместо этого на жизни элит. Социальный порядок в детективной литературе находится под угрозой; тем не менее, он будет восстановлен детективом или полицией, которые действуют как агенты закона и справедливости. Форма, в которой написана детективная история, также имеет решающее значение с этой точки зрения. Повествование всегда следует определенному набору правил: есть преступление, тайна, которая разрешится в конце истории. Все эти законы жанра также усиливают у читателя чувство порядка.

С жаждой возмездия криминальная фантастика глубоко укоренилась в христианской системе этики. «Когда преступник убивает невинную жертву, он совершает преступление не только против человечества, но и против Бога» (Оден, «Виновный Викарий»). В детективной литературе есть только три альтернативы убийцам: безумие, самоубийство или казнь (тюремное заключение). Без такого искупления своих деяний они не смогут получить прощение общества.

«Многослойность и многоаспектность концепта порождают многослойность семантической структуры языкового знака, при помощи которого данный концепт объективируется в языковом сознании. Концепты передаются в языке 3 способами: 1) готовыми лексемами и фразеологическими сочетаниями; 2) свободными словосочетаниями; 3) текстами и их совокупностями. Возможность отображения концепта в слове обуславливается его потенциальной способностью передавать континуальное смысловое пространство» [4].

Тема справедливости в романе развивается через различные символы и мотивы. Один из символов – знак на лбу судьи Уоргрейва. Этот знак, похожий на огненный выстрел, является примером интертекстуальности в книге, поскольку он напоминает нам о знаке, который был наложен Богом на голову Каина. Таким намеком Кристи проводит параллель между судьей и Каином, оба из которых виновны в убийстве.

Буря (надвигающаяся опасность) – еще один мощный символ, используемый в романе. В начале рассказа первым признаком грядущего возмездия служит упоминание стариком в поезде о «шквале»:

«Смотри и молись», – сказал он [старик]. – «Смотри и молись. Судный день близок». Он рухнул через дверной проем на платформу. Лежа, он поднял глаза на Мистера Блора и сказал с огромным достоинством:

«Судный день совсем близко».

Опустившись на свое место, Мистер Блор подумал про себя: «он ближе к Судному дню, чем я!» Но тут, как оказалось, он ошибся [1, с. 15].

Мотив возмездия и наказания за грех проявляется в книге с самого начала романа: в своей спальне Эмили Brent, одетая в черный шелк, готовая к обеду, читала Библию. Ее губы шевелились, когда она следила за словами:

«Язычники погружены в яму, которую они сделали; в сеть, которую они спрятали, попала их собственная нога.

Господь познается по суду, который он исполняет: нечестивый пойман в ловушку делом рук своих. Нечестивые будут обращены в ад» [1, с. 29].

Каждый из героев романа обладает уникальным жизненным опытом, а значит, и взглядами на такие понятия, как мораль, этика, вина, ответственность, преступление, справедливость. Некоторые герои признаются в совершении преступлений, но не чувствуют себя виноватыми. Например, Тони Марстон и Ломбард, кажется, не стыдятся того, что они сделали.

Отсутствие угрызений совести проистекает из мощных классовых и расовых различий, которые преобладали в западном мире в начале двадцатого века. Хотя ломбард убил 21 человека, он не расстроился из-за этого факта, потому что они были африканцами. Точно так же и другие персонажи не расстраиваются, убивая детей городской бедноты. Такие подробности знакомят нас со специфической социальной обстановкой Великобритании в первой половине XX века и с отношениями властей в стране в то время. Особый интерес представляют взгляды двух персонажей на правосудие – судьи Уоргрейва и Мисс Brent.

Судья Уоргрейв – центральный и одновременно самый сложный персонаж романа. В отличие от традиционной криминальной фантастики, в детективе Кристи персонаж, больше всего сам похожий на детектива, в то же время является убийцей. С одной стороны, Уоргрейв – это тот, кто организовал все дело на острове и спланировал преступления. Следовательно, он преступник. С другой стороны, он тоже довольно уважаемая фигура среди гостей острова, и пытается найти убийцу. Более того, все преступления Уоргрейва можно рассматривать, как попытку установить справедливость и наказать грешников за совершенные ими деяния. Мисс Brent же олицетворяет жестокую сторону правосудия. Она религиозная фундаменталистка, которая считает, что следовать этическим принципам христианской веры – моральный долг каждого. Она озабочена понятием греха и пытается вести добродетельную и безупречную жизнь. Мисс Brent утверждает, что каждый грешник будет наказан Богом и что такое наказание справедливо. Когда герои размышляют о причинах смерти Этель Роджер, она говорит, что нечистая совесть – и есть самая важная

причина. Более того, она утверждает, что смерть Миссис Роджер была «актом Божьим».

Подводя итог, необходимо отметить, «И никого не стало» знакомит читателей с моральными особенностями понятий правосудие и преступление англоязычного мира. Через персонажей судьи Уоргрейва и Мисс Брент, Кристи создает важные этические дилеммы, которые можно лишь передать через понимание и адекватную передачу семантики структуры текста, а когнитивный анализ смысловых знаков и отображение мыслительных действий, воплощенные в виде авторской картины мира позволяют переводчику качественно осуществить перевод такого жанра как детектив.

Список использованных источников

1. Кристи Агата. Десять негритят / Агата Кристи; [пер. с англ. Н.В. Екимовой]. М.: Эксмо, 2019. 288 с.
2. Кристи Агата. Десять негритят: книга для чтения на английском языке. – Санкт–Петербург: КАРО, 2018. 256 с.
3. Кузнецова Е. Г. Концепт «Дружба» в произведении Грогэн Джон «Марли и я» // Наука, техника и образование. 2014. № 6 (6).
4. Auden, W.H. "The Guilty Vicarage: Notes on the Detective Story, by an Addict." Harper's Magazine, 1948. Buchgesellschaft.
5. Buchloh, Paul Gerhard and Jens Peter Becker (1973). Der Detektivroman. Darmstadt: Wissenschaftliche
6. Egloff, Gerd (1974). Detektivroman und englisches Bürgertum. Konstruktionsschema und Gesellschaftsbild bei Agatha Christie. Düsseldorf: Bertelsmann.
7. Symons, Julian. Bloody Murder: From the Detective Story to the Crime Novel. London, Pan Books, 1994.

УДК 81.25

ВЛИЯНИЕ НА ПЕРЕВОД ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА И ЦЕННОСТЕЙ ЭПОХИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Д. Д. СЭЛИНДЖЕРА «НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ» И ТРЁХ ПЕРЕВОДОВ ДАННОГО ТЕКСТА)

А. Ю. Иваниченко,

обучающийся первого курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

М. В. Норец,

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Данная статья рассматривает влияние языковой личности переводчика и ценностей эпохи на итоговый вариант перевода художественного текста. Были использованы метод сплошной выборки и

сравнительно-сопоставительный метод. Согласно данной статье влияние социально-культурной сферы переводчика, а также его языковая личность могут отражаться на итоговом варианте перевода.

Ключевые слова: перевод, языковая личность переводчика, Д.Д. Сэлинджер, социально-культурная сфера переводчика.

Summary. This article considers the influence of the interpreter's linguistic personality and the values of his historical period on the final variant of the literary text. The method of continuous sampling and the comparative one have been used there. According to this article, the influence of the socio-cultural sphere of the interpreter and his linguistic personality can be reflected in the final version of the translation.

Key words: translation, the interpreter's linguistic personality, J.D. Salinger, the socio-cultural sphere of the interpreter.

Детерминированность мировоззренческих универсалий социума в отдельные эпохи жизни человека можно охарактеризовать понятием «общечеловеческие ценности». Внешние факторы эпохи, в которой живут люди, довлеют над ними. Более того, в процессе перевода художественного текста переводчик, как принято считать, обязан воссоздать систему ценностей, представленную автором оригинала «своему» читателю. Кроме вышесказанного, переводчику также следует отразить в тексте перевода основной посыл произведения, максимально полно передать его содержание, а также передать его художественную ценность и индивидуальность.

Таким образом, основной целью данной работы является определение роли языковой личности переводчика и ценности эпохи на конечный вариант перевода художественного текста на материале сравнительно-сопоставительного анализа переводов М. Немцова, С. Махова и Р. Райт-Ковалёвой произведения Д. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» («The Catcher in the Rye»). Актуальность исследования очевидна, поскольку ценности отдельной эпохи, в которой проживает переводчик, а также сама языковая личность переводчика способствуют правильной интерпретации текста перевода в целом.

Методика данного исследования базируется на комплексном подходе к художественному тексту, который включает в себя метод сплошной выборки и метод сравнительно-сопоставительного анализа.

Роман «Над пропастью во ржи» является своего рода «библией» подросткового бунта американского юноши. Фокальным персонажем, чьими глазами мы смотрим на всю эту историю, является умный, но слегка нервный Холден Колфилд, который повествует нам о нескольких днях из своей жизни.

Сам роман переводился трижды на русский язык. Так, экзистенциальное разочарование Холдена Колфилда в буржуазных ценностях довело его до психбольницы, а книгу привело в советскую печать, где она впервые появилась в 1955 году и прославилась

остроумным, хоть и слегка стыдливым для того времени пересказом Риты Райт-Ковалёвой. Спустя более сорока лет в 1998 году был издан «Обрыв на краю ржаного поля детства», над переводом которого работал Сергей Махов, и, наконец, в 2008 году появился «Ловец на хлебном поле» Максима Немцова.

В процессе проведения сравнительно-сопоставительного анализа было выявлено, что переводы Риты Райт-Ковалёвой, Сергея Махова и Максима Немцова разительно отличаются друг от друга, в особенности канонический перевод 1955 года и последний 2008 года. В первую очередь, каждый переводчик индивидуальным образом подошел как к выбору языковых средств для детального воплощения авторской художественной идеи, так и по-разному отобразил особенности эпохи, в которой жил Д. Д. Сэлинджер, таким образом адаптируя культурные ценности и уровень языка в целом под «своего» читателя, живущего в эпоху, в которую творил сам переводчик, а не автор оригинала.

На самом деле, только по переводам названия романа можно заметить, что подход у переводчиков разный. Так, канонический вариант перевода заголовка романа «Над пропастью во ржи» при сопоставлении с названием оригинального текста «The Catcher in the Rye» выглядит романтичнее и в нём заметно куда больше патетики, чем в английском варианте. На самом деле, при буквальном переводе заголовка («ловящий/ловец во ржи») мы видим, что ни о какой «пропасти», на краю которой оказался герой, речи не идёт. Сам герой романа, говоря о том, чем ему в действительности хотелось бы заниматься в жизни, отсылается на бейсбольный термин «ловец/кэтчер» (игрок, который в бейсболе ловит мяч), когда размышлял о том, что хотел стать человеком, который бы ловил детей, играющих в поле, чтобы они не сорвались со скалы. Тем не менее, сама метафора «жизнь – игра» для Холдена неприемлема, поскольку он не из тех людей, кто играет по правилам.

Во втором варианте перевода данного романа Сергей Махов слегка изменил название на «Обрыв на краю ржаного поля детства». На самом деле, план выражения фразы в целом изменился, но план содержания всё также схож с каноническим вариантом перевода. В переводе заголовка Сергея Махова всё также ощущается эта романтичность и лёгкость. Тем не менее, заменив слово «пропасть» на слово «обрыв» автор приблизился к тому, чтобы лучше выразить внутренний мир главного героя Холдена, подчеркнув его холодную угловатость, которому совсем не близка излишняя прозаичность. Стилистически слово «обрыв» звучит менее возвышенно, но благодаря этому название обрело немного другой смысл.

Что же касается последнего варианта перевода романа Д. Д. Сэлинджера, заголовки Максима Немцова «Ловец на хлебном поле» звучит более буквально и приземлённо, нежели первые два варианта. Создаётся впечатление, что М. Немцов словно старается добавить в

название спортивные коннотации, помещая своего «ловца» на «поле», но, вероятнее всего, эта отсылка считается не всеми читателями.

Тем не менее, наибольшая сложность при переводе данного художественного текста заключается не в самом названии, а в особенном подходе выбора языковых средств при написании оригинального текста. Как мы уже знаем, повествование ведется от лица шестнадцатилетнего юноши, не обладающего изысканным слогом, но использующего в своей речи обилие экспрессивных выражений и слов. Суть заключается в том, что герой Д. Д. Сэлинджера говорит на устаревшем арго американского подростка конца 1940-х – начала 1950-х годов. Это тот пласт языка, точных эквивалентов которому в русском языке попросту нет.

Более того, даже во времена написания данного произведения оно вызвало шквал негодования в пуританской Америке, в том числе из-за обилия обценной и грубой лексики, а также из-за того, что центральный персонаж подаёт плохой пример подрастающему поколению, склоняя молодых людей к чрезмерному распитию алкогольных напитков, табакокурению, бунту и пр.

Таким образом, говоря о каноническом варианте перевода данного романа, все вышеперечисленные факторы стали огромной проблемой для Риты Райт-Ковалёвой, что отразилось на итоговом варианте её варианта перевода художественного текста. Так, к примеру, сама речь главного героя произведения («грубый язык», подростковый сленг, обценная лексика) были достаточно резкими, чтобы полностью отразить их в русском варианте перевода. Р. Райт-Ковалёва не могла оставить их по цензурным соображениям, таким образом переводчик была вынуждена преобразовать перевод текста под «своего» читателя, а также под социально-культурные ценности и требования своего времени. Таким образом, канонический вариант перевода в силу времени, в которое он был сделан, получился менее угловатым и резким, чем оригинальный текст. Тем не менее, проблема заключается в том, что из-за того, что перевод Р. Райт-Ковалёвой звучит более литературно и гладко, сам образ в варианте данного перевода вышел менее ироничным и сам Холден предстаёт перед читателем немного в ином свете.

Так, к примеру, сопоставим три варианта перевода одного и того же отрывка, в котором Холден размышляет о гадости и пошлости, которые всегда и в любом месте могут застать человека. В оригинальном тексте это выглядит следующим образом: «That's the whole trouble. You can't ever find a place that's nice and peaceful, because there isn't any. You may think there is, but once you get there, when you're not looking, somebody'll sneak up and write "F*ck you" right under your nose. Try it sometime. I think, even, if I ever die, and they stick me in a cemetery, and I have a tombstone and all, it'll say «Holden Caulfield» on it, and then what year I was born and what year I died, and then right under that it'll say "F*ck you." I'm positive, in fact». [4, с. 85]

Р. Райт-Ковалёва перевела этот отрывок как: «В этом-то и все несчастье. Нельзя найти спокойное, тихое место – нет его на свете. Иногда подумаешь – а может, есть, но пока ты туда доберешься, кто-нибудь прокрадется перед тобой и напишет похабщину прямо перед твоим носом. Проверьте сами. Мне иногда кажется – вот я умру, попаду на кладбище, поставят надо мной памятник, напишут “Холден Колфилд”, и год рождения, и год смерти, а под всем этим кто-нибудь нацарапает похабщину. Уверен, что так оно и будет». [3, с. 153]

Мы видим, что с точки зрения перевода всё в принципе верно, принимая во внимание тот факт, что обсценная лексика опущена или сглажена более приемлемыми синонимами в силу требования цензуры. Однако сам эмоциональный тон отрывка не совпадает. В оригинальном тексте главный герой говорит не о «несчастье», Холден Колфилд использует семантически более нейтральный вариант «проблема / загвоздка». Кроме того, само упоминание о смерти в оригинале звучит менее наивно, чем в тексте перевода.

В переводе С. Махова этот фрагмент текста был переведён следующим образом: «Вот отсюда-то все несчастья. Просто нельзя найти тихое-мирное место, поскольку его нетути. Невозбранно думать, якобы есть, но едва туда попадёшь, а сам бдительность на миг потеряешь, тут же подкрадутся и прям у тебя под носом напишут: “Ё* твою мать”. Можете однажды проверить. По-моему, чуть только со временем загнусь, и меня запихнут на кладбище, сделают могильную плиту, всё такое прочее, а на ней высекут “Холден Колфилд”, в каком году родился, в каком сыграл в ящик, то непосредственно под всей подобной хр*нотенью припишут “Ё* твою мать”. Даже не сомневаюсь». [1, с. 78]

И, наконец, в переводе М. Немцова этот отрывок из романа выглядит так: «Вот где засада вся. Даже такого места не найдешь, где нормально и спокойно, потому что нет таких мест. Только думаешь, что есть, а доберешься до него, чуть отвернешься – и кто-нибудь подлезет втихушку и прямо у тебя перед носом напишет “х** вам”. Сами попробуйте. Я так даже прикидываю, что вот сдохну когда-нибудь, и сунут меня в могилу на кладбище, и будет у меня надгробье и всяко-разно, и на нем “Холден Колфилд” написано, а потом год, когда родился, и год, когда помер, а прямо под низом будет: “х** вам”. К бабке не ходи». [2, с. 145]

Исходя из приведённых отрывков, разница заметна без особых усилий. Так, у Р. Райт-Ковалёвой текст в силу разного рода причин и обстоятельств вышел на исходе более гладким, литературным, нежели в оригинале. Что же касается двух остальных вариантов перевода, то они максимально старались передать всю грубость речи главного героя, её небрежность и отсутствие чувства такта. Тем не менее, рамки приличия и вседозволенности должны существовать везде, и перевод художественного текста на большое число разного рода реципиентов не является исключением.

Кроме того, мы уже упомянули про особенности канонического перевода, в котором Р. Райт-Ковалёва максимально контактирует и опирается на веяния своего времени и своих реципиентов, переводя, к примеру, слово «a hamburger» как «котлета». Что же касается второго варианта перевода, то здесь ярко выражена языковая личность переводчика, который достаточно часто включает в текст перевода просторечные слова и выражения («нетути»), а также сочетает клише официально-газетного стиля с разговорными, приземлёнными выражениями или архаизмами (фразы «потерять бдительность», «непосредственно» используются в сплетении с устаревшей лексемой «невозбранно» и бранным словом «хр*нот*ню»). Однако, возможно, подобный выбор языковых средств объясняется попыткой переводчика передать живую речь подростка.

Более того, С. Махов максимально избегает заимствований в своём варианте перевода данного романа: «лапта» вместо «бейсбол», «ежемесячник» взамен слова «журнал», «коньки на колёсиках» вместо слова «ролики» и пр.

Последний перевод романа Д. Д. Сэлинджера наполнен множеством разговорных выражений, которые, в большинстве своём вышли из употребления современными подростками («всяко-разно», «к бабке не ходи»). Более того, в одном из фрагментов текста М. Немцов использует вместо устойчивых вариантов перевода слов *father* и *mother* лексику из арго (в данном случае, это выражения, использующиеся в лексике воров) – «штрик» и «штруня». Подобный выбор языковых средств слегка сбивает читателя с толку, но, с другой стороны, переводческая стратегия М. Немцова вполне разумная, однако далеко не каждый реципиент данного текста сможет её воспринять правильным образом.

Таким образом, мы видим, что при трёх переводах романа Д. Д. Сэлинджера ощущается влияние на итоговый вариант перевода как языковой личности переводчика, так и социально-культурной эпохи, к которой тот или иной переводчик принадлежит.

Список использованных источников

1. Махов С. Обрыв на краю ржаного поля детства. М.: Аякс ЛТД, 2016. 187 с.
2. Немцов М. Ловец на хлебном поле. М.: Издательство «Э», 2008. 320 с.
3. Райт-Ковалёва Р. Над пропастью во ржи. М.: Эксмо, 2011. 240 с.
4. Salinger J. D. *The Catcher in the Rye*. NY.: Little, Brown and Company, 1991. 240 p.

УДК 81

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО РОМАНА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Н. В. Иноземцева,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка, Оренбургский государственный университет, Оренбург

П. А. Цибарт,

обучающийся четвертого курса бакалавриата кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка, Оренбургский государственный университет, Оренбург

Аннотация. Философско-психологические романы становятся все более и более популярными. Значительно возрастает заинтересованность в изучении человеческой души, мыслей и смысла жизни. В нашем исследовании рассмотрено понятие «философско-психологический роман», его особенности, а также акцент поставлен на процесс передачи содержимого таких романов на русский язык. Определены основные переводческие трансформации, способствующие более точной передаче сути оригинальных произведений на русский язык.

Ключевые слова: роман, философско-психологический роман, переводческие трансформации, лексические и грамматические трансформации.

Abstract. Philosopho-psychological novels are becoming more and more popular. There is a significant interest increase in the study of the human soul, thoughts and the meaning of life. The concept of "philosopho-psychological novel," its features, as well as the emphasis on the process of transferring the content of such novels into Russian are revealed in the paper. The main translation transformations have been identified, which make the transferring of the essence of the original works into Russian more accurate.

Key words: novel, philosopho-psychological novel, translation transformations, lexical and grammatical transformations.

Роман (от фр. roman - произведение, написанное на языке романской группы) – «литературный жанр, как правило, прозаический, который предполагает развернутое повествование о жизни и развитии личности главного героя (героев) в кризисный/нестандартный период его жизни» [4]. Одной из отличительных характеристик романа является его масштаб. Роман объединяет в себе большое количество персонажей, продолжительную историю и множество различных жизненных явлений,

описываемых в развитии. Целью данного жанра является анализ либо повествование с разнообразных сторон человеческих жизней, что и является причиной существования множества видов романа, таких как авантюрный, об образовании, женский, исторический, криминальный, детективный, научно-фантастический, "карьерный", приключенческий, семейно-бытовой, солдатский, антивоенный, антифашистский, антиколониальный, рыцарский и так далее.

Рассматривая классификацию романа с точки зрения поэтических характеристик, можно выделить следующие виды романов: социально-психологический, философско-психологический, мифологический, просветительский, сентименталистский, романтический и т.д. В данной статье нами рассматривается философско-психологический роман.

Впервые характерные черты философско-психологического романа стали проявляться в литературных произведениях в 60-70е года XX века. В этот период времени в трудах писателей художественной литературы все чаще были заметны рассуждения и анализ проблем современности, тем самым выдавая зарождение нового течения в мировой литературе. Этому способствовало новое поколение писателей, переживавших глобальные кризисные изменения в социальной и национальной жизни, проблемы современности и переворот в сознании и взглядов на мир. Философы, писатели, культурологи были заинтересованы в поиске новых философско-психологических концепций мировоззрения, поиске человеческой сути и глубин души. Научный прогресс не отставал от познания ментальных способностей человека, их роли в социуме и влиянии на жизнь индивида. В процессе данных поисков все больше проявлялись философско-психологические факторы, влияющие на мировоззрение, самоощущение, межкультурную и межличностную коммуникацию. Эту тему в своих работах отразил В. М. Жирмунский: «Эволюция стиля как системы художественно-выразительных средств или приемов тесно связана с изменением общего художественного задания, эстетических навыков и вкусов, но также – всего мироощущения эпохи» [1]. К данному высказыванию также справедливо добавить мнение литературоведа Ч. З. Мамытбековой: «Писатели 80-90х годов XX века внесли значительный вклад в обогащение романного жанра в современной литературе. В их творчестве представляются разные жанровые модификации романа, от социально-философского романа-притчи до романа с ярко выраженным детективным началом. Богатство форм романов, разнообразие их тематики, многопроблемность, насыщенность философским содержанием,

позволяет провести анализ конкретной жанровой поэтики каждого романа в его национально-исторической определенности и психологической глубине» [3].

По ходу своего развития философско-психологический роман как жанр обретал новые маркеры и особенности, в силу того, что писатели стремились выявить насущные проблемы человеческой психологии и коммуникации, чувств и природы человеческой души в целом. Авторы философско-психологических романов выступают в роли философов и психологов, так как описывают и анализируют в романах все, что касается ментальной жизнедеятельности человека, начиная от небольших споров и заканчивая глобальными конфликтами. Рассматривая проблемы, содержащиеся в такого рода произведениях, можно сделать вывод, что на протяжении всего существования романов темы, выбираемые писателями, перекликаются между собой, но в то же время и содержат что-то уникальное. Внутренний мир человека и особенности мышления до сих пор оставляют множество вопросов. Именно поэтому данный жанр является одним из самых популярных и вечных во всемирной литературе.

Обозначить маркеры философско-психологического романа довольно сложно, поскольку в любом виде романа мы сталкиваемся с описанием человека как в его внутренней, так и внешней жизни. Особенности именно философско-психологического романа являются: огромный акцент на душевных переживаниях; психологический анализ как персонажа отдельно, так и конфликта в целом; воспроизведение чувств персонажа с помощью его внешности и невербального поведения; выявление скрытых мотивов персонажей; глубокое описание явлений природы; передача характера персонажа через его манеру речи, действия, отношения с другими персонажами.

В философско-психологическом романе главным героем является сложная личность, оказывающаяся в центре конфликта либо имеющая большое влияние на появление того же конфликта, тем самым обретая внутреннее противоречие, которое и подлежит анализу на протяжении всего повествования. Вследствие этого структура внутреннего мира, сознания и мироощущения персонажа является структурой всего романа в целом.

Рассматривая особенности философско-психологического романа и его маркеры, стоит отметить внутренние монологи и диалоги, простое внутреннее реплицирование.

Таким образом, философско-психологический роман – это итог мыслительного процесса автора, подкрепленный чувствами и личным опытом, создающий или отражающий новый уровень мироощущения и самопознания.

Процесс перевода философско-психологического романа достаточно продолжительный и сложный. При передаче содержания на русский язык недостаточно просто выполнить перевод, необходимо также выступать в роли писателя. Перед тем, как осуществить передачу содержимого романа с одного языка на другой, необходимо постараться понять, что автор оригинального текста имел в виду, какова суть произведения, кто главный герой и, самое главное, выявить конфликт, являющийся основой всего романа.

В этом случае необходимо иметь не только высокий профессиональный опыт и запас знаний в переводоведении, но и богатое мировоззрение, начитанность, коммуникабельность и осознанность.

Исследуя маркеры философско-психологического романа, мы указали на внутренний монолог и внутренний диалог. Эти особенности романа нуждаются в особом внимании при переводе, поскольку стоит задача передать весь результат мыслительного процесса так, как он изложен в оригинале. Следовательно, кроме понимания сути текста, нужна также особая стратегия перевода.

Философско-психологические романы не являются научными и не содержат в себе научную лексику. Именно поэтому при их переводе используются традиционные приемы перевода, которые применяются в процессе перевода художественных произведений.

При переводе философско-психологического романа используются традиционные приемы перевода, которые применяются в процессе перевода художественных произведений.

Обращаясь к классификации переводческих трансформаций В. Н. Комиссарова, отмечаем следующие виды, которые встречаются при передаче исследуемого вида романа на русский язык:

- лексические;
- грамматические;
- лексико-грамматические (объединяют лексические и грамматические единицы оригинала).

Лексические трансформации «описывают формальные и содержательные отношения между словами и словосочетаниями в оригинале и переводе» [2]. Данный вид трансформаций включает

транскрипцию и транслитерацию. При передаче философско-психологического романа он используется при переводе названий, имен и некоторых научных терминов, если таковые имеются.

Грамматические трансформации подразумевают грамматические замены, членение или объединение предложений. Эти приемы довольно частотны при переводе романа, поскольку основной его составляющей являются рефлексия автора или главного персонажа, описание каких-либо действий, поступков, которые не нуждаются в добавлении новых компонентов, но могут иметь иную подачу в языке перевода.

Таким образом, для передачи философско-психологического романа на русский язык необходимы все виды трансформаций, которые представлены выше: лексические, грамматические и лексико-грамматические.

Список использованных источников

1. Жирмунский В. М. Задачи поэтики // Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. с. 38.
2. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002. 192 с.
3. Мамытбекова Ч. З. Жанрово-стилевое своеобразие романов русскоязычных писателей Средней Азии и Казахстана. Автореф. дис. канд. филол. наук. Бишкек, 1992. с. 5.
4. Новости литературы. Электронный ресурс: <https://novostiliteratury.ru/?nauchnye-stati=literaturnye-zhanry>

УДК 81'25

ПАРАФРАЗА И ПЕРИФРАЗА В МЕЖЪЯЗЫКОВОМ ПЕРЕВОДЕ

А. Ю. Калинин,

PhD, старший преподаватель факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Аннотация. В статье обсуждается эпистемологический статус двух феноменов межъязыкового перевода: парафразы и перифразы. Переводческая парафраза рассматривается как результативный аспект смыслового способа перевода, нацеленного на создание эквивалента, тогда как перифраза квалифицируется как прием перевода, направленный преимущественно на решение субъективных переводческих трудностей.

Ключевые слова: парафраза, перифраза, межъязыковой перевод, способы перевода, приемы перевода, метаязык переводоведения

Summary. The paper focuses on the epistemological status of two phenomena of interlingual translation: paraphrase and circumlocution. Translation paraphrase is considered as substantive dimension of meaning-based

reformulation process carried out to create equivalences between segments of texts, while circumlocution is regarded as a translation technique aimed primarily at solving subjective translation problems.

Key words: paraphrase, circumlocution, interlingual translation, methods of translation, procedures of translation, metalanguage of Translation Studies.

Процесс формирования и развития метаязыка практически любой научной дисциплины носит непрерывный характер. В этом смысле наука о переводе не является исключением. Представляя собой междисциплинарную область знания, переводоведение не только генерирует собственную терминологию, но и пользуется терминологическим аппаратом различных наук. Этот факт во многом объясняет значительную терминологическую вариативность в транслатологических исследованиях: авторы используют разнородные термины для обозначения идентичных или сходных явлений (например, термины *стратегия, тактика, прием, процедура, способ, метод* и т. д., используемые при описании операциональных категорий перевода). Закономерно, что, зародившись в недрах сопоставительного языкознания, переводоведение активно осваивает и терминологический аппарат лингвистики, подчас наполняя лингвистические понятия новым содержанием. Некоторые термины языкознания используются в переводоведческих работах в сходном значении или вообще отождествляются, создавая впечатление терминологических дублетов, которыми в действительности не являются. К числу подобных терминологических псевдодублетов относится диада *парафраза* и *перифраза*.

Оба слова имеют греческое происхождение и с морфологической точки зрения различаются этимологическими префиксами¹. Значение греческого префикса *παρά-* (пара-) обычно трактуется как указание на то, что какой-либо предмет находится возле, около, вне другого или является ему подобным [10, с. 360], ср.: *паралингвистика, парамедицина* и т. п. Таким образом, под парафразой (парафразом, парафразисом от греч. *παράφρασις*) обычно понимают передачу «...чего-либо своими словами, пересказ, близкий к тексту...» или, в более узком смысле, «...отношение, которое существует между двумя предложениями, когда оба они имеют одно и то же значение, но различную лингвистическую форму» [8, с. 280].

Греческий префикс *περί-* (пери-) определяющий предмет, расположенный по окружности, вокруг другого или заключающий его в себе [4], также входит в состав целого ряда специальных терминов, ассимилированных русским языком. При этом большинство из них относятся к предметным областям медицины, химии или архитектуры: *периартрит, перигелий, перистиль* и т.п. В литературоведении и языкознании перифразой (перифразом, перифразисом от греч.

¹ В морфемной системе русского языка приставки *пара-* и *пери-* отсутствуют, поэтому указанные греческие префиксы рассматриваются как корневые морфемы.

περίφρασις) принято называть особый стилистический прием или троп, состоящий в «...замене прямого названия описательным выражением, в котором указаны признаки не названного прямо предмета...» [2, с. 360]. Таким образом, с позиций функциональной лингвистики парафраза является вариантом лексико-синтаксического оформления высказывания, в то время как перифраза представляет собой разновидность альтернативной номинации [11]. Ср. парафразы: *Здание было построено за полтора года/ Строители возвели дом за 18 месяцев*; и перифразы: *царь зверей/ лев; Буревестник революции/ М. Горький*. В одноязычной коммуникации употребление как парафраз, так и перифраз может быть обусловлено целым рядом факторов синтаксического, стилистического и даже эвфонического порядка. Их появление в тексте в значительной степени связано с функционированием языковых единиц в речи, поскольку именно речевое высказывание является естественной средой для формирования новых знаковых функций.

В переводе использование пара- и перифраз имеет принципиально иную природу и каузальность. Поскольку в результате межъязыкового перевода возникает новый устный или письменный текст, который вторичен по отношению к исходному в плане содержания, но по определению оригинален в плане выражения, очевидно, что исходный и переводной тексты (ИТ и ПТ) имеют различные лингвистические формы при сохранении в идеале идентичного смысла, а, как мы помним, именно такой характер отношений между высказываниями обычно называют парафразой². Однако не все так однозначно. Как известно, практика перевода во многом опирается на гипотезу, согласно которой между исходным и переводящим языками (ИЯ и ПЯ) могут быть проведены параллели на лексическом, фразеологическом, а в отдельных случаях на синтаксическом и даже на фонетическом уровнях, получившие название закономерных межъязыковых соответствий [9]. В тех случаях, когда для элемента ИТ в ПЯ может быть обнаружено надежное и не противоречащее общему ситуативному контексту перевода соответствие, целесообразным для переводчика признается «прямой путь», т. е. подбор и подстановка такого соответствия. Отсюда следует, что все многообразие переводческих операций может быть сведено к двум способам перевода. В специальной литературе эти способы получили различные наименования: *прямой* и *косвенный* перевод [14], *интерлинейарный* и *трансформационный* [1], *знаковый* и *смысловой* [6; 7], *транскодирующий* и *интерпретационный* [5]. Независимо от наименования способов, подавляющее большинство исследователей сходятся во мнении, что в первом случае переводчик заменяет тот или иной элемент ИТ на известное ему языковое соответствие

² Среди определений парафразы в «Толковом переводческом словаре» Л. Л. Нелюбина присутствует, например, такое: «Выражение мысли, обозначение действия или явления языковыми средствами, отличающимися от первоначальных» [7, с. 136].

в ПЯ, а во втором – передает содержание оригинального сообщения путем создания собственного эквивалента на ПЯ [13]. В тоже время, структурная асимметрия ИЯ и ПЯ, т. е. расхождения в их синтаксическом строе и сигнификативном объеме лексических единиц (семантическое перераспределение), которые на словарном уровне принято считать межъязыковыми соответствиями, радикально ограничивают возможности пословного перевода. Не менее важными факторами, не позволяющими в переводе полагаться исключительно на подстановку соответствий, являются гетерогенность концептуальных картин мира носителей языков, контактирующих в процессе перевода, присутствие в тексте оригинала т.н. «безэквивалентной» лексики и, наконец, различия коллокационных и узуальных норм ИЯ и ПЯ. Таким образом, в межъязыковом переводе парафразой исходного высказывания является не всякая переводческая операция, а лишь трансфер путем создания контекстуального эквивалента исходного сообщения, выраженного средствами ПЯ. Так, предложение «*Анна ходит в школу*», являющееся потенциальным переводом английской фразы «*Anna goes to school*» не содержит парафраз, поскольку между любым элементом ИТ и ПТ могут быть установлены прямые соответствия, тогда как «*Анна чувствует себя виноватой*» в качестве перевода высказывания «*Anna has a guilty conscience*» является его переводческой парафразой, в виду того, что английское выражение *to have a (+adj) conscience* не имеет регулярного соответствия в русском языке.

Границы парафраз в тексте подвижны, что во многом связано с виртуальностью смысловых единиц ИТ и ПТ. Рассмотрим на примере перевода на русский язык фрагмента публицистического текста «*UK PM said when asked about farmer's protest in India... / Отвечая на вопрос о протестах фермеров в Индии, премьер-министр Великобритании заявил...*»³. Очевидно, что в данном случае мы можем говорить о переводческой парафразе исходного высказывания в целом, т. к. в ПТ порядок слов ИТ изменен. В то же время, при дальнейшей сегментации переводного высказывания, мы обнаруживаем не только транскодированные элементы, переданные через прямые соответствия, но и парафразы отдельных слов и словосочетаний (Таблица 1).

Таблица 1. Примеры транскодирования и парафраз в медиадиaperеводe

ИТ \ ПТ	ПТ	Транскодирование (перевод соответствием)	Парафраз (перевод эквивалентом)
<i>UK</i>		X	<i>Великобритании</i>
<i>PM</i>			<i>премьер-министр</i>
<i>said</i>			<i>заявил</i>
<i>when asked about</i>			<i>Отвечая на вопрос о</i>
<i>farmer's protest</i>		<i>протестах фермеров</i>	X
<i>in India</i>		<i>в Индии</i>	

³ Из материалов Интернет-сайтов каналов *Euronews English* и *Euronews in Russian*

Как уже отмечалось ранее, причины, которые, по всей вероятности, побуждают переводчика прибегать к парафразированию могут быть различны: асимметрия синтаксической организации ИЯ и ПЯ (*when asked about – отвечая на вопрос*), расхождения узусных норм (UK – Великобритания, PM – премьер-министр, в силу того, что в русскоязычной традиции аббревиатуры [СК] и [ПМ] не имеют аналогичных закрепленных значений, а топоним *Соединенное Королевство* используется преимущественно в официально-деловом дискурсе), стилистические различия (*said – заявил*, т.к. в ПЯ глагол *заявить* предпочтительнее в качестве предиката в сочетании с названием высокого официального лица в качестве субъекта).

Поскольку, как мы указывали выше, возможности транскодирования при переводе исчерпываются элементами поверхностной структуры ИТ, которые сохраняют инвариантные значения в ПТ, парафразирование (*reformulation* [13]) стоит признать основной операцией межъязыкового перевода. Данное утверждение становится особенно очевидным в таких видах межъязыкового трансфера, как устный последовательный или аудиовизуальный перевод. В первом – в связи с необходимостью запоминания переводчиком значительных объемов звучащей информации, которая удерживается в его памяти в виде мыслей-образов ИТ, в большей степени, нежели в виде слов ИЯ. Во втором – в силу пространственно-временных и/или визуально-кинетических (в том числе артикуляторных) ограничений, которые накладывают на переводчика основные формы предъявления переводного контента зрительской аудитории: субтитрирование, дубляж или закадровое озвучивание (войсовер).

Некоторые исследователи, однако, склонны ограничивать понятие парафразы рамками т. н. описательного перевода. Так, Н. К. Гарбовский считает, что в основе переводческой парафразы лежат логические операции обобщения и ограничения понятий составляющие «... вместе более сложную логическую процедуру, называемую *определением через ближайший род и видовое отличие*» [3, с. 424]. Далее автор отмечает, что парафраза приходит на помощь переводчику если последнему не удастся сразу найти необходимый точный способ обозначения объекта, что нередко случается в устном переводе. В качестве примера Н. К. Гарбовский приводит ситуацию, когда переводчик, которому предстоит перевести на французский язык запрос на покупку ошейника для таксы и который не знает или не помнит французское соответствие названия этой породы собак, оформляет свой перевод «... примерно так: *je voudrais un collier pour un chien de chasse à pattes très courtes et au corps long – мне нужен ошейник для небольшой охотничьей собаки на коротких ножках и с длинным туловищем*» [Там же, с. 425]. Мы, однако, полагаем, что здесь имеет место не совсем корректное отождествление понятий парафразы и перифразы. Описанную ситуацию, на наш взгляд, целесообразнее рассматривать в качестве примера переводческой

перифразы, под которой в переводоведении обычно понимают «...описательное выражение, заменяющее прямое название и содержащее в себе признаки не названного прямо предмета». [7, с. 153].

Д. Жиль упоминает о перифразе среди приемов (тактик) другой разновидности устного перевода – синхронного перевода [12, с. 197–199]. Он квалифицирует перифразу как объяснение содержания термина ИЯ, смысл которого понятен переводчику, а соответствие в ПЯ неизвестно или не извлекается из долгосрочной памяти в момент перевода. Оценивая потенциал перифразы как тактики синхронного перевода, автор отмечает, что она может оказаться эффективной в информационном плане, но вместе с тем имеет два существенных недостатка: во-первых, подобная операция существенно увеличивает когнитивную нагрузку на переводчика и, во-вторых, может вызвать сомнения в его профессиональной компетентности у реципиентов перевода [Там же].

Итак, как мы видели, в межъязыковом переводе наблюдаются как явление *переводческой парафразы*, так и феномен *переводческой перифразы*. Однако если первая может рассматриваться как эвристический способ перевода, направленный на создание эквивалентного высказывания, вторая представляет собой частный переводческий прием, призванный заместить в ПТ недоступное для переводчика соответствие элемента поверхностной структуры ИТ.

Список использованных источников

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М: Международные отношения, 1975. 240 с.
2. Большой энциклопедический словарь. Издание 2-е, переработанное и дополненное. С-Пб.: БРЭ/Норинт, 2002. 1456 с.
3. Гарбовский Н. К. Теория перевода: учебник. М.: из-во МГУ, 2004. 542 с.
4. Гареева Я. Р. Исследование префиксов *par(a)-* и *regi-* в латинском языке [Электронный ресурс] // Материалы XI Международной студенческой научной конференции. 2019. <https://scienceforum.ru/2019/article/2018017391> (дата обращения: 18.01.2021).
5. Калинин А. Ю., Михайловская М. В. О дуалистическом принципе синхронного перевода (на материале перевода телетрансляций политических пресс-конференций) [Электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2019. № 3 (34). https://apimag.kursksu.ru/media/pdf/13_Калинин_Михайловская.pdf (дата обращения: 18.01.2021).
6. Миньяр-Белоручев Р. К. Общая теория перевода и устный перевод. М.: Воениздат, 1980. 237 с.
7. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь 3-е изд., перераб. М.: Флинт/Наука, 2003. 320 с.
8. Немов Р. С. Психологический словарь. М.: Владос, 2007. 559 с.

9. Рецкер Я. И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык // Вопросы теории и методики учебного перевода: сборник статей. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1950. С. 156–183.
10. Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1988. 608 с.
11. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (Виды наименований). М.: Наука, 1977. С. 129–221.
12. Gile D. Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Co, 2009. 278 pp.
13. Séleskovitch D., Lederer M. Interpréter pour traduire. Paris: Didier Erudition, 1984. 312 pp.
14. Vinay J. – P., Darbelnet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. Paris/ Montréal: Didier/Beauchemin, 1958. 331 pp.

УДК 811.12

ТРАНСЛАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИДИОСТИЛЯ КАРЛОСА РУИСА САФОНА

Н. П. Козел,

старший преподаватель кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Д. А. Гордеева,

обучающийся пятого курса специалитета кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Аннотация. Цель данной статьи предполагала рассмотрение особенностей передачи и сохранения индивидуального стиля автора при переводе. Методом сплошной выборки из текстов оригинала и перевода романа К.Р. Сафона «Тень ветра» («Sombra del viento») были выделены примеры лексических средств выразительности, проведен анализ их перевода. Проведенное исследование подтвердило вывод о том, что тонкое и внимательное обращение с индивидуальными особенностями стиля автора обеспечивает процесс достижения межкультурной коммуникации, так как выбор подходящего способа перевода зависит от переводимого языка, макроконтекста, семантико-стилистической и эмотивной окраски, особенностей вариативности национального колорита и наличия эквивалентов в языке перевода.

Ключевые слова: индивидуальный стиль автора, переводческий анализ, прием перевода.

Summary. The purpose of this article was to consider the features of the transfer and maintaining of the individual style of the author in translation. Using the method of total sampling from the text in original and in translation of K. R. Safon's novel "The Shadow of the Wind" ("Sombra del viento"), examples

of lexical expressiveness were identified, and their translation was analyzed. The conducted study confirms the conclusion that a reliable and attentive treatment of the individual characteristics of the author's style ensures the achievement of intercultural communication, due to the choice of the appropriate translation method depends on the target language, the macro-context, semantic, stylistic and emotional inflection, features of the variability of the national identity and the presence of equivalents features of the variability of the national color and the presence of equivalents in the target language.

Key words: author's individual style, translation analysis, translation technique.

Ключевой особенностью перевода произведений художественного является передача авторского замысла и сохранение при этом индивидуального стиля автора. Особенно, если речь идет о переводе такого жанра, как роман, и о такой яркой индивидуальности, как Карлос Руис Сафон, представитель современной испаноязычной литературы.

В данном исследовании мы опирались на определение идиостиля автора, предложенное В. В. Виноградовым: «Индивидуальный стиль – структурно единая и внутренне связанная система средств и форм словесного выражения» [1, с. 71]. Из чего следует, что идиостиль, с точки зрения лингвистики, рождается исключительно из отбора автором определенных языковых средств, и из того, как именно он их комбинирует.

В ходе исследования мы выделили семь отличительных характеристик индивидуального стиля, проявившихся в романе «Тень ветра»: автобиографичные отсылки; пристрастие автора к мистике; увлечение мифологическими существами; как результат подражания романистам 19 века – исторические отсылки; единый лейтмотив произведений; сохранение филологической концепции романа; создание уникального жанра – романа-лабиринта, с неоготическими и детективными элементами.

Автобиографичный характер романа проявляется у персонажа по имени Хулиан Каракс, который демонстрирует поведение, присущее Сафону, например: «Простыни на кровати выглядели совершенно новыми. Мне показалось, что на них был принт, с рисунками драконов и замков. Детские простыни» [4, с. 254] В этом отрывке демонстрируется общеизвестное увлечение писателя драконами и другими мифологическими существами, с которыми он отождествляет не только себя, но и город, в котором вырос. Он рисует Барселону первой половины двадцатого века, изобилующую изображениями тревожных драконов, которые появляются на фасадах домов, воротах садах или кованых железных перилах.

О тяготении К. Р. Сафона к мистицизму говорят сами названия романов тетралогии: «Тень ветра», «Игра ангела», «Узник неба», «Лабиринт духов». Излюбленными образами писателя являются мрак и свет, ангелы и демоны. Он сам пишет об этом: «Мы ночные существа,

любящие тьму, не особенно общительные, мы не дружим с Идальго и странствующими рыцарями» [8].

Некоторые исследователи отмечают, что Сафон хотел бы продолжать традиции романов Виктора Гюго и Александра Дюма, поскольку считал, что они вернули жанру давно забытый ассоциативный аспект искусства повествования [8].

На протяжении всей тетралогии «Кладбище забытых книг», первой книгой которой является «Тень ветра», писатель старается пронести единый лейтмотив, уникальную образность повествования, говоря об этом так: «Это больше, чем тетралогия, это повествовательный калейдоскоп с множеством входов и выходов» [8].

Тему «Тени ветра» обозначит сам автор: «Это история о книгах» [8]. А позже уточнит: «О проклятых книгах, о человеке, написавшем их, об одном персонаже, сошедшем со страниц романа, чтобы предавать эти книги огню, о предательстве и об утраченной дружбе. Это история о любви, о ненависти и о мечтах, живущих в тени ветра» [8]. Таким образом, тема определяется как реалистичное повествование с элементами мистики о судьбе книг в наши дни, что позволяет отнести данное произведение к жанру филологического романа.

Временные рамки романа размыты и расплывчаты, события прошлых лет переплетаются с событиями настоящего времени, а те, в свою очередь, изобилуют событиями, напрямую связанными с сюжетом книги, найденной Даниелем на Кладбище забытых книг. Таким образом, произведение Сафона можно назвать романом-лабиринтом, романом-игрой. К примеру, концептуальный конструкт кладбища является прямой отсылкой на лабиринт из мифа о Минотавре. В процессе спасения книги от сожжения, а именно когда Семпере-младший пытается спрятать книгу в недрах Кладбища, его поступки строго эквивалентны действиям персонажа из вышеупомянутого мифа.

Кроме того, помимо интегрального, или измерения филологического, роман Сафона имеет определенные жанровые грани романа-детектива и неоготического романа. Фундаментом для данной детективной истории является загадка, которую формулирует Даниель Семпере: «Я хочу знать, кто такой Хулиан Каракс и где можно найти другие его книги, если, конечно, он еще что-нибудь написал» [4, с. 9]. Далее по ходу романа появляются новые загадки.

Таким образом, Сафон рисует читателю весьма многозначный сюжет довольно мрачного и многозначного детектива, этот флёр ему придают реалистично оформленные, будто перенесенные с фотографии тонкости и мелочи жизни испанцев во время режима Франко.

Тем не менее, в определенный момент повествования Сафон развивает новую линию – готическая любовная история получает новый виток в сюжете, замещая классические темы и мотивы детектива [6, с. 102]. Здесь и дом с приведениями, и царящий в округе

запах пепла, дыма, тлена и фамильный склеп с останками юной девушки, в руках которой обнаруживается скелет мертвого младенца.

Выделенные нами особенности романа позволяют утверждать, что Карлос Руис Сафон стремился продемонстрировать читателю симбиоз детективного пласта сюжета и неоготических мотивов. Для поддержания подобной ауры текста автору необходимы определенные тропы и фигуры речи, и это в очередной раз определяет идиостиль автора.

Задачи нашего исследования предполагали рассмотрение особенностей лексических средств выразительности в оригинале и переводе романа «Тень ветра», выполненном переводчиками М. Смирновой и В. Темным. В частности, методом сплошной выборки мы выделили активное использование автором:

– метафор для отражения уникального образа города Барселоны, создания романа-лабиринта с элементами неоготики и детектива, поддержания излюбленного автором флера мистики и тайны;

– олицетворений, которые помогают читателю почувствовать себя участником происходящих событий;

– лексических повторов, необходимых для создания эмфазы, как способа обращения внимания читателя на важную для автора филологическую концепцию романа и единого лейтмотива произведений в тетралогии;

– безэквивалентной лексики, которая наполняет текст историческими и автобиографическими отсылками, близкими жителям Каталонии.

Для рассмотрения примеров перевода лексических повторов нами была выбрана классификация переводческих трансформаций В. Н. Комиссарова, включающая: дословный перевод; грамматическую замену; опущение; сохранение повтора в переводе, при его отсутствии в оригинале; полное отсутствие повторов в переводе [3, с. 112].

Пример 1. «*Cada libro, cada tomo que ves, tiene alma*» [7, с. 7]. / «Каждый корешок, каждая книга из тех, что ты видишь, обладает душой» [4, с. 12]. Переводчик сохраняет общее количество повторов во фразе, однако заменяет элемент *libro* (досл. *книга*) на *корешок* в первом случае, используя во втором случае генерализацию для перевода элемента *tomo* (*книга* вместо *том*). На наш взгляд, такие замены не оправданы, так как автор романа не использует уменьшительно-ласкательные суффиксы.

Пример 2. «*El alma de quien lo escribió, y el alma de quienes lo leyeron y vivieron y soñaron con él*» [7, с. 7]. / «В ее душе живут души тех, кто книгу писал, тех, кто ее читал и жил ею в своих мечтах» [4, с. 12]. Переводчики использовали грамматическую замену, передав элемент *el alma* во втором случае существительном во множественном числе – *души*, что, на наш взгляд, полностью соответствует нормам русского языка, согласуясь с местоимением *тех*.

При анализе перевода метафор мы опираемся на классификацию, предложенную Я. И. Рецкером: эквивалентные соответствия, вариативные

соответствия, калька и трансформация [5, с. 117]. Мы учитывали необходимость соблюдения «закона сохранения метафоры» [2, с. 233].

Пример 1. «...no hubiera testigos oculares para presenciar *mi sonrojo*» [7, с. 20] / «... меня так *бросило в жар*» [4, с. 35]. У существительного *румянец* и фразеологизма *бросать в жар* разная экспрессивность; более того, у данного фразеологизма есть закрепившийся эквивалент в испанском языке *hacerse sonrojar*, отсутствующий в оригинале.

Пример 2. «... la ausencia de mi madre *era para mí todavía un espejismo*» [7, с. 6] / «...отсутствие матери, все еще *зияло* в моем сердце» [4, с. 8]. Смысл предложения оригинала заключается в том, что Даниель в полной мере не осознавал смерть матери, в связи, с чем она была подобна *миражу*, этот важный образ переводчики потеряли.

Для анализа перевода олицетворений мы опирались на вариант, предложенный В. Н. Комиссаровым: основываться на том же самом образе; основываться на ином образе, но при этом передать образность; перевод дословный; объяснение с упущением образа [3, с. 115].

Пример 1. «...alma *quisiera abrirse camino y echar a correr escaleras abajo*» [7, с. 6] / «душа *рвалась вон из груди, чтобы взбежать по какой-то неведомой лестнице*» [4, с. 9]. Отметим, что выражение «рвалась вон» – это действие процессуальное, которое подчеркивается в испанском языке герундием, отсутствующим в оригинале. Более того, в тексте перевода присутствует смысловая ошибка, поскольку исп. *echar a correr abajo* соответствует рус. *броситься бежать вниз*. Неясно, с какой целью переводчики поменяли местами низ и верх. Кроме того, в тексте перевода не учтён образ молниеносности, создаваемый глаголом *броситься*, а элемент *неведомая* отсутствует в оригинале. Согласно сюжету романа, в данном случае Даниель думал о конкретной лестнице, что не подразумевает использования эпитета.

Для анализа перевода безэквивалентной лексики мы ориентировались на классификацию способов В. С. Виноградова: транскрипция (транслитерация), калькирование, соответствие и описательный перевод [1, с. 158].

Пример 1. «...unos taquitos de *jamón*» [7, с. 14] / «несколько ломтиков *окорока*» [4, с. 24]. Так как слово *хамон* на момент перевода (2006 г.) было знакомо отечественному читателю, считаем, что его передача с использованием русского *окорок* является необоснованной.

Пример 2. а) наиболее часто для перевода имен собственных использовалась транскрипция: *Daniel/Даниель, Isaac/Исаак, Julián Carax, Хулиан Каракс, Tomás Aguilar/Томас Агилар* переведены с использованием транслитерации-транскрипции; б) для передачи реалий – традиционные соответствия: *Arco del Teatro/ Арко-дель-Театро, Montjuïc/ Монтжуик, la Rambla de Santa Mónica/ бульвар Санта – Моника; el Raval / квартал Раваль*; в) для перевода прецедентных имен - традиционное соответствие: *Alejandro Dumas / Александр Дюма; lord Byron/ лорд Байрон*.

По нашему убеждению, при переводе романа «Тень ветра», написанного в уникальном для истории Испании жанре, определяемом как роман–игра, роман–лабиринт с элементами неоготики и детективных мотивов, не следует применять большое количество переводческих трансформаций, если это не оправдано нормами языка перевода.

Список использованных источников

1. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
2. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1963. 256 с.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Альянс, 2013. 250 с.
4. Сафон К. Р. Тень ветра / Пер. с исп. М. Смирновой и В. Темнова. М.: РОСМЭН-ПРЕСС, 2006. 656 с.
5. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Р. Валент, 2009. 240 с.
6. Beti Sáez I. Las claves narrativas de La sombra del viento de Carlos Ruiz Zafón // Mundaiz. 2004. N 67. p. 99-117.
7. Zafón C. La sombra del viento. Barcelona: Ed. Planeta, 2001.
8. CentroNiemeyer (2017) Palabra - Carlos Ruiz Zafón [интервью] [Electronic Resource] // YouTube. 11 мая. – Mode of access: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vUweiKz04rs> (дата обращения: 11.12.2020).

УДК 130.2:314.743

СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КАРТИНЫ А. БЁКЛИНА «ОСТРОВ МЁРТВЫХ»)

С. А. Козлова,

*обучающийся третьего курса бакалавриата кафедры философии,
факультет философии, культурологии и искусств, Ленинградский
государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург*

Аннотация. Каждое произведение художественной культуры имеет свой язык. Цель нашей работы: рассмотреть, как с помощью семиотического перевода символов изобразительного искусства осуществляется межкультурная коммуникация. В работе использованы описательный, сравнительно-сопоставительный и семиотический методы. Сделаны выводы о том, что межвидовой культурный перевод любого художественного текста многоаспектен и продуктивен как инструмент межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: перевод, межкультурная коммуникация, символ, культура, русская культура, картина.

Summary. Every work of artistic culture has its own language. The purpose of the paper is to consider how cross-cultural communication is carried out by means of semiotic translation of visual art symbols. Descriptive, comparative and semiotic methods are used in this work. The author comes to the conclusion that translation exercised between various art forms is multidimensional and productive as an instrument of cross-cultural communication.

Key words: translation, cross-cultural communication, symbol, culture, Russian culture, picture.

Межкультурная коммуникация осуществляется не только посредством языка как вербальной знаковой системы, но и посредством языка искусства. Каждое художественное произведение имеет свою собственную речь, что уже говорит о необходимости перевода для обеспечения понимания произведения в родной и чужой культурах и для возможного его переложения на другой художественный язык. Также перевод творений искусства поддерживает внутрикультурный и межкультурный диалог между автором и читателем, между эпохами и культурами.

В настоящей статье на примере картины А. Бёклина «Остров мёртвых» мы рассмотрим, как с помощью символов изобразительного искусства осуществляется понимание произведения живописи в инокультурном пространстве. Следует отметить, что именно на понимании держится возможность успешного межкультурного общения.

Выбор именно этого художественного произведения обусловлен его значимостью не только для европейской, но и для российской аудитории своего времени. Множество деятелей искусства или вдохновлялись ей, или обращались к ней в своём творчестве, поскольку, написанный Арнольдом Бёклином во второй половине XIX века, «Остров мёртвых» стал одним из знаковых культурных текстов своего времени и до сих пор сохраняет свою известность и творческую значимость.

Было создано пять вариантов картины. Каждая работа отличалась от предыдущей несколькими деталями: цвета, перспектива, фигуры. Для попытки перевода художественной работы обратимся к третьему полотну, выполненному в 1883 году. Картина насыщена символами, характеризующими и раскрывающими не только смысл изображенного на ней, но и душу и систему ценностей самого художника, эпоху, в которую она создана, и стилистическую специфику направления.

На картине представлен скалистый, проросший кипарисами остров, расположенный в тихой, ничем не колеблемой воде. К нему устремлена лодка, в которой двое: гребец и стоящая перед ним фигура в белом. На носу судна – мраморный гроб. Вся картина отсылает зрителя к античности, ведь все перечисленные образы (остров, кипарисы и др.) восходят к древнегреческой мифологии. Так, считается, что гребец – это Харон, перевозчик душ в Царство мертвых. Общее настроение картины –

спокойное. Это не страх перед смертью или её нежелание, это философское отношение к ней. Полотно даёт возможность поразмышлять о жизни и смерти, об ушедшем и настоящем. Рассмотрим, как заложенные в «Острове мёртвых» символы будут переводиться на язык зрителя, принадлежащего к русской культуре.

Один из ярких знаков картины – кипарис. Он считается деревом печали, ведь с давних пор кипарис растёт на кладбищах в южных странах. В русской культуре он тоже выступает как символ смерти, см., напр., стихотворение Н. М. Карамзина «Кто ж милых не терял?..»: «Там урну хладную с любовью осеняют/ Тополь высокий, бледный тис,/ И ты, друг мертвых, кипарис!/ Печальные сердца твою приятность знают,/ Любовник нежный мирты рвет,/ Для славы гордый лавр растет;/ Но ты милее тем, которые стенают/ Над прахом счастья и друзей!». [4, с. 92-93]. А в «Ангеле смерти» М.Ю. Лермонтова: «На гордых высотах Ливана/ Растет могильный кипарис,/ И ветви плюща обвились/ Вокруг его прямого стана». [5, с. 135].

Кроме того, кипарис в русской культуре традиционно ассоциируется с христианством по двум причинам: он был одним из материалов для досок, на которых писались иконы, и, как принято считать, одним из трёх деревьев, из которых был сделан крест казни Иисуса Христа.

Так, А. К. Толстой в «Князе Серебряном» пишет: «Кипарис-древо всем древам мати; из того ли из древа кипарисного был вырезан чуден поклонен крест; на тем на кресте, на животворящим, на распятыи был сам Исус Христос, сам Исус Христос, сам небесный царь, промежду двух воров, двух разбойников». [8, с. 114].

Следующий символ картины – белая фигура. В данном случае нужно говорить о семантике и семиотике цвета. Белый цвет в русской культуре многозначен: он символизирует святость, чистоту, невинность, покой. С XX века белый цвет в изобразительном искусстве авангарда приобретает значение другого пространства, начала, сознания, состояния, к которому стремится человек. В.В. Кандинский в своей работе «О духовном в искусстве» писал: «Белый цвет звучит, как молчание, которое может быть внезапно понято. Белое – это Ничто, которое юно, или, еще точнее – это Ничто доначальное, до рождения сущее». [3, с. 101]. Белый цвет становится и символом отчуждённости, смерти, тоски. Например, в стихотворении А.А. Блока «Дома растут, как желанья...»: «Я закрою голову белым,/ Закричу и кинусь в поток./ И всплывет, качнется над телом/ Благовонный, речной цветок». [1, с. 185]. Таким образом, белый цвет начинает связываться со смертью с эпохи символизма, и, вполне возможно, картина Бёклина стала одним из источников подобного понимания.

Следующий символ – остров. В русском искусстве он присутствует во многих произведениях. У него есть много значений и разных вариаций. Одно из них – образ Острова блаженных, существующий во многих

культурах. В русской его связывают с преданием об острове Буяне. Остров Буян – место встречи Земли и Неба, на нём находится сакральный центр мира – мировое древо. В другом значении остров рассматривается как место для ухода от жизни. Так, в «Медном всаднике» А. С. Пушкина тело главного героя находят на «малом», «пустынном» острове. [6].

На основании вышеприведенных и многих других примеров, перечислять которые не позволяет объем статьи, представляется возможным утверждать, что многие символы картины, созданной в европейском пространстве, в русской культуре имеют схожее значение. Это происходит благодаря непрекращающемуся диалогу культур, ведущемуся с давних пор. Русский зритель знаком с культурой и мифологией античности, с образами, ей присущими. Поэтому он сможет легко распознать их в картине и благодаря этому понять глубинный символический и сущностный смысл изображённого при всех неизбежных отличиях в толковании, обусловленных спецификой семиотического наполнения символов в разных культурах.

Отдельным видом перевода картины можно считать одноименную симфонию С. В. Рахманинова. В данном случае происходит перевод не только с языка символов одной культуры на язык другой, но и с языка изобразительного искусства на язык музыки, с языка стиля символизма на язык стиля реализма. Данная тема требует отдельного тщательного изучения, однако необходимо отметить, что Рахманинов написал своё произведение под впечатлением от черно-белой репродукции картины. [2]. Это значит, что исходным текстом отчасти является всё же не оригинальный «Остров мертвых» Бёклина, т.к. цвет в картине выполняет важную символическую функцию и замена всех цветов лишь на два не-цвета – чёрный и белый – существенно меняет семантику и семиотику произведения. Поэтому рассмотрение и анализ перевода картины на язык музыки возможен лишь в сопоставлении и при учёте указанного обстоятельства.

В общекультурном плане «Остров мёртвых» выступает прежде всего как артефакт эпохи символизма, однако в русской культуре после 1917 года и в современном мире картина приобрела еще одно значение, сделавшись символом ушедшей дореволюционной эпохи и культуры. Известно, что на рубеже XIX – XX вв. картина висела во многих квартирах и общественных заведениях. Н. А. Тэффи, например, в юмористическом рассказе «Остров мёртвых» пишет: «В продолжение приблизительно десяти лет, куда бы я ни пошла, всюду встречал меня этот “Остров Мертвых”. Я видела его в гостиных, в примерочной у портнихи, в деловых кабинетах, в номере гостиницы, в окнах табачных и эстампных магазинов, в приемной дантиста, в зале ресторана, в фойе театра <...> Если случайно где-нибудь “Острова мертвых” не оказывалось, то это было признаком очень серьезным. Это значило, что жизнь в этом доме течет не обычным, а каким-то неестественным, болезненным порядком». [9, с. 406].

В стихотворении «Вещи» А. А. Тарковский с грустью размышляет: «Все меньше тех вещей, среди которых/ Я в детстве жил, на свете остается./ Где лампы-“молнии”? Где черный порох?/ Где черная вода со дна колодца?/ Где “Остров мертвых” в декадентской раме?/ Где плюшевые красные диваны?». [7, с. 165]. Картина «Остров мёртвых» символизирует для автора интеллигентские и буржуазные квартиры, в которых её репродукция являлась незаменимой частью интерьера, и счастливое время, так трагически прерванное и невозвратимое. В силу этого картина Бёклина в первую очередь будет переводиться на язык современной русской культуры не через символы, заложенные в ней, а через собственную знаковость для представителей этой культуры.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что семиотический межкультурный перевод произведения искусства многоаспектен, вследствие чего необходимо учитывать различное наполнение одних и тех же символов в разных культурах, особенности языков оригинала и перевода, общекультурную знаковость и значимость полотна творения и его значение для отдельной культуры. Учитывая, какое распространение получают произведения искусства, можно говорить об их важности для межкультурной коммуникации, поскольку благодаря им культуры могут лучше понимать друг друга и более успешно друг с другом взаимодействовать.

Список использованных источников

1. Блок А. А. «Дома растут, как желанья...». В 9 т. М.: Гослитиздат, 1962. Т.1. С. 185
2. Брянцева В. Н. С. В. Рахманинов (1873-1943). М.: Советский композитор, 1976. 645 с.
3. Кандинский В. В. О духовном в искусстве. Нью-Йорк: Международное Литературное Содружество, 1967. 160 с.
4. Карамзин Н. М. Из «Писем русского путешественника»: «Кто ж милых не терял? Оставь холодный свет...» // Карамзин Н. М. Полное собрание стихотворений. Л.: Советский писатель, 1966. 424 с.
5. Лермонтов М. Ю. Ангел смерти. Собр. соч.: В 6 т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954-1957. Т. 3. Поэмы, 1828-1834, 1955. 327 с.
6. Пушкин А. С. Медный всадник. Л.: Наука, 1978. 77 с.
7. Тарковский А. А. Вещи // Тарковский А. А. Собр. соч.: В 3 т. М.: Худож. лит., 1991. Т.1. С. 165
8. Толстой А. К. Князь Серебряный. М.: ДА!Медиа, 2014. 210 с.
9. Тэффи Н. А. Остров мёртвых // Тэффи Н. А. Собр. соч.: В 5 т. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. Т.1. С. 406

УДК 378.147

РАЗРАБОТКА КУРСА СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ НА ОСНОВЕ МОДЕЛИ ОБРАТНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Т. Н. Корж,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь

А. Б. Дадашева,

обучающийся четвёртого курса бакалавриата кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь

Аннотация. В статье рассмотрены основные принципы разработки смешанного курса обучения иностранным языком на основе модели обратного проектирования с учетом возрастных особенностей учащихся, их образовательных потребностей и конечных целей обучения.

Ключевые слова: обратное проектирование, смешанное обучение, разработка курса, конечные результаты, потребности студентов.

Summary. The article focuses on the principles of L2 blended learning course design with priorities to age of the target audience, students' needs and desired results. The model of backward design is viewed as the most appropriate one.

Key words: backward design, blended learning, course design, desired results, students' needs.

Смешанный формат обучения – это особый образовательный подход, который совмещает в себе традиционное, аудиторное обучение и обучение онлайн. В 2010 году Министерство образования США опубликовало фундаментальное исследование образовательных подходов, в ходе которого было изучено и проанализировано более 1000 работ, рассматривающих следующие форматы обучения: аудиторное, смешанное и полностью дистанционное обучение в формате онлайн [1]. По итогам этого исследования было выявлено, что из этих трёх форматов именно смешанный формат обучения (*blended learning, hybrid learning*) является наиболее эффективным. Однако не следует упускать из виду тот факт, что залогом эффективности данного подхода является тщательная методическая обработка конкретного курса с учетом всех его деталей и особенностей.

В последние годы смешанный формат обучения становится всё более и более популярным; он зарекомендовал себя как удачная альтернатива полностью дистанционному и полностью аудиторному форматам обучения – возможно именно потому, что он совмещает в себе лучшее, что содержит каждый из них. Учителя, практикующие данный формат обучения, могут

на своё усмотрение выделять из аудиторного и онлайн подхода наиболее подходящие для их курса элементы и применять их в учебном процессе. Более того, исходя из вышеупомянутого исследования, объём специфических знаний, которыми должен обладать учитель для создания эффективного смешанного курса, куда меньше, чем в случае с созданием онлайн курса [2].

Занятия в формате смешанного курса позволяют учителям сконцентрировать своё внимание на межличностном общении и контакте с учениками. Но самым большим достоинством данного формата является в то, что он позволяет преподавателю адаптировать материал и непосредственно сам процесс преподавания к индивидуальным потребностям своих учеников. При условии, что у учащихся уже сформирован достаточно высокий уровень самоконтроля, а преподаватель уделяет внимание дисциплине, смешанное обучение может помочь добиться академического успеха тем ученикам, которым из-за особенностей характера и/или здоровья бывает сложно воспринимать материал в темпе большинства.

Независимо от того, предстоит ли учителю создать смешанный курс с нуля, или же адаптировать уже существующий курс, изначально рассчитанный на очное обучение, по своей сути процесс разработки курса является неизменным. Для того, чтобы добиться максимальной эффективности курса, в процессе его разработки необходимо учитывать следующие факторы:

1. Потребности учащихся.
2. Требования, предъявляемые образовательным учреждением.
3. Причины, по которым возникла необходимость создания курса такого формата.
4. Непосредственно тип курса.

Прежде всего, необходимо учитывать потребности учащихся. Возраст – это очень важный фактор. Ученики младших классов, как правило, ещё не обладают высоким уровнем самоконтроля и способностью к самостоятельному поддержанию дисциплины, именно поэтому для учеников такого возраста больше подойдёт формат с частыми личными встречами – к примеру, через день, в то время как ученики более старшей возрастной категории могут успешно обучаться по схеме, когда на неделю приходится не более двух встреч с преподавателем. Ещё один фактор, который следует учитывать – это занятость учеников в течение дня. Этот фактор особенно актуален для преподавателей колледжей и университетов, которые ведут занятия со взрослыми студентами: они чаще всего бывают вынуждены совмещать учёбу с работой и, вероятно, удобнее всего будет назначать им личные встречи в вечернее время. Наконец, учителю также необходимо будет собрать информацию об обеспеченности учеников необходимым оборудованием: есть ли у них дома персональный компьютер с доступом к проводному интернету или Wi-Fi. Если часть

учащихся в классе не обладает должным оборудованием, а образовательное учреждение по тем или иным причинам не может их обеспечить, то учителю придётся делать акцент именно на занятиях очного формата.

Далее, во внимание необходимо принять требования образовательного учреждения, если таковые имеются. Очень может быть, что у учителя нет как такового контроля над собственным расписанием – к примеру, с таким можно столкнуться, если на смешанный формат переходит вся школа, и новое расписание составляется для всех. Однако если у преподавателя есть сомнения в том, что предложенное расписание подходит для курса, который он ведёт, необходимо настаивать на внесении изменений. Всё-таки у методик преподавания, например, математики и иностранного языка в смешанном формате по-разному расставляются акценты и соотношение аудиторных занятий к онлайн также разнится, так что по возможности составлять расписание надо исходя из особенностей каждого курса.

Ещё перед началом непосредственно создания курса учитель должен понимать причину, по которой возникла необходимость перехода к смешанному формату обучения. Причин, на самом деле, может быть множество, от неспособности здания школы вместить большое количество учащихся одновременно до мировой пандемии, из-за которой количество личных встреч рекомендуется свести к минимуму. Так или иначе, в процессе разработки смешанного курса отправной точкой должна быть именно проблема (или идея), из-за которой этот курс создаётся, и на решение которой он будет направлен. К примеру, если школа переводит учащихся на смешанный формат из-за того, что в связи с большим набором учеников их просто-напросто негде разместить, то план занятий нужно разрабатывать так, чтобы одновременно в школе находилось не более определённого числа учеников, а также чтобы очные занятия одного курса не совпадали с заочными другого. Иными словами, учитель должен убедиться, что переход на смешанный формат помогает решить возникшие проблемы, а не создает новые.

Учителю также нужно иметь в виду, что не все языковые курсы подходят для смешанного формата. Например, для обучения новому языку смешанный курс может не подойти: на первых порах учащиеся нуждаются в большом объёме практики, а также активной коммуникации с преподавателем. Попытка обучить языку, о котором ученики толком ничего не знают, в таком формате вряд ли увенчается успехом. Как правило, в случае с языковыми курсами рекомендуется переходить на смешанный формат после двух лет обучения, когда ученики уже освоили базовую информацию. Разговорный курс также не очень хорошо подходит для этого формата. При отсутствии альтернатив реализовать такой курс возможно, но если у учителя имеет некоторый контроль над типом и уровнем языковых курсов, предлагаемых в смешанном формате,

предпочтительнее будет на занятия в онлайн формате отвести блоки заданий, посвящённый письму, чтению и грамматике.

Есть несколько подходов к разработке смешанного курса, у каждого из них есть свои достоинства и свои недостатки. В этой статье внимание будет уделено подходу под названием «обратное проектирование».

Обратное проектирование – это процесс разработки занятия, блока занятий или целого курса, когда сначала автором курса определяются ожидаемые конечные результаты, а затем планируются стратегии оценки и, наконец, определяются методы обучения и задания. Этот подход позволяет преподавателям планировать уроки и курсы, в которых наибольшее внимание уделяется самому процессу усвоения учениками информации. В процессе обратного проектирования учитель сначала анализирует конкретные потребности своих студентов в обучении, и лишь потом приступает непосредственному созданию курса.

Сама концепция обратного проектирования не нова; если рассматривать сферу образования, первыми на эффективность данного подхода в проектировании отдельных занятий и целых курсов обратили внимание Джей МакТиг и Грант Уиггинс в их книге «Понимание посредством дизайна». Они разделили этот подход на три этапа [3, р. 18]:

1. Определение желаемых результатов. Первый этап обратного проектирования состоит в том, чтобы поставить цель: чётко определить и обозначить, что именно учащиеся должны знать или уметь в конце занятия или курса.

2. Планирование стратегии оценки. Прежде чем думать об уроках и инструкциях, Уиггинс и МакТиг призывают преподавателей определить, как они будут оценивать обучение студентов. Преподавателю недостаточно определить для себя будущую стратегию оценки, он также обязан ознакомить с ней своих учеников: предоставить четкие инструкции и примеры успешных работ.

3. Определение методов обучения и заданий. Опираясь на цели, которые ставятся перед студентами, учитель планирует задания, которые помогут им в её достижении. Этому этапу необходимо уделить больше всего времени, так как нужно учитывать особые потребности всех учащихся и стремиться к применению тех методик, которые будут наиболее эффективны.

Безусловно, смешанный формат обучения не является идеальным – точно так же, как таковым не является традиционный аудиторный формат и формат онлайн обучения. Но он совмещает в себе их достоинства и, при должном внимании, уделённом в процессе проектирования курса, способен свести к минимуму число сложностей, которые возникают в процессе обучения как у учителей, так и у учеников.

Список использованных источников

1. Evaluation of Evidence-Based Practices in Online Learning: A Meta-Analysis and Review of Online Learning Studies. Mode of access: URL:

<https://www2.ed.gov/rschstat/eval/tech/evidence-based-practices/finalreport.pdf> (дата обращения 15.09.20).

2. Tomlinson B., Whittaker C. Blended Learning in English Language Teaching: Course Design and Implementation. 2013. Mode of access: URL: <https://www.pdfdrive.com/blended-learning-in-english-language-teaching-english-e6004754.html> (дата обращения: 19.09.20).

3. Wiggins G., McTighe J. Understanding by design. Alexandria, VA: Association for Supervision and Curriculum Development ASCD, 2005. Mode of access: URL: <https://books.google.ru/books?id=hL9nBwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=r#v=onepage&q&f=false> (дата обращения 15.09.20).

УДК 811.111+81'255.4

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС
АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ
В РАМКАХ ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

Т. В. Косолапова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара

Аннотация. Целью работы является попытка определения функционально-стилистического статуса англоязычных научно-популярных текстов при осуществлении их предпереводческого анализа. В качестве методов используются гипотетико-дедуктивный метод и компонентный анализ. В результате исследования было выдвинуто предположение, что только непосредственный анализ лингвистических средств, используемых в данных текстах, дает представление о большей ориентированности научно-популярных текстов либо на научный, либо на публицистический стиль. Понимание «промежуточной позиции» научно-популярных текстов в функциональной стилистике и соотнесение исследуемого текста с тем или иным стилем позволяет осуществить полный предпереводческий анализ и корректно определить необходимые для перевода стратегии.

Ключевые слова: научно-популярный текст, функциональный стиль, публицистический стиль, перевод, предпереводческий анализ.

Summary. The aim of the article is an attempt to determine functional stylistic status of English popular science texts while translation analysis implementation. The hypothetic-deductive method and component analysis are used. As a result, we have assumed that only linguistic analysis of the texts allows us to refer these texts either to the scientific or publicistic style. The understanding of the “intermediate position” of popular science texts in the functional stylistics and referring them to one or another style gives a translator an opportunity to make a full translation analysis and choose translation strategies correctly.

Key words: popular science texts, functional style, publicistic style, translation, translation analysis.

В настоящее время особенная интенсивность в развитии отмечается у научно-популярных текстов. Интерес читателей к научно-популярным текстам различной тематики легко объяснить: тексты носят просветительский характер, адаптируют сложную академическую или научную информацию для широкого круга читателей, здесь присутствует большое количество ярких научных примеров, иллюстраций, схем и запоминающихся фотографий. Объем публикуемого научно-популярного материала (книг, журналов, электронных статей) активно увеличивается как в западных странах, так и в России. Популярными тематиками являются медицина и психология, космология, биотехнология, роботостроение, математика, лингвистика, физика, теория познания, научное объяснение религии и нейрофизиология.

Несомненно высокой является интеграция современных областей науки разных стран. Повышается объем не только публикуемых аутентичных научно-популярных текстов на разных языках, но и их перевод. На первый взгляд, тексты научно-популярного плана не должны вызывать особенных сложностей при переводе. Однако данные тексты обладают специфическими стилистическими, языковыми параметрами, что заметно осложняет процесс перевода.

Традиционно процесс перевода состоит из трех этапов: этап предпереводческого анализа, собственно процесс перевода и постредактирование переведенного текста [11, с. 67-71]. Первый этап – предпереводческий анализ текста – является, пожалуй, самым важным этапом, т.к. в процессе анализа необходимо детально изучить текст (содержательную и смысловую составляющую), рассмотреть его экстралингвистические и лингвистические особенности.

Рассмотрим кратко составляющие предпереводческого анализа текстов. Первоначальное знакомство переводчика с текстом подразумевает сбор экстралингвистических данных о тексте: имя автора, название текста, год появления в печати, статистический объем, цель коммуникации, источник и реципиент. Далее переводчик рассматривает разнообразные лингвистические характеристики переводимого текста: определяет жанрово-стилистическую принадлежность текста, его лексические, грамматические особенности, графические средства оформления текста, средства, отражающие плотность передаваемой информации, выявляет наличие интерконтекстуализмов [13, с. 38].

Рассматривая специфику предпереводческого анализа англоязычных научно-популярных текстов, представляется возможным определить этап, который может вызвать потенциальные трудности у переводчика. Так, наиболее сложным аспектом при проведении предпереводческого анализа является определение именно жанрово-стилистической принадлежности научно-популярных текстов на английском языке.

Популяризация науки безусловно сказывается на характере научно-популярных текстов и их стилистических особенностях. Первым и наиболее важным моментом здесь является лингвистическое определение самого понятия «научно-популярный» и принадлежность данного понятия к тому или иному функциональному стилю.

В настоящее время существует несколько подходов к этому вопросу. Ряд исследователей русской стилистики определяет «научно-популярный» как подстиль научного стиля речи (М. Н. Кожина [5, с.153], Л. К. Граудинова, Е. Н. Ширяева [7, с.131], О. А. Крылова [6, с. 248], М. П. Брандес [3, с. 191] и др.). Функционально-стилистическая принадлежность научно-популярных текстов к научному стилю объясняется несколькими параметрами: наличием специфических стилистических особенностей, характерных для научного стиля (использование терминов, устойчивых и фразеологических сочетаний, особых синтаксических конструкций), единой целевой установкой, общей коммуникативной задачей (передача научных знаний).

М. П. Брандес в работе «Стилистика текста» разделяет научный стиль на собственно научный (академический) и научно-популярный подстили. Последний ориентирован на широкий круг читателей, не являющихся специалистами в той или иной научной области. М. П. Брандес отмечает, что основополагающим принципом научно-популярных текстов является «...принцип говорить о неизвестном через известное, привычное, понятное» [3, с. 192-193].

С другой стороны научно-популярные тексты часто выделяют как самостоятельный функциональный стиль (Н. Н. Маевский [9, с.11], Э. А. Лазаревич [8, с. 297] и др.), объясняя наличие в нем не только основной языковой функции (коммуникативно-информационной), присущей собственно научному стилю, но и дополнительных языковых функций: сообщения и воздействия. Кроме того, Э. А. Лазаревич отмечает особую целевую установку и читательскую аудиторию научно-популярных текстов.

Интересно отметить, что А. И. Гальперин в труде «Очерки по стилистике английского языка» рассматривает тексты научно-популярного характера как подстиль публицистического стиля, объясняя это тем, что публицистический стиль занимает «промежуточное место между стилем научной прозы и стилем художественной речи» [4, с. 406]. К элементам научного стиля здесь можно отнести логическое изложение фактов, развернутые высказывания, прослеживаемую структуру текста. Однако помимо этого публицистическому стилю присуща эмоциональная окрашенность, языковые средства воздействия, устоявшаяся образность речи. Таким образом, тексты научно-популярной тематики А. И. Гальперин относит к языку журнальных статей в рамках публицистического стиля английского языка.

И. В. Арнольд в работе «Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования)» также в большей степени ориентирована на соотнесение научно-популярных текстов с публицистическим или газетным стилем. По мнению автора публицистическому стилю свойственны все языковые функции, в том числе контактоустанавливающая и эстетическая. Однако характер двух последних функций несколько отличен от прочих стилей и реализуется в текстах, в том числе научно-популярной тематики, через разнообразные графические средства и приемы воздействия и привлечения внимания читателя [1, с. 266].

В. В. Хуринов отмечает, что разграничить функциональные стили со схожими стилевыми чертами довольно сложно и чрезвычайно важным становится понятие типа содержания текстов. Так, отмечается, что «в науке и журналистике существует целый ряд текстов, которые кажутся подобными, сходными» [10, с. 7]. В связи с этим к «научно-популярному стилю» могут быть отнесены и научные тексты, обладающие специфичной экспрессией, и журналистские тексты, упрощенно рассказывающие о каких-либо фактах из мира науки.

Подводя итог, определение жанрово-стилистической принадлежности текстов научно-популярной тематики должно отталкиваться от анализа используемых в них языковых средств. Так, например, если в анализируемом переводчиком тексте встречаются такие особенности, как достаточно низкая плотность информации, небольшое количество терминов и общенаучной лексики (например: *space robotics, gastric mill, tetrahydrocannabinol, face-recognition technology, chronic Lyme disease, sepsis, algae, carotenoid pigments, anglerfish* и т.д.), тенденция к условной объективизации передаваемой информации и использование литературного языка, то данный текст в большей степени относится к научному стилю речи и представляет собой его жанр. Если в научно-популярном тексте используются приемы, «приближающие» автора текста к читателю: прямое обращение (например: *You're in possession of one of the most complex and incredible objects in the known universe: the human brain. Deforestation is forcing elephants into conflict with us. How can we live together? How you became the new battlefield in the era of fake news.*), риторические вопросы (например: *Was life made of urea? So could this be another new species?*), разговорные фразы (например: *Fancy a trip down a wormhole?*), эмоционально-оценочная лексика (например: *Prime minister Boris Johnson set the tone when he spoke of "importunate nose-ringed climate change protesters" and "uncooperative crusties"*), интерконтекстуализмы, фразеологизмы и образные клише (например: *Hendry and her team are now beginning to throw some light on anglerfish ecology*), разнообразные стилистические приемы (эпитеты, например: *weird, tremendous*, метафоры, например: *Support for violent men is controversial. Many people believe that "leopards can't change their spots"*), а также присутствуют признаки

разговорного стиля (сокращение грамматических форм, использование разговорной лексики, например: *Actively look for the information you want, don't let it find you. The information that wants to find you isn't necessarily the information you want to find* [12]), то данные тексты обладают скорее публицистическими качествами и должны быть проанализированы переводчиком согласно текстам публицистического стиля.

Таким образом, определение жанрово-стилистической принадлежности научно-популярных текстов дает переводчику представление о том является ли анализируемый текст более научным или же более публицистическим по характеру. Именно это первоначальное определение поможет корректно выстроить последующую работу переводчика с текстом, определиться с переводческими стратегиями и осуществить адекватный перевод.

Список использованных источников

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка: Стилистика декодирования. М.: Просвещение, 1990. 300 с.
2. Барилова Е. Э. Особенности перевода текстов различных функциональных стилей. Псков: Псковский государственный университет, 2017. 72 с.
3. Брандес М. П. Стилистика текста. Теоретический курс: учебник. М: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. 416 с.
4. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М: Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. 459 с.
5. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М., 1993. 224 с.
6. Крылова О. А. Лингвистическая стилистика. М.: Высшая школа, 2006. 319 с.
7. Культура русской речи: учебник для вузов / под ред. Л. К. Граудиной, Е. Н. Ширяева. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999. 560 с.
8. Лазаревич Э. А. С веком наравне. Популяризация науки в России. Книга. Газета. Журнал. М.: Книга, 1984. 384 с.
9. Маевский Н. Н. Особенности научно-популярного стиля: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1979. 21 с.
10. Хуринов В. В. Функционально-стилистическая дифференциация англоязычных научных и газетно-публицистических текстов (на материале английского языка): втореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009. 23 с.
11. Цатурова И. А. Переводческий анализ текста. Английский язык: учебное пособие с методическими рекомендациями. СПб.: Перспектива, Изд-во «Союз», 2008. 296 с.
12. New Scientist [Electronic Resource] // Vol. 244 No 3252. Mode of access: URL: <https://www.newscientist.com/issue/3252/>. (дата обращения 17.12.2020).
13. Nord C. Text Analysis in Translator Training, in Dollerup, C. & Loddegaard, A.: Teaching Translation and Interpreting. Training, Talent and Experience. – Papers from the First Language International Conference 31 May

– 2 June 1991 (= Copenhagen Studies in Translation), Amsterdam/Philadelphia. P. 39-48.

УДК 378.147

**«ТЕКСТЫ НАРОДНОЙ ТРАДИЦИИ» В РЕАЛИЗАЦИИ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА К ОБУЧЕНИЮ
ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ
ОБРАЗОВАНИЯ**

Е. В. Крюкова,

*старший преподаватель кафедры европейских языков, Институт
лингвистики, Российский государственный гуманитарный университет,
Москва*

Аннотация. В статье рассматривается содержание недавно появившейся в учебном плане переводчиков-бакалавров дисциплины «Тексты народной традиции региона первого иностранного языка (английского)». Представленные в статье результаты апробации курса со студентами Института лингвистики РГГУ свидетельствуют о том, что дисциплина представляется действительно инновационной благодаря своей междисциплинарной природе, заключающейся в широком прочтении «текстов», что позволяет с успехом использовать отдельные ее элементы на занятиях по иностранному языку. Также делается вывод о том, что сочетание различных форм учебной деятельности в курсе с упором на проектную работу дает возможность формировать у студентов не только «классические» навыки и умения, но и важнейшие в контексте цифровизации образования компетенции XXI века.

Ключевые слова: текст; фольклор; цифровизация; компетенции XXI века; междисциплинарный подход.

Summary. The article considers the scope of the course «Texts of folk tradition of the region of the first foreign language (English)», which has recently been introduced into the syllabus of the BA in Translation Studies. The results of the course approbation with students at the Institute for Linguistics of RSUH presented in the article show that indeed, the course seems innovative thanks to its interdisciplinary nature consisting in the wide interpretation of the «text», allowing to successfully incorporate some of its elements into foreign language classes. It is also concluded that combining different forms of learning activity with emphasis on project work offers an opportunity to develop not only «classical» but also 21st century skills, which are of crucial importance in the context of digitalization of education.

Key words: text; folklore; digitalization; XXI century skills; interdisciplinary approach.

Образовательный процесс на современном этапе переживает значительные трансформации не только ввиду глобализации и цифровизации общества, но и того, как изменяется представление о знании, его эволюции и передаче [2]. Недавно появившаяся в учебном

плане переводческого бакалавриата дисциплина «Тексты народной традиции региона первого иностранного языка (английского)» в этом контексте стала крайне интересным опытом реализации современных образовательных парадигм с учетом междисциплинарной специфики предмета.

Несмотря на кажущуюся статичность названия «Тексты народной традиции», отсылающего, на первый взгляд, к исторической эпохе коллективного народного творчества, оказалось, что невозможно свести изучение материала к простому чтению и обсуждению первоисточников, особенно, когда речь идет об обучении переводчиков, которым придется сталкиваться не столько с оригинальными источниками, а с тем, как они изменяются и переосмысливаются в современных текстах, что, в принципе, является характерной чертой современной литературы и культуры вообще.

Более того, широкое междисциплинарное прочтение «текстов народной традиции» дает возможность максимально реализовать как культуроведческую, так и языковую направленность курса, позволяя увидеть культуру и язык в их неразделимом своеобразии. Так профессор С. Г. Тер-Минасова отмечает, что языки необходимо изучать «в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках» [1, с. 28]. В свою очередь, методическая ориентированность курса на сочетание различных форм учебной деятельности с упором на проектную и использование современных технологий позволяет вырабатывать у студентов важнейшие компетенции XXI века.

Таким образом, при апробации программы главной целью было не просто ознакомить студентов с основными текстами народной традиции региона английского языка, но продемонстрировать их роль в становлении и эволюции современной англоязычной культуры, которая всегда находит свое отражение в языке. Кроме этого, организация работы студентов с учетом цифровизации современных образовательных процессов должна была способствовать органическому усвоению материала и формированию необходимых компетенций.

Стоит отметить, что дисциплина «Тексты народной традиции региона первого иностранного языка» появилась в учебном плане бакалавриата по направлению подготовки 45.03.02 «Лингвистика» два года назад и читается студентам на 3 курсе. Курс этот не очень длинный и состоит всего из 4 лекций и 10 семинаров. Ввиду обширности материала, лекции и семинары чередовались, во избежание непосильного объема домашних заданий. При этом в начале семестра студентам заранее выдавался список литературы, с которой необходимо было ознакомиться, чтобы избежать повышенной интенсивности нагрузки студентов. Краткость курса сыграла в его пользу, позволив повысить его вариативность через перемежающуюся индивидуальную и групповую проектную работу, делая его довольно насыщенным, несмотря на небольшое количество аудиторных часов.

Что касается структуры, курс состоял из нескольких частей и начинался с общего представления о сторителлинге, фольклоре и текстах народной традиции, их видах и эволюции. В этой вводной части необходимо было не только определить тексты народной традиции, фольклор и осветить историю вопроса, но и показать важность их изучения на современном этапе, особенно под влиянием массовой культуры, которая привела к значительной переоценке классических фольклорных мотивов и образов.

В следующей части курса рассматривались наиболее яркие тексты англоязычной народной традиции и их особенности. Междисциплинарный подход в лингвострановедческой интерпретации «текстов народной традиции» помог максимально раскрыть потенциал дисциплины, когда курс изучает не просто конкретные образцы-оригиналы, но рассматривает их как лингвокультурные напластования, своеобразные палимпсесты, продолжающие меняться с каждой своей последующей версией.

Все материалы изучались на языке оригинала и включали в себя, в первую очередь, конкретные произведения, как:

- «Beowulf»,
- «The Romance of King Arthur and his Knights of the Round Table»,
- «The Romance of Tristan and Iseult»,
- «The Story of Robin Hood»,
- сказки.

В дополнение к этому, в курсе затрагивались и более «подвижные» тексты, среди которых были городские легенды, рецепты традиционных блюд, праздники, суеверия и ритуалы, музыка, байки и невероятные истории.

При этом изучение материала определялось пониманием того, что практически все тексты народной традиции знакомы современному человеку не в оригинальной, а скорее переосмысленной форме, представленной в фильмах и литературе. Кроме того, имеет место и такое явление, как фейкlor, или псевдофольклор. По этой причине важно было не просто изучить оригинал, но посмотреть, каким образом он был интерпретирован на современном этапе. Так, в дополнение к оригинальным текстам, неотъемлемым становится просмотр и разбор фильмов, сериалов, скетч-шоу, среди которых можно выделить:

- «Beowulf» (2007),
- «King Arthur: Legend of the Sword» (2017),
- «Monty Python and the Holy Grail» (1975),
- «Tristan + Isolde» (2006),
- «Robin Hood» (2010),
- «Supernatural» (2005 – 2020),
- всевозможные «попурри» на фольклорные темы, как «Shrek»
- «Saturday Night Live».

В этой связи важнейшим компонентом было проследить трансформацию традиционных сюжетов и образов и выделить их причины.

Заслуживает отдельного упоминания и тот факт, в курсе затрагивались не только британские, но и американские тексты. Так, например, при изучении сказок, рассматривался сборник «Nights with Uncle Remus» («Сказки дядюшки Римуса»), который дает представление не просто о жизни и обычаях Америки XIX в., но и о ее южных диалектах. Кроме этого, внимание уделялось легендам и мифам, связанным с основанием США, а также некоторым элементам фольклора коренных индейцев и мексиканцев, которые переняли американцы.

Интереснейшую часть курса составил англоязычный постфольклор. Так, огромный отклик среди студентов нашла тема городских легенд и так называемых «рассказов у костра» (campfire stories). Любопытным источником здесь является известный сборник «Scary Stories to Tell in the Dark», экранизированный в 2019 г. Отдельный вид текстов составили мемы, которые живут и эволюционируют благодаря интернету и современным технологиям в общем, являя собой абсолютно уникальное явление народного творчества, как с культурологической, так и лингвистической точки зрения.

Не менее важным стал раздел изучения трансформации фольклора в современной литературе, когда тексты народной традиции вводятся в произведение для создания особого эффекта соприсутствия текстов и как результат определенных читательских ожиданий, часто для того, чтобы потом их разрушить. С переводческой точки зрения, это является интересным явлением, поскольку требует от переводчика умения распознать используемый элемент, оценить его функцию и передать соответственно на другой язык. Вообще вопросы перевода не раз естественным образом возникали на занятиях, когда речь заходила о культурно-специфических элементах. Любопытным оказалось проследить, например, как в официальных переводах «Шрека» персонаж «ogre» из «великана» [3] к концу серии становится «огром» [4]. Таким образом по мере распространения специфичных элементов и их ассимиляции в другой культуре менялся и перевод.

Отдельно стоит сказать о формах аудиторной и самостоятельной работы студентов. Неотъемлемым компонентом занятий был просмотр и разбор видео по темам, чередование разных видов речевой деятельности. Кроме того, у студентов всегда был доступ к основному англоязычному учебному пособию, информация из которого давалась как на лекциях, так и на индивидуальную работу студентов. В дополнение к этому, результаты домашней работы, когда речь шла о мини-проектах, необходимо было представлять в виде презентации, что еще способствовало развитию не только «классических» навыков и умений, но и компетенций XXI века, которые вышли на первый план в результате цифровизации общества. Если традиционные образовательные навыки фокусировались на

получении знаний и были именно академически ориентированными, то компетенции XXI века включают в себя, в первую очередь, так называемые «4К»: критическое мышление, креативность, коммуникативность и кооперацию [5]. Вместе с тем, отдельно выделяются цифровая грамотность и мультикультурность [5]. Нетрудно заметить, что при соответствующем подходе дисциплина «Тексты народной традиции региона первого иностранного языка» может помочь с развитием этих умений, когда студентам необходимо найти информацию, проанализировав несколько различных источников, и представить ее в доступном и понятном другим виде, а также обсудить отдельные элементы.

Формированию всех указанных выше компетенций способствовала и форма итогового контроля по курсу, а именно проектная работа студента, заключавшаяся в разборе предлагаемой на выбор современной англоязычной книги с точки зрения использованных фольклорных мотивов, героев и сюжетов. Кроме этого, в задачи входило проследить их эволюцию, рассказать о том, как они трансформируются в самой книге и современной массовой культуре вообще.

По результатам работы студентов и полученным отзывам курс оказался настолько успешным и интересным, что мною было принято решение апробировать его элементы на занятиях по практике английского языка с уже другой группой, и как выяснилось, учебный процесс от этого только выиграл. Любой элемент дисциплины можно органично встроить в курс при прохождении самых разных тем. Так, британские и американские суеверия являются прекрасным дополнением по теме «Личность» или «Загадочные явления», а традиционные рецепты отлично вписываются в тему «Еда». При этом даже грамматический материал можно связывать с любой из тем «Текстов», поскольку таким образом сразу же создается необходимый контекст. При этом форма работы студентов также варьируется от индивидуальной до групповой.

В заключение стоит сказать, что благодаря широкому рассмотрению «текстов народной традиции», курс дал возможность изучить не только традиционные фольклорные источники, но и другие, смежные с ними тексты в самом широком смысле слова, уделяя внимание не только культурно-страноведческому аспекту, но и языковому, ведь любой текст – это, прежде всего, набор языковых средств. Использование проектной формы учебной деятельности в сочетании с современными технологиями позволило сформировать как традиционные умения, так и компетенции XXI века, владение которыми становится неотъемлемым компонентом успешной профессиональной деятельности в условиях цифровизации современного общества.

Список использованных источников

1. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2008. 264 с.

2. Цифровизация образования в России и мире [Электронный ресурс] // Аккредитация в образовании. 2017. № 98. URL: https://akvobr.ru/cifrovizaciya_obrazovaniya_v_rossii_i_mire.html (дата обращения 22.01.2021).
3. Шрек. DreamWorks Pictures, Ист-Вест, 2001.
4. Шрек навсегда. DreamWorks Pictures, Централ Партнершип, 2010.
5. What Are 21st Century Skills? [Electronic Resource] – Mode of access: URL: <https://www.aeseducation.com/blog/what-are-21st-century-skills> (дата обращения 22.01.2021).

УДК 81'342.9

ПЕРЕВОД И ФУНКЦИИ ИНТОНАЦИИ В РУССКОЙ РЕЧИ КИТАЙЦЕВ

Р. Э. Кульшарипова,

*кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань*

Ши Даньдань,

*обучающийся второго курса аспирантуры кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань*

Аннотация. Данная статья посвящена изучению соотношения перевода и интонации в русской речи китайцев. Одна из важнейших задач переводческой деятельности – преобразовать речевое произведение на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменности содержания и смысла. В условиях активных языковых контактов перевод обеспечивает также динамику восприятия и понимания чужой мысли, выраженной на одном языке, её передачу заданными средствами другого языка, поэтому перевод актуален как вторичный вид речевой деятельности и в процессе формирования стратегий овладения чужим языком. Интонация помогает говорящему достичь своей коммуникативной цели, выявить ошибки в понимании текста на неродном языке. Данная статья выполнена на основе сопоставительного анализа с признанием того, что перевод и интонация тесно взаимосвязаны между собой в процессе формализации коммуникативных смыслов.

Ключевые слова: цель, функция, перевод, интонация, русская речь.

Summary. This article is devoted to the study of the relation of translation and intonation in the Russian speech of the Chinese. One of the most important tasks of translation activity is to transform speech from one language into another language maintaining the same content and meaning. In the conditions of active language contacts, translation also provides the dynamics of

perception and understanding of someone else's thoughts expressed in one language, its transmission by the specified means of another language, so translation is relevant as a secondary type of speech activity and in the process of forming strategies for mastering a foreign language. Intonation helps the speaker to achieve his communicative goal, to identify errors in the understanding of the text in a non-native language. This article is based on a comparative analysis with the recognition that translation and intonation are closely interrelated in the process of formalization of communicative meanings.

Key words: purpose, function, translation, intonation, russian speech.

Коммуникативные смыслы в речеведческом плане весьма разнообразны даже при говорении на родном языке. Программа синхронного перевода предполагает выработку навыков совершенствования интонационно-смыслового анализа текста. Так, в теории перевода А. В. Фёдоров считает, что «Полноценность перевода означает исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему» [1, с. 114].

В свою очередь, В. Н. Комиссаров трактует перевод как «вид языкового посредничества, всецело ориентированный на оригинал [2, с. 42]. Он также расширяет характер и задачи перевода. «Перевод – это вид языкового посредничества, при котором на ПЯ создается текст, коммуникативно равноценный оригиналу, причем его коммуникативная равноценность проявляется в его отождествлении рецепторами перевода с оригиналом в функциональном, содержательном и структурном отношении» [2, с. 42–45]. Соответственно, он вводит понятие пяти уровней эквивалентности: уровень цели коммуникации; уровень ситуации; уровень способа описания ситуации; уровень синтаксической структуры; уровень семантики слов. Он также объединил эти пять уровней эквивалентности в два типа: эквивалентность перевода при передаче функционально-ситуативного содержания оригинала и эквивалентность перевода при передаче семантики языковых единиц [3].

С. И. Латышева и С. В. Романов в своей статье «Теория перевода и проблемы обучения переводу» с точки зрения коммуникативной теории определяют основные функции перевода и критерии его качества, и формируют требования к формату качественного перевода. По их мнению, «любой перевод – это, несомненно, вид общения людей, коммуникации. Вне общения невозможно представить себе необходимости в переводе. Это вид общения с использованием как минимум двух языков – то есть это вид межъязыкового общения. Конечно, человек, владеющий несколькими языками, на дипломатическом приеме или научной конференции, в письмах на разных языках тоже общается с коллегами, переходя с одного языка на другой, но такие формы межъязыкового общения, очевидно, также следует считать переводом [4, с. 1–2].

Разработка основ теории перевода отечественными учеными включала систематизацию функций перевода. В частности, В. Н.

Комиссаров, Л. К. Латышев, А. Л. Семенов, С. В. Тюленев выделяют в качестве системных следующие функции: 1) информативная функция – передача информации и содержания говорящего; 2) коммуникативная функция – перевод стимулирует осуществление речевой коммуникации между говорящими; 3) контактная и связующая функция – перевод обеспечивает установление контакта и связи между культурами [3; 5]; 4) функция понимания – перевод стремится обеспечить понимание исходного сообщения рецептором перевода и т.д. [5, с. 211].

Краткий обзор литературы вопроса позволяет нам констатировать, что самой основной и важной функцией перевода является коммуникативная, которая может передать основную цель и намерение говорящего, что соответствует коммуникативной функции интонации.

Интонация (в современном понимании) трактуется как комплекс просодических, в том числе тональных, количественно-динамических, фонационных и артикуляционных средств, обладающих коммуникативной, синтезирующей, делимитативной, смыслоразличительной, кумулятивной, стилистической и эмоционально-экспрессивной функциями [6, с. 19].

Н. Д. Светозарова в своих работах по теории интонации основное внимание уделила всего 5 компонентам – мелодика, пауза, длительность и темп, интенсивность и просодический тембр, раскрывая роль каждого компонента. Также автор выделила пять функций: (1) функция организации и членения речевого потока; (2) выражение степени связи между единицами членения; (3) оформление и противопоставление типов высказываний; (4) выражение отношений между элементами интонационных единиц; (5) выражение эмоциональных значений и оттенков [7, с. 18–22].

Были и другие классификации функций интонации, например, чешский лингвист Ф. Данеш считает, что интонация может быть представлена следующими функциями: (1) коммуникативная функция — превращение слов (назывных единиц) в высказывания (коммуникативные единицы); (2) сигнализирующая функция раскрытие соотношения темы и ремы; (3) модальная функция – характеристика целей высказывания; (4) эмоциональная функция и др. [8, с. 34–35]. Ранее Л. К. Цеплитис утверждал, что интонация имеет три базовые функции, т. е. семантическая (первичная), синтаксическая и стилистическая (вторичная) функции [9, с. 204]. В свою очередь, Л. Р. Зиндер системными полагал коммуникативную и эмоциональную функции [10, с. 268]. И. Г. Торсуева выделяла такие три основные функции: коммуникативную, экспрессивную и эмоциональную [11].

Китайцы при изучении русского языка имеют дело только с концепцией, разработанной Е. А. Брызгуновой: функции характерных интонационных структур сводятся к коммуникативной, экспрессивной и эмоционально-стилистической.

Китайский переводчик Янь Фу придерживается трех стандартов перевода: достоверность, доходчивость, изящество. Достоверность – точность содержания оригинала; доходчивость – свобода выбора грамматической структуры; изящество – риторика или стиль, как правило, это литературный стиль носителя языка [12]. Китайцы соблюдают этот единый стандарт перевода при изучении русского языка. Например:

- Что² ты делаешь?
- Пишу письмо¹.
- Чья² это комната?
- Чья² комната? А-а, э³та?
- Это комната моей ма¹тери.

В устной речи мы можем уточнять интонационные конструкции предложения и намерения говорящего по интонации, тем самым добиться характерной цели коммуникации при переводе. В художественных текстах мы будем сталкиваться с вариантами соотношения перевода и интонации, т.к. здесь возрастает роль эмоционально-стилистической функции. Обращение к художественной речи, чтение художественных текстов позволит ритмо-мелодически разнообразить восприятие и порождение речи, в результате чего перевод значительно выиграет в эмоционально-стилистическом плане.

Список использованных источников

1. Фёдоров А. В. Введение в теорию перевода. М.: Литературы на иностранных языках, 1958. 375 с.
2. Комиссаров В. Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты). М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
3. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2001. 424 с.
4. Латышева С. И. Романов С. В. Теория перевода и проблемы обучения переводу. 2009. №1. С. 1–5.
5. Латышев Л. К. Технология перевода. 2–е изд., перераб. и доп. М.: Академия, 2005. 320 с.
6. Черемисина-Еникополова Н. В. Законы и правила русской интонации. М.: Флинта, 2013. 520 с.
7. Светозарова. Н. Д. Интонационная система русского языка. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1982. 176 с.
8. Danes F. Sentence intonation form a functional point of view word. 1960. Vol. 16. № 1. P. 34 –35.
9. Цеплитис Л. К. Анализ речевой интонации. Рига: Зинатне, 1974. 272 с.
10. Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М.: Высшая школа, 1979. 311 с.
11. Торсуева И. Г. Интонация и смысл высказывания. М.: Изд. 2-е, испр, 2009. 112 с.
12. Янь Фу. Теория природного развития (Тяньянь лунь). М.: Чунцинское издательство, 2018. 448 с.

УДК 82-1/821.111

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАИМЕНЕЕ ПРОДУКТИВНЫХ
ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА
Э. БРОНТЕ «ГРОЗОВОЙ ПЕРЕВАЛ»)**

М. О. Кучинская,

обучающийся второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Н. В. Пасекова,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Данная работа представляет собой исследование переводческих трансформаций, применяемых при переводе романа Эмили Бронте «Грозовой перевал». Сложная образная система романа Э. Бронте служит для выражения феминистских и философских идей: затрагивает проблемы места женщины в обществе и несправедливости взаимоотношений между мужчиной и женщиной, а также о сложной природе мироздания и о сокровенных закономерностях бытия.

Ключевые слова: авторский стиль, Э. Бронте, художественный перевод, переводческая трансформация.

Summary. The work represents a study of translational transformations used in the translation of Emily Bronte's novel «Wuthering Heights». A complex imaginative system serves to express the author's ideas: raising the problem of women's role in society, the injustice of the relationship between a man and a woman, the complex nature of the universe and the essence of a human being.

Key words: author's style, E. Bronte, literary translation, translational transformation.

Художественный перевод является сильнейшим средством межкультурной коммуникации, и поэтому на первый план выходит проблема качества переводов. Главная цель любого художественного произведения заключается в эстетическом воздействии, в создании художественного образа. Такая эстетическая направленность отличает художественную речь от остальных актов речевой коммуникации, в которых целью является информативность, информативная содержательность. При этом важно отметить, что данный вид перевода предусматривает не только максимально точную передачу идей автора, но и сохранение индивидуального авторского стиля.

Цель работы состоит в выявлении системы наименее продуктивных переводческих трансформаций, используемых при переводе романа Э. Бронте «Грозовой Перевал», определении их роли в раскрытии авторского замысла писательницы.

В ходе исследования был проведен сопоставительный анализ использования переводческих трансформаций в переводах романа Э. Бронте «Грозовой Перевал». Исследование проводилось на основе текста оригинала на английском языке, а также перевода, выполненного Н. Роговой.

Как известно, переводческие трансформации являются неотъемлемым инструментом в работе переводчика для создания адекватного перевода.

Рассмотрим примеры наименее продуктивных трансформаций в тексте романа.

Первый вид лексико-семантической трансформации, представленных в романе – антонимический перевод, при котором утвердительная конструкция трансформируется в отрицательную (или наоборот), и одновременно производится замена одного из слов переводимого предложения на его антоним в языке перевода.

«*The business of eating being concluded, and no one uttering a word of sociable conversation, I approached a window **to** examine the weather*». «С ужином покончили, и, так как никто не проронил ни слова, чтоб завязать разговор, я встал и подошел к окну – **посмотреть**, не переменялась ли погода». В данном предложении, на наш взгляд, перевод при помощи антонимической конструкции не является обязательным, но выбор перевода остается за переводчиком. *To examine the weather* мы могли бы перевести *посмотреть, как дела обстоят с погодой*.

Следующий вид переводческой трансформации – целостное преобразование, подразумевающее синтез значения без непосредственной связи с анализом. Преобразуется внутренняя форма любого отрезка речевой цепи – от отдельного слова, большей частью сложного, до синтагмы, а порой и предложения [4, с. 60].

«*Poor Cathy, frightened from her little romance, had been considerably sadder and duller since its abandonment; and her father insisted on her reading less, and **taking more exercise***». «Бедная Кэти, принужденная отказаться от своего маленького романа, стала заметно печальней и скучней; поэтому отец настаивал, чтобы она меньше читала и **больше бывала на воздухе**». Исходя из этого примера, мы видим, что сочетание слов *taking more exercise* на русский язык переводится как *больше бывала на воздухе*. Эти соответствия не имеют общих семантических компонентов, обладают различной внутренней формой и в тоже время передают одно и то же содержание средствами разных языков.

Последним видом наименее продуктивных трансформаций является генерализация – прием, обратный конкретизации, т.е. при переводе происходит замена слова или словосочетания более узким значением на слово или словосочетание с более широким. Например: «*I **gazed** long at the weather-worn **block**; and, stooping down, perceived a hole near the bottom still full of snail-shells and pebbles, which we were fond of storing there with more*

perishable things...» – «Я долго глядела на выветренный камень; и, нагнувшись, разглядела у его основания ямку, все еще набитую галькой и ракушками, которые мы, бывало, складывали сюда вместе с другими более тленными вещами...».

В данном предложении слова *gazed* и *block* в английском языке имеют более узкое значение, чем в русском при переводе эти слова заменяются на более широкое значение: *глядела* и *камень*.

Также особое внимание необходимо заострить на переводе реалий, поскольку именно они играют ключевую роль в воспроизведении исторической и культурной атмосферы произведения. Анализируя текст романа писательницы, стало понятно, что переводчик, сталкиваясь с непереводаемыми реалиями, прибегал скорее к описательному переводу, что более характерно для художественного вида перевода, так как ему не свойственен буквализм. В некоторых случаях переводчик использует описание, даже если слово имеет прямой эквивалент на ПЯ. Например, словосочетание «*a figure familiarly met within London and elsewhere*» переведено как «мелькать на авансцене столичной жизни». Хотя здесь слово *London* могло быть переведено как «Лондон» или «лондонский», но переводчик предпочел обобщить и предложить свой вариант более устойчивого выражения, привычного для русского читателя.

Как видим, на основе проведенного анализа можно сделать следующий вывод: подход к переводу текстов художественной литературы может быть различен, но, несмотря на возможные неточности, при переводе необходимо добиться главной цели — предать не форму, а суть, не только информативную, но и эстетическую функцию художественного произведения. Также при проведении переводческого сопоставительного анализа мы убедились в том, что генерализация, антонимический перевод, целостное преобразование являются наименее продуктивными видами трансформаций при передаче фрагментов текста.

Список использованных источников

1. Читалина Н. А. Учись переводить (Лексические проблемы перевода). М.: Международные отношения, 1975. 80 с.
2. Мисуно Е. А. Перевод с английского языка на русский язык: практикум: учеб. пособие. Минск: Аверсэв, 2009. 255 с.
3. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
4. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М.: Р. Валент, 2007. 244 с.

УДК 81:37.016

ПОВЫСИТЬ МОТИВАЦИЮ СТУДЕНТОВ В ДИСТАНЦИОННОМ ОБУЧЕНИИ – МИССИЯ ВЫПОЛНИМА? ИЗ ЭКСПЕРИМЕНТА ПО ПРИМЕНЕНИЮ СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАМКАХ ТРАДИЦИОННОЙ ФОРМЫ УРОКА***А. В. Лоза,****кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и немецкого языка, Факультет иностранных языков, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Ярославль*

Аннотация. В рамках исследования был проведен эксперимент, в основу которого было положено предположение о том, что благодаря применению образовательных интернет ресурсов содержание обучения, ориентированное на традиционную форму урока, можно поставить на рельсы дистанционного обучения, сохранив мотивацию учащихся и формируя профессиональные компетенции. Материал статьи также содержит обработанные данные анкетирования учащихся и сформулированные на их основе рекомендации по организации дистанционного обучения немецкому языку.

Ключевые слова: дистанционное обучение, образовательные технологии, образовательные онлайн ресурсы, иностранный язык, немецкий язык, университет

Summary. An experiment was carried out as part of the study. It was based on the assumption that the content of education, initially intended for the traditional form of the lesson, still can be altered and used in distance learning thanks to the use of Internet resources. It also would maintain the motivation of students and develop their professional competencies. The material of the article contains analyzed data from the students' questionnaire survey as well as some recommendations for organizing distance learning of German.

Keywords: distance learning, e-learning, educational technologies, online resources, foreign language, German, university

Эпидемиологическая ситуация 2020 года заставила образовательные учреждения по всему миру предложить учащимся готовые решения для организации процесса обучения в условиях, когда традиционные методы и приемы работы применить не представлялось возможным. Следует сразу же отметить, что речь не идет о заранее подготовленном онлайн курсе или об обучении на базе виртуальной образовательной платформы, как MOODLe или LMS. Стояла задача максимально эффективно перевести содержание обучения, закрепленное в очной форме освоения образовательной программы, в плоскость дистанционной работы.

В центре внимания стояли вопросы создания оптимальных, комфортных условий для работы «в домашнем офисе»: приемы введения, тренировки и закрепления грамматического и лексического учебного материала, когда прямой контакт преподавателя и обучающихся исключен,

возможности использования различных форм организации учащихся в рамках онлайн урока, использование электронных (умных) версий учебников, игровых техник и многое другое.

В рамках данной статьи представлен положительный опыт привлечения в процесс обучения онлайн ресурсов и современных средств коммуникации на 3 курсе (немецкий как первый и как второй иностранный язык), при направлении подготовки – педагогическое образование. В ходе дистанционной работы с учебными группами проводились встречи онлайн (посредством технологии skype), где обучающиеся могли изложить свою точку зрения по поводу той или иной формы работы, высказать свое мнение, рассказать о сложностях, с которыми столкнулись. Таким образом осуществлялась обратная связь со студентами. По окончании учебного курса обучающимся также было предложено заполнить анкету, посвященную итогам дистанционного обучения учебному предмету немецкий язык.

Ограничения, вызванные внешними факторами и вынуждающие нас перевести традиционный урок в форму компьютерно-опосредованной коммуникации, привели к интенсификации самостоятельной работы студентов. Зачастую основное содержание заданий, предложенных обучающимся, заключалось в выполнении грамматических упражнений и работе с текстами в формате Microsoft Word. Данное обстоятельство не могло не сказаться отрицательно на общем настрое и мотивации к изучению предмета. Основная цель включения образовательных онлайн ресурсов в процессе изучения немецкого языка состояла в том, чтобы сделать учебный материал привлекательным для учащихся, используя новые приемы, инструменты, каналы передачи информации, и повысить, таким образом, уровень усвоения знаний. Был проведен своего рода эксперимент, гипотеза которого заключалась в предположении, что благодаря применению образовательных онлайн ресурсов содержание обучения, ориентированное на традиционную форму урока, можно поставить на рельсы дистанционного обучения, сохранив мотивацию обучающихся и формируя профессиональные компетенции.

Одним из таких ресурсов стала интерактивная доска Padlet. Она дает возможность как преподавателю, так и обучающимся размещать на ней материалы, видеофайлы, изображения, ссылки на внешние источники и так далее. Следует отметить большой дидактический потенциал этого ресурса для организации коллективной работы (проведение опроса, сбор идей, мозговой штурм, площадка для размещения результатов проектной деятельности). В пользу его использования говорит тот факт, что обучающиеся могут взаимодействовать не только с преподавателем, но и друг с другом, оставляя комментарии, отвечая на вопросы, ставя «лайки» наиболее понравившимся постам. В рамках изучения темы «Мир профессий», модуль «Собеседование» в padlet среди прочего были размещены следующие задания: опрос учащихся с использованием ресурса

Wooclap и демонстрация его результатов в виде схемы; ответы на кроссворд для самоконтроля усвоения лексики по теме (кроссворд составлен на сайте cross.highcat); коллажи студентов (сделаны с помощью приложения PicCollage), изображающие выбор предметов одежды для собеседования и краткое их описание, а также комментарии и вопросы к ним (Рис. 1).

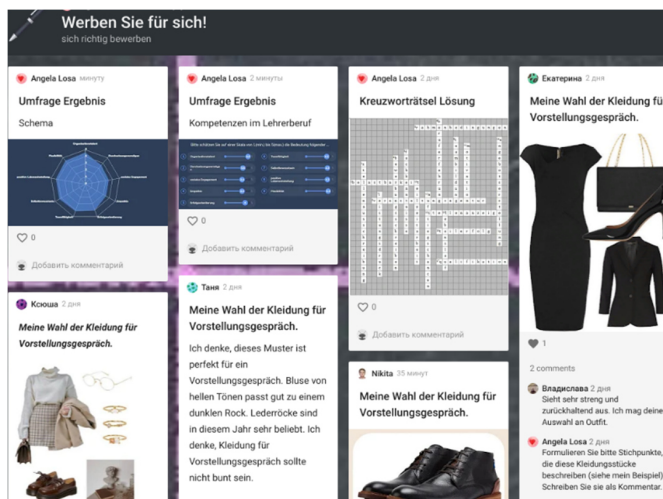

Рис.1 Padlet по теме «Собеседование» (отрывок)

Отрабатывать и закреплять лексику в игровой форме позволяет образовательный ресурс kahoot. Сайт предлагает большое количество уже разработанных тестов по различным темам, или же можно создать собственный тест, выбрав его формат и наполнив соответствующим содержанием. Примечательно, что в тестирование включен соревновательный момент, что в значительной степени мотивирует обучающихся на достижение успеха. После прохождения теста приложение формирует отчет по каждому участнику, таким образом можно проанализировать и оценить прогресс обучающихся.

Привнести в урок элемент игры и мотивировать студентов на отработку грамматического навыка позволил ресурс classroomscreen, созданный учителем из Нидерландов Лоуренсом Копперсом. В рамках традиционного урока при изучении и тренировке материала трудоемкой темы зачастую применяются настольные игры с кубиком, и было бы большим упущением не использовать возможности этой дидактической игры в дистанционном обучении. Сайт classroomscreen дает возможность разместить игровое поле, отмечать значками движение игроков и «подбрасывать» кубик.

С задачей тренировки и повторения лексического материала хорошо справляется приложение Quizlet, предусматривающее работу со словарными карточками. Комплекс предложенных упражнений и завершающий тест способствуют автоматизации лексических навыков.

Отдельного внимания заслуживает онлайн сервис Mysimpleshow, позволяющий создавать обучающие видео на различные темы. Следует отметить, что данный инструмент может использовать в работе как

преподаватель, создавая пояснения к какому-либо вопросу, так и обучающиеся в рамках проектной творческой деятельности. Так, в ходе знакомства студентов с правилами составления заявления о приеме на работу в рамках изучения темы «Мир профессий» им были предложены видео о правилах построения резюме и мотивационного письма [См.:3].

Для анализа результатов работы студентам была предложена анкета, цель которой состояла в том, чтобы установить степень общей удовлетворенности обучающихся от проделанной работы. Один из пунктов анкеты был создан с применением ресурса Mentimeter и предусматривал создание словарного облака/ассоциограммы. Ребятам было предложено описать процесс дистанционного обучения немецкому языку тремя прилагательными. Наиболее часто встречается характеристика «интересный» и «разнообразный». Также студенты отметили его новый, непривычный, характер. Важным аспектом оценки стала добрая, дружеская атмосфера в процессе обучения.

Для того чтобы установить степень успешности в реализации отдельных аспектов дистанционного обучения, обучающимся было предложено оценить следующие критерии: удобство получения знаний; возможность регулирования индивидуального темпа получения знаний; доступность информации по предмету и распределение учебного материала; возможность общения с преподавателем в режиме онлайн; опыт использования новых образовательных технологий; повышение уровня самостоятельности в освоении учебного материала; эффективность средств контроля результатов в процессе обучения; комфортные условия для творчества, стимулирование личностного развития. Каждому из указанных пунктов необходимо было поставить оценку от 5 – максимально до 1 – минимально и оставить свой комментарий. В целом, студенты отметили свою удовлетворенность удобством получения знаний, возможностью регулировать время, отведенное на работу. Важную роль при этом сыграли доступность и наглядность информации, ее членение, а также поддержка и сопровождение со стороны преподавателя, что позволяло самостоятельно детально проработать учебный материал. Студенты положительно оценили возможность выполнения творческих заданий, указали на то, что использование современных онлайн ресурсов способствовало удержанию их интереса к предмету даже в это эмоционально сложное время изоляции. Многие использованные ресурсы стали открытием для студентов. Как будущие преподаватели, они отметили важность знакомства с ними для своей профессиональной деятельности. Также большинство студентов отметило повышение уровня самодисциплины.

В завершении анкеты, также с помощью ресурса Mentimeter, студенты, выбирая соответствующую картинку/смайлик, могли оценить, с каким настроением они оканчивают дистанционный курс немецкого языка.

Из 20 обучающихся 19 связывают с дистанционным обучением положительный опыт работы.

Использование интернет ресурсов в значительной степени способствует формированию у студентов медиаграмотности (компетенции, необходимой для жизни и дальнейшего обучения в информационном обществе), умению находить, анализировать, давать оценку информации [1, с. 204]. Положительное воздействие при работе с онлайн сервисами оказывается на развитие самостоятельности студентов при обучении. Учащиеся формируют свой стиль, реализуют собственную траекторию обучения, оценивают эффективность тех или иных образовательных средств и приемов для себя, повышают уровень сформированности профессиональных компетенций [2, с. 12].

Исходя из результатов анкетирования студентов, стало возможным сформулировать ряд советов по организации дистанционного обучения: 1) важное условие для успешного усвоения учебного материала заключается в его систематизации и распределении; 2) большое значение для студентов имеет сопровождение, помощь преподавателя при освоении учебного материала. Следует обеспечить хорошо функционирующую систему связи «учитель-ученик». Решение этой проблемы видится в использовании не только электронной почты для установления контакта, но и мессенджеров; 3) необходимый к изучению материал следует сопровождать средствами наглядности (графики, схемы, таблицы, изображения, обучающие видео). Важным условием усвоения темы является оценка проделанной работы от преподавателя (feedback); 4) периодически проводимые обсуждения аспектов обучения помогут скорректировать по необходимости взаимодействие участников образовательного процесса; 5) важно не переусердствовать в использовании онлайн ресурсов. Следует помнить, что интернет ресурс не является самоцелью занятия, а во главу угла должна быть поставлена правильно сформулированная образовательная задача.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно заметить, что в эмоционально сложных условиях самоизоляции и вынужденного дистанционного обучения образовательные онлайн ресурсы могут стать решением проблемы утраты мотивации к изучению учебного предмета. Постепенно включая их в работу, преподаватель делает формат занятия более увлекательным для учащихся. Зачастую благодаря функциям (техническим возможностям) интернет сервисов учебный материал может быть представлен более наглядно и доступно, а в сочетании с грамотной постановкой задачи, распределением нагрузки и методическим сопровождением/помощью преподавателя оказывает положительное воздействие на степень усвоения знаний.

Список использованных источников

1. Лоза А. В. О важности использования продуктов рекламной деятельности в процессе обучения иностранному языку в высшей школе //

Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы III международной научно-практической конференции. 2019. С. 202–207.

2. Böttcher R. Lernen mit digitalen Medien in informellen Situationen und die Verbindung zu formal organisierten Lernprozessen // Fremdsprache Deutsch. 2015. S. 9–13.

3. Lebenslauf [Электронный ресурс] // URL: <https://videos.mysimpleshow.com/duLOzIKL3F> (дата обращения 22.01.2021).

УДК 81.25

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ВИДЕО-ИГР И ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ИХ ПЕРЕВОДА

М. Ю. Лукинова,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Д. А. Баблюк,

обучающийся первого курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. За последние несколько лет индустрия видео-игр стала неотъемлемой частью нашей жизни, вместе с ростом доли рынка интерактивных развлечений в России растёт и значимость такого явления, как локализация. Данная статья посвящена проблемам локализации видео-игр. Цель статьи: рассмотрение проблем, влияющих на качество локализации компьютерных игр, в частности – этических, с которыми сталкиваются локализаторы в процессе непосредственного перевода.

Ключевые слова: видео-игры, локализация, адаптация, контент, цифровой контент, этика, этический.

Summary. Over the past few years, the video game industry has become an integral part of our lives. Together with the growth of the market share of interactive entertainment in Russia, the importance of such a phenomenon as localization is also growing. This article is devoted to the problems of localization of video games. The purpose of the article is to consider the problems that affect the quality of localization of computer games that localizers face in the translation process.

Key words: video games, localization, adaptation, content, digital content, ethics, ethical.

Перевод – это перенос текста с одного языка на другой. Очевидно, что почти каждый контент включает в себя тексты, которые существуют везде. Например, в отраслях права и рекламы, учебной и деловой жизни и так далее. Конечно, они визуализируются с помощью видео, музыки или просто картинок.

Однако видно, что содержание меняется при адаптации текста на язык перевода, который является не только переводом, но и локализацией; самого текста недостаточно, чтобы произвести впечатление на целевую аудиторию, вспомогательный контент также должен адаптироваться к культурным ценностям и опыту целевой аудитории, чтобы помочь тексту должным образом.

С наступлением эры цифрового контента, начиная с начала 1970-х годов, тексты также стали его частью в среде потребления контента (веб-сайты, приложения или программное обеспечение). Текст, который используется для взаимодействия пользователей, безусловно, нуждается в переводе, чтобы сделать контент адресованным более широкому кругу людей. В этом случае, перевод слабее сам по себе и создает необходимость более широкого подхода к применению контента в более широкой аудитории.

Поскольку перевод стало недостаточно, локализация выступила более популярным контекстом для поддержания потока цифрового контента во всем мире. По сути, локализация-это позитивная вариация цифрового контента лингвистически и культурно с целью соответствовать потребностям местного населения, живущего на целевом внешнем рынке.

Хотя термины локализация и перевод используются в данной статье взаимозаменяемо, необходимо отметить, что связь между этими процессами на самом деле гораздо сложнее. Согласно Ассоциации отраслевых стандартов локализации, локализация (*Localization Industry Standard Association (LISA)*) - это «процесс модификации продуктов или услуг с учетом различий на различных рынках» [7, с. 5-8]. С этой точки зрения перевод попадает под сферу локализации, которая сама по себе представляет собой существенно более широкую деятельность. Таким образом, локализация видеоигры может включать в себя внесение технически или культурно мотивированных изменений, выходящих за рамки ее текстовой структуры, таких как изменение кода игры с учетом графических расхождений между исходным и целевым языками (например, шрифты) или даже корректировка маркетинговых стратегий игры. В этом понимании локализация выделяет только конечный продукт, не принимая никакой точки зрения на исходный текст или отношение между исходным и целевым текстом; кроме того, не объективно моделирует работу индустрии видеоигр, игнорируя тот факт, что из-за одновременной отгрузки, процесс локализации часто должен проходить параллельно разработке игр, и что локализаторы редко имеют доступ к игре.

Поэтому, несмотря на более широкую сферу локализации, весь процесс обычно ограничивается переводом языкового материала, и даже тогда он может, как заметил Франк Дитц, «прийти как запоздалая мысль» [2].

Благодаря адаптации весь продукт и услуги включают в себя управление многоязычием для потока цифрового контента. «Таким образом, такое управление многоязычием и глобальным потоком контента будет связывать местных жителей с глобальными людьми через контент всеми способами» [3].

Процесс интернационализации наряду с другими специализациями по разработке продуктов, как сочетание локализации и интернационализации, происходит так же, как и в экономике. Его можно описать как «глобальный процесс разработки продукта, в котором интернационализация и локализация сочетаются, например, с рисованием контекста продукта на более ранних этапах и адаптацией продукта к правилам выбранного рынка соответственно» [2].

Локализация имеет четыре основных этапа: глобализация, интернационализация, локализация и перевод; однако в условиях непрерывно и быстро глобализирующегося мира границы между каждым этапом становятся все более размытыми и переходными. Эти действия проводятся разными людьми «шаг за шагом для того, чтобы управлять уровнем локализации» [2].

Как отметил Колер в своей книге, «локализация так же стара, как *Rac-Man* в индустрии видеоигр» [6], предлагая примеры игры под разными названиями в разных странах. «Сегодняшние игры серьезно детализированы и имеют различные активы, такие как текстовые (вся текстовая информация и сообщения), художественные (весь контент, разработанный художником), аудиоактивы (вся внутриигровая музыка и речь), кинематографические активы и печатные материалы (обложки, плакаты и т.д.), которые суммируются как сама игра» [5, с. 306]. Все эти виды контента являются содержимым, которое может быть предметом локализации в зависимости от его уровня.

Помимо других упомянутых цифровых продуктов, видеоигры начинались и продолжают как цифровые. В истории видеоигры-это аппаратно поддерживаемый цифровой контент. В отличие от других видов контента, видеоигры были распространены на аркадных автоматах в начале

1970-х и актуальны на сегодняшних игровых консолях, таких как персональный компьютер (*PC*), *Sony PlayStation*, *Microsoft Xbox* или *Nintendo Wii*, или портативные устройства, такие как *Sony PlayStation Vita*, *Nintendo 3DS*, мобильные телефоны и планшеты.

Сегодня существует множество сред для потребления игр. Огромное количество различных игр постоянно выпускаются разработчиками. Индустрия цифровых видеоигр в настоящее время представляет собой самый большой доход, превосходящий другие виды цифрового контента.

В современном мире широкое распространение мобильных устройств, таких как смартфоны или планшеты, самая высокая доля связана с мобильными играми. Еще одним доказательством расцвета

цифровых видеоигр является мощь цифровых технологий распространение и легкость внедрения видеоигр, потому что они всегда находятся на цифровом носителе.

«На сегодняшний день различные игровые компании придерживаются разных уровней локализации в своих продуктах, в основном связанных с их бюджетами» [4].

Первый уровень локализации – это отсутствие локализации по причине снижения затрат и ожидания, что независимые группы фанатов переведут игру.

Второй уровень – локализация CD-бокса, описания игры и обложки, которые предлагает игровые руководства для перевода, но не более того, в основном для игр без какой-либо богатой сюжетной линии или, возможно, с акцентом на страны которые в основном являются носителями английского языка.

Третий уровень – частичная локализация, которая включает в себя весь внутриигровой текст, переведенный и локализованный, но не включенный дубляж.

Четвертый и последний уровень – это полная локализация, которая включает в себя целые этапы с дубляжем и закадровым голосом, а иногда мерчендайзинг продуктов. Этот вид локализации, безусловно, является самым дорогим типом и проводится в основном игровыми компаниями AAA (крупнейшими игровыми компаниями, такими как Rockstar Games или Blizzard Entertainment).

Существуют два основных проблемных этического аспекта в локализации компьютерных игр: внешний и внутренний. Во-первых, к внешнему аспекту относится проблема зависимости от компьютерных игр. Она традиционно отмечена отрицательно как в светских этических системах (игровая зависимость, как форма наркомании), так и в религиозной этике (компьютерные игры отвлекают от духовной жизни). Во-вторых, проблема влияния игрового насилия на поведение человека в обществе (прямая связь между игровым насилием и асоциальными действиями не доказана). «Внутренний аспект этических исследований методологически больше связан с феноменологией компьютерных игр. Более сложные ролевые игры предполагают не только создание “персонажа” и его внутреннее и внешнее развитие, но и исследование виртуального мира, где игрок постоянно сталкивается с разнообразными неоднозначными ситуациями, что предполагает моральный выбор» [1]. Несмотря на широкое представление элементов религиозной этики (например, христианского милосердия), в ролевых играх преобладают этические системы псевдоязыческих культов (“Культы Тамриэля” в “Древних свитках”) или даже антихристианские мотивы (“*Diablo*”). Исторические стратегии представляют собой специфические исторические элементы религиозной этики (джихад или ауто-де-фе). В стратегиях

реального времени или пошаговых стратегиях используется понятие морали как фиксированного уровня боеготовности виртуальных сил.

Если большинство симуляторов этически нейтральны (как их противоположность, аркадные игры), то экономические симуляторы актуализируют моральные дилеммы и концепцию ответственности в принятии решений ("СимСити"). На самом деле компьютерные игры демонстрируют широкий спектр исследовательских возможностей, которые могут быть актуальны не только в дискурсе практики перевода, но и в контексте перспективных междисциплинарных социальных наук.

Список использованных источников

1. Пашутина А. Локализация компьютерных игр: суть, проблемы и решения [Электронный ресурс] // URL: <http://psxplanet.ru/Localization-Of-Computer-Games> (дата обращения 22.01.2021).

2. Anastasiou D. & Schaler R. Translating Vital Information: Localisation, Internationalisation and Globalisation. Localisation Research Centre, Department of Computer Science and Information Systems. Limerick: Centre for Next Generation Localisation [Electronic Resource] // Mode of Access: URL: <http://www.d-anastasiou.com/Publications/Syntheses.pdf> (дата обращения 21.01.2021).

3. Baker M. & Saldanha G. Routledge Encyclopedia of Translation Studies (2nd Edition ed.), p. 704.

4. Chandler H. M. The Game Localization Handbook (2nd Edition ed.). Jones & Barlett Learning, p. 369.

5. Hevia C. M. Video Games Localisation: Posing New Challenges to the Translator. Perspectives: Study in Translology, P. 306-323.

6. Kohler C. Power-Up: How Japanese Video Games Gave the World an ExtraLife.BradyGames. [Electronic Resource] // Mode of Access: URL: <https://book/327139764/Power-Up-How-Japanese-Video-Games-Gave-the-World-an-Extra-Life> (дата обращения 19.01.2021).

7. Schäler R. The cultural dimension in software localisation. Localisation Reader. [Electronic Resource] // Mode of Access: URL: <https://document/270928833/Loc-Reader-1-pdf> (дата обращения 22.01.2021).

УДК 821.111

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ТЕКСТА

М. Ю. Лукинова,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Е. Б. Мартынюк,

старший преподаватель кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Актуальность проблемы перевода драматургического текста обусловлена двойной природой этого жанра, принадлежащего к театру и художественной литературе. Многослойность драматургических произведений открывает широкие горизонты для творческих прочтений драмы и неоднократному обращению к ним, что вызывает необходимость создавать переводы для чтения, а также для чтения и сценического воплощения. Принципы перевода драмы выходят за рамки чисто филологического подхода. Исследователями отмечается невозможность четко разграничить переводы, предназначенные для чтения и переводы, выполненные специально для театральной постановки, поскольку в спектаклях часто используются ставшие классическими литературные переводы с последующей обработкой для сцены. В других случаях создаются сценические редакции, обретающие в дальнейшем самостоятельный «литературный статус» [1].

Ключевые слова: перевод, драма, прагматическая адаптация, культурный компонент.

Summary. The relevance of the problem of translating a dramatic text is due to the dual nature of this genre, which belongs to theater and fiction. The multilayered nature of dramatic works opens up wide horizons for creative readings of the drama and repeated reference to them, which makes it necessary to create translations for reading, as well as for reading and stage implementation. The principles of drama translation go beyond a purely philological approach. The researchers note that it is impossible to clearly distinguish between translations intended for reading and translations made specifically for theatrical production, since the performances often use literary translations that have become classic, with subsequent processing for the stage. In other cases, stage editions are created, which later acquire an independent "literary status" [1].

Key words: translation, drama, pragmatic adaptation, cultural component.

Одним из первых, кто определил перевод драмы как отдельную проблему перевода, учитывая потенциальное предназначение текста драмы для сцены, и дал ей научное обоснование в своей книге «Искусство перевода», был представитель чешской переводоведческой школы И. Левый. В своей концепции он исходил из основных характеристик сценического диалога (особый случай произносимой речи, сложная семантическая структура, словесное действие, не только форма построения речи персонажей, но и одновременно их характеристика), которые требуют пристального внимания переводчика работающего над текстом пьесы [2, с. 178 – 209].

С введением в теорию перевода определения его игрового характера с категориями неоднократного повторения и ориентированности на успех с минимальными потерями, а также направленностью на межкультурную коммуникацию, стратегии переводчика стали в первую очередь подчиняться требованию прагматической адаптации с учетом изложенных

выше особенностей сценического воплощения. Успешность коммуникации со зрителем чаще всего как раз и достигается за счет приемов прагматической адаптации, значительно трансформирующих оригинал. Таким образом, прагматическая норма вышла на первое место среди норм перевода, описанных В. Н. Комиссаровым [3, с.10].

Диалог в драме поступательно раскрывает ситуацию и зачастую изменяет и трансформирует ее. Реальный смысл отдельных компонентов значения в равной степени зависит как от экстралингвистической ситуации (в том числе визуального ряда), так и от лингвистического контекста. Лингвистический контекст отражает специфические особенности языков оригинала и перевода, чья семантика зависит от национально-культурного кода. «От правильной передачи на язык перевода социальных, национальных, культурных различий, которая предполагает их прагматическую адаптацию, зависит успех или неудача коммуникации – в случае драматургического текста – коммуникации со зрительской и читательской аудиторией» [4].

Прагматическая адаптация определяется как «совокупность изменений, вносимых в текст перевода с целью добиться необходимой реакции со стороны конкретного получателя перевода» [5]. Процесс прагматической адаптации включает восприятие и понимание иноязычного текста, а также анализ степени сходства или расхождения семантики фрагментов исходного текста и текста перевода. Следующий этап связан с выбором соответствующей стратегии и метода перевода, находящий отражение в конкретных переводческих решениях. Камнем преткновения являются слова с так называемым культурным компонентом, которые можно классифицировать следующим образом: 1. Реалии, выражающие ключевые понятия культуры и менталитета; 2. коннотативная лексика – слова, совпадающие по основному значению, но отличающиеся по культурно-историческим ассоциациям; 3. фоновая лексика – слова и явления, имеющие аналоги, но различающиеся по национальным особенностям функционально: ФЕ, юмор, каламбуры; 4. безэквивалентная лексика, основанная на явлении языковой асимметрии; 5. эвфемизмы (способы замещения неуместных слов).

Рассмотрим изложенные теоретические положения на примере сравнительного анализа фрагментов оригинала и перевода пьесы Р. Куни «Out of Order», которая в переводе звучит как «Номер 13». Перевод выполнен Мих. Мишиным и его версия названия – «Он, Она, Окно, Покойник». Методом сплошной выборки представлены фрагменты текста, наиболее показательные для применения стратегии прагматической адаптации.

В первом предложенном отрывке русский перевод оказывается значительно короче оригинала – конец беседы в русском переводе опущен, т.е. имеет место нулевой перевод. Видимо, переводчик посчитал эти детали несущественными и отвлекающими зрителя от основной

информации телефонного разговора. Далее, *I've just this second checked in.* - *Я только что вошел в свой номер.* - функциональная замена на лексическом уровне; *Well, you know how Mrs. Thatcher relies on me* - *Я должен быть рядом с премьер-министром, он на меня рассчитывает.* - генерализация, в русском переводе использовано общее понятие, вместо имени конкретного человека в оригинале. Кроме того, простое распространенное предложение в оригинале становится более объемным сложносочиненным предложением в переводе, переводчик использует прием распространения. *...but it's all night sitting (in the Commons), so you wouldn't see much of me...* - *но заседание продлится всю ночь, так что мы с тобой все равно бы не смогли...* Данную реплику можно рассматривать как пример морфологического преобразования – конверсии – существительного *sitting* в глагол *продлится*; в переводе конец реплики содержит опущение – переводчик как бы интригует аудиторию, не договаривая, что они могли бы сделать. *Same old suite, 648. Everything all right at home?* - *Все тот же, 48-ой. Дома все в порядке?* - В тексте оригинала присутствует опущение части грамматической формы – артикля *the* в первой фразе, глагола *is* – во второй фразе, такого рода конструкции придают тексту характер разговорности, некоторой небрежности, в тексте перевода в принципе такая структура сохранена, но вопрос звучит, скорее как обычный нейтральный вопрос в беседе.

Второй отрывок начинается с реплики, содержащей стандартную формулу вежливости – *I trust everything is to your satisfaction, Mr. Willey.* – *Надеюсь, мистер Уилли, у вас к номеру нет претензий?* Здесь переводчик использует элементы конкретизации – в английской версии *to your satisfaction* – более общая формулировка – «вам все нравится, все в порядке» (дословно); в переводе имеется в виду именно гостиничный номер. *Fine, fine.* – *Да уж, какие претензии.* – В переводе появляется сужение значения и функциональная замена. *As long as you don't improve the plumbing.* – *И особенно незаметно, чтобы вы тут меняли трубы.* – В переводе используется переводческая конверсия или изменение морфологического статуса формы, функциональная замена. Что касается *the plumbing* – *трубы* – вообще-то в английском языке это более широкое понятие – дословно «водопровод, водопроводная система» – так что в переводе снова используется прием конкретизации. *The central heating starting up in the morning is far more reliable than your alarm calls* – *Когда у вас тут включается отопление, звуки такие, словно над ухом прыгает бегемот, страдающий несварением желудка* – весьма интересная реплика с точки зрения переводческого решения – используется полная замена образа, эмфатизация, развернутая метафора, сравнение, хотя в принципе, исходный вариант можно было перевести на русский язык, т.е. эквивалент есть, как, например: «Центральное отопление, которое включается утром, (срабатывает) гораздо надежнее, чем ваши «живые звонки» (или звонки в номер чтобы разбудить гостя)» – но предложенный переводчиком образ

гораздо ярче, ироничнее, абсурднее в конце концов, и это может быть иллюстрацией прагматической направленности перевода – создать максимальное количество смешных, юмористических ситуаций. Да и с точки зрения играбельности – русский вариант кажется гораздо интереснее.

Русский перевод данного отрывка пьесы имеет более конкретный, образный и яркий характер. В нескольких случаях переводчик использует прием расширения значения, генерализации на лексическом уровне, избегая использовать в переводе собственные имена и имена политических деятелей, видимо полагая, что русскоязычной аудитории они будут не столь актуальны и интересны.

Еще одна интересная задача для переводчика – как перевести игру слов? В оригинале автор использует игру слов – *address* – *dress* – но в переводе сохранить игру слов практически невозможно, переводчик оставил смысловой ряд, который фигурировал в предыдущей реплике, и был уже знаком и понятен аудитории. Также в переводе присутствует изменение смыслового ряда и синтаксической конструкции, перестановка компонентов предложения.

«**George:** *Mr. Willey wanted a dress*» [7, с. 39].

«**Джордж:** *Мистер Уилли просил другой наряд. Он имел в виду платье*» [6, с. 21].

Скорее всего, в оригинале было логическое или эмфатическое ударение в устном тексте (на артикль *a*). В этом примере артикль, безусловно, играет не столько грамматическую, сколько смысловую роль, и потому подлежит функциональной компенсации при переводе на русский язык, а поскольку подобной формы нет в русском языке, переводчик использовал в переводе – описательную конструкцию, перевод – объяснение, уточнение, но в тоже время продолжение игры слов – *другой наряд. Он имел в виду платье*.

Проведенный краткий анализ фрагментов пьесы Рэя Куни и их перевод, подтверждает вывод о том, что комедия является ярким примером «комедии положений», совмещает некоторую фривольность языка с реалистичностью «нереалистичных» ситуаций, где герои часто выдают себя за тех, кем не являются, все более и более «запутывая» сюжет. Переводчик, осуществляя прагматическую адаптацию текста, учитывает присутствующие культурные компоненты, реалии, творческую манеру автора, а также играбельность пьесы и целевую аудиторию.

Список использованных источников

1. Олицкая Д.А. Перевод драмы: специфика, проблемы, подходы. Вестник Томского государственного университета 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevod-dramy-spetsifika-problemy-podhody>. (дата обращения 08.06.2020).

2. Левый И. Искусство перевода: монография. М.: Прогресс, 1974. 395 с.

3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): монография. М.: Высшая школа, 1990. 252 с.

4. Зайцева В.А. Межкультурная коммуникация и лингвокультурная адаптация перевода [Электронный ресурс] // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnaya-adaptatsiya-teksta-pri-perevode-predely-vozmozhnogo-i-dopustimogo>. (дата обращения 10.06.2020).

5. Краткий словарь переводческих терминов. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.langinfo.ru/stati-dlja-perevodchika/kratkii-slovar-perevodcheskih-terminov.html> (дата обращения 10.06.2020).

6. Рэй Кунни. Он, Она, Окно, Покойник. Перевод с английского Мих. Мишина. [Электронный ресурс]. URL: http://www.theatre-library.ru/authors/k/kuni_r. (дата обращения 05.07.2020).

7. Coney Ray. Out of Order. [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: <http://www.samuelfrench.co.uk>. (дата обращения 05.07.2020).

8. English-Russian dictionary of English idioms. Англо-Русский словарь английских идиом. [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar-vocab.com/english-russian/idioms-dictionary.html>. (дата обращения 06.07.2020).

9. Сайт Академик. Словари и энциклопедии на Академике. [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru>. (дата обращения 06.07.2020).

10. Англо-русский словарь Мюллера. [Электронный ресурс]. URL: <https://eng-rus-muller-dict.slovaronline.com>. (дата обращения 08.07.2020).

УДК 811.111

СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ В УСЛОВИЯХ ДИСТАНТА НА ЗАНЯТИЯХ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

А. В. Лучникова,

старший преподаватель кафедры английского языка профессиональной коммуникации ФСИЯЛ, Пермский Государственный национальный исследовательский университет; старший преподаватель кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации ПГГПУ, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация. В статье автор рассматривает специфику организации дистанционного обучения в вузе и особенности ее работы на занятиях по английскому языку. Анализируются достоинства и недостатки такого рода обучения и его основные принципы в фокусе преподавания иностранных языков. Приводятся возможные способы повышения эффективности преподавания, к которым автор относит разработку принципиально нового учебного пособия. Уделяется внимание структуре и требованиям по

содержанию учебного пособия, его важности в учебном процессе. Делается вывод о необходимости создания абсолютно новых электронных учебно-методических пособий для реализации всех принципов педагогического процесса.

Ключевые слова: онлайн обучение, традиционное обучение, дистанционное обучение иностранным языкам, учебное пособие, электронный учебник, эффективность обучения, новые информационные технологии.

Summary. The author considers the peculiarities of a distant-learning education in the universities and some features of it in the English class. Some advantages and disadvantages and the principles of this kind of study in the focus of foreign languages teaching are analyzed. Some ways of teaching efficiency increase are taken into account. In addition, the creation of a principally new academic book is thought to be one of the possible way to improve the current situation. The author pays attention to the structure, some content requirements and significance of the student book speaking about the academic process. The conclusion about the necessity of making new academic resources in order to realize all the regulations on the educational process nowadays is drawn.

Key words: distant-learning education, traditional study, an academic book, an electronic resource, the efficiency of teaching, new information technologies.

Весной 2020 учебные заведения страны перешли на удалённый режим обучения в экстренных условиях. Нельзя сказать, что мы не слышали о таком явлении раньше. Но спланированное онлайн обучение имеет определённые черты: это может быть только электронное или смешанное обучение с разными форматами очного и онлайн-форм; затем, темп освоения - удобный, заданный преподавателем с возможностью прохождения части курса в произвольном режиме; количество обучающихся может быть любым. Потом, это может быть исследовательский проект или курс для организации групповой деятельности. Далее, цель оценивания, т.е. определение, на сколько обучающийся готов к новому материалу, диагностика результатов его обучения, накопительная система баллов, определение проблемных обучающихся. Роль преподавателя: от активного взаимодействия со студентами онлайн до незначительного, или полное отсутствие его в онлайн-среде. Роль студента: он активно взаимодействует с другими обучающимися, решает поставленные задачи. И наличие сервисов и оборудования у обеих сторон, без которого данный процесс не имеет смысла.

В нашей ситуации, когда переход на онлайн-обучение был не запланирован, все эти условия должны были быть созданы в кратчайшие сроки, а преподаватели уже должны были иметь опыт использования инструментов и сервисов онлайн режима. Конечно, не все учебные заведения были готовы к этой глобальной перестройке учебного процесса,

имея разный уровень информационной инфраструктуры, обеспеченности дисциплин электронными образовательными ресурсами и готовности преподавателей [5].

При обычном обучении педагог контактирует со студентом, контролирует его. Преподаватель-профессионал «держит» аудиторию не только своей профессионализмом, но и личными качествами. При дистанционном обучении отсутствие контакта и необходимость преподавания «чистых знаний», то есть обязательной информации из программы (грамматика, темы, вокабуляр и т.д.), являются вопросами для дискуссии, если педагог думает о повышении самосознания и мотивации своих студентов. Можно утверждать, что мотивирование студентов с помощью лишь традиционных методов не даст нужного эффекта на дистанционном обучении, а огромное количество социальных сетей и Интернет-ресурсов, которые вызывают интерес молодых людей, является помощью для педагога.

Можно выделить плюсы дистанционного обучения:

1. Возможность хранения и редактирования информации, которую Интернет-ресурсы вмещают, и у нас есть возможность трансформировать или дополнить ее, в отличие от печатных изданий, которые не могут ни дополняться, ни корректироваться. Ещё, учебный материал на бумажном носителе не сравнится со своими электронными «коллегами» в силу того, что электронный материал можно дополнить различными видами наглядности, что тоже является мотивационным фактором.

2. Систематическое общение преподавателя и студента, работа студентов, возможность аудио- и видео общения, позволяют преподавателю создать реальную коммуникативную среду, в которой учащиеся применяют полученные знания.

3. Возможность у молодых людей выбрать для себя темп и время обучения. В современном мире, где время ценнейший ресурс, иногда студенту приходится совмещать учебу с работой. И мы говорим не только о студентах магистратуры, но и о младших курсах. А студенты-заочники даже оказались в выигрыше. Теперь они могут быть на онлайн занятиях и погружаться в языковую среду, которой они были лишены в силу специфики своего обучения.

Существенным минусом такого типа обучения является расстояние между студентами и преподавателем. Проблема в малой мотивации к самостоятельному обучению, недостаточной ответственности молодых людей, когда существует возможность потерять темп обучения без постоянной опеки педагога [3]. Это проблема, конечно, стара как мир, но проявилась как раз при дистанте.

Отсутствие прямого общения между обеими сторонами учебного процесса является порой серьезным психологическим барьером, преодоление которого происходит тяжело, даже при использовании коммуникационных средств, видеоконференций и пр. Многие студенты,

как они сами выражаются, скучают по офлайн занятиям, считая общение через монитор неполноценным. А что уж говорить про преподавателя, который смотрит на черные квадраты в Zoom, иногда даже не зная, кто в данный момент является его слушателем, а кто уже и нет.

Естественно, что есть необходимость в хорошей технической оснащённости. Несмотря на наличие высокоскоростного интернета и современных гаджетов, не у всех студентов и преподавателей имеются данные средства и возможность ими пользоваться. Для этого в нашем Пермском Государственном Научно-Исследовательском Университете были разработаны и проведены масса вебинаров по использованию средств дистанционного обучения и работе на разных платформах для преподавателей, с которыми до сих пор еще идет знакомство.

Сама система дистанционного обучения, включающая в себя: затраты на технику; подготовку педагогических кадров, для работы в новых условиях, готовых применять новые методики, использовать современные программно-технические средства; создание УМК; организацию методической работы, стоит недешево. Стоит учитывать трудоемкость и ограничение по времени на разработку курсов дистанционного обучения, высокие требования к квалификации разработчиков и необходимость привлечения разных специалистов [2].

Все это так, но вернемся к такому плюсу дистанционного обучения иностранным языкам, как возможность выполнять индивидуально-ориентированные задания дома в своем собственном темпе по предоставленному полному комплекту материалов, что позволяет избежать многих традиционных недостатков очных аудиторных занятий: нехватки учебников и раздаточного материала [4].

Поэтому разговор поведем о таком способе повышения эффективности работы со студентами в период дистанта – как о разработке принципиально новых электронных учебно-методических пособий, которые должны быть построены таким образом, чтобы студент мог перейти от деятельности под руководством педагога, к деятельности самостоятельной, к замене контроля самоконтролем. Поэтому они должны содержать подробное описание приемов видов деятельности, критериев правильности решений, рекомендации по эффективному использованию консультаций. Учебник для ДО по английскому языку, например, должен обладать следующими качествами:

- Четкой основной частью курса (определения, основы грамматики), а также логической структурой изложения (последовательность и взаимосвязь юнитов) и наличием глоссария.

- Удобной системой навигации, позволяющей легко перемещаться по курсу, отправлять сообщения преподавателю, переходить в раздел чата.

- Использованием мультимедийных возможностей современных компьютеров и Интернета (графических вставок, анимации, звука и др.).

- Ссылками на электронные библиотеки и на источники информации в сети Интернет и быстрой загрузкой [6].

В новых пособиях текст и после текстовые задания должны сопровождаться озвучиванием, т.е. наличием звучащего текста. Помимо текста можно использовать видео и аудио фрагменты, т.е. погружать студента в искусственно созданную языковую среду, где он может слушать речь, учиться понимать ее на слух, отрабатывать произношение. Такой гипертекстовый учебник включает полный набор мультимедиа средств, применить которые на традиционном занятии может не каждый педагог.

При разработке такого пособия надо опираться на самостоятельную работу студента. Преподаватель разрабатывает график сдачи всех контрольных точек (КТ). Студент может сам организовать свой учебный процесс в удобное для него время с учетом данного графика. Темп будет зависеть от обучающегося. Более того, студентов с высокой мотивацией можно отпустить в его собственный «полет». При точном определении сроков сдачи КТ, наличии удобного пособия вполне нормальна работа со студентами в разном режиме: наименее мотивированные, с недостаточной базой студенты, требующие индивидуального подхода больше, чем другие, работают на одной из онлайн платформ, строго по графику учебных занятий. Студенты, с уровнем языковой подготовки повыше, могут работать и выполнять задания по своему режиму, если это не противоречит цели преподавателя.

Поэтому одним из требований к содержанию современного учебника иностранного языка является разработка заданий, связанных с проектной деятельностью (как групповой, так и индивидуальной). С одной стороны, подобные задания способствуют развитию творческой, исследовательской деятельности, будят заинтересованность в предмете, с другой стороны – способствуют формированию информационно-коммуникационной компетенции, так как в ходе проектного исследования привлекаются образовательные ресурсы Интернета, требующие умения работать с информацией.

Учебник должен содержать напечатанные тексты, чтобы студент мог распечатать их и работать «с карандашом». Всегда в группе найдется любитель подчеркнуть информацию. Для некоторых, в большей степени аудиалов, нужно иметь и текст, и его звуковую версию. То есть, электронный учебник работает на все типы организации личности. По исследованиям педагогов, «на сегодняшний день выявлена закономерность: при комбинировании воздействия (зрительного и слухового) запоминание материала повышается в два раза, а если человек вовлекается в активные действия в процессе изучения, то процент усвоения материала повышается до 75 % и выше. Поэтому мультимедийное воздействие повышает эффективность усвоения материала у обучающегося. Следовательно, разработка ЭУП как мультимедийного комплекса по изучению той или иной дисциплины,

способно повысить процент усвоения материала, создать базис для самоподготовки» [1, с. 153-155].

Говоря об электронных учебниках, можно выделить следующие достоинства: 1. Преподаватель адаптирует пользовательский интерфейс под личные запросы обучаемого, и ответственность ложится на плечи разработчиков учебника, создающих гибкий интерфейс.

2. Мы можем использовать дополнительные средства воздействия - включение в пособие анимации и звукового сопровождения, как уже говорилось.

3. Разработчики должны создать удобный механизм навигации, чтобы быстро перейти к нужному разделу и вернуться обратно, чтобы не запоминать нужные страницы. В электронном пособии, разработанным нашей кафедрой Английского языка профессиональной коммуникации ПГНИУ, можно пометить зеленым цветом те блоки, которые вы уже прошли. Таким образом, студенты, и преподаватели, видят картину учебного процесса: что пройдено, а что еще предстоит изучить.

4. Включение автоматизированного контроля уровня знаний студента, и автоматический выбор соответствующего уровню знаний слоя учебника. Возможны нескольких видов промежуточного и финального контроля в зависимости от уровня группы.

5. Ну и самое сложное – необходимость адаптации изучаемого материала к уровню знаний учащихся, следствием чего является улучшение восприятия и запоминания информации. Адаптация основана на использовании уровневой структуры издания, причем в соответствии с результатами тестирования ученику дают уровень, соответствующий уровню его знаний [7].

С помощью грамотно созданного электронного учебника могут быть по-новому решены такие проблемы обучения, как индивидуализация, мотивация и др., т.к. индивидуализация осуществляется не только за счет разных способов предъявления информации, но и благодаря различным способам прохождения материала. Электронный учебник выступает в роли индивидуального учителя, который помогает студенту найти свой путь изучения предмета с такими методами обучения, как объяснение и комментирование, тренировки и практическое применения учебного материала, т.е. берет на себя функции самого преподавателя.

В электронном учебнике реализуются также основные принципы проблемного обучения. Это осуществляется путем постановки проблемных задач (найти, узнать, понять, выразить мнение и др.), поиска и ориентировки в способах их решения с тем, чтобы студент мог прийти к самостоятельному выводу, и потом на этой основе - к практической деятельности. Такой подход становится все более актуальным. Грамотно построенное учебно-методическое пособие может явиться одним из способов повышения эффективности занятий по иностранному языку в

вузе на период дистанционного обучения и стать неотъемлемой частью учебного процесса при возвращении на учебу в стены вуза.

Список использованных источников

1. Варгашова Ю. А. Электронное учебное пособие как одно из эффективных средств обучения иностранному языку [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2019. № 7 (245). С. 153-155. URL: <https://moluch.ru/archive/245/56576/> (дата обращения: 03.01.2021).

2. Максимов П. В. Повышение эффективности дистанционных форм обучения в технических вузах [Электронный ресурс] // Журнал Современные проблемы науки и образования. 2012. № 3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=6177> (дата обращения: 02.01.2021).

3. Поддубная Я. Н., Мартынова А. С. Особенности мотивирования студентов вузов при обучении английскому языку в условиях дистантного образования [Электронный ресурс]. URL: <https://research-journal.org/pedagogy/osobennosti-motivirovaniya-studentov-vuzov-pri-obuchenii-anglijskomu-yazyku-v-usloviyah-distantnogo-obrazovaniya/> (дата обращения: 02.01.2021).

4. Яшина Н. Дистанционное обучение иностранным языкам как современная технология в педагогике. Рубрика: Инновационное развитие [Электронный ресурс]. URL: <http://iyazyki.prosv.ru/2015/07/distant-education/> (дата обращения: 03.01.2021).

5. Дистанционное обучение в экстремальных условиях [Электронный ресурс]. URL: <https://academia.interfax.ru/ru/analytics/research/4491/> (дата обращения: 02.01.2021).

6. Рекомендации по повышению эффективности дистанционного обучения [Электронный ресурс]. URL: https://studbooks.net/1698911/psihologiya/rekomendatsii_povysheniyu_effektivnosti_distantnionnogo_obucheniya (дата обращения: 02.01.2021).

7. Использование электронных учебников на уроках английского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://infourok.ru/statya-ispolzovanie-elektronnih-uchebnikov-na-urokah-angliyskogo-yazika-2976164.html> (дата обращения: 03.01.2021).

УДК 378.14 + 81'255

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ АУДИОВИЗУАЛЬНОМУ ПЕРЕВОДУ В ВУЗЕ: КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД

Е. Д. Малёнова,

кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы обучения аудиовизуальному переводу в вузах России в рамках подготовки

магистрантов по направлению 45.04.02 «Лингвистика». Ссылаясь на соответствующую нормативную базу, автор отмечает необходимость выработки отдельного компетентного подхода к обучению аудиовизуальному переводу. Автор приводит отдельные группы компетенций, которыми должен обладать выпускник магистратуры, изучавший аудиовизуальный перевод, и кратко поясняет суть компетенций, включенных в каждую группу. В заключении приводятся выводы о необходимости дальнейшего изучения проблемы обучения аудиовизуальному переводу и описываются реальные шаги, предпринимаемые переводческой отраслью для создания рамки компетенций аудиовизуального переводчика.

Ключевые слова: перевод, обучение переводу, аудиовизуальный перевод, АПВ, обучение аудиовизуальному переводу, рамка компетенций.

Summary. The purpose of the article is to highlight the problems of teaching audiovisual translation in Russian universities as a part of the Master's Program in Linguistics, code 45.04.02. Considering the relevant regulatory framework, the author discusses the necessity to formulate a unified competence-based approach to teaching audiovisual translation. The research focuses on six main areas of competence the Master program's graduates specializing in the audiovisual translation are expected to possess. Each area of competence has a number of skills listed. In the conclusion, the author argues that it is necessary to continue the work on exploring the ways audiovisual translation should be taught. The author also gives an example of the real steps aimed at creating an audiovisual translator's competence framework.

Key words: translation, teaching translation, audiovisual translation, AVT, teaching audiovisual translation, competence framework.

Современный мир немыслим без аудиовизуального контента. Нас повсюду окружают экраны, транслирующие различные виды аудиовизуальной информации: экран мобильного телефона, рекламный экран на перекрестке, экран домашнего компьютера или телевизора. Учитывая, что существенная часть аудиовизуального контента, демонстрируемого в России, поставляется из-за рубежа [1], довольно остро встает вопрос обеспечения качества аудиовизуального перевода, представляющего собой сложную, эклектичную, мультидисциплинарную практику по пересозданию аудиовизуального продукта для новой аудитории с учетом ее предпочтений, культурных ценностей, социальных установок, особенностей восприятия, а также разнообразных технических ограничений, накладываемых на переводчика в каждом конкретном случае [1, с. 70–71]. В связи с этим, важно обратить внимание на подготовку кадров в сфере аудиовизуального перевода.

Проблема подготовки аудиовизуальных переводчиков, как в России, так и за рубежом, до недавнего времени заключалась в недостаточной разработке принципов и приемов обучения данному виду перевода. Это объясняется тем фактом, что традиционно профессии аудиовизуального

переводчика обучались *in situ*, а образовательные учреждения не придавали значения необходимости внедрения курсов аудиовизуального перевода в свои учебные планы [3, с. 3]. На фоне серьезного кадрового голода, когда количество опытных аудиовизуальных переводчиков стало недостаточным для обработки того объема контента, который стал поступать на национальные рынки перевода, начали появляться исследования проблем обучения переводу субтитров [4], переводу под дубляж [5], началась разработка интегративной модели обучения аудиовизуальному переводу [6].

О необходимости организации обучения в вузе аудиовизуальному переводу свидетельствует и проект профессионального стандарта «Специалист в области перевода», в котором отдельные трудовые функции посвящены переводу аудиовизуальных произведений (трудовая функция 3.2.5, код В/05.6) и аудиовизуальному переводу для аудиторий с особыми когнитивными потребностями (трудовая функция 3.2.6, код В/06.6) [7]. Указанные трудовые функции относятся к уровню квалификации 6, который подразумевает наличие высшего образования на уровне специалитета или магистратуры, поэтому имеет смысл говорить об организации обучения аудиовизуальному переводу именно в магистратуре. В соответствии с утвержденным Федеральным образовательным стандартом ФГОС 3++ по направлению подготовки 45.04.02 Лингвистика, профессиональные компетенции будущих выпускников определяются Организацией самостоятельно на основе соответствующих профессиональных стандартов [8, с. 9]. Поэтому перед факультетами, осуществляющими подготовку переводчиков, встает важный вопрос: какими компетенциями должен обладать специалист в области аудиовизуального перевода (и, соответственно, преподаватель этой дисциплины)? В связи с этим появляется необходимость выработки отдельного компетентного подхода для преподавания данной дисциплины в вузе.

Анализ указанного профессионального стандарта, собственной практики аудиовизуального перевода и практики преподавания аудиовизуального перевода в Омском государственном университете им. Ф. М. Достоевского, позволил выделить шесть основных групп профессиональных компетенций, которые должны быть сформированы у выпускника, обучавшегося аудиовизуальному переводу, в результате освоения программы магистратуры. Ниже представлен перечень выделенных групп компетенций с частичным обоснованием их содержания.

1. Язык и межкультурная коммуникация.

В данную группу включены компетенции, связанные с высоким уровнем владения родным и иностранными языками, способностью создавать связные тексты на родном и иностранных языках с соблюдением не только формальных требований, но и с учетом специфики целевой

аудитории получателей текста на языке перевода. Аудиовизуальный переводчик должен уметь использовать достаточно широкий репертуар языковых средств, относящихся к конкретному коммуникативному регистру и функциональному стилю, включая не только стилистически нейтральную, но и иную лексику: терминологию соответствующей предметной области, сниженную разговорную лексику, обценную лексику и т.п.

2. Технология перевода.

Данная группа компетенций включает все, что связано непосредственно с осуществлением процесса аудиовизуального перевода, начиная с переводческого анализа аудиовизуального текста, который, учитывая поликодовую структуру такого текста, существенно отличается от традиционного переводческого анализа. Специалист в области аудиовизуального перевода обязан владеть технологиями перевода аудиовизуального произведения как полисемиотического единства с учетом вербальных и невербальных визуальных и аудиальных каналов передачи информации, ориентироваться в специфических ограничениях, накладываемых тем или иным модусом аудиовизуального перевода (субтитрирование, перевод под закадровое озвучивание, перевод под дубляж). Такой специалист должен быть знаком со спецификой оформления текста перевода для его дальнейшей обработки, должен уметь работать с дополнительными материалами (списками ключевых слов и фраз, локализационными листами и т.п.), а также учитывать особенности восприятия аудиовизуального произведения зрителями в зависимости от целевой аудитории и особенностей локализации перевода.

3. Технология обеспечения медиадоступности.

Отдельно необходимо сказать о тех компетенциях, которые связаны с необходимостью обеспечения медиадоступности, подразумевающей под собой технологии создания безбарьерной среды для всех категорий зрителей: аудиодескрипцию (слепых зрителей и зрителей с нарушениями зрения), субтитрирование для глухих и слабослышащих зрителей и сурдоперевод. В рамках этой группы компетенций будущий аудиовизуальный переводчик должен знать основные особенности восприятия аудиовизуальных произведений целевыми аудиториями с особыми когнитивными потребностями и осуществлять переводческий анализ текста с учетом этих особенностей. Переводчик должен уметь определять необходимую степень адаптации аудиовизуального произведения для целевых аудиторий с особыми когнитивными потребностями, осуществлять аудиодескрипцию, выполнять перевод субтитров для глухих и слабослышащих зрителей (SDH), владеть основами русского жестового языка.

4. IT в профессиональной сфере.

Данная группа профессиональных компетенций связана с применением информационных технологий в процессе выполнения

аудиовизуального перевода. Речь идет не только о стандартном программном обеспечении, используемом в переводческой практике (пакет MS-Office или системы памяти переводов), но и о специализированных программах для субтитрирования, перевода под дубляж, обработки медиафайлов. Причем, учитывая современные требования отрасли, специалист в области аудиовизуального перевода должен быть способен оценить эффективность использования того или иного программного средства в зависимости от решаемых профессиональных задач.

5–6. Самоорганизация и саморазвитие; взаимодействие с заказчиком.

В две последние группы профессиональных компетенций были объединены так называемые *soft skills* (мягкие навыки), обеспечивающие успешное участие в производственном процессе и эффективность профессиональных коммуникаций. Здесь необходимо говорить об умении переводчика находить общий язык с заказчиками, неукоснительно соблюдать требования к оформлению текста перевода, так как это напрямую влияет на дальнейший процесс локализации аудиовизуального контента. К данной группе также относятся все компетенции, связанные с самоменеджментом аудиовизуального переводчика: способностью эффективно распределять время работы и отдыха, соблюдать сроки сдачи работ, постоянно повышать собственную квалификацию и расширять как общий, так и профессиональный кругозор.

Необходимо отметить, что все перечисленные выше профессиональные компетенции требуют дальнейшего методического осмысления, подбора дидактических приемов для наиболее эффективного развития указанных компетенций, разработки инструментария для оценки уровня сформированности указанных компетенций в рамках промежуточной и итоговой аттестации. Необходимо отметить, что представители переводческой отрасли, специализирующиеся на оказании лингвистических услуг в области аудиовизуального перевода, также озабочены проблемами формирования вышеперечисленных компетенций у будущих аудиовизуальных переводчиков. Это неудивительно, ведь от качества подготовки выпускника-переводчика будет зависеть качество услуги, оказываемой конечному заказчику перевода, и в конечном итоге репутация переводческой компании. Поэтому в феврале 2021 года была создана рабочая группа, включившая в себя представителей трех крупных российских компаний, основной деятельностью которых является аудиовизуальный перевод (компании «Руфилмс», «SDI Media Россия» и «Альба Мультимедиа»). Цель рабочей группы – разработка рамки компетенций аудиовизуального переводчика, которая поможет вузам при разработке образовательных программ, включающих аудиовизуальный перевод, сформировать матрицу компетенций с учетом требований не только образовательного стандарта, но и переводческой отрасли.

Список использованных источников

1. RNS. В России назвали причину снижения доли российского кино в кинотеатрах. 3 января 2020 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rns.online/it-and-media/V-Rossii-nazvali-prichinu-snizheniya-doli-rossiiskogo-kino-v-kinoteatrah-2020-01-03> (дата обращения 08.03.2021).
2. Малёнова Е. Д. К определению понятия «аудиовизуальный перевод». // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2019. – № 48. – Н. Новгород: НГЛУ, 2019. – С. 64–74.
3. Díaz Cintas J. Introduction: The didactics of audiovisual translation. // The Didactics of Audiovisual Translation. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2008. – С. 1–18.
4. Díaz Cintas J. Subtitling: the long journey to academic acknowledgement [Electronic Resource] // The Journal of Specialised Translation. Issue 1, 2004. – Mode of access: URL: https://jostrans.org/issue01/art_diaz_cintas.php (дата обращения 08.03.2021).
5. Chaume F. Teaching synchronisation in a dubbing course: Some didactic proposals. // The Didactics of Audiovisual Translation. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2008. – С. 129–140.
6. Козуляев А. В. Интегративная модель обучения аудиовизуальному переводу (английский язык): Дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Российский ун-т дружбы народов. – М., 2019. 234 с.
7. Гарант. ру. [Электронный ресурс] // Проект Приказа Министерства труда и социальной защиты РФ "Об утверждении профессионального стандарта "Специалист в области перевода" (подготовлен Минтрудом России 12.11.2019). – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56714265/> (дата обращения 08.03.2021).
8. Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. [Электронный ресурс] // Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – магистратура по направлению подготовки 45.04.02 Лингвистика. – URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Mag/450402_M_3_31082020.pdf (дата обращения 08.03.2021).

УДК 81'25

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ
ПРОБЛЕМА**

Мамедов Д. В. оглы,

обучающийся второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Н. В. Пасекова,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье проанализирована многозначность понятия «дискурс», рассмотрены вид дискурса – политический, охарактеризованы его особенности, очерчены основные функции политического дискурса. Дан краткий обзор трудностей, которые стоят перед переводчиком при работе с политическими текстами при переводе их с английского на русский язык.

Ключевые слова: политический дискурс, дискурс, манипулятивная, информативная, аргументативная, коммуникативная, побудительная функции, перевод политических текстов.

Summary. The article analyzes the polysemy of the concept of "discourse", the type of discourse – political – is viewed, its features are characterized, the main functions of political discourse are outlined. A brief overview of the difficulties that a translator faces while translating political texts from English into Russian is given.

Key words: political discourse, discourse, manipulative, informative, argumentative, communicative, incentive functions, translation of political texts.

Политика занимает важную роль в жизни общества. Политическая коммуникация приобретает черты средств манипулирования сознанием и массового влияния на общество в целом – именно поэтому этот вид коммуникации привлекает внимание многих исследователей, в том числе лингвистов.

Механизмы политического манипулирования приобретают все большее значение, а, следовательно, речь начинает выполнять еще больше функций. Политический текст как главная составляющая политического дискурса имеет свои лингвистические особенности.

Изучению проблем теоретического, методического и практического аспектов политического дискурса посвящены труды многих зарубежных и отечественных ученых: Н. Д. Арутюнова, В. И. Карасик, Тео ван Дейк, Э. Бенвенист, Д. Шиффрин, Н. В. Кочетова, О. В. Ворон, Е. И. Шейгал, Н. Л. Моргун Белл, М. Фуко, Widdensow, Fishman и др.

Впервые термин «дискурс» встречается в работе американского лингвиста Зеллига Харриса в 1952 году. Теория дискурса начала развиваться в 1960-1970 гг. В современной лингвистике нет однозначной трактовки термина «дискурс» (дискурс от фр. Discours – «устная речь», «разговор», «текст»). В научной литературе до 1970-х годов слово дискурс очень часто отождествлялось с понятием текст. Это можно объяснить тем, что и до сих пор не во всех языках существует слово, которое бы соответствовало этому понятию.

Понятие «дискурс» является очень многозначным. Э. Бенвенист объясняет это понятие, как «живая речь, которая предусматривает коммуникативный контакт говорящих и слушателей» [2, с. 64].

Тео ван Дейк, разграничивая понятия «дискурс» и «текст», отмечает, что первое является «активно-произнесённым текстом», второе – «абстрактной грамматической структурой произнесённого»: «Я понимаю дискурс как специфическую форму использования языка и как специфическую форму социальной ситуации» [4, с. 296].

В лингвистическом энциклопедическом словаре текст и дискурс разграничивают следующим образом: текст это изолированная, обособленная от ситуации, законченное речетворческое произведение, дискурс – это текст, который находится в ситуации реального общения, текст в процессе своего создания и развития [5, с. 196].

Таким образом, главная отличительная черта «дискурса» от «текста» – в идее развития и зависимости от экстралингвистических факторов. В структуре дискурса выделяют макроструктуру (глобальную структуру) и микроструктуру (локальную структуру).

Н. Д. Арутюнова утверждает, что «дискурс – связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [1, с. 137].

Как видим, «дискурс» – это сложное коммуникативное явление, которое, кроме текста, включает в себя также и экстралингвистические факторы, то есть знание о мире, опыт, мысли, взгляды, цели адресата, необходимые для понимания текста. Дискурс рассматривают одновременно и как процесс, и как результат (в виде фиксированного текста). Таким образом, ученые отмечают, что важной чертой дискурса в широком смысле является его соотнесенность с конкретными участниками акта (говорящий и слушатель), а также намерением говорящего воздействовать на читателя.

Итак, в лингвистике дискурс трактуют как концепт, который включает в себя динамический процесс языковой деятельности и ее результат.

Учитывая все определения и толкования дискурса, ученые выделяют и исследуют его разновидности: политический, военный, педагогический, юридический, научный, компьютерный и т.д.

Политический дискурс является видом дискурса, ведь он ограничен особой социальной сферой – политикой. В широком понимании политический дискурс охватывает все языковые выражения, действующих лиц, объекты, обстоятельства, время, контекст. [7, с. 99]. Стоит отметить, что политический дискурс не ограничивается только диалогической речью. Он существует в устной и в письменной форме. Устная форма включает

публичные выступления, комментарии, политические обзоры и дебаты, пресс-конференции, интервью, участие в теле- и радиопередачах и т.п.

Письменная форма включает в себя документацию, например, договоры, соглашения, протоколы, а также публикации в средствах массовой информации, агитационные открытки, реклама, буклеты и др.

Политический дискурс имеет очень многофункциональное общественное назначение. Ученые обращают внимание на то, что основная цель политического дискурса – влияние на формирование массового мнения, завоевания и удержания власти. Однако это не единственная его функция. Политический дискурс направлен на информирование населения о политических проблемах, создание почвы для убеждения адресатов. Одной из важных функций этого вида дискурса является внушение определенных взглядов, жизненных ценностей, идеалов общественности (пропаганда). Не менее важной функцией является контроль за распространением информации, убеждения слушателя, побуждение его к определенным действиям с целью достижения политических целей.

В целом, политический дискурс ставит своей целью формировать в социуме именно те мысли, которые необходимы для автора дискурса.

Таким образом, видим, что главными функциями политического дискурса является манипулятивная, информативная, аргументативная, коммуникативная и побудительная функции. Все вышеперечисленные функции реализуются в речи посредством системы профессионально ориентированных знаков, то есть политический дискурс обладает собственным подязыком, а также лексикой, фразеологией и паремиологией [3].

В условиях растущей роли политики и переговорного процесса в мире все крепче становится осознание того факта, что политический дискурс – проблема не только политическая, но и не в меньшей степени лингвистическая и культурная. Политический дискурс апеллирует к иерархии ценностей, актуальной лишь в пределах определенной культуры, для которой политический дискурс собственно создан. Поэтому особую важность приобретает роль переводчика, который должен правильно передать функцию исходного сообщения, его прагматику и эмоциональность.

Прежде всего, переводчик должен правильно интерпретировать исходный текст, а потом начинать поиск средств языка перевода, ведь адекватный перевод не может быть дословным: часто концепты или реалии, отсутствующие в языке перевода, но имеющиеся в оригинале, требуют дополнительных объяснений или толкований, иначе смысл перевода останется непонятным для адресата и не будет иметь на него такое же влияние, как исходный текст. Национально-специфические реалии, особенности речи отдельных политиков, авторские метафоры, неологизмы могут вызвать значительные трудности для перевода.

Главное при переводе текстов, принадлежащих к политическому дискурсу, – установить влияние коммуникативных и прагматических компонентов ситуации общения на стратегии перевода текстов политического дискурса.

Переводной текст должен содержать такие языковые единицы разных уровней, которые, с одной стороны, сохранят четкость и понятность исходного текста, а с другой стороны, вызовут те ассоциации, которые пытался передать автор дискурса.

При передаче текстов политического дискурса переводчику необходимо обладать широкими знаниями в политической сфере, для того чтобы не пропустить скрытый смысл высказывания и донести информацию правильно.

Список использованной литературы

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136–137.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. 276 с.
3. Волобуев К.В. Политический дискурс: его стратегия, тактика и функции [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-diskurs-ego-strategiya-taktika-i-funksii/viewer> (дата обращения 6.12.2020).
4. Дейк Т. А. Язык, познание, коммуникация. М., 1989. 312 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 683 с.
6. Ульянкина О. Ю., Пасекова Н. В. Политический дискурс и особенности его перевода. «Научно-практический электронный журнал «Аллея Науки». 2017. №8. С. 56-59. [Электронный ресурс]. URL: [https://alley-science.ru/domains_data/files/Collection_of_journals/Vypusk%20April%20_8\(2_\).pdf](https://alley-science.ru/domains_data/files/Collection_of_journals/Vypusk%20April%20_8(2_).pdf)
7. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Шейгал Е.И. – 195 с. 13.
8. Busch Andrew E. The constitution on campaign trail: the surprising political career of America's founding document / Rowman & Littlefield Publishers, Inc. USA, 2007. 319 p.

УДК 811.11

КОНСТРУКЦИОННЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И ПЕРЕВОДА

С. Н. Медведева,

*ассистент кафедры теории и практики английского языка и перевода,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург*

Аннотация. Целью данной работы является обоснование эффективности использования конструкционного подхода в практике

преподавания иностранных языков и перевода. Методами исследования послужили анализ и синтез представленной в научных статьях информации для обобщения и систематизации накопленного опыта и обозначения проблематики конструкционного подхода в обучении. В рамках исследования были разграничены понятия ‘коллокация’, ‘конструкция’, ‘фразеологическая единица’, ‘словосочетание’ и ‘коллострукция’, а также перечислены преимущества и недостатки конструкционного подхода применительно к изучению языка.

Ключевые слова: конструкционный подход, конструкционная грамматика, конструкция, корпусные базы данных, преподавание иностранных языков, перевод, коллокация.

Summary. The research focuses on effectiveness of constructional approach to language learning and translation. The methods applied include analysis and synthesis of the information represented in research papers for generalization and systematization of information accumulated over the last years and outlining problematics of constructional approach in language learning. The paper draws the line between the notions of ‘collocation’, ‘construction’, ‘phraseological unit’, ‘word combination’, and ‘collostruction’. The research also contains a list of pros and cons of the constructional approach application to language learning.

Key words: constructional approach, construction grammar, construction, corpora, secondary language teaching, translation, collocation.

Рост объемов информации, изменение условий, в которых происходит образовательный процесс, и активное внедрение электронной информационной образовательной среды, бесспорно, оказывают влияние на процесс обучения. Это в особенности касается практики преподавания иностранных языков и перевода, так как растущие объемы информации, разнообразие источников и ‘недолговечность фактов’ не упрощают, а наоборот, значительно усложняют выбор источников, поиск достоверных данных и принятие решений. Таким образом, есть все основания полагать, что цель современного обучения иностранному языку и переводу в мире, который не стоит на месте, заключается в формировании навыков поиска и критической оценки информации. Иными словами, изменение условий жизни человека в информационном пространстве требует изменений в методике обучения.

Целью данного исследования является обоснование эффективности конструкционного подхода в преподавании иностранных языков и перевода.

В рамках данной работы были поставлены следующие задачи:

1. Обзор современных отечественных и зарубежных исследований в области конструкционной грамматики, корпусной лингвистики и преподавания иностранных языков и перевода.

2. Определение понятия ‘конструкция’ в рамках конструкционной грамматики; разграничение понятий ‘коллокация’, ‘конструкция’, ‘фразеологическая единица’ (ФЕ), ‘словосочетание’, ‘коллострукция’.

3. Обсуждение преимуществ и ограничений конструкционного подхода в преподавании иностранных языков и перевода.

Методы исследования включают в себя анализ информации, представленной в работах, посвященных вопросам конструкционного подхода, роли коллокаций и корпусных баз данных в преподавании иностранных языков. Синтез основных идей, изложенных в рассматриваемых статьях, позволил обобщить и систематизировать накопленный опыт и обозначить проблематику, связанную с применением конструкционного подхода в обучении иностранным языкам.

В современных отечественных исследованиях четко прослеживается необходимость применения конструкционного подхода в преподавании иностранных языков и перевода. Так, И. В. Петросян отмечает, что «на любом языке невозможно говорить отдельными словами и что в производстве речи носители языка пользуются воспроизводимыми словарными блоками» [3, с. 170]. Кроме того, по мнению И. Н. Аксеновой, «коллокационная компетенция должна быть частью иноязычной коммуникативной компетенции, формирование которой является основной целью обучения иностранным языкам» [1, с. 24].

Как можно заметить, в исследованиях по данной теме широко используется понятие ‘коллокация’, а в некоторых исследованиях можно также встретить понятия ‘фразеологическая единица’ и ‘конструкция’. Е. В. Ягунова и Л. М. Пивоварова указывают на то, что «понимание терминов ‘коллокация’ и ‘конструкция’ оказывается различным в зависимости от выбора той или иной парадигмы исследования. Во многих случаях одни и те же единицы могут быть названы и ‘коллокацией’, и ‘конструкцией» [4, с. 569]. Обратимся к рассмотрению вышеперечисленных понятий через историю становления конструкционной грамматики.

Первыми зарубежными исследованиями, выполненными в рамках семантики синтаксиса, которые заложили основы конструкционной грамматики, традиционно считаются работы Ч. Филлмора и П. Кея. Примерно в это же время в отечественной лингвистике велась разработка теории «Смысл \Leftrightarrow Текст» И. А. Мельчука и Ю. Д. Апресяна, также оказавшей значительное влияние на формирование данного научного направления. Конструкционная грамматика пережила свое второе рождение с развитием корпусных баз данных, позволивших не только наблюдать языковые единицы в своем естественном окружении, но и проводить статистическую обработку языкового материала. Таким образом, корпусные базы данных выступают главным инструментом и

источником эмпирического материала в исследованиях по конструкционной грамматике.

В зарубежных исследованиях по конструкционной грамматике широкое распространение получило понятие 'конструкция'. А. Голдберг определяет конструкцию как «языковую единицу, сочетающую в себе языковую форму и значение, которая является единицей знания и складывается из языкового опыта индивида» [7, с. 13–14]. Данное определение носит универсальный характер, поскольку включает в себя как словосочетания, так и отдельные слова, потому что они как раз и обладают и языковой формой, и значением. Таким образом, понятие 'конструкция' охватывает не только единицы лексикона, но и единицы, которые с формальной стороны состоят более чем из одного слова и обладают конвенциональным символическим значением. В свою очередь, конструкции делятся на морфологические (отдельные слова) и синтаксические (словосочетания). Такое определение, прежде всего, связано с концепцией конструктора – представления языка в виде системы взаимосвязанных конструкций. Более того, нельзя не отметить, что в определении А. Голдберг конструкция также обладает динамической лингвокогнитивной природой.

В отечественных исследованиях чаще всего используется понятие 'коллокация'. Несмотря на то, что каждый исследователь в зависимости от поставленных целей стремится дать свое определение данному понятию, общими для коллокации являются следующие характеристики: (1) коллокации состоят из двух и более слов, которые обладают тенденцией к «совместной встречаемости» [6, с. 135]; (2) выделяются в тексте статистическим образом (как правило, количественными методами); (3) являются статистически устойчивыми; (4) обладают некопозициональным значением; (5) слабоидиоматичны; (6) один из конститuentов коллокации подвергается семантической модификации и ограничивается в сочетаемости, в то время как другой компонент не претерпевает изменений и во многом определяет значение коллокации.

Тем не менее, в отечественных исследованиях существуют разные подходы при установлении соотношения понятий 'коллокация' и 'фразеологическая единица'. В некоторых исследованиях как коллокации, так и ФЕ являются статически устойчивыми словосочетаниями, которые характеризуются различной степенью идиоматичности значения и вариативности конститuentов. Коллокации и ФЕ образуют биполярную модель, в которой ФЕ характеризуются высокой идиоматичностью и очень слабо выраженной или отсутствующей вариативностью, а коллокации представляют собой слабоидиоматические выражения, допускающие вариативность своего лексического наполнения.

Разграничивая понятия 'словосочетание' и 'коллокация', А. О. Черноусова указывает на то, что «сочетаемость слов в словосочетании определяется семантикой и категориальной

принадлежностью» [5, с. 58], в то время как для коллокации ведущей является статическая сочетаемость в корпусной базе данных. Это означает, что существование в языке словосочетания **крошечная неразбериха* допустимо, однако оно не будет являться коллокацией, в отличие от выражения *крошечная тьма*. Таким образом, в некоторых исследованиях обнаруживается трехчастная классификация: коллокации – ФЕ – словосочетания.

В результате, можно сделать заключение, что понятие ‘конструкция’ является более широким, чем ‘коллокация’, так как включает в себя не только словосочетания, но и отдельные слова. Конструкция также обладает лингвокогнитивной динамической природой и выступает в качестве единицы хранения, обработки и передачи языковой информации.

Важно, что в отечественных исследованиях при изучении коллокаций акцент делается преимущественно на статистическом критерии, а именно на совместной встречаемости слов в корпусе и лексической сочетаемости, в то время как при работе с конструкциями чаще всего выделяется синтаксическая структура и ограничения, которые она накладывает на семантику своего лексического наполнения.

Отдельного внимания заслуживает понятие ‘коллострукция’, введенное в научный обиход А. Штефановичем и Ш. Грисом. Как следует из названия, данное понятие объединяет в себе не только структурно-семантическую специфику обозначаемого им явления, но также их сочетаемостный потенциал. Кроме того, изучение коллострукций предполагает использование методов лингвистической статистики для определения связи между конститuentами – взаимоисключения (репульсии) и взаимопритяжения (аттракции).

Далее необходимо определить преимущества и недостатки конструкционного подхода к обучению иностранным языкам и переводу. А. О. Черноусова указывает на важную роль коллокаций в письменном переводе, где коллокация выступает «неделимой единицей смысла и перевода» [6, с. 134]. В этом кроется главное преимущество конструкционного подхода, так как, по замечанию И. Н. Аксеновой, «коллокации зачастую зависят от языка и не являются общими для всех языков, а, следовательно, вызывают языковые ошибки и нарушение коммуникации. Таким образом, они могут являться проблемой для изучающего иностранный язык, когда родной язык использует другие коллокации для описания одного и того же предмета/явления» [1, с. 23]. Иными словами, конструкционный подход позволяет преодолеть межъязыковую интерференцию.

Еще одним преимуществом конструкционного подхода является параллельное изучение лексики, грамматики, стилистики и лингвокультурной прагматики через изучение конструкций, что позволяет обучающимся усваивать речекультурные конвенции и изучать «живую речь». Более того, запоминание комплексной структуры конструкций

позволит повысить беглость речи. Принципиально важным в применении конструкционного подхода в преподавании также является постоянная необходимость работы с языковой информацией, что поможет обучающимся не только изучать иностранный язык или перевод, но и научиться самостоятельно искать и критически оценивать информацию, размышлять над ней, приходиться к собственным выводам и аргументировать свою позицию. Очевидно, что конструкционный подход в обучении невозможно представить без использования корпусных баз данных. При этом важно отметить, что корпус имитирует конструктик человека, так как «вероятностный характер носят механизмы обработки (восприятия, понимания) текста человеком» [4, с. 572].

Тем не менее, конструкционный подход в преподавании иностранных языков и перевода не является педагогической панацеей. Так, в письменном переводе одну из проблем составляют низкочастотные и/или окказиональные коллокации. В связи с этим А. О. Черноусова отмечает: «определенные группы ошибок можно избежать, проверяя коллокации по корпусам, но это касается высокочастотных коллокаций и текстов. Корпус <...> позволяет решить некоторые проблемы комбинаторного характера и внести поправки в тех коллокациях, которые вызывают у переводчика сомнения» [6, с. 136]. Кроме того, в конструкционной грамматике достаточно остро стоит проблема релевантности и репрезентативности лингвистического корпуса, в котором ведется работа, так как сведения регулярно обновляются, и не все корпусные базы данных успевают их зафиксировать. И.В. Петросян также указывает на непостоянство и относительность содержащейся в корпусе информации, что налагает дополнительную ответственность на преподавателя иностранного языка, а также на то, что работа с корпусом требует от обучающихся не только необходимых навыков, но и усидчивости и терпения [3, с. 169].

В результате настоящего исследования были разграничены понятия ‘коллокация’, ‘конструкция’, ‘фразеологическая единица’, ‘словосочетание’ и ‘коллострукция’, а также перечислены преимущества и недостатки применения конструкционного подхода к изучению языка. Представляется, что необходимость теоретической подготовки и первичных навыков работы с корпусом делают этот подход малоэффективным на начальном уровне изучения иностранного языка. Внедрение конструкционного подхода также требует экспериментального обоснования его эффективности и качественного учебно-методического реструктурирования дисциплины.

Список использованных источников

1. Аксенова И. Н. Роль коллокаций в формировании лексических навыков речи [Электронный ресурс] // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 24 (181) С. 17–25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-kollokatsiy-v-formirovanii-leksicheskikh-navykov-rechi> (дата обращения 25.01.2021).

2. Павельева Т. Ю. Изучение коллокаций на основе лингвистических корпусов текстов [Электронный ресурс] // Вестник ТГУ. 2016. – №3-4 (155-156). С. 56–61. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-kollokatsiy-na-osnove-lingvisticheskikh-korpusov-tekstov> (дата обращения 25.01.2021).

3. Петросян И. В. Обучение коллокациям современного английского языка [Электронный ресурс] // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2014. №2. С. 161–172. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-kollokatsiyam-sovremennogo-angliyskogo-yazyka> (дата обращения 25.01.2021).

4. Пивоварова Л. М., Ягунова Е. В. От коллокаций к конструкциям [Электронный ресурс] // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2014. № 2. С. 568–617. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-kollokatsiy-k-konstruktsiyam> (дата обращения: 25.01.2021).

5. Черноусова А. О. К вопросу о коллокациях [Электронный ресурс] // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2019. №1. С. 57–64. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kollokatsiyah> (дата обращения: 25.01.2021).

6. Черноусова А. О. Исследование письменного перевода коллокации с русского языка на английский с применением корпусов английского языка [Электронный ресурс] // Вестник ТГПУ. 2018. №2 (52). С. 134–139. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-pismennogo-perevoda-kollokatsii-s-russkogo-yazyka-na-angliyskiy-s-primeneniem-korpusov-angliyskogo-yazyka> (дата обращения: 25.01.2021).

7. Hilpert M. Construction Grammar and its Application to English. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. 220 p.

УДК 81.373.2

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ХРИСТИАНСКИХ ТОПОНИМОВ «РАЙ» И «АД»
В РУССКО- И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ**

Е. В. Михайлова,

*кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет,
Севастополь*

Аннотация. Изучение языковой картины мира является одной из актуальных задач лингвокультурологии. Топоним обладает безусловной лингво- и этнокультурной значимостью, а топонимическая система отражает историко-социальные, языковые и этнокультурные особенности этноса. Статья посвящена ключевым христианским топонимам современного русского и английского языков «Рай» и «Ад» в аспекте взаимоотношения языка и культуры. Автор проводит сопоставительный

анализ различных онимов и фразеологизмов, содержащих данные топокомпоненты, выявляет их взаимосвязь с культурными и религиозными традициями. Использование указанных топонимов в наименованиях городов и местностей в этих странах, а также в именах собственных, их функционирование в устойчивых выражениях отражают ментальность и характер, традиции и обычаи носителей русского и английского языков. Результаты работы, представленные в данной статье, могут быть использованы в лекциях по лингвокультурологии и в области межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: лингвокультурология, английский язык, русский язык, оним, христианский топоним, фразеологизм, топокомпонент.

Summary. The formation of a linguistic model of the world is one of the urgent tasks of linguoculturology. The toponym has an undoubted linguistic and ethnocultural significance, and the toponymic system in a verbalized form reflects the historical, social, linguistic and ethnocultural characteristics of an ethnos. The article is devoted to the key Christian toponyms of the modern Russian and English languages "Paradise" and "Hell" in the aspect of the relationship between language and culture. The author analyzes various onyms and phraseological units containing these topocomponents, reveals their relationship with cultural and religious traditions. The use of specified toponyms in the names of cities and localities in these countries, as well as in proper names, their functioning in stable expressions reflect the mentality and character, traditions and customs of the speakers of the Russian and English languages. The results presented in this article can be applied in lectures on linguoculturology and in the sphere of intercultural communication.

Key words: linguoculturology, the Russian language, the English language, onym, Christian toponym, phraseological unit, topocomponent.

Одной из актуальных задач современной лингвистики является изучение топонимической системы при формировании такой лингвокультурологической и историко-этнологической категории, как языковая картина мира, поскольку топонимы являются неотъемлемой частью лексики любого естественного языка и обладают, несомненно, этнокультурной значимостью. Характерной особенностью топонимики многих европейских стран является распространение христианства в целом и влияние ключевых библейских образов и прочих христианских онимов в частности. Онимы, неразрывно связанные с библейской тематикой, как отмечает Н. Н. Болдырев, «несут в себе свидетельство не только материальной христианской культуры народа, но и глубокого проникновения христианской религии в жизненные устои общества, его ментальность и способы видения мира» [1, с. 13].

Анализ исследований и последних публикаций показал, что ученые проявляют интерес к проблеме влияния библейских сюжетов и персонажей на топонимическую лексику в разных странах (В. В. Алпатов, Н. Н. Болдырев, А. Э. Левицкий, А. Л. Белогуб и др.), а также изучают

концепты религии, представляющие собой христианские топонимы. С. С. Воронцова рассматривала образы рая и ада в фольклорной картине мира [2], Л. В. Путилина и О. Г. Ахвелдиани изучали концепты «Ад» и «Рай» на материале английских и русских интернет-анекдотов [5]. Данная работа является продолжением изучения особенностей функционирования библейских топонимов в топонимической системе европейских государств [3;4] и попыткой лингвистического сопоставительного анализа ключевых христианских топонимов в русско- и англоязычной лингвокультурах.

Два главнейших топонима *Рай* и *Ад* лежат в основе не только христианства, но и множества других религий. В английском языке слово *Рай* переводится как *Paradise*, хотя помимо этого варианта, особенно во многих фразеологических оборотах, также активно используется лексема *Heaven* (др.-англ. *heofon*, означающее «небо»). Русский эквивалент *Рай* не имеет значения «сад»; он происходит от древнеиранского *rāyu* и означает «богатство, счастье». Топоним *Рай*, по христианским представлениям, имеет такие относительные синонимы, как *Царство небесное* (заменяет табуированное выражение *Царство Божие*) и *Эдем*. Топоним *Царство Небесное* встречается в английской лингвокультуре и представлен словосочетаниями *Kingdom of God*, *Kingship of God*, а также эвфемистическими выражениями *Kingdom of Heaven* и *His Kingdom* (во избежание упоминания имени Господа). Понятие *Эдем* (*Едем* или *Эден*) немного дифференцировано и означает «райский сад». С точки зрения религии, это место находится не на небесах, а на Земле. В английском языке для обозначения райского сада используются выражения *the Garden of Eden* или *the garden of God*.

В русской и английской культурах для понятия *Рай* есть эвфемизмы, используемые для более мягкого и корректного сообщения о чьей-либо кончине. В русском языке для этого используется слово *Небеса* (*Он отправился на Небеса*), в английском – *heaven(s)* (*to go to heaven, to heaven, to get into heaven* – «отправиться/попасть на Небеса», а в значении «умирать, быть близким к смерти – *to be knocking on heaven's doors*).

Среди исконно библейских относительных синонимов топонима *Ад*, которые активны в русском языке, существует лишь один: *Геенна*. В английском языке данный топоним (*Gehenna*) обозначает местность около Иерусалима: долину Еннома (Хинном). Понятия *Аваддон* и *Шеол* практически не активны. Среди нарицательных синонимов следует упомянуть такие примеры, как *преисподняя*, *пекло*, *бездна*, *чистилище*, *тартарары* (др.-греч. *Τάρταρος* – название бездны, которая находится ниже подземного царства Аида).

Среди синонимов английского эквивалента *Hell*, используемых чаще в конфессиональной сфере, нежели в разговорной речи, можно отметить *Pandemonium* («столица» ада в эпической поэме Мильтона «Потерянный рай»), *Perdition* (определяет ад, как состояние – «вечные муки», а не местоположение), *Sheol* (обозначает не только ад, но и духовную смерть),

Abaddon (означает царство теней) и *Abyss* (бездна). По своей форме ближе всего к русскому понятию *Ад* стоит оним *Hades* (др.-греч. ᾍδης).

Рассмотрим использование и возможные формы топонимов *Рай* и *Ад* в качестве имен и фамилий. Топоним *Рай* в имена практически не трансформируется, зато представлен во множестве славянских фамилий, образованных от него: *Рай*, *Раев*, *Райский*, *Раевский*, *Райковский* и др. Эти фамилии давались ученикам в духовных училищах, а затем наследовались и вживались в различные языки. Топоним *Эдем* трансформируется только в довольно популярное мусульманское имя *Эдем*, поскольку отображает еще и реалию Корана (сады Эдема). В английском языке встречаются фамилии *Paradise*, *Paradis*, *Parradice*, *Parradyce*, *Parades*, *Pardis*, *Paradine*, *Parad* и др. Фамилии *Heaven* и *Heavens*, хотя и связаны с библейским онимом, но являются валлийским вариантом фамилии (или имени) *Evan(s)*, которая, в свою очередь, происходит от библейского антропонима *Johannes*. Имя *Eden* (одновременно мужское и женское) восходит именно к библейско-христианскому понятию.

Факт отсутствия в русском языке имен и фамилий, образованных от топонима *Ад*, можно объяснить его негативной коннотацией. На первый взгляд кажущаяся логичной фамилия *Адов* на самом деле происходит от древнееврейского женского имени *Ада* (означает «украшение»), которое впервые встречается в Ветхом Завете. В английском языке присутствует большое количество фамилий с корнем *Hell* (*Hell*, *Hellard*, *Hellery*, *Hellewell*, *Helliar*, *Helliker*, *Hellman*), однако по своему происхождению они не связаны с данным библейским онимом, поскольку восходят к древнеанглийскому слову *haeliz*, которое означает «святой» (*holy*).

Фразеологическому обороту *Рай земной* в значении «очень красивое живописное место» в английском языке соответствует полный эквивалент *Heaven on Earth* и варианты *Earthly Paradise* и *Paradise on Earth*, в которых лексема *Paradise* уже несет в себе смысл «земной рай» (тавтология, которая укрепилась в языке). Эквивалентом выражению *Царствие [ему] Небесное*, которое используется для пожелания покойной жизни в раю, в английском языке служит фраза *rest in peace* (*RIP* или *R.I.P.* – «покойся с миром»), однако она не содержит лексем *Heaven*. ФЕ *загрянуть к Богу в Рай* в значении «пропасть, исчезнуть» идентично по смыслу с выражением *загрянуть/провалиться в Тартарары*, оба выражения, несмотря на полярность топокомпонентов, не отличаются по своей коннотации.

Английские ФЕ: *a bundle from Heaven* в значении «новорожденный малыш», *heavens (have) opened* в значении «пошел ливень»; *crosses are adders that lead to heaven* (дословно «кресты – это лестницы, ведущие в рай», подразумевается распятие Христа и имеется в виду, что дорога к счастью идет через трудности); *to move heaven and Earth* (дословно «поменять небеса и Землю местами», т.е. «стараться изо всех сил»), в русском языке не имеют аналогов, содержащих данный топокомпонент.

Фразеологизму с полярным компонентом *Ад*, *исчадие ада* в значении «злой, жестокий человек или злой, капризный ребенок», в английском соответствуют эквиваленты *the Devil incarnate* (Дьявол во плоти или воплощение Дьявола) и *Devil's spawn* (порождение Дьявола), в которых вместо компонента *Hell* активно используется компонент *Devil*. Идиома *ад в груди/на душе* в значении «тяжелые душевные терзания» не имеет в английском эквивалентных выражений. Относительным аналогом для выражения *ад крошечный* в значении «суматоха, невыносимый шум, мучительная жизнь» можно назвать словосочетание *living Hell* (суший ад).

В английском многие идиомы с топокопонентом *hell* синонимичны и их можно распределить по смысловому значению: 1) нереальное условие: *when hell freezes* (дословно «когда ад замерзнет», т.е. никогда), в русском языке следующие поговорки передают данный смысл: *после дождичка в четверг* и *когда рак на горе свистнет*; 2) отсутствие шансов: *cat-in-hell chance* (дословно «столько же шансов, сколько у восковой кошки в аду»), в русском нет аналогов; 3) очень быстро: *like a bat out of hell* (дословно «как летучая мышь из ада»), *quicker than hell* (дословно «быстрее ада»), эквивалентов не найдено; 4) на большом расстоянии: *to hell and gone* (далеко на краю света), *from hell to breakfast* (дословно «от ада до завтрака»), эквивалентов нет; 5) неприятности и трудности: *to smell hell* (хлебнуть горя), *to catch hell* (получить нагоняй); *hell and high water* (тяжкие испытания), русский эквивалент *пройти огонь и воду*. Компонент *hell* часто используется для усиления эмоциональности (придания негативных эмоций): *what (in) the hell, who(in) the hell, where (in) the hell*, а также для усиления выразительности и добавления акцента в сравнительных оборотах: *smart as hell, cold as hell, hot as hell, stupid as hell*.

В современной топонимии славянских и англоязычных стран топонимы с основой *Рай*, *Эдем*, *Paradise*, *Paradies* и *Eden*, как правило, обозначают красивые живописные места, плодородные земли. В России топоним *Рай* преобразовывается в различные ойконимы: деревни *Малый Рай* и *Большой Рай* (Смоленская область), село *Эдемское* (Владимирская область), поселок *Эдем* (Московская область), поселки *Райское*, *Райгородка*, *Рай-Еленовка*, *Райозеро*, *Райполе*, *Райгород*, *Райки* (Украина). В США можно найти 25 городов (2 в Австралии) под названием *Paradise*, 7 городов под названием *Paradise Park*, 6 городов *Paradise Hill*, 4 города *Paradise Hills*, а также 4 города *Paradise Valley*. В Великобритании не принято называть города *Paradise*, но обнаружен район *Eden* в графстве Камбрия. Говоря о топониме *Eden*, в США есть 32 города с таким названием, еще 5 городов *Edenville* и 5 городов *Edenpark*.

В России, в виду суеверий, практически нет ойконимов, содержащих компонент *ад*, зато найдено большое количество гидронимов, означающих труднопроходимые, болотистые, глухие, опасные места: *болото Адово*, *озеро Адовое*, *Адов Водопад*. В США есть город под названием *Hell* (штат Мичиган) и много гидронимов с компонентом *Hell*: *Hell-roaring lake, Hell-*

for-sure lake, Hell hole Swamp, Hell cat lake, также встречаются оронимы – *Hells peak* и *Hell hill, Hell hollow*. В Великобритании (в Шотландии) найдены оронимы *Hell Rock, Hells Mouth* и гидроним *Hell moor Loch*.

Проведенный анализ помог выявить следующие закономерности: библейские онимы «Рай» и «Ад» нашли широкое применение в исследуемых лингвокультурах, причем второй особо популярен именно в английском языке. Активность данного онима в повседневной речи вместе с уникальностью и простотой английского словообразования определяют такое разнообразие топонимов, самое большое количество которых найдено именно в США. Славяне более суеверны, поэтому они всегда стараются избегать таких названий, чтобы защитить себя от злых духов. В англоязычной культуре, также как и в русскоязычной, не распространены фамилии, связанные с онимами в значении «Ад», из-за негативной коннотации. В русском языке компонент *ад* практически не выступает в положительном значении, в то время как в английской лингвокультуре слово *hell* не обязательно передает негативное значение; оно гармонирует практически со всеми другими словами. Большинство найденных в английском языке идиом с данным топокомпонентом не имеют полных эквивалентов и довольно часто их мотивировки совершенно не ясны. Дальнейшие исследования данных топонимов в лингвокультурах стран Большого Средиземноморья считаем перспективным.

Список использованных источников

1. Болдырев Н. Н., Алпатов В. В. Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов. № 4 (017). 2008. С. 5-14.
2. Воронцова С. С. «Ад» и «Рай» в фольклорной картине мира (на материале русского, английского и немецкого языков) // Теория языка и межкультурная коммуникация: Межвузовский сборник научных трудов. №7. 2007. Курск. С. 28-32.
3. Михайлова Е. В. Библейские топонимы в географических названиях Великобритании, США и Крыма // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы конференции. Том 1. М.: ИВРАН, 2020. С. 132 – 137.
4. Михайлова Е. В., Солодова Е. С. Библейские антропонимы в географических названиях Великобритании и США // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы I всероссийской научно-практической конференции. Симферополь: ИТ «Ариал», 2017. С. 266 – 271.
5. Путилина Л. В., Ахвелдиани О. Г. Концепты «Ад» и «Рай» в русском и английском интернет-анекдоте // Балтийский гуманитарный журнал. Т. 7. № 3 (24). 2018. С. 13 – 16.

УДК 81'253

THE PIVOTAL ROLE OF NOTE-TAKING IN CONSECUTIVE INTERPRETING

М. В. Михайловская,

старший преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, Факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Аннотация. Статья освещает роль переводческой записи как вспомогательного вида деятельности при устном последовательном переводе и представляет хронологический обзор существующих систем и подходов к процессу ее ведения. В работе подчеркивается значимость правильного формирования навыка ведения записей, поскольку основной целью его овладения является обеспечение требуемого качества устного перевода. Таким образом, переводческая запись представляет собой эффективный инструмент, формирующийся в ходе практики устного переводчика, который, в свою очередь, адаптирует уже существующие принципы ведения записи и на их основе вырабатывает новые.

Ключевые слова: последовательный перевод, переводческая запись, активное слушание, девербализация, анализ звучащей речи, единицы смысла.

Summary. The study explores the essence and role of note-taking in consecutive interpreting and presents a comprehensive chronological overview of prevailing approaches to taking notes, suggested by outstanding scholars and practitioners. It is posited that acquiring proper note-taking skills is crucial to ensuring the expected quality of interpretation. Hence, note-taking represents an ancillary activity as well as an indispensable tool that the interpreter is developing throughout their entire practice, adapting the fundamentals and working out their own techniques.

Key words: consecutive interpretation, note-taking, active listening, deverbalization, speech analysis, units of meaning.

A well-considered and consistent system of taking notes is one of the key tools that professional interpreters tend to resort to. As rightfully asserted by Irina Zubanova, “note-taking represents a special notation system that allows the interpreter to record on paper, in real time, enough semantic elements of a source speech to rely on while reverbaling the target text in the following seconds or minutes” [1, p. 37].

The development of the main principles and techniques of note-taking is inseparable from the history of the advances of consecutive interpreting as a professional activity. The League of Nations (1919 – 1946) is deemed to have been the venue where interpreting truly bloomed. This period is indelibly associated with such prominent interpreters as Antoine Velleman (who founded the Geneva School of Translation and Interpreting in 1941), Jean Herbert, Robert Confino, André and Georges Kaminker, Georges Mathieu, and others [2,

p. 3]. By that time, it had already become abundantly clear that even the best-trained memories of professional interpreters are not always capable of retaining the source text in its entirety, especially if it is relatively long and abounds with factual information, numbers, and names.

Jean Herbert (Switzerland), Jean-François Rozan (Switzerland), and Rurik Miniar-Beloruhev (USSR) are known as the founding fathers of note-taking. Herbert's 1952 guide for interpreters "Manuel de l'interprète: comment on devient interprète de conférences" is the first educational work to discuss the importance of interpreting notes as an ancillary tool for consecutive interpreting. In his manual, Herbert underlines the connection between the quality of interpretation and the interpreter's notes, clarifies their purpose, and pinpoints their distinctive features in comparison to other methods of writing down a spoken text. He also emphasizes the significance of logical analysis when taking notes, gives recommendations on which language to choose for note-taking, and elaborates on the possibility of using different abbreviations, signs and symbols [5].

It was, however, Jean-François Rozan who first summarized and presented the main rules of note-taking in his guide "La prise de notes en interprétation consecutive" (1956). The system that he proposed consisted of 20 symbols and relied on seven basic principles: 1) noting the idea rather than the word; 2) applying the rules of abbreviation; 3) indicating links; 4) noting negation and 5) emphasis; 6) employing the principle of verticality (stacking as well as using brackets) and 7) shift [7].

In Soviet translation studies, the first works dedicated to interpreters' notes were authored by Rurik Miniar-Beloruhev. His "Uchebnoe posobiye po ustnomu perevodu" [Guide to Interpreting] (1969) and "Zapisi v posledovatel'nom perevode" [Note-taking in Consecutive Interpreting] (1997/2005) are in-depth works focused primarily on translating oral military discourse. Miniar-Beloruhev emphasized that „the process of written recording stimulates cognitive activity and thus implies memorization” and insisted on the importance of semantic analysis during note-taking, the main purpose of which would be “to isolate from the source material the main train of thought, which consists of memory reference points”. These reference points, writes Miniar-Beloruhev, can be determined using three methods: 1) choosing words with the greatest semantic load; 2) transforming lexical material; 3) choosing pivotal words while recording any concepts that are difficult to memorize [2, p. 12].

Modern-day interpreters can benefit from a variety of different systems and approaches to taking notes, all of which are not devoid of their own advantages. However, the efficiency of a particular system remains a purely subjective criterion that each interpreter determines for themselves in the course of their professional practice.

Of particular interest is the method of Danica Seleskovitch, the founder of the so-called Paris School of Interpreting, who approached the study of interpreters' notes and their mnemonic function not only from her own practical

experience, but also from the perspective of experimental psychology, psycholinguistics and gnosiology. The approach suggested by Seleskovitch encompasses the basic principles of “Theory of Sense” and posits that each sign or symbol should convey an entire idea. Moreover, her method does not allow abbreviated words, so as to not be constrained by the linguistic structure of the spoken source text and be able to concentrate instead on its sense chunks. Seleskovitch also believed that there was no inviolable notation system, for all methods and techniques must a priori be flexible and change depending on the interpreter’s needs and experience, both personal and professional [8, 9].

In this regard, one should mention the work of Heinz Matyssek from the University of Heidelberg, who developed a note-taking system (often referred to as the “Heidelberg system”) that aimed to reproduce with relative accuracy the forms and structures of the spoken source text. This system represents a universal interpreters’ language which is supposed to be employable for almost any language combination. Matyssek backed up his system with an extended glossary of symbols that cover whole semantic word groups [6].

Another note-taking system worth mentioning is that of Qjinti Oblitas of the Glendon School of Interpreting in Toronto. In this approach, the spoken source text is divided into logical parts, each of which is separated from the previous one with a line and noted in the form of pictures or mind maps. The sequence of elements in each picture or mind map reflects the sequence of information units of the source text. The gist of the speaker’s words is written down the middle of the page, with clarifications and additions positioned vertically or horizontally next to the relevant elements. The left side of the page is reserved for marking logical links.

A further valuable note-taking system was developed by a professional conference interpreter and AIIC member Andrew Gillies, who also teaches skills enhancement courses (CPD) for in-house and freelance interpreters at the AIIC and the European Parliament. His practical guide “Note-taking for consecutive interpreting: a short course” sheds light on the subtleties and nuances of semantic analysis from the standpoint of taking notes and describes the most effective note-taking techniques (as well as offering a lot of practice material), including systems advanced by some of the aforementioned famed interpreters as well as methods devised by Gillies himself during his career [4].

One can, therefore, logically assert that note-taking represents an ancillary activity as well as an indispensable tool that the interpreter is developing throughout their entire practice, adapting the fundamentals and working out their own techniques. It is important to keep in mind that the interpreter’s notes are not a word-by-word rendition of a spoken text, like dictations or transcripts, and thus differs greatly from shorthand or verbatim reporting, the basic features of which would impede achieving a proper quality of interpretation. In other words, shorthand records words instead of units of meaning, therefore, an interpreter using it would inevitably be forced to render the source text word for word.

It thus becomes evident that an effective note-taking system is not restricted to graphically displaying information on paper, but is primarily based on rapid analysis of the original statement that aims to determine the main sense chunks in order to record those using different types of abbreviations or symbols. Quite justified in this respect is the statement made by Yelena Sladkovskaya that interpreters' notes, „alongside each interpreter's individual notation methods, represent a system that mirrors general patterns of human speech perception and analysis” [3, p. 68].

Accordingly, it seems appropriate to single out the following intrinsic processes involved in note-taking that occur almost concurrently: 1) active listening aimed at grasping the meaning of the entire utterance without isolating individual words; 2) deverbalization at the perception stage that allows the interpreter to break away from the linguistic structure of the utterance and write down not words but whole sense chunks and ideas expressed by the speaker (keeping in mind that names, numbers, professional terminology, neologisms and motivated expressions (particular word choices that the speaker has made for a reason, and that must therefore be respected and given special treatment in the rendition, whereas unnuanced paraphrase would water down the speaker's intended effect) used by the speaker are the best example of transcodables, and thus must not be deverbalized and should be rendered through transcoding, as the Paris school puts it); 3) analysis of the structure of the whole statement with a clear understanding of all the logical links, explicit or implicit, and transitions from one thought to another and their subsequent recording on paper; 4) economic noting of the main units of meaning using a limited repertoire of symbols or abbreviations.

It is therefore obvious that the advantages of training students of interpreting to adequately use note-taking seem to be indisputable. This, however, raises a number of issues pertaining to the teaching process itself: correctly developing note-taking skills amidst such a variety of approaches, choosing the most effective approach, deciding whether to dwell on one particular system at all, or to encourage students to develop their own way of recording central chunks of sense. We find that solving these issues is of paramount importance, seeing as the main goal of mastering interpreting notes is to ensure a high quality of interpretation.

Practice shows that the most effective solution lies in devising an individual style of note-taking that is developed on the basis of pre-existing systems and principles. It does not seem reasonable to completely reject the substantial volume of theoretical knowledge and professional experience that well-known and time-honored note-taking systems rely on, since many questions that aspiring interpreters may have when recording a spoken text have already been answered at length by their prominent predecessors. Nevertheless, the interpreter's notes should remain unique to each person – much like one's handwriting, which varies from person to person even though they are taught the same writing system. For this reason, it is generally accepted that two

interpreters will never have identical sets of notes for the same speech. Learning about existing systems is, in conclusion, an important step in developing note-taking skills.

It is crucial to be bear in mind that training interpreting and note-taking skills should be based on the complementarity principle. One should also emphasize that the skills acquired during note-taking training are not to be assessed by testing the knowledge of specific signs and symbols. Rather, it is the quality of interpretation that allows us to determine how well the skill has been developed and how effective a particular note-taking system is. If the quality of the spoken target text does not meet the expected standard, then it is reasonable to check the notes taken by the student. Among the main mistakes that students make are the following: 1) recording the text word by word, which indicates the need to continue training active listening and semantic analysis skills; 2) lack of logical links; 3) symbols created on the spot that the student cannot quickly decipher during reverbalization; 4) unreadability of notes due to their sporadic nature; 5) inability to abbreviate words and to use the required minimum of symbols and signs.

In conclusion, we would like to note that the importance of developing an efficient and self-contained note-taking system as one of the key tools of the interpreter and the relevance of properly acquiring this skill are not to be understated. A pertinent statement to this effect has been made by the aforementioned Jean-François Rozan: “More often than not, the “greats” will tell you that consecutive interpretation cannot be learnt and that note-taking depends on the personality of the interpreter. I am afraid my experience shows otherwise. If the fundamentals [...] are in place then note-taking can easily be learnt” // “Le plus souvent, les “grands” diront que l'interprétation consécutive ne s'apprend pas et que la prise de notes est fonction de la personnalité de l'interprète. Eh bien, par expérience, je ne suis pas d'accord. Si les données de base du métier [...] existent, la prise de notes peut facilement être assimilée” [7, p. 9]. Naturally, it is hardly feasible to develop one's own note-taking style within a limited period of time, for one's individual approach to recording basic sense chunks of a spoken text is developed and perfected not only throughout the whole training period, but during the entire career of the professional interpreter.

References

1. Zubanova I. V. Skoropis' v posledovatel'nom perevode. Anglijskij jazyk (s audio- i videoprilozheniem). M.: R. Valent, 2016. 216 p.
2. Miniar-Beloručev, R.K. Zapisi v posledovatel'nom perevode. OOO «Izdatel'skij dom «Prospekt-AP»», 2005. 176 p.
3. Sladkovskaya E. N. Osnovnye smyslovye komponenty vyskazyvanija, perevodčeskaja transformacija i zapis' pri posledovatel'nom perevode // Smysl teksta kak ob#ekt perevoda: Sb. nauch. tr. MGPIIJa im. M. Toreza. Vyp. 278. M., 1986. P. 67 –76.

4. Gillies Andrew. 2017. Note-taking for consecutive interpreting. A short course. Second Edition. Oxon/New York: Routledge. 289 p.

5. Herbert Jean. 1952. Manuel de l'interprète: comment on devient interprète de conférences. Genève: Georg.

6. Matyssek Heinz. 1989. Handbuch der Notizentechnik für Dolmetscher: ein Weg zur sprachunabhängigen Notation. Heidelberg: Julius Gross Verlag.

7. Rozan Jean-François. La prise de notes en interprétation consecutive. Genève: Georg. 1956.

8. Seleskovitch Danica. L'interprète dans les conférences internationales. Paris: Lettres Modernes Minard. 1968.

9. Seleskovitch Danica. Langage, langues et mémoire. Paris: Lettres Modernes Minard. 1975

УДК 81`25

АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА ГОВОРЯЩИХ ИМЕН В ИГРЕ «GYAKUTEN SAIBAN» С ЯПОНСКОГО НА АНГЛИЙСКИЙ

А. В. Морозова,

*обучающийся третьего курса бакалавриата кафедры философии,
факультет философии, культурологии и искусства, Ленинградский
государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург*

Аннотация. Целью данной статьи является анализ перевода говорящих имен в игре с точки зрения культурного перевода и культурного переноса. Статья основана на семиотической методологии; в результате предпринятого анализа был сделан вывод, что при переводе имен локализаторы руководствовались принципами адаптации и частично культурного перевода, что привело к культурному переносу.

Ключевые слова: говорящее имя, японский оригинал, английская локализация, перевод, значение имени, адаптация, культура.

Summary. The purpose of this article is to analyze the translation of charactonyms in the game from the point of view of cultural translation and cultural transfer. The undertaken semiotic analysis leads to the conclusion that in translating names the localizers were guided by the principles of adaptation and partly cultural translation, which resulted in cultural transfer.

Key words: charactonym, Japanese original, English localization, translation, name meaning, adaptation, culture.

Gyakuten Saiban – это японская детективная визуальная новелла с элементами квеста. Практически каждый персонаж игры назван говорящим именем, которое отсылает либо на характер персонажа, либо на занимаемое им в сюжете место. ««Говорящие» имена собственные – это вымышленные имена, обладающие особой смысловой нагрузкой, содержащие оценочно-экспрессивные элементы и выполняющие характерологическую функцию в художественных текстах» [1].

Имя персонажа – одно из средств, создающих художественный образ; оно может характеризовать социальную принадлежность

персонажа, передавать национальный и местный колорит. При переводе имен используются такие приемы как транслитерация и транскрибирование, то есть формальное побуквенное воссоздание исходной лексической единицы с помощью алфавита переводящего языка, буквенная имитация формы исходного слова. Другим способом перевода является калькирование – это способ перевода лексической единицы оригинала путем замены ее составных частей – морфем или слов – их лексическими и смысловыми соответствиями в принимающем языке. При переводе имен эти приемы могут быть использованы в сочетании.

Главная цель перевода говорящих имен – передача культурного подтекста и смысла, заложенного в оригинале, чтобы иностранные читатели воспринимали имя так же, как его восприняли носители языка-оригинала.

Главного героя в японском оригинале зовут Рюичи Наруходо (Ryūichi (龍一) Naruhodō). Имя персонажа состоит из двух частей – Ryū и ichi. Говорящей частью имени является первая часть, которая обозначает «дракон (ryū – 龍)». Дракон в японской мифологии – это бессмертная магическая сущность, наполненная силой и уверенностью, а также обладающая мудростью, благородством и нескончаемым запасом энергии. Этими же качествами создатели наделили протагониста, таким образом создав связь между персонажем и мифическим существом.

Фамилия персонажа, Naruhodō, содержит в себе фонетическую игру слов, поскольку происходит из японского слова «naruhodo» – что переводится как «понятно», «верно», «ясно», «действительно». Обычно это слово используется для выражения согласия с собеседником или выражения внезапно пришедшего в голову осознания. Разница между этим словом и фамилией персонажа заключается в произношении последней фонемы, а также в разном иероглифическом написании, однако смысл отсылки, заложенный в фамилию персонажа для человека, знающего японский, очевиден. Фамилия персонажа несет в себе смысл нахождения верного решения в последний момент.

В английской локализации главный герой получил имя Феникс Райт (Phoenix Wright). Смысловая нагрузка, в отличие от оригинала, несколько изменилась, наполнившись дополнительными смыслами, однако не исказила образа главного героя. Феникс в европейской культуре также представляет собой могущественную магическую сущность, подобно японскому дракону, но прежде всего ассоциируется с возрождением и победой над смертью, что не совсем эквивалентно качествам, присущим японскому мифологическому существу. Английские локализаторы в переводе имени сделали акцент на упорстве протагониста, который, с какими бы трудностями он ни сталкивался, «возрождался как феникс из пепла».

Слово «right» в фамилии, с одной стороны, является практически буквальным переводом японского слова «naruhodo», и отсылает к тому же, что и имя в оригинале, с другой – добавляет фамилии персонажа новый смысл. Помимо объединяющего значения «верно», отсылающего к тому же, к чему отсылает фамилия в оригинале, слово «right» несет в себе смысл слова «правда» в значении «истина», отсылая к стремлению главного героя добиться истины и справедливости. В оригинале в фамилию главного героя подобный смысл не закладывался, однако противоречия дополнительная смысловая нагрузка, возникшая при переводе, не порождает.

При переводе имени Рюичи главной стратегией, которой руководствовались переводчики, было калькирование. По сути преобразование Рюичи Наруходо в Феникса Райта является адаптацией, но, тем не менее, передающей основную мысль оригинального имени.

Противостоящего главному герою адвокату прокурора в японском оригинале зовут Мицुरुги Рейджи (Mitsurugi Reiji). Его имя, Mitsurugi, пишется двумя иероглифами – mi – 御 и tsurugi – 剣. Первый из них является суффиксом без особого значения, в то время как второй означает «меч (tsurugi – 剣)». Фамилия персонажа, Reiji, также записывается двумя иероглифами. Первый иероглиф означает «ум (rei – 怜)», в то время как второй – «самурай» и «служить» (ji – 侍). Сочетание в имени иероглифов со значением «меч» и «ум» указывает на «острый, как лезвие меча, ум» персонажа. Семантическое значение словосочетания «острый ум», означающее способность логически мыслить и делать правильные выводы, присуще многим культурам, в том числе и японской. Буквальное, основанное на иероглифах, значение фамилии, резонирует с характером персонажа, его строгостью и служением своему долгу.

В английской локализации персонаж получил имя Майлз Эджворт (Miles Edgeworth). В отличие от Феникса Райта, перевод этого имени при переносе из пространства одной культуры в другую сохранил практически все изначально заложенные в него смыслы. В данном случае имя «Miles» происходит от латинского слова «miles» – одним из значений которого является «солдат», что напрямую связывает имя со смыслом «служение», заложенным в оригинале. Фамилия «Edgeworth» может быть истолкована двумя вариантами, оба из которых будут верны относительно контекста, но один из них будет ближе по смыслу к японскому оригиналу. Первый вариант толкования – это разделение фамилии на составные части, то есть на слова «edge» – острое, и «worth», что является следом к слову «worthy» – достойный. «Острое», как и в японском оригинале, связано с острым умом персонажа, в то время как слово «достойный» представляет персонаж как достойного соперника главному герою в зале суда. Как и в случае с Фениксом, этот вариант толкования перевода добавляет имени

еще один смысловой слой, отсутствующий в оригинале, но не противоречащий контексту.

Второй вариант толкования – представление фамилии «Edgeworth» как фонетического омонима английскому выражению «the edge of the sword» – острие меча, что, как и в оригинале, вновь отсылает к уму. В таком случае, сочетая имя и фамилию, английская локализация получает полный набор смыслов, который был заложен в японском оригинале, без добавления новых.

Главной стратегией, которой руководствовались переводчики при переводе имени Мицуруги, как и в случае с Рюичи, было калькирование. Хотя трансформация Мицуруги в Эджворта и является такой же адаптацией, как в случае с Рюичи и Фениксом, с учетом полной передачи культурных смыслов из пространства одной культуры в пространство другой, адаптация имени Мицуруги ближе всего соответствует культурному переводу.

Перевод имени Рюичи является примером хорошей адаптации, тогда как способ передачи имени Мицуруги почти можно считать примером культурного перевода. Однако смысл, заложенный в имена остальных героев, передан либо частично, либо изменен и не передан вовсе.

Имена главного героя и его главного соперника переведены с сохранением большей части вложенных в оригинале смыслов, и будь они в вакууме, то есть не связанными к культурным особенностям культур реципиента и донора, их можно было бы назвать «адекватными». Адаптация является адекватной стратегией перевода, когда место действия не имеет важной роли в сюжете произведения и от его смены в самом сюжете ничего не меняется, а представитель принимающей культуры не замечает подвоха, поскольку транслирующая культура не играет в произведении большой роли. Однако «Gyakuten Saiban» имеет конкретное место действия, культурные особенности которого оказывают прямое влияние на сюжет и игровые механики.

Действие игры происходит в Японии, и в связи с этим возникает следующая проблема: «Феникс Райт» и «Майлз Эджворт» в Японии жить не могут, только если это не игра про гайдзинов, чем она не является. Английские локализаторы решили проблему просто – перенесли действие игры из Японии в Америку, таким образом подстроив все место действия под уже готовый перевод имен персонажей, по возможности заменив японские культурные реалии на американские. Так, любимыми блюдами одной из героинь игры являются мисо суп и рамэн, что в переводе на английский заменяется гамбургерами. Мисо и рамэн являются такими же яркими маркерами японской культуры, как для американской – гамбургеры; таким образом, произошла подмена одной национальной реалии на другую. Игровые отсылки к японской популярной, и не только, культуре, заменили примерно эквивалентными американскими. Например, в игре фигурирует киностудия, снимающая детский сериал жанра токусацу

(японские сериалы про супергероев), которая в оригинале называется «Eito Satsuei-jo», что является отсылкой к реально существующей в Японии студии «Toei Company», специализирующейся на подобной продукции. В американской локализации студию назвали «Global Studio», что стало отсылкой на «Universal Studios».

Если бы игра не имела более ярких реалий японской культуры, которые заменить никак нельзя, никакого противоречия бы не возникло. Однако, в игре есть более яркие и куда более однозначные проявления японской культуры, заменить которые невозможно. Близкая подруга главного героя, которая проводит с ним большую часть игрового времени, – жрица синтоистского храма, носящая японскую традиционную одежду и религиозные амулеты. Что такая девушка делает в Америке, и почему из Лос Анджелеса на автобусе можно доехать до традиционной японской деревни, остается для игрока загадкой.

Другой пример: на протяжении третьей главы игрок расследует убийство, произошедшее на съемочной площадке токусацу-сериала. Сериал в игре называется «Стальной самурай: воин Новодревнего Токио» и во вселенной игры имеет большую популярность. Но трудно представить, чтобы в американской культуре большую популярность имел сериал про самураев, еще и про «Новодревний Токио», поскольку самурай – это символ героизма в Японии, а не в Америке. В Америке с большей вероятностью огромной популярностью пользовался бы сериал про классических супергероев, вроде Супермена или Человека-паука, а действие происходило бы в Нью-Йорке. Эту культурную реалию заменить не представляется возможным, поскольку пришлось бы переписывать сюжет главы полностью, перерисовывать изображения локаций, спрайты персонажей и пр.

«Gyakuten Saiban» – игра про юристов. Игровой процесс делится на две фазы – расследование и суд. В обеих игровых механиках большую роль играют японское законодательство и японская правовая система. Вся правовая система в игре в целом является сатирой на правовую систему Японии, где процент обвинительных приговоров равен 99%, то есть в случае, если дело дошло до суда – обвиняемый с большой вероятностью будет виновен, тогда как в Америке существует презумпция невиновности, и судебная процедура не обязательно будет иметь результатом обвинительный приговор. На игровых механиках это также отразилось: в игре свидетель может свидетельствовать против себя. В Америке это недопустимо, хотя в Японии является обыденной практикой. Другой пример: в игре главный герой задает свидетелю наводящие вопросы, что можно делать в японском суде, но недопустимо в американском.

Таким образом, из-за переноса действия игры из Японии в Америку игрок не чувствует реальности происходящего. Он замечает явную и довольно грубую подмену одних культурных реалий другими, из-за чего у него возникает ощущение искусственности, неестественности созданного в

игре мира. Ситуацию усугубляет и то, что сквозь эту маску американской культуры, которую локализаторы надели на игру в результате перевода, все равно прорываются яркие атрибуты культуры японской. Следует также отметить, что целевая аудитория «Переворотного суда» – люди, которые хорошо знакомы с реалиями японской культуры. Это явное противоречие и неоднородное смешение двух совершенно разных культур, порождаемое переносом действия игры в пространство другой культуры и тем самым создающее некий странный культурный гибрид, заставило игроков самостоятельно додумать вымышленное место, в котором происходят действия игры, которое они назвали «Японофорния».

Все вышеперечисленные и многие другие примеры свидетельствуют о том, что использованный локализаторами принцип адаптации оказался адекватно применен лишь при передаче имен персонажей, что не позволило создать полноценный культурный перевод, и англоязычный вариант игры представляет собой пример культурного переноса.

Список использованных источников

1. Власова Е. Ю. Адекватный перевод «говорящих» имен собственных в немецкоязычной детской литературе: вып. квал. раб. Екатеринбург, 2018. 91 с.

2. Игра «Guakuten Saiban» на английском и японском [Электронный ресурс]. URL: https://store.steampowered.com/app/787480/Phoenix_Wright_Ace_Attorney_Triology/ (дата обращения: 10.01.2021).

УДК 821.111'25

СОВРЕМЕННАЯ БРИТАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О РОССИИ: ПЕРЕВОД КАК СРЕДСТВО (САМО)УЗНАВАНИЯ

О. А. Москаленко,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет,
Севастополь*

Аннотация. Автор поднимает в статье вопрос о том, какие именно произведения современных британских авторов, где звучит «русская тема», востребованы у русскоязычного читателя. Выделены основные группы переводной литературы, которая относится к т.н. периоду «Россия на переломе» (В. Земсков): шпионские романы, биографии великих русских, публицистика о России/СССР, исторические эпопеи, семейные саги, романы сталинианы и путинианы.

Ключевые слова: имагология, русский миф, компаративистика, образ России, британская литература, историзм, империя.

Summary. In the article, the author dwells upon the problem what kind of the modern British fiction and non-fiction literature with clear Russian theme is popular among the Russian audience. The major groups of British books about

Russia created after Perestroika and widely translated into Russian are identified: spy novels, biographies of notorious Russian people, non-fiction on Russia and the USSR, history epic, family sagas, novels about Stalin and Putin.

Key words: imagology, Russian myth, comparative studies, image of Russia, British literature, historicism, empire.

Как отмечает В. Е. Багно, трудно переоценить значение для гуманитарной науки того ценнейшего материала, который можно почерпнуть из темы «Россия и русские в зарубежной художественной литературе» [2, с. 22]. Интерес народов друг к другу во многом обусловлен глубиной, обширностью и длительностью культурно-исторических связей, хотя «существует неопределенное множество мотиваций интереса любой культуры к другой культуре» [3, с. 98]; при этом особое место занимает взаимное узнавание через литературу британцев и русских, ведь в историческом багаже двух стран – неугасаемая имперская конкуренция на международной арене. Британский литературный миф о русских и России привлекал и продолжает привлекать внимание исследователей, образуя заметный конгломерат в необъятном массиве научной литературы о русской теме в мировой литературе. Имагологическая рецепция, заложенная М. П. Алексеевым, фундаментальный труд которого «Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века)» [1] продемонстрировал значение художественной литературы и публицистики в деле взаимного ознакомления русского и английского народов, получает развитие у отечественных литературоведов Н. Михальской, Л. Хабибуллиной, Т. Красавченко, О. Сидоровой, Б. Проскурнина, Н. Бочкаревой, О. Полякова, О. Поляковой, С. Королевой (Климовой), Н. Соловьевой, А. Ванинской, О. Ушаковой и др.

Тем не менее, невозможно осмысление уже устоявшихся представлений о России в других культурах вне осознания того, что русская/российская самоидентификация и восприятие России/русских в современном мире находятся в теснейшей, неразрывной взаимосвязи. Особый интерес вызывает концептуальная установка, состоящая в том, что «...прямое отношение к теме имеют, конечно, и предшествующие десятилетия, весь XX век, и более того, все русское прошлое, куда уходят корни проблем и истоки образа России в зарубежных культурах» [3, с. 9]. Не только художественное переосмысление текущих событий, но и понимание прошлого России как «пункта референции для истолкования восприятия и построения образа России в других культурах на современном этапе» [3, с. 9] кажется нам отражающим самую суть феномена имагологии как науки. Одним из самых драматических и сложных периодов для России можно считать период с середины 1980-х вплоть до сегодняшних дней, который В. Земсков назвал «Россия на переломе» [3], – генерирующий, кризисный характер переломного момента распада СССР и его геополитических последствий может быть поставлен в один ряд с другими моментами, когда Россия становилась протагонистом

мирового исторического процесса и закономерно вызывала еще больший интерес. При этом красной нитью через имагологическую концепцию Земскова проходит мысль о том, что «человек другой культуры интересен культуре-реципиенту как *такой-же-иной*, она ищет в образах человека другой культуры *другого себя*, с его помощью стремится восполнить свои недостатки, свой дефицит» [3, с. 98].

Постперестроечный период привел к очередному всплеску интереса к русскому мифу, ознаменовав появление в литературе Великобритании произведений, объединенных русской темой, но весьма неоднородных по художественной ценности. Постигание жителями Туманного Альбиона «загадочной русской души» происходит это в тесной взаимосвязи литературы и истории, так как «изображение прошлого определяет общественное самосознание в настоящем» [6, с. 247]. Актуальным становится вопрос, а как в британском зеркале видит себя наш массовый читатель, имеющий возможность знакомиться с образом своей страны только через переводную литературу.

Британская исследовательница-русист Розалинд Марш, рассматривая более десяти лет назад в статье «Литература и история в современной России: глазами Запада» специфику и развитие российской (в том числе, эмигрантской) постперестроечной литературы, сделала акцент на востребованности определенных жанров на постсоветском пространстве, где законы рыночной экономики стали диктовать правила книгоиздания, что вызвало, с одной стороны, расцвет «развлекательного чтения», а с другой, заставило «“толстые журналы” <...> удержать эстетическую планку на должной высоте» [6, с. 249]. Нельзя не согласиться, что в начале XXI в. сходство между литературными ситуациями в России и на Западе очевидно: у каждого сегмента литературы формируется свой читатель, а предметом современной литературы становится личная жизнь, ценности индивида, отодвигая на задний план политическую значимость изображаемых событий [6, с. 250]. Но все же в России по-прежнему сильна установка на органичную взаимосвязь литературы и истории, «историческую одержимость» (an obsession with history) [10], историзм в целом, выливающиеся в привычку узнавать собственную историю из художественных произведений, а не из историографических источников. Р. Марш, тщательно изучавшая литературный процесс на территории бывшего СССР, выделила несколько тенденций в русскоязычной исторической беллетристике: переосмысление советской эпохи ради правдивого воссоздания исторических событий – в горбачевский период; в постсоветский – переосмысление статуса русской нации и ее самобытности, применение исторических методов для исследования философских идей; изображение альтернативных моделей истории; развитие историографической метапрозы; популярность семейных хроник, дневников, мемуаров, вписывающаяся в общемировую тенденцию и обусловленная переоценкой роли личности в истории [6, с. 250–252].

В русских переводах активно выходят произведения, которые западные русисты именуют «нормальной исторической литературой о дореволюционном периоде» [6, с. 252]: в качестве образцов «нормальности» приводятся в том числе романы Питера Акройда, Берил Бейнбридж, Джулиана Барнса. И пусть «русская тема» не становится центральной у Акройда, он отмечает заметное влияние русской культуры и литературы на свое творчество, говорит, что продолжает искать ту прежнюю Россию, дух времен Пушкина, Россию, известную по литературе и кино [9]. Такая увлеченность русской культурой и историей – еще одно свидетельство «готовности англичан принимать Россию» Толстого, Достоевского, Тургенева, Чехова, в которой так заметен духовно-мистический слой русского мифа и близость к самим британцам [4, с. 272–287]. Мы, в свою очередь, воспринимаем мнение иностранцев о нас как крайне важное – и это не просто дань уважения, а традиция конструировать свой собственный образ глазами других. «Взгляд со стороны, взгляд иностранца на все наши местные дела <...> очень нужен» [9] – так комментирует главный редактор российского «Esquire» решение пригласить Акройда для формирования спецвыпуска о России.

Так что выбор издателями произведений для перевода обусловлен не только высокими литературно-художественными свойствами и попаданием в тренд, но и востребованностью, желанием отечественного читателя узнавать, насколько создаваемый авторами образ России прошлого соотносится с собственными представлениями.

Массив британских произведений, созданных с середины 1980-х, ставящих в центр повествования Россию разных эпох, обширен, неоднороден по качеству, постоянно пополняется, но все же может быть дискретно классифицирован. К наиболее заметным группам переводной британской литературы последних десятилетий можно отнести:

– шпионские романы о России до Революции 1917 г., о Советской России, о постсоветской России находят массового читателя в конце XX – начале XXI вв., при том, что «исследовательский интерес к теоретическому осмыслению феномена шпионского романа возникает только в первом десятилетии XXI века» [8, с. 155]. Переведены и изданы значительными тиражами шпионские триллеры Джона Ле Карре (например, роман «The Russia House» («Русский дом» (2002) в переводе И. Гуровой, Е. Рождественской), Фредерика Форсайта («The Icon» («Икона» в переводе К. Ананичевой);

– публицистическую литературу об истории России/СССР, изучающую феномены имперскости, русскости и др. Среди ярких примеров – книги британского советолога и русиста Джеффри Хоскинга («Russia and the Russians» («Россия и русские» в переводе Р. Арсланова, О. Арслановой, Е. Богачевой); «Rulers and Victims. The Russians in the Soviet Union» («Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе» в переводе В. Артемова) и др.);

– биографии великих русских/советских граждан – как беллетризованные, так и документальные. Например, в 2000 г. Саймон Себаг-Монтефиоре опубликовал биографию Потемкина («Potemkin: Catherine the Great's Imperial Partner» («Потёмкин» (2003) в переводе Н. Сперанской, С. Панова); жизнь и судьба Шостаковича положены в основу биографического романа Джулиана Барнса «The Noise of Time» («Шум времени» (2016) в переводе Е. Петровой).

С рубежа 2000-х активно переводится не только массовая, коммерчески ориентированная литература, но и современная британская проза, снискавшая литературное признание самого высокого уровня, благодаря чему русскоязычный читатель может познакомиться с тонкими интеллектуальными размышлениями о роли личности в мировом историческом процессе, о месте русской цивилизации, увидеть не только мифологизированное, иногда лубочное представление о жизни России, а и прикоснуться к литературе постмодернизма, где неумолимая история отступает перед обнажением душ героев, где переосмысливается тема военных противостояний двух империй (например, роман Б. Бейнбридж «Master Georgie» («Мастер Джорджи» (2000) в переводе Е. Суриц).

Тенденция конца XX – начала XXI вв., которую Р. Марш обозначила как «обращение к истории ради романтики» [6, с. 252–253], в полной мере оказалась присуща не только литературе на Западе, но и совпала со вкусами и пожеланиями отечественного читателя, уставшего от реальности и ищущего «славные национальные истоки» [6, с. 253], что породило моду на исторические эпопеи и семейные саги, где история России, Советского Союза повествуется через призму жизнеописаний нескольких поколений, через переплетение судеб русских и английских, американских, французских семей (например, переведена на русский трилогия К. Фоллета «Век» («Century Trilogy», 2010 – 2014).

В отдельную категорию можно выделить произведения так называемой «сталинианы», адресованной, как отмечает Т. Красавченко, западному читателю [5, с. 157], но тем не менее, активно издающейся в русских переводах. Пока по понятным причинам практически не переводятся произведения о современной российской власти, количество которых позволяет по аналогии использовать именование «путиниана» (включает в себя как публицистическую литературу, так и художественные произведения крупной формы). Тем не менее, некоторые образцы весьма интересны с точки зрения конструирования нового мифа о России и вплетения в полотно современного романа русско-английских литературных связей XIX века, как, например, в произведении Майкла Хонига «The Senility of Vladimir P» [7].

Процессы переводческой и литературоведческой рецепции хотя во многом совпадают, все же не синхронизированы. Пока отечественными исследователями введен в научный оборот ограниченный перечень произведений указанного периода: рассматриваются произведения

Фр. Форсайта, Дж. Гарднера, У. Бойда, Дж. Ле Карре, К. Эмиса, М. Брэдбери, Дж. Барнса, Д. М. Томаса, Б. Бейнбридж, П. Лайвли, П. Фицджеральд, Х. Данмор, Э. Д. Миллера, С. Монтефиоре, А. Мердок, Т. Стоппарда, М. Хонига. Но отрадно, что вдумчивый подход критиков, давно отошедших от жесткой полюсной оценочности, базируется на имагологической парадигме, позволяющей вывести взаимное восприятие Великобритании и России за рамки исключительно враждебности.

Список использованных источников

1. Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи (XVIII век - первая половина XIX века). М.: Издательство «Наука», 1982. 863 с.
2. Багно В. Е. Русская тема и русские темы в зарубежной художественной литературе (опыт систематизации) // Русская литература. 2019. № 3. С. 22–30. DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-22-30
3. Земсков В.Б. Образ России в современном мире и иные сюжеты. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Гнозис, 2015. 343 с.
4. Королева С. Б. Миф о России в британской литературе (1790-е – 1920-е годы): диссертация ... доктора филологических наук. Нижний Новгород, 2014. 461 с.
5. Красавченко Т. Н. От мифа к реальности: британская сталиниана от Шоу и Уэллса до Саймона Себага Монтефиоре // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2017. – Т. 4. – № 169. – С. 147–160.
6. Марш Р. Литература и история в современной России: глазами Запада // Россия и Запад в начале нового тысячелетия / под ред. А. Ю. Большакова. Москва: ИМЛИ РАН, 2007. С. 247–268.
7. Москаленко О. А. «Святая простота»: русский «маленький человек» в современной британской литературе // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2020. – Т. 3. – № 209. – С. 86–95. DOI: 10.23951/1609-624X-2020-3-86-95
8. Норец М. В. Жанровая структура английского шпионского романа в современном литературоведении // художественный дискурс: филологический анализ текста. Севастополь: Рибест, 2016. С. 155–192.
9. Питер Акройд: «Меня не интересуют мифы о России» [Электронный ресурс] // Радио Свобода. URL: <https://www.svoboda.org/a/260948.html> (дата обращения 12.01.2021)
10. Wachtel A. An Obsession with History: Russian Writers Confront the Past. Stanford, California: Stanford University Press, 1995. 263 p.

УДК 81`25

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МЕДИАТЕКСТА ИНТЕРНЕТ-СМИ

М. В. Норец,

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Ш. З. Злюфарова,

обучающийся первого курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Целью данной статьи является рассмотрение признаков интернет-СМИ, их основных характеристик и стилистических особенностей, влияющих на процесс и результат перевода. Сделан вывод о том, что в работе с медиатекстом переводчику важно достичь не только семантической, но и коммуникативно-функциональной эквивалентности. В исследовании использованы методы: анализ, обобщение, сравнение.

Ключевые слова: медиатекст, интернет-СМИ, гипертекстуальность, мультимедийность, интерактивность, публицистический стиль.

Summary. This article is devoted to the review of the features of Internet-mass media, their main characteristics and stylistic peculiarities that influence translation process and its results. It is concluded that working with a media text a translator should reach not only semantic but also communicative and functional equivalence. Methods used in the research: analysis, generalization and comparison.

Key words: media text, online media, hypertextuality, multimediality, interactivity, publicistic style.

В современном информационном обществе одним из основных источников информации, сообщающих о свежих новостях и событиях из разных областей жизни, стали электронные средства массовой информации, которые включают в себя новостные сайты, а также электронные версии печатных газет и журналов. Представленная в электронном виде информация постепенно вытесняет печатные издания, непрерывно расширяя круг читателей и возрастные рамки пользователей интернета. В связи с этим в теории и практике перевода существенной становится проблема перевода медиатекста интернет-СМИ.

В широком толковании под «текстом СМИ» или медиатекстом, как отмечает А. С. Микоян, «следует понимать не только газетно-журнальные тексты (т.е. произведения представителей так называемой «пишущей прессы»), но и разнообразные звучащие материалы: радио- и телерепортажи, интервью, различные программы, ток-шоу, фильмы и т.п. – то, что иногда называют “электронной прессой”» [3, с. 443]. Автор отмечает, что в последние десятилетия понятие «электронная пресса» расширилось, включив в себя Интернет, открывающий доступ к большому числу новостных порталов со всего мира.

Несмотря на ряд общих черт интернет-СМИ и традиционных печатных новостных изданий между ними существуют отличия, связанные главным образом с техническими возможностями современных СМИ. К основным характеристикам, присущим интернет-СМИ, относят гипертекстуальность, интерактивность и мультимедийность [1, с. 47–48].

Гипертекстуальность считают основной характеристикой массмедийной интернет-коммуникации. Под этим термином понимается «потенциальная и реализованная возможность нелинейного прочтения текста, а также текстового единства, состоящего из двух или более текстов», а под гипертекстом – текст, представленный в электронной форме и содержащий сноски и ссылки, которые дают возможность нелинейного прочтения текста [2, с. 7]. Таким образом, гипертекстуальность позволяет представить информацию более полно и достоверно, даёт читателю возможность увидеть её не только линейно, как на бумаге, а изнутри с помощью отсылок и логических связей.

Мультимедийность состоит в использовании различных форматов информации таких, как текстовая, звуковая, фото - и видеoinформация в одном источнике для наиболее полного и чёткого представления определённой проблемы либо события.

Интерактивность подразумевает двустороннее взаимодействие с читателем, т. е. интернет-пользователи как правило могут участвовать в обсуждениях новостных сообщений, делиться мнением в режиме реального времени в одном коммуникативном пространстве интернета [1, с. 79]. Интерактивность также часто позволяет посетителям интернет-ресурса корректировать и дополнять статьи. Эту особенность важно учитывать в теории и практике перевода, поскольку редактировать напечатанную газетную статью не представляется возможным в то время, как в интернет-публикации поправки могут вноситься в любое время, нередко даже пользователями сайта. Из этого следует, что имеются риски неправдивой передачи содержания, а также получения недостоверной информации.

Наряду с упомянутыми выше уникальными признаками интернет-СМИ при переводе важно верно определить стиль текста, так как от этого зависят его адресная направленность, стилевые особенности и выбор переводчиком языковых средств. Для обозначения стиля речи, используемой в сфере средств массовой информации, употребляется термин «публицистический стиль», или «газетно-публицистический стиль», или «стиль массовой коммуникации». Г. Я. Солганик и Н. И. Клушина определяют данный стиль как «один из функциональных стилей, обслуживающих широкую область общественных отношений – политических, экономических, идеологических и др.» [4, с. 498]. Таким образом, данный стиль имеет две формы существования: как письменную, что находит отражение в газетах, журналах, интернет-ресурсах, так и устную, что наблюдается на телевидении, радио, в кино, в ораторских выступлениях.

Объединяя в себе две функции языка, публицистический стиль имеет особый, отличный от других функциональных стилей, характер. Наряду с передачей информации публицистический стиль ставит главным образом цель оценки фактов, воздействия. Функция публицистического стиля

заключается не только в информировании, но и в стремлении повлиять на мнение аудитории, убедить её в правильности взглядов автора и склонить на свою сторону. Для достижения данных целей применяются средства, лексика и приёмы других функциональных стилей, что ярче всего проявляется в использовании терминов, эмоционально-окрашенной и разговорной лексики, а порой и жаргонизмов.

Не менее важно отметить, что отношение к информации, представленной в статье, может значительно различаться вследствие пребывания читателей в разной социокультурной среде. В результате перевода могут иметь место лексико-семантические сдвиги, вызывающие изменение адресной направленности и нарушающие прагматическую составляющую оригинала и перевода. Смещение адресной направленности в переводе медиатекста особенно нежелательно, так как изменение установки автора сообщения в данном случае может вызвать отрицательную реакцию общества на определенное событие. Следовательно, в переводе текста СМИ переводчику важно не только передать информационную сторону, но и прагматическую, т. е. следует достичь как семантической, так и коммуникативно-функциональной эквивалентности [3, с. 444].

Таким образом, работа с медиатекстом является для переводчика непростой задачей. В связи с такими характеристиками интернет-СМИ, как гипертекстуальность, мультимедийность, интерактивность, а также стилевыми особенностями СМИ переводчику необходимо качественно и быстро работать с материалом, быть уверенным в правильности понимания прагматики медиатекста и в уместном использовании единиц переводящего языка для верной передачи авторских интенций и атмосферы.

Список использованных источников

1. Лукина М. М., Фомичева И. Д. СМИ в пространстве Интернета: Учебное пособие. М.: Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2005. 87 с.
2. Брысина Е. В. Этнолингвокультурологические основы диалектной фраземики Дона: дис. ... доктора филол. наук. Волгоград, 2003. 543 с.
3. Масалова М. В. Гипертекстуальность как имманентная текстовая характеристика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2003. 23 с.
4. Микоян А. С. Проблемы перевода текстов СМИ // Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов. М.: Альма Матер, Академический проспект. 2008. 760 с.
5. Солганик Г. Я. Публицистический стиль, или газетно-публицистический стиль, или стиль массовой коммуникации // Эффективное речевое общение (базовые компетенции). Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. 499–501с.

УДК 82:161

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА В ЛИТЕРАТУРЕ: К ИСТОКАМ ВОЗНИКНОВЕНИЯ В США***М. В. Норец,****доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь****Н. К. Норец,****кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита, Институт экономики и управления, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Научно-фантастическая литература как жанр обязана своему появлению действиям НТП, гонки вооружений, различным социокультурным влияниям. Научная фантастика многие годы будоражит умы фантастов и литераторов, читателей и публицистов. Она стимулирует развитие новых технологий и стремится к идеалу, рвется в будущее. Утопичность фантастической литературы предопределяет любовь читателей.

Ключевые слова: научная фантастика, научно-фантастическая литература, писатели-фантасты.

Summary. Science fiction literature as a genre appeared due to scientific progress, arms race, different sociocultural influences. Science fiction touches deeply the brains of publicists, literature researches, science fiction authors. It stimulates the development of new technologies and strives to the ideal, runs to the future. Utopianism of the science fiction literature determines love of the readers.

Key words: science fiction, science fiction literature, science fiction authors.

Продолжая серию публикаций касаясь жанра научной фантастики [1], мы задались вопросом о предпосылках возникновения этого жанра и его дальнейшего развития. Наши размышления привели нас к следующему исследованию.

Взор современного человека, как никогда раньше, обращен в будущее. Это не результат отвлеченного интереса к проблемам наших внуков, а важный ракурс изучения и оценки основополагающих проблем современности: ведь совсем недавно человечество так ясно осознало, что без учета уроков громадного исторического опыта прошлого и тенденций, которые смогут реализоваться в полной мере в будущем, сегодняшний день человечества невозможен. Современный человек остро ощущает свою устремленность вперед и свою историческую ответственность перед будущими поколениями.

Эти тенденции особенно ярко проявились в научно-фантастической литературе.

Научная фантастика в первую очередь призвана художественно освещать те проблемы, которые поднимает и разрешает современная действительность. Она проецирует в будущее тревоги художника по поводу едва различимых тенденций, которые могут перерасти в катастрофу вселенского масштаба. Поэтому элемент предупреждения занимает важное место в структуре научной фантастики.

Устремленность в будущее является одной из основополагающих особенностей художественной литературы в целом, и научной фантастики, прежде всего. Научно-фантастическая литература, выполняя сходные с «обычной» литературой задачи, некоторыми своими существенными сторонами отличается от нее. Если «обычная» литература ориентирована на настоящее и прошлое, и только через них на будущее, то научная фантастика непосредственно устремлена в будущее – в третью действительность.

Если говорить об американской научной фантастике, она в основной массе посвящена «отнюдь не реально предвидимому будущему, а будущему, каким оно не должно быть». Как сказал Рэй Брэдбери: «Я не описываю будущее. Я его предотвращаю», «Появление бомбы было как голос свыше, сказавший нам: «Подумайте, подсчитайте все хорошенько и найдите способ жить в мире и согласии друг с другом». Этот голос мы все теперь ясно слышим». Чем большую опасность представляет для человеческого рода биологическая, технологическая, социальная и т.д. тенденции, тем острее мотив предупреждения. При этом научная фантастика приобретает явно антиутопический характер.

Однако откровенная антиутопичность не лишает многие научно-фантастические произведения эстетической значимости: новизна содержания стимулирует писателей-фантастов на поиски новых форм. Значительность темы и прогрессивная мировоззренческая позиция писателя-фантаста во многом способствуют «долгодействию» их произведений. Р. Брэдбери, А. Азимов, К. Саймак и другие известные американские писатели остаются популярными потому, что в своих романах они сумели затронуть путь эпохи, предупредить об опасности развития определенных тенденций. Но ведь чисто тематическая значительность не может обеспечить устойчивость читательского интереса к научной фантастике в течение многих лет. Не в меньшей степени этому способствуют художественные качества научной фантастики [21, С. 167].

Научная фантастика является эстетическим продуктом XX века. Она меньше «обычной» литературы подвержена многовековым эстетическим традициям, поэтому гибче отражает облик современного мира.

В научной фантастике происходит максимальное сближение и «встреча» научного и художественного методов. Однако данное сближение не означает слияние обоих видов познания действительности. В творческом методе научной фантастики превалирует образное познание. Научный метод выступает в ней в качестве необходимого активного фона.

Научная фантастика не копирует реальность, а пересоздает ее путем моделирования. Поэтому творческий метод научной фантастики имеет явно эвристический характер, как при научном познании мира.

Научно-фантастическая литература отличается от «обычной» тем, что она не отражает непосредственно действительность, а дает ее фантастическое преломление либо ее научную и наукоподобную интерпретацию. Фантастическое преломление и научная интерпретация не снижают роль действительности в структуре научной фантастики: чем значительнее проблема действительности, которая преломляется в научно-фантастическом произведении, тем выше его художественная ценность.

Список использованных источников

1. Магалайш же Соуза Остапенко С., Остапенко И. В., Норец М.В. Жанровая классификация научной фантастики // «Переводческий дискурс: междисциплинарный подход»: материалы IV международной научно-практической конференции, Симферополь. 2020. С. 278-283.

2. Начинкина М. А., Норец М. В. Жанровая структура жанровой модификации «Фэнтезийный стимпанк» // I научно-практическая конференция "Переводческий дискурс: междисциплинарный подход" 27 - 29 апреля 2017 года, г. Симферополь. С. 281-285.

3. Норец М. В. Особенности развития жанра фэнтези / М.В. Норец // Материалы заочной научной конференции «Жанрово-стилевые искания в художественной литературе». Астрахань, 25 апреля 2019 г. С. 108-111.

4. Норец М. В., Семенова В. В. Особенности жанровой структуры фантастики // Аллея науки. Т.1. № 2 (18). 2018. С.432-436.

5. Цандекова П. Г., Норец М. В. Фантастическое в творчестве Чайны Мьевиля // Аллея науки. Т.8. № 5 (21). 2018. С. 310-318.

УДК 81.25

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ ЭМИЛИ СЕНТ-ДЖОН МАНДЕЛ «СТАНЦИЯ ОДИННАДЦАТЬ»

М. В. Норец,

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

В. З. Пилиева,

обучающийся первого курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В статье анализируется специфика, а также общие и частные проблемы перевода медицинских терминов в художественном произведении. Рассматриваются источники проблем перевода медицинских терминов на разных языковых уровнях. Статья содержит примеры медицинских терминов из английского и русского языков.

Ключевые слова: медицинский перевод, медицинский термин, художественное произведение, английская и русская терминология.

Summary. The paper analyzes the particularity of translation of medical terms in fiction, trying to distinguish between general translation problems typical for any language combinations and language specific ones. The objective is to reveal origin of problems at different levels of language. This study is based on examples of English and Russian languages.

Key words: medical translation, medical term, fiction, English and Russian terminology.

Перевод с одного языка на другой – это, безусловно, древний вид человеческой деятельности. Успешное выполнение перевода возможно лишь тогда, когда переводчик обладает глубокими всесторонними знаниями языка оригинала и способен отразить в переводе историю, культуру народа, а так же перевести термины из разных сфер употребления [3, с. 8].

Знание иностранного языка на современном этапе воспринимается, как само собой разумеющееся, но чтобы суметь выполнить качественный перевод фоновых знаний недостаточно. [5, с. 5].

На сегодняшних день в мире, где всё развивается очень быстро, разрабатываются новые термины в разных областях. Так же современные тенденции не обходят стороной и медицину. В этой сфере постоянно появляется огромное количество новых понятий, и если переводчик, даже и опытный, не владеет новым медицинским вокабуляром, процесс перевода усложняется.

Термин – это особое слово или словосочетание, которое принято употреблять в специальных условиях, в определенной профессиональной сфере. Термином является словесное обозначение понятия, которое фигурирует в системе понятий определенной области профессиональных знаний. «Термин» и «терминология» – являются ключевыми понятиями в любой сфере науки. Термин сам по себе является самым точным и ясным для понимания научной мысли.

Терминология – это основной сектор любого языка, который тесно связан с профессиональной деятельностью [2, с. 307].

В отличии от простых понятий, научный термин – это факт научного знания, результат теоретического обобщения, который и играет роль интеллектуального инструмента. Термины могут выступать как узкоспециализированными – употребляемые только специалистами в определённой области знаний, так и общепринятыми. Границы между этими двумя видами терминов довольно изменчивы, то есть в связи с развитием культуры, медицины, науки и техники многие термины становятся распространёнными и употребляются не только в речи профессионалов. К примеру такие слова, как hallucinations – галлюцинации; doctor – доктор, врач; flu – грипп; chest – грудная клетка; patient – пациент; diagnosis – диагноз, to take the temperature – измерять

температуру являются уже общеупотребительными, хотя и представляют собой медицинские термины [1, с. 108].

Е. М. Солнцев, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой французского языка Московского государственного лингвистического университета, выявил ряд определённых проблем, которые испытывают переводчики, приступая переводить медицинские тексты, а так же медицинские термины.

Приведём примеры наиболее распространённых проблем по мнению учёного:

1. Иногда для перевода и понимания текста довольно сложными выступают аббревиатуры и сокращенные медицинские термины, встречающиеся в текстах. В своём романе Эмили Сент-джон Мандел использовала аббревиатуры, приведём пример нескольких:

- *ER* – на скорой, скорая помощь;

- *SARS epidemic* – 1)эпидемия ОРВИ, 2)эпидемия атипичной пневмонии, 3)эпидемия ТОРС (1 и 2 перевод из словаря, 3 вариант – готовый перевод произведения).

Эти медицинские термины могут иметь окказиональный характер, т. е. быть выдуманными автором определённого текста. Такие сокращения могут не входить в состав словарей и являются наиболее частой проблемой для переводчиков. Медицинские тексты зачастую изобилуют окказиональными сокращениями, на это указывает Х. Ли-Янке.

2. Точное соответствие медицинского термина с языка оригинала на язык перевода не так просто найти, так как в медицинской сфере частота употребления латинского языка значительно снизилась. Но всё же в художественном произведении «Станция одиннадцать» присутствует подобный пример: *certain momentum* – *определенный импульс*.

3. Быстрое возникновение новейших современных технологий и появление новых терминов так же становится одной из причин, затрудняющих процесс перевода. Данный факт обуславливается тем, что существующие двуязычные словари медицинской терминологии не имеют эквивалентов для перевода таких терминов, а постоянно пополняющиеся онлайн-словари не всегда успевают своевременно фиксировать возникшие термины [6, с. 137].

4. Синонимия медицинских терминов в тексте. По мнению многих терминоведов этот тип семантических отношений языковых единиц, заключающийся в полном или частичном совпадении их значения, считается нежелательным в использовании. Синонимия так же рассматривается как повод для сомнений насчет терминологичности лексических единиц. Е. М. Солнцев отмечает, что, зачастую, медицинское сообщество против стандартизации медицинских терминов, а некоторые предложенные варианты считают неудавшимися с лингвистической точки зрения. Отмечают, что перспектива устранения синонимии в настоящее время маловероятна, так как новшества в данной области внедряются

медленно. [6, с. 132]. Можно выделить следующие синонимы среди аббревиатур, использованных Эмили Сент-Джон Мандел в своём постапокалиптическом романе «Станция одиннадцать» (*Station eleven*):

1. *ER* – на скорой, скорая помощь – *ambulance* – скорая помощь – *EMS* – 1) скорая, 2) неотложная медицинская помощь, 3) служба экстренной медицинской помощи (*emergency medical services*);

2. *CPR* – реанимация (*resuscitation*) – *ICU* – реанимация [4, с. 20].

Проблемой перевода медицинской терминологии так же занимались российские учёные, среди которых Д. В. Самойлов. Специалист заявляет о транслитерировании, как о довольно простом способе перевода терминов. Объектом исследования учёный выбрал английские медицинские термины и их перевод на русский язык. Такой метод перевода исследователь прозвал «вредным». Транслитерацию принято было применять в тех случаях, когда требовалась точность передачи термина или же невозможность передать весь смысл. На самом деле, проблемой является не знание английского и русского терминологического словарного запаса, а так же отсутствие способности понять подлинный смысл слова и желание придать тексту актуальный, заграничный вид [6, с. 133]. Следует отметить, что постоянное употребление такого метода в практике перевода медицинской лексики недопустимо. Такой перевод с помощью транслитерации требует особой точности, когда переводчик должен передать все детали значения слова. Важно то, что все оттенки смысла медицинского термина может передать только общеупомянутое в языке слово, которое имеет ассоциативные связи, единые для всех носителей языка. Например:

1. *A pulse* – пульс;

2. *A patient* – пациент;

3. *A paramedic* – парамедик;

4. *A doctor* – доктор;

5. *A contact* – контакт;

6. *medics* – медики [4, с. 17].

Кандидат педагогических наук, доцент Т.А. Баева указала на одну очень важную и самую значимую проблему, которая может стать причиной трудностей для неопытного переводчика, не имеющего достаточного спектра фоновых знаний в области медицины. Эта проблема касается некоторых лексических единиц, которые являются общеупотребимыми и в медицинском контексте они могут преобразовываться в термины. Следует сделать вывод о том, что проблема перевода медицинских терминов является универсальной и свойственна любому языку, без исключений.

Во время перевода медицинских терминов из постапокалиптического романа «Станция одиннадцать» Эмили Сент-Джон Мандел и сверяя перевод с уже готовым можно увидеть некую разницу.

Таблица 1

Оригинал	Словарь	Готовый перевод
Clear	1. чистый 2. без примеси 3. настоящий	разряд
Attendant	1. обслуживающее лицо 2. служитель 3. спутник	дежурный
CPR	СЛР (сердечно-лёгочная реанимация)	искусственное дыхание и непрямой массаж
ICU	отделение интенсивной терапии	реанимация

Исходя из данных, указанных в Таблице 1 можно говорить о том, что словарный перевод и готовый перевод отличаются.

Все приведённые ранее проблемы перевода в большей степени носят лексико-терминологический характер, когда проблемы грамматики, синтаксиса, стилистики, морфологии являются индивидуальными для каждой языковой пары. Переводчик, который сталкивается с переводом подобной терминологии должен обладать достаточными знаниями в области медицины, а так же в теории перевода, чтобы результат переведённого медицинского текста был точным и адекватным.

Список использованных источников

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М.: Межд. отношения, 1975. 240 с.
2. Добровольский А. В. Энциклопедия «Кругосвет» и возможности её использования. М.: Просвещение, 2007. С. 307–322.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 2001. 253 с.
4. Mandel Emily. Station eleven. New York: Penguin, 2014.
5. Миньяр-Белоручева А. П. Английский язык. Учебник устного перевода: Учебник для вузов. М.: Издательство «Экзамен», 2003. 352 с.
6. Солнцев Е. М. Общие и частные проблемы перевода медицинских текстов // Вестник МГЛУ. 2010. № 9. С. 131–141.

УДК: 82-31

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ШПИОНСКИХ РОМАНОВ ФРЕДЕРИКА ФОРСАЙТА

М. В. Норец,

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Р. А. Сёмченко,

*специалист по учебно-методической работе, Институт филологии,
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

Аннотация. Статья посвящена изучению стилистических особенностей английского шпионского романа на примере творчества Ф. Форсайта. В данной работе представлен анализ следующих романов: «День Шакала» (The Day of the Jackal), «Псы войны» (The Dogs of War), «Четвертый протокол» (The Fourth Protocol). В результате исследования определено языковое своеобразие речи персонажей в художественных текстах Ф. Форсайта на языке оригинала и в языке перевода.

Ключевые слова: Ф. Форсайт, шпионский роман, стилистические особенности английского шпионского романа.

Summary. The article is devoted to the study of the stylistic features of the English spy novel on the example of F. Forsyth's works. This article presents an analysis of the following novels: "The Day of the Jackal", "The Dogs of War", "The Fourth Protocol". As a result of the research, the linguistic originality of the characters' speech in F. Forsyth's literary texts in the original language and in the target language are determined.

Key words: F. Forsyth, spy novel, stylistic features of the English spy novel.

Одним из ярких представителей английского шпионского романа является Фредерик Форсайт. «День Шакала» – один из первых шпионских романов писателя, произвел огромный фурор во всем мире и принес невероятный успех как её автору, так и издателю.

Ф. Форсайт пишет свои произведения живым и доступным языком, не отвлекая внимание от сюжета. Произведения изобилуют диалогами и внутренними монологами героев. Речь персонажей довольно специфична поскольку герои в романах относятся к разным нациям, культурам и социальным группам. Приведем пример из романа «День Шакала» (The Day of the Jackal). События в романе происходят во Франции, соответственно, герои романа также являются французами. Ввиду того, что мы имеем дело с английским шпионским романом, а не с французским, логично что речь всех героев представлена на английском. Однако в репликах на английском языке встречаются фразы на французском: «*Mes Excuses, Monsieur le Ministre. A telephone call for Commissaire Lebel. From London*» [5, p. 122]. «*Bonjour, monsieur. This is your passport*» [5, p. 124]. Прием иноязычного вкрапления в художественное повествование позволил автору сохранить атмосферу французской культуры.

В переводе данного романа В. Вебер передает речь французов следующий образом: «*Извините, господин министр. Комиссара Лебеля к телефону. Звонят из Лондона*» [2, с. 125]. «*Добрый день. Это ваш паспорт?*» [2, с. 127]. Данное решение переводчика, по нашему мнению, можно считать разумным. Оставь он в речи французские слова, не каждый

русскоговорящий читатель смог бы понять текст. Однако для сохранения образов героев, как уроженцев Франции, переводчик оставляет в речи персонажей характерные для французов вежливые формы обращения: «*Будьте любезны, мадам, стакан красного вина. Так чем я могу быть вам полезен, месье?*» [2, с. 146]. «*Далеко ли до замка, мадам?*» [2, с. 147]. «*Я принимаю ваш вызов, месье. Я рад, что вы пришли*» [2, с. 32]. «*Он спросил, нельзя ли ему поговорить с мадемуазель Жаклин*» [2, с. 44]. Переводчик сохраняет дух Франции в речи героев, тем самым давая возможность читателю поверить, что герои действительно являются французами.

Читая роман на русском языке, встречаются диалоги и на иностранном языке:

- *Signor Che?* – *переспросил итальянец.*
- *Il signor francese* Пуатье. Пуатье.
- *Che?* – *повторил голос.*
- *Francese, francese...* – *настаивал парижанин.*
- *Ah, si, il signor francese. Un momento, per favore...*» [2, с. 96]

В данном случае переводчик сохраняет речь персонажей на иностранном языке для русскоговорящего читателя с целью воссоздания недопонимания между героями, владеющими двумя разными языками. Помимо описания проблемы межкультурной коммуникации между двумя иностранцами в романе приводится пример того, как знание нескольких языков помогает полицейскому найти зацепку в расследовании:

- «– *Мне пришла в голову одна мысль.*
- *Выкладываете.*
- *Вы понимаете по-французски?*
- *Нет, а вы?*
- *Да, у меня мать французженка. Убийца, которого ищет ПЖ, проходит под кодовым именем Шакал, так?*
- *И что из этого?*
- *Ну, Шакал по-французски – Chacal. По буквам – С-Н-А-С-А-Л. Понимаете? Нужно быть тупым, как дерево, чтобы выбрать кодовое имя, пусть даже на французском, состоящее из первых трех букв его имени*» [2, с. 124].

В романе «Четвертый протокол» (The Fourth Protocol) иностранцами для англоговорящей аудитории становятся русские. Диалоги русскоговорящих героев автор передает на английском языке, но зачастую с реалиями русской культуры: «*Tomorrow, Friday, the vlasti finished work as early as they could and went to their dachas*» [7, p. 152]. «*Vodka he regarded as an abomination, and pepper vodka even worse*» [7, p. 134]. «*After half a mile down the track, Karpov could make out the lights of the izba, or log cabin, that Borisov favored for his retreat*» [7, p. 135]. Также Ф. Форсайт знакомит читателей с манерой общения людей низкого социального класса. Автор представляет бандитов необразованными и безграмотными уроженцами Ист-Энда, общающимися посредством лондонского просторечья (cockney).

В качестве примера можно привести слова головорезов из лондонского Ист-Энда, которые приехали к торговцу краденным Луису Заблонскому за бриллиантами «Глен»: «*You been bad, Louis. You upset a friend of mine. 'E reckons you've got something of his and 'e wants it back*» [7, p. 41].

В переводе романа «Четвертый протокол» (The Fourth Protocol) В. Саввова сохраняет национальные формы обращения: «*Мистер Престон? Это Дэвид Уинн-Эванс*» [4, с.131]. «*Я вас заверяю, мистер Адриан, с ним ничего не случится*» [4, с. 196]. «*Сэр, извините, но у нас на борту не курят*» [4, с. 20]. «*Я лично передам ваши слова товарищу Григорьеву*» [4, с. 114]. «*...этот загадочный товарищ Семенов и имел что-то при себе, то это что-то должно быть тут*» [4, с. 126]. Благодаря данным маркерам читатель способен определить не только национальную принадлежность героев, но и период, когда использовали подобные обращения в речи (например, времена Советского Союза).

При переводе диалогов между начальством и подчиненным переводчик также сохраняет специфику общения между персонажами. Если в Англии разговор начальника с подчиненным проходит неформально, то в России в более строгой и официальной форме: «*Послушайте, шеф, мы выяснили, кто победил. Меня только наняли сделать работу*» [4, с. 33]. «*Добрый день, босс. Все отлично. Вот разбираемся*» [4, с. 199]. «*Попробуйте-ка меня остановить, босс*» [4, с. 199]. «*— Добрый день, товарищ генерал*» [4, с. 114]. «*Пройдемте со мной, товарищ полковник*» [4, с. 65]. «*Так точно, товарищ генерал-лейтенант*» [4, с. 120]. Таким образом автору удалось создать реалистичный диалог и передать нормы общения двух народов.

В романе «Псы войны» (The Dogs of War) встречаются диалоги между носителями двух разных языков:

«*Sevor Moscar?*»

«*Si*»

«*My name's Brown. I'm the seaman who's got to join his ship here*»

The Spaniard puckered his brows. «Por favor? Que»

«*Brown*» insisted Shannon. «*Toscana*»

The Spaniard's face lightened. «Ah, si. El marinero. Come, please» [6, p. 165].

В данном случае автор представляет беседу на иностранном языке, показывая читателю каким образом два иностранца пытаются преодолеть языковой барьер.

В переводе романа «Псы войны» (The Dogs of War) А. С. Курляндский оставляет иностранные слова в речи героев. Приведем пример:

«*— Waar gaanjy nou? — спросил Дюпре.*

— В Либревиль. Как только они закончат погрузку» [3, с. 8].

««*— Nein, только не частная яхта, прошу вас*», — сказал в трубку Йоханн Шлинкер [3, с. 151].

«– Да, топ аті, наверное ты прав. Нам придется брать убийцу» [3, с. 170].

Сохраняя в переводе речь персонажей на языке оригинала, переводчик показывает принадлежность персонажей к определенной национальности, что способствует более широкому представлению об образах героев. Для русскоговорящего читателя А. С. Курляндский делает сноски с переводом.

Таким образом, можно заключить, что Ф. Форсайт внес огромный вклад в развитие жанра шпионского романа. Введение в повествование исторически фактов, уход от сложных характеров, внимание к деталям, стилевые особенности и мастерски построенный сюжет делают романы автора невероятно захватывающими. В художественных произведениях автор создает реалистичных персонажей и детально описывает их окружение. Каждый персонаж Ф. Форсайта, как и человек в жизни, индивидуальность и речь его также индивидуальна. В романах автора множество диалогов и внутренних монологов героев, которые в полной мере воссоздаются при переводе. Речи персонажей и их образы в языке перевода полностью соответствуют оригиналу.

Список использованных источников

1. Норец М. В. Жанровая доминанта шпионского романа Фредерика Форсайта в период биполярного литературного пространства // Культура народов Причерноморья. Филологические науки: [научный журнал]. Симферополь. № 263 (II). 2013. С. 214-215.
2. Форсайт Ф. День Шакала. М.: Политиздат, 1991. 182 с.
3. Форсайт Ф. Псы войны. СПб: ЭРВИ, 1993. 227 с.
4. Форсайт Ф. Четвертый протокол. Таллин: МАДПР, 1993. 220 с.
5. Forsyth F. The Day of the Jackal. London: Hutchinson & Co, 1971. 176 p.
6. Forsyth F. The Dogs of War. London: Hutchinson & Co, 1974. 189 p.
7. Forsyth F. The Fourth Protocol. London: Hutchinson & Co, 1984. 260 p.

УДК 81'255.2

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ПЕРЕВОДА АЛЛЮЗИЙ В РОМАНЕ Т. ХАРДИ «ТЭСС ИЗ РОДА Д'ЭРБЕРВИЛЛЕЙ»

М. В. Норец,

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Н. Д. Хорунжий,

обучающийся первого курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Данная работа посвящена изучению особенностей функционирования и перевода аллюзий в романе Т. Харди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей». В рамках исследования применялись следующие методы: описательный, сопоставительный, дистрибутивный анализ. В ходе работы было выявлено, что в данном художественном тексте аллюзии выполняют следующие функции: оценочно-характеризующую, окказиональную и создание подтекста. Для передачи аллюзий могут быть использованы следующие переводческие стратегии: подбор эквивалента, импликация, экспликация и опущение.

Ключевые слова: аллюзия, художественный перевод, функционирование аллюзий, перевод аллюзий, Т. Харди, Тэсс из рода д'Эрбервиллей.

Summary. The aim of the work is to consider the specific features of functions of allusions and their translation in T. Hardy's Novel Tess of the d'Urbervilles. The following research methods have been used: descriptive, comparative and distributive analysis. The main functions of allusions in the text are: characterising, evaluating, occasional and creation of subtext. Allusions can be translated by means of implication, explication, functional equivalence and omission.

Key words: allusion, literary translation, function of allusion, translation of allusions, T. Hardy, Tess of the d'Urbervilles.

Одним из широко-используемых Т. Харди художественно-стилистических приёмов в романе «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» является аллюзия. Существует несколько мнений касательно проблемы определения понятия аллюзии. В данном исследовании в качестве основной мы используем трактовку данную И. Р. Гальпериным, согласно которой, «аллюзии — это ссылки на исторические, литературные, мифологические, библейские и бытовые факты» [2, с. 176].

Объектом данного исследования послужили аллюзии в художественном тексте. Предметом исследования послужили особенности функционирования и перевода аллюзий в романе английского писателя Томаса Харди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей».

Согласно И. Р. Гальперину, автор употребляет аллюзии заведомо предполагая, что читатель знаком с отсылаемым явлением. В связи с чем нет нужды указывать аллюзивный источник. Данная особенность представляет определённую трудность при переводе, так как многие аллюзии являются элементами лингвокультуры, и иностранный читатель может попросту их не уловить и не понять.

Многие лингвисты исследовали вопрос классификации аллюзивных единиц. В данной работе мы сосредоточимся на семантической классификации М. Д. Тухарели, согласно которой аллюзии можно разделить на:

1. Имена собственные (антропонимы);

2. Библейские, мифологические, литературные, исторические и прочие реалии;

3. Отзвуки цитат, ходовых речений, контаминации, реминисценции [4, с. 18].

Помимо классификации интересен также вопрос функционирования аллюзий в художественном тексте. Так Е. М. Дронова в свете теории интертекстуальности выделяет следующие функции аллюзий:

1. оценочно-характеризующая,
2. конструктивная,
3. создание подтекста,
4. окказиональные (создание исторической соотнесенности и орнаментальная) [3, с. 13].

В зависимости от типа аллюзии, выполняемой ею функцией и аудитории могут быть использованы различные переводческие стратегии. К ним относятся:

- Подбор эквивалента, который применяется при наличии соответствия в языке перевода. Например «при наличии опубликованного на переводящем языке (ПЯ) перевода текста, из которого заимствована цитата, следует не переводить ее заново, а взять из этого перевода, в сноске указав на автора перевода данной цитаты» [1, с. 65];

- Импликация (имплицитный перевод), являющий собой подбор функционального аналога в языке перевода, «отсылающего читателя к некоему тексту или ситуации, имеющим символическое значение, и способного выполнить тот же набор функций, которые выполняла коммемората в оригинале» [1, с. 74];

- Экспликация (эксплицитный перевод), применяемый в случае если не удалось подобрать функциональный аналог или в том случае если аллюзия «по функции сблизилась с весьма стертым фразеологизмом и используется не для отсылки к первоисточнику, а, скорее, как удобное, ловкое клише» [1, с. 74]. В таком случае возможно её выражения через другие стилистические приёмы (эпитет, сравнение или метафора);

- Переводческий комментарий;
- Опускание.

В произведении Томаса Харди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» довольно часто употребляются библейские аллюзии. Данный тип аллюзий зачастую предполагает перевод путём подбора эквивалента из переведенной версии Священного Писания.

В начале произведения священник, сообщивший главе семейства Дарбейфилд Джеку о его родословной, произносит следующую фразу «*Chasten yourself with the thought of "how are the mighty fallen"*» [6, с. 7]. В данном случае приведен фрагмент цитаты Давида из Ветхого Завета: «*Как пали сильные!*» [5] который выполняет окказиональную и оценочно-

характеризующую функцию, создавая черты исторической соотнесенности сравнимая предков рода д'Эрбервиллей с *Саулом* и *Ионафаном* [5].

«*But, might some say, where was Tess's guardian angel? where was the providence of her simple faith? Perhaps, like that other god of whom the ironical Tishbite spoke, he was talking, or he was pursuing, or he was in a journey, or peradventure he was sleeping and was not to be awaked*» [6, с. 107]. *Тишбайт* — это демон, основанный на пророке *Илии* в еврейской Библии. Ученые оспаривают точное значение этого слова [7]. В данном случае аллюзия выполняет оценочно-характеризующую функцию.

По дороге домой Тэсс встречает художника, который выводит цитаты из Библии, допуская при этом в них незначительные ошибки и добавляя отсутствующие в оригинале знаки препинания: «*THU, DAMNATION, SLUMBERETH, NOT*» [6, с. 116] и «*THOU, SHALT, NOT, COMMIT*» [6, с. 117]. Использование данных аллюзий помогает в создании атмосферы напряженности, а также определенного подтекста. При их переводе необходимо будет сохранить стилистический приём графона, используемый в языке оригинала. Оптимальным может являться вариант: «*ПОГИБЕЛЬ, ТВОЯ, НЕ, ДРЕМЛЕТ*» и «*ТЕБЕ, НЕ, СОТВОРИТЬ*»

Тэсс сравнивается с *Евой*: «*...surely there never was such a maddening mouth since Eve's*» [6, с. 471], а Энджел с *Адамом*: «*Having been lying down in her clothes she was warm as a sunned cat. At first she would not look straight up at him, but her eyes soon lifted, and his plumbed the deepness of the ever-varying pupils, with their radiating fibrils of blue, and black, and gray, and violet, while she regarded him as Eve at her second waking might have regarded Adam..*» [6, с. 249], «*Being so often—possibly not always by chance—the first two persons to get up at the dairy-house, they seemed to themselves the first persons up of all the world. In these early days of her residence here Tess did not skim, but went out of doors at once after rising, where he was generally awaiting her. The spectral, half-compounded, aqueous light which pervaded the open mead impressed them with a feeling of isolation, as if they were Adam and Eve*» [6, с. 191]. Кроме того проводится параллель с ещё одним библейским персонажем, *царицей Савской*: «*When I see what you know, what you have read, and seen, and thought, I feel what a nothing I am! I'm like the poor Queen of Sheba who lived in the Bible*» [6, с. 185].

В данных примерах аллюзии выполняют оценочно-характеризующую функцию, создавая характеристику героини, описывая её, а также создают определенный подтекст, проводя аналогии между основными героями произведения (Тэсс, Энджелом и Алеком) и библейскими персонажами (Евой, Адамом и Дьяволом).

В произведении также встречаются аллюзии-антропонимы. Так Энджел Клер сравнивается с *Петром I* и *Авраамом*. «*It was true that he was at present out of his class. But she knew that was only because, like Peter the Great in a shipwright's yard, he was studying what he wanted to know. He did not milk cows because he was obliged to milk cows, but because he was*

learning to be a rich and prosperous dairyman, landowner, agriculturist, and breeder of cattle. He would become an American or Australian Abraham, commanding like a monarch his flocks and his herds, his spotted and his ring-straked, his men-servants and his maids» [6, с. 183–184]. Данные аллюзии употребляются в комбинации со сравнением и выполняют оценочно-характеризующую функцию, кроме того наблюдается окказиональная функция. Пётр I и Авраам являются известными историческими личностями, в связи с чем при переводе этих аллюзий необходимо использовать устоявшийся в языке перевода вариант перевода антропонима. Если читатель предположительно не знаком с данными персонажами, то возможно добавление сноски с переводческим комментарием.

Помимо этого широко используются литературные аллюзии. Так Энджел резко отвечает Тэсс после её признания: «*You were more sinned against than sinning, that I admit»* [6, с. 339], что является цитатой из пьесы У. Шекспира «*Король Лир*» (*King Lear*), отсылкой на другое произведение английского драматурга является следующий фрагмент: «*He suited the action to the word, and whistled a line of 'Take, O take those lips away.' But the allusion was lost upon Tess»* [6, с. 84], что является песней из пьесы «*Мера за меру*» (*Measure for Measure*). При переводе данных аллюзивных единиц, выполняющих оценочно-характеризующую функцию (говоря о порочности Тэсс в первом случае и её необразованности (не читала Шекспира) во втором), следует использовать подбор эквивалента с последующим указанием источника.

Другим примером литературной аллюзии представлен в следующем диалоге между Алеком д'Эрбервиллем и Тэсс:

«*If I were inclined to joke, I should say, How much this seems like Paradise!*» he remarked whimsically, looking at her with an inclined head.

'What do you say?' she weakly asked.

'A jester might say this is just like Paradise. You are Eve, and I am the old Other One come to tempt you in the disguise of an inferior animal. I used to be quite up in that scene of Milton's when I was theological. Some of it goes—

'Empress, the way is ready, and not long,

Beyond a row of myrtles...

... If thou accept

My conduct, I can bring thee thither soon.'

'Lead then,' said Eve» [6, с. 511].

Алек цитирует английского поэта Джона Милтона и его знаменитое стихотворение «*Потерянный рай*» (*Paradise Lost*), сравнивая себя с Дьяволом, пришедшим искушать её в облики низшего животного (одевшись простым человеком), а Тэсс с *Евой*. В данном случае аллюзии участвуют в создании подтекста, а также выполняют оценочно-характеризующую функцию. Оптимальной стратегией перевода будет являться подбор эквивалента, а также указание источника цитаты в сноске.

Проанализировав примеры употребления аллюзий в художественном тексте можно сделать вывод, что одной из главных проблем перевода аллюзий является их определение в тексте, что невозможно без фоновых знаний переводчика. Другую трудность представляет декодирование читателем переведенной аллюзивной единицы, так как он может обладать знаниями лишь в рамках локальной культуры.

Таким образом, различные типы аллюзий предполагают разные стратегии перевода, так библейские аллюзии, а также аллюзии на знаменитые литературные произведения могут переводиться подбором эквивалента, при условии, что читатель способен их распознать. В связи с этим во избежание смысловых потерь возможно использование переводческого комментария, экспликация, импликация или даже опущение.

Список использованных источников

1. Бузаджи Д. М. Культурно-ассоциативное значение в переводе // Мосты. М.: Р. Валент. 2012. № 3(35). С. 62-74.
2. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. 458 с.
3. Дронова Е. М. Стилистический прием аллюзии в свете теории интертекстуальности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. 24 с.
4. Тухарели М. Д. Аллюзия в системе художественного произведения: Автореф. дис. канд. филол. наук. Тбилиси, 1984. 25 с.
5. 2-я Царств 1 глава – Библия [Электронный ресурс] // Библия онлайн. URL: <https://bible.by/syn/10/1/> (дата обращения 27.01.2021).
6. Hardy, Thomas. Tess of the D'urbervilles. - London: Penguin Classics, 2012. 496 p.
7. Tishbite Biblical Cyclopeda [Electronic Resource] // Mode of access: URL: <https://www.biblicalcyclopedia.com/T/tishbite.html> (дата обращения 27.01.2021).

УДК 811.133.1:39

КОНЦЕПТ «УСПЕХ» В АСПЕКТЕ ГЕНДЕРНОЙ ТЕОРИИ НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР

Т. М. Норец,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

В. В. Небратова,

обучающийся второго курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Цель: изучение лингвокультурных и гендерных

особенностей языковой репрезентации образа успешного человека во французских и американских СМИ. Задачи: определить языковые средства и гендерные особенности объективации успешного человека во французских и американских СМИ. Методы: описательный, метод интерпретативного, контекстуального, и лингвокультурологического анализа.

Ключевые слова: концепт, успех, образ, гендер, лингвокультурология

Summary. The purpose: to study the linguocultural and gender characteristics of the linguistic representation of the image of a successful person in the French and American media. Objectives: to determine the linguistic means and gender characteristics of the objectification of a successful person in the French and American media. Methods: descriptive, method of interpretive, contextual, and linguocultural analysis.

Key words: concept, success, image, gender, cultural linguistics

Понятие «успех» непосредственно связано с понятием «гендер», оно часто определяет положение человека в обществе и ассоциируется с счастливой жизнью как в представлении женщин, так и мужчин. Исторически сложилось различное отношение к мужчинам и женщинам, и причины этих различий связаны со стереотипами и сложившимися социальными нормами, связанными с особенностями конкретной культуры, экономического развития, религии и права [4]. Однако в условиях нынешней глобализации понимание роли, места и функций мужчин и женщин в современном мире кардинально меняются, а старые традиционные установки исчезают.

Особую важность для той или иной культуры имеют универсальные и социально-значимые явления, такие как, например, любовь, семья, успех, карьера, деньги, поскольку они имеют прямое отношение к человеку и его социальному положению, а также связаны с понятием «гендер». Успех считается одним из наиболее подходящих факторов социального статуса человека, и зачастую является формулой счастливой жизни. «Успех» остается недостаточно изученной категорией, как в философском, так и психологическом плане, а её традиционное западно-ориентированное понимание в виде внешнего выражения материального благополучия, карьерного роста и славы не является исчерпывающим, и требует более углублённого анализа [2].

Исследование данного феномена в научном сообществе является актуальным и вызывает особый интерес, так как это связано со стремительно возрастающим желанием человека достичь успеха. Культ успеха в качестве ценностного ориентира существует во многих культурах, однако, именно в американской культуре данный феномен зародился, и для которой он остается основополагающей ценностью и национальной идеей. Ориентация американского общества на успех объясняется историко-экономическими и социокультурными предпосылками

становления американской нации [5]. Этому предшествовали идеи раннего Пуританизма, что послужило основой формирования национального характера и системы ценностей американцев, и определило вектор для развития страны. У американского общества имели развитие такие ценности, как индивидуализм, эгалитаризм, стремление к материальному благосостоянию, непрерывное стремление и любовь к образованию и работе на общее благо, конечной целью которых является приближение к Богу.

Первоначально культ успеха имел исключительно маскулинный характер, т.е. успеха и материального благополучия в основном добивались мужчины европейского происхождения, а деньги и доминирование являлись определяющими характеристиками успешного мужчины. Однако с течением времени, благодаря феминистскому движению за равноправие мужчин и женщин, происходит перераспределение гендерных ролей в европейской и американской лингвокультурах, что способствует развитию как маскулинного, так и фемининного образа успеха.

Гендерные исследования в лингвистике являются особенно актуальными и востребованными на фоне «третьей волны феминизма», начавшейся в период с 1990-х годов и продолжающейся по сегодняшний день [4]. Феномен «успех» обычно представлен образами «self-made man» и «self-made woman», а также связан с понятиями американской мечты и американского индивидуализма, которые стали ключевыми для американского успеха. В современных реалиях «американская мечта» отражает господство материальных благ жизни над духовными (обладание частной собственностью, дорогим автомобилем, высокой зарплатой, служебным положением и т.д.), однако, амбициозность и целеустремленность все также остаются актуальными и приоритетными факторами счастливой и успешной жизни американцев [3].

Что касается отношения французского человека к успеху, то проведенное исследование французским журналом *Psychologie Positive* показало, что приоритеты французов со временем изменились в сторону человеческих ценностей, ставя во главу семью и друзей, гармонию с собой и окружающим миром [6]. Таким образом, для французов финансовый аспект в достижении успеха уходит на второй план, а деньги являются лишь средством, необходимым для базовых потребностей жизни.

Было установлено, что феномен успеха не особенно ценится во французской культуре, а говорить об успешных персонах, как правило, не принято, поскольку как таковая культура успеха во Франции отсутствует [1]. Таким образом, из-за глобального влияния США на страны Европы ценности французов и американцев во многом совпадают, однако, главным отличием французов от американцев в изучении данного феномена является ориентированность больше на семейные и духовные ценности, и личное счастье в достижении успеха.

Принимая во внимание специфику наполнения феномена «успех», а также тот факт, что носителем успеха является индивид, то целесообразной была репрезентация данного феномена в виде когнитивного сценария (КС). Проанализировав образ успешного человека в американской и французской лингвокультурах, нам удалось создать когнитивный сценарий успешного человека современного периода для обоих гендеров, и выделили в рамках сценария инициальную, медиальную и финальную части, которые также содержат в себе обязательные и вариативные эпизоды.

В ходе исследования было установлено, что когнитивный сценарий «успешный американский мужчина XXI в.» имеет сложную структуру, и содержит 14 эпизодов: «humble background» (незнатное происхождение), «severe test» (тяжелое испытание), «education» (образование), «hard work» (тяжелая работа), «goal setting» (установка цели), «achievement» (достижение), «long work experience» (большой опыт работы), «career development» (карьерное развитие), «foundation of smth.» (создание чего-л.), «big appointment» (высокая должность), «goal fulfillment» (исполнение цели), «award» (награда), «high income» (высокий доход), «popularity» (популярность); когнитивный сценарий «успешная американская женщина XXI в.» имеет такое же количество эпизодов: «education» (образование), «severe test» (тяжелое испытание), «hard work» (тяжелая работа), «career development» (карьерное развитие), «new idea» (новая идея), «foundation» (создание), «profitability» (прибыльность), «achievement» (достижение), «recognition» (признание), «big appointment» (высокая должность), «high income» (высокий доход), «contribution» (вклад), «popularity» (популярность), «being the first» (быть первой). Общими для обоих гендеров являются 9 эпизодов: инициальной части: «education», «severe test», «hard work»; медиальной части: «achievement», «career development», «foundation»; и финальной части: «big appointment», «high income», «popularity».

Отметим, что эпизоды когнитивных сценариев незначительно расходятся, а именно инициальные эпизоды достижения успеха – «humble background», «goal setting», и эпизоды финальной части – «goal fulfillment», «award», которые не распространены так широко в КС успешной американской женщины. Характерными для данного сценария являются медиальные эпизоды «profitability», «recognition», и эпизоды финальной части – «contribution», «being the first», которые отсутствуют в цепочке КС успешного американского мужчины. Также выделим обязательные эпизоды для КС успешной американской женщины «contribution», для мужчины – «achievement».

Было выявлено, что современная американская женщина разносторонне развивается и пробует свои силы в новых отраслях, активно достигает успеха в разнообразных областях, в том числе, покоряя исключительно мужские сферы деятельности. Успешная женщина

производит революцию и является новатором в своем деле, она умело сочетает семейную и профессиональную жизнь, посвящая себя выстраиванию карьеры. Соответственно, отличительной дискурсивной характеристикой успешной женщины является *first* – первая, *only* – единственная, *pioneer* – первопроходец. Это подтверждается наличием эпизода «new idea», характерного для когнитивного сценария «успешная американская женщина», отличительным также является отсутствие эпизода «goal setting» в отличие от КС «успешный американский мужчина», это объясняется тем, что мужчины более характерным является установка цели и стремление к её достижению, в то время, как у женщины в достижении успеха этот элемент отсутствует.

Когнитивный сценарий «успешный французский мужчина XXI в.» также обладает сложной структурой, он состоит из 13 эпизодов: «affaire familiale» (семейное дело), «éducation» (образование), «talent» (талант), «grande expérience» (большой опыт), «développement de carrière» (карьерное развитие), «post importante» (высокая должность), «fondation» (создание), «reconnaissance» (признание), «haute position» (высокое положение), «réalisation» (достижение), «popularité» (популярность), «revenue» (доход), «récompense» (награда); количество эпизодов КС «успешная французская женщина XXI в.» аналогично: «affaire familiale» (семейное дело), «éducation» (образование), «être la première» (быть первой), «épreuve» (испытание), «grande expérience» (большой опыт), «fondation» (создание), «post importante» (высокая должность), «innovation» (новшество), «haute position» (высокое положение), «popularité» (популярность), «récompense» (награда), «réalisation» (достижение). Общими для обоих когнитивных сценариев являются 9 эпизодов: два эпизода инициальной части: «éducation» и «affaire familiale»; три эпизода медиальной части: «grande expérience», «fondation», «post importante»; и четыре эпизода финальной: «réalisation», «haute position», «popularité», «récompense». Следует упомянуть, что эпизод «revenue» в КС успешной французской женщины не является широко распространенным, это объясняется, на наш взгляд, стремлением женщины внести свой вклад и обрести влияние в достижении успеха, тогда как для мужчины важным является получение высокого дохода. Несмотря на некоторые трудности, связанные с гендерными предрассудками, французской женщине также как и американской, труднее достичь высот, однако, она стремится к лидерству и признанию, проявляя себя и развиваясь в разнообразных сферах деятельности, а также желает быть первой. Французская женщина покоряет мужские профессии, производит революцию, строя выдающуюся карьеру, и занимая важные посты. Она также является новатором, привносит свежие идеи и новшества в свою деятельность. Отличительными дискурсивными характеристиками являются *première* (первая), *pionnière* (первооткрыватель). Характерным только для КС «успешная французская женщина» является эпизод «innovation».

Эпизоды когнитивных сценариев успешного французского человека XXI в. незначительно расходятся, а именно инициальный эпизод достижения успеха – «talent», медиальный – «développement de carrière», и эпизод финальной части – «revenue», которые не имеют широкого распространения в КС успешной французской женщины. Характерными для данного сценария являются инициальный эпизод «être la première» и медиальные эпизоды – «épreuve», «innovation», которые отсутствуют в цепочке КС успешного французского мужчины. Обязательным и общим эпизодом когнитивных сценариев успешной французской женщины и мужчины, является «reconnaissance».

Сравнивая КС американской и французской лингвокультур на межкультурном уровне, отметим, что КС успешного американского и французского мужчины имеют схожую структуру и 9 общих эпизодов. Когнитивные сценарии успешной американской и французской женщины имеют 8 общих эпизодов. Отметим, что эпизоды «hard work» (тяжелая работа) и «humble background» (незнатное происхождение) инициальной части КС, характерные для успешного человека американской лингвокультуры, не фигурировали в ходе интерпретативного анализа КС успешного человека французской лингвокультуры. Вместе с тем, отличительным и ключевым эпизодом французской лингвокультуры в достижении успеха является «affaire familiale» (семейное дело), который отсутствует в цепочке КС успешного американского человека. Так, наличие общего семейного дела, передающегося из поколения в поколение, влияет на дальнейший выбор сферы деятельности. Этот эпизод является ключевым фактором достижения успеха, поскольку богатейшими и самыми влиятельными французами являются наследники семейного бизнеса, обладающие большим состоянием, и являющиеся мировыми лидерами.

Тем не менее, общим финальным эпизодом для обоих гендеров двух исследуемых лингвокультур, и главными показателями успеха являются «популярность», «достижение» и «признание».

Список использованных источников

1. Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Т. 8. Волгоград: Парадигма, 2011. 328 с.
2. Конюхова Т. В., Конюхова Е. Т. Изучение проблемы успеха и успешности личности в контексте междисциплинарного подхода // Известия Томского политехнического университета, 2009. Т. 324. №6. 4 с.
3. Лаперуз С. Л. Духовный призыв «Американской мечты» / С. Л. Лаперуз // Американский характер. М., 1995. С.56–72.
4. Сандыбаева К. Ж. Гендер в культуре и языке [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2016. N27. С. 831–834.
5. Смирнов И. М. Образ успешного человека в американской и русской лингвокультурах: гендерный аспект (на материале текстов СМИ): дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук. Волгоград, 2018. 229 с.

6. HuffPost. [Electronic Resource] // France. 2015. – Mode of access: URL: https://www.huffingtonpost.fr/2015/04/28/reussir-sa-vie-positive-trois-quarts-francais_n_7149732.html (дата обращения: 15.06.2020).

УДК 811.133.1:003.083:502.3

**ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ
ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ)**

Т. М. Норец,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Д. Д. Новакова,

обучающийся четвертого курса бакалавриата кафедры романской и классической филологии, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Данная статья посвящена изучению понятия «фразеологизма» и его роли в отражении национально-культурной специфики. Рассмотрены характеристики и классификация фразеологических единиц. Обнаружена и проанализирована связь языка и культуры, в частности, как особые национальные черты находят свое отражение во фразеологическом фонде французского языка. Выделяются тематические группы фразеологических единиц и анализируется употребления той или иной группы в разных функциональных стилях языка. При проведении исследования использовались следующие методы: теоретический анализ и синтез, наблюдение, сравнение, описательный метод, сопоставительный метод, компонентный анализ, метод сплошной выборки.

Ключевые слова: фразеология, фразеологическая единица, лингвокультурология, словосочетание, национальная культура, пресса, фразеологический оборот, культура и язык.

Summary. The article considers the definition of "phraseology" and its role in reflecting national and cultural peculiarities. The article highlights the importance of studying the issue in connection with the relevance of the use of phraseological units in the modern world in the language of written mass media and in everyday life. The characteristics and classification of phraseological units were also considered. The connection between language and culture is revealed and analyzed, in particular, the way national features are reflected in the phraseological fund of the French language. Thematic groups of phraseological units are distinguished and the usage of a particular group in different functional styles of the language is analyzed. The following methods were used in the study: theoretical analysis and synthesis, observation, comparison, descriptive method, comparative method, component analysis,

continuous sampling method.

Key words: phraseology, phraseological unit, linguoculturology, phrase combination, national culture, media, culture and language.

Введение. Фразеологии посвящено большое количество работ отечественных и зарубежных лингвистов. В настоящей статье представлены результаты предпринятой попытки выявить, классифицировать и проанализировать фразеологические единицы, употребляемые в письменных средствах массовой информации и проследить их связь с культурой спецификой. Важность и целесообразность комплексного анализа в исследовании фразеологии на материале французской прессы несомненна, поскольку именно в языке письменных средств массовой информации раскрываются основные процессы эволюции современного французского письменно-литературного языка.

«До настоящего времени ряд вопросов, связанных с функционированием письменной публицистики; в обществе, не получили должного освещения, некоторые же вопросы совсем не ставились исследователями. Развитие языка газеты имеет эволюционный характер: Изменения в языке письменных СМИ начинаются с лексики и в очень малой степени затрагивают грамматику» [4, с. 40].

В каждом языке непрерывно происходят изменения, которые указывают на развивающийся характер языка. Одной из характерных особенностей, помогающих уловить изменчивость языка являются фразеологические обороты.

Актуальность изучения данного вопроса заключается в том, что французские фразеологические единицы, исследуемые на материале письменных средств массовой информации, не только служат маркером изменений, происходящих в современном французском языке, но и позволяют понять и уловить национально-культурные особенности, характерные черты, присущие носителям языка.

Цель, которая была нами поставлена в ходе написания данной статьи заключается в анализе употребления фразеологических конструкций в исследуемых источниках. Для достижения данной цели мы решали следующие задачи: были рассмотрены и классифицированы фразеологизмы, проанализирована их связь с культурой народа, говорящего на этом языке; сделан обзор работ авторов, принимающих участие в вопросах исследования теории французской фразеологии; выявлены основные группы фразеологии, встречающихся в исследуемых текстах письменных средств массовой информации.

Предметом анализа в настоящей статье стало употребление фразеологических единиц в письменных изданиях *Le Monde*, *Le Figaro*, *Monde diplomatique*, *Le Courrier de Russie*.

Изложение основного материала. Фразеологизм или фразеологический оборот – неизменное по структуре и составу, целостное

по смыслу и лексически неделимое словосочетание или предложение, выполняющее функцию отдельной словарной единицы – лексемы. любой фразеологический оборот представлен единым целым, которое не подлежит разделению на части, а также не предусматривает перестановки компонентов внутри оборота.

«Семантическая слитность фразеологизмов варьируется от невозможности выявить смысл всего оборота из составляющих его слов, рассмотренных по отдельности, во фразеологических сращениях до фразеологических сочетаний, смысл которых вытекает из значений слов, составляющих эти сочетания» [1, с. 76].

Большинство французских фразеологизмов возникло на национальной основе. Образы фразеологизмов взяты из самых различных сфер культурной, материальной и общественно-экономической жизни народа, в них отражаются его культура, быт, история и образ мышления. Можно сказать, что фразеологизмы представляют собой синтез духовных ценностей народа, являются достоверной картиной его прошлого и настоящего, помогают лучше понять его характер, знакомят с его обычаями, традициями и нравами. Богатство и многообразие источников происхождения французских фразеологических оборотов осложняют их историко-этимологическую классификацию, так как делают практически невозможным полный охват фразеологического запаса языка.

А. Г. Назарян выделяет следующие типы фразеологизмов:

1) «фразеологизмы нетерминологического происхождения.

К ним относят фразеологизмы, связанные с национальными реалиями; фразеологизмы, связанные с человеком, животным и природой; фразеологизмы с компонентом цвета и т. д.»

2) «фразеологизмы терминологического происхождения.

К ним относят фразеологизмы, связанные с профессиями, спортом и различными играми» [2, с. 100].

«По словарному составу каждого языка можно проследить, как был увиден и понят окружающий мир народом – носителем. Определенное видение действительности «внедряется» в любой естественный язык, в первую очередь, в его семантику» [3, с. 134].

Основной особенностью фразеологических оборотов является тот факт, что большинство из них содержат в себе «следы» национальной культуры, которые могут быть изучены и, следовательно, выявлены. Культурная составляющая сохраняется во внутренней форме фразеологического оборота, которая придает фразеологизму культурно-национальную окраску [5].

Современные французские письменные средства массовой информации широко используют фразеологию. Именно фразеологизмы выполняют функцию лаконизации речи. Среди них есть стилистически-нейтральные, или межстилевые фразеологические обороты, имеющие «нулевую» стилистическую окраску, например, *peu à peu* - «мало-помалу,

понемногу»; *de tous ses voeux* - «с наилучшими пожеланиями»; *de tout son coeur* - «от всего сердца»; *pas à pas* - «шаг за шагом», *de temps en temps* - «время от времени», *à deux pas de* - «в двух шагах от», *étape en étape* - «этап за этапом», *de plus en plus* — «все больше и больше» и другие:

- «... le défile carnavalesque des soldats des deux armées ennemies, blanche et rouge, diginere en une bagarre meurtrière qui sepropage *peu à peu* dans toute la Russie» (Le Courrier de Russie, du 21 dicembre 2006 au Janvier 2007, № 92, p. 10);

- «L'arrivie de l'Igasom, en revanche, est appelé *de tous ses voeux* par gouvemement federal de transition du président Abdullai Yusuf...» (Le Monde, 7 septembre 2006, № 19165, p. 5);

Очень часто в одном предложении встречаются две фразеологические единицы, одна из которых может быть стилистически-нейтральной, например, *d'égal à égal* — «на равных началах», а другая стилистически окрашенной - *face aux géants de l'économie mondiale* - «лицом к великанам мировой экономики»:

- «Avec ce jugement, les 2500 adhirents d'Impala ... se sont retrouvés *d'égal à égal face aux géants de l'économie mondiale*» (Le Monde, 24 juillet 2006, № 19126, p. 2).

На страницах французских газет и журналов были зарегистрированы случаи употребления более 2-х фразеологических единиц в одном предложении. Например, *peu à peu* - «мало-помалу» - фразеологизм с «нулевой» стилистической окраской, *se tuer en une force politique* — «превратиться в политическую силу»; *couper ses liens* - «обрезать, оборвать связи» - стилистически окрашенные фразеологические единицы:

- «Le Hezbollah, pensait-on avec un optimisme peut-etre excessif dans la communaute internationale, allait *peu à peu couper ses liens* avec la Syrie et l'Iran et *se tuer en une force politique* et non plus purement militaire» (Le Monde, 7 septembre 2006, № 19165, p. 1).

Французская пресса часто реализует прием использования в одном предложении антонимичных фразеологизмов, которые позволяют более ярко и наглядно, путем противопоставления и сопоставления, описать какое-либо явление, например, фразеологизм *mettre sur pied* - «поставить на ноги»; *tenir tête* — «сопротивляться»; *porter à bout de bras* — «носить на руках»; *fouler aux pieds* — «топтать ногами».

Анализ газетной фразеологии в аспекте функционально-стилистического расслоения показывает, что французская письменная пресса, стремясь придать «книжности» изложения экспрессивную окраску, широко использует разговорные фразеологические единицы: *casser la croute* — «перекусить, заморить червячка»; *gagner la croute* — «заработать на кусок хлеба», *faire la sourde oreille* — «прикинуться глухим; и ухом не вести».

«Французская письменная пресса является одним из самых продуктивных источников фразеотворчества. Французская публицистика

употребляет стилистически-нейтральные фразеологизмы, способные превращаться в стандарт, а затем и в штамп, и стилистически окрашенные фразеологизмы. Для привлечения внимания читателя журналисты используют широко известные крылатые слова и выражения» [5].

Вывод. Исследование показало, что одним из способов повышения выразительности и образности в языке французской газеты является использование фразеологических оборотов, в основе которых лежит смысловая двуплановость (прямой и переносный смысл). Французская письменная публицистика употребляет стилистически нейтральные и стилистически окрашенные фразеологические конструкции. стилистически нейтральные фразеологические единицы имеют «нулевую» стилистическую окраску и способны превращаться в стандарт (*peu à peu, à deux pas de, étape en étape etc.*), а иногда и в штамп (*de temps en temps*). К стилистически окрашенным фразеологическим единицам, регулярно используемым в современной французской публицистике, относятся пословицы и поговорки, крылатые слова и выражения. нередко в одном предложении употребляются фразеологические единицы, относящиеся к различным стилям речи, а также фразеологизмы, имеющие антонимичные или синонимичные значения: “*mettre sur pied - tenir tête*”; “*porter à bout de bras - fouler aux pieds*” etc. Французская газета употребляет фразеологические единицы, в состав которых входят соматические компоненты, обладающие активной фразеологической валентностью: “*être entre de bonnes (mauvaises) mains*”. Некоторые соматизмы, входящие в состав фразеологического оборота, выступают в функции универсальных органов трудовой деятельности, а также употребляются в качестве «символа власти» (“*être à la botte*”). Нередко происходит расширение значения фразеологизма путем добавления в его состав прилагательного или определения в функции интенсификатора: *mener une guerre sans compromis*, - этот прием используется для создания стилистического эффекта. Для привлечения внимания читателя фразеологические единицы часто употребляются в функции заголовка текста: «*La recherche du temps perdu*». Французская письменная публицистика использует фразеологические единицы, включающие в свой состав элементы разговорной, просторечной, профессиональной лексики определенную стилистическую окраску в язык газеты вносят поэтические фразеологизмы: *gagner la croute, faire la sourde oreille, la poule aux oeufs d'or etc.* Французская газетная фразеология характеризуется экспрессивнооценочной парадигмой, включающей употребление негативнооценочных, презрительных, иронических, позитивнооценочных, шуточных фразеологических единиц, таких как: *fouler aux pieds, le temps de la guerre froide, trainer dans la boue.*

Список использованных источников

1. Гак В. Г., Рецкер Я. И. О французской фразеологии и французо-русском фразеологическом словаре. М.: Норма, 2007. 298 с.

2. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1987. 287 с.
3. Скоробогатова Т. И. Блики истории во французской фразеологии: учебное пособие. Ростов-на-Дону: Издательство РИПК и ППРО, 2015. 234 с.
4. Солганик Г.Я. О закономерностях развития языка газеты в XX веке // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2002. № 2. С. 39-53.
5. Слепцова С.В. Свободные и фразеологизированные конструкции в языке современной французской прессы: диссертация кандидата филологических наук. Белгород, 2008.
6. Chachourina A.Y. La presse ecrite en France: quotidiens et periodiques // Иностранные языки в школе. 1993. №-3. С. 60.
7. Charles de Mestral. Les langages mediatiques [Electronic Resource] / Charles de Mestral, Cegep du vieux Montreal // CVM, 2004. Mode of access: URL:<http://www.cvm.qc.ca/encephi/Syllabus/mediacomm/Articles/Langagesmediatique.s.htm>
8. Guiraud P. Francais populaire ou francais relache // Le Francais dans le monde. Paris, 1969. № 69. P. 86-108.
9. Pucheu R. Cle pour le francais du journal // Le francais dans le monde. 1965. №31.

УДК 811.13

МОДИФИКАЦИИ ПРОСОДИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ВЫСТУПЛЕНИЙ ФРАНЦУЗСКИХ ПОЛИТИКОВ

Т. М. Норец,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

А. И. Скорицкая,

обучающийся четвертого курса бакалавриата кафедры романской и классической филологии, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Статья посвящена изучению модификационных процессов на просодическом уровне в диахроническом плане выступлений Шарля де Голля и Эммануэля Макрона. Помимо того, в работе исследованы компоненты просодии, наиболее значимые в речи политиков в ходе политического интервью. Оба политика и Шарль де Голль и Эммануэль Макрон активно использовали просодические элементы и владели многими просодическими средствами, что позволяло им производить необходимое воздействие на аудиторию и делать свою речь влиятельной, уверенной и понятной слушателям.

Ключевые слова: просодические особенности, Шарль де Голль, Эммануэль Макрон, политический дискурс.

Summary. In the course of the study, modifications of the prosodic characteristics of the speeches of Charles de Gaulle and Emmanuel Macron were analyzed. Also in this paper, various prosodic components that affect the speech of political figures, such as intonation, stress, tempo and pause, were considered. In addition, the paper examines the modifications of prosodic characteristics in the speech of politicians during political interviews, official speech under the influence of various factors. As the results of the study showed, Charles de Gaulle and Emmanuel Macron actively used and owned many prosodic means, which allowed them to make the necessary impact on the audience and make their speech influential, confident and understandable to listeners.

Key words: prosodic features, Charles de Gaulle, Emmanuel Macron, political discourse.

Введение. Просодия возникла в Древней Греции и первоначально не считалась частью науки, а была видом хорового пения на торжествах. Также просодиями называли хвалебные песни, которые исполняли в честь богов – Аполлона и Артемиды. К этому песенному жанру обращались такие греческие поэты как Вакхилид и Пиндар. Одно из предназначений просодии, которое очень близко к тому, что из себя представляет раздел просодии сейчас, было определение мелодических акцентов и протяжённости слогов. «История просодии берёт начало с раздела античной грамматики, в которой изучались законы построения стихотворной речи. В процессе своего развития объём и содержание учения изменялись. В конечном счёте оно разделилось на просодию, раздел стиховедения, изучающий значимые характеристики стихотворной речи, и на просодию, часть фонетической системы, образующую функциональную систему суперсегментных единиц и просодических средств языка, а также раздел фонетики, её изучающий. Зародившись как учение о поэтическом слоге, термин «просодия» изменялся, расширяя объём и содержание понятия. В 80 е гг. 20 в. он чаще всего употребляется для обозначения метрической системы стихотворной речи и фонетических характеристик всех суперсегментных речевых единиц, взятых отдельно и в комплексе» [1, с. 235] – именно так объясняет зарождение просодии, как раздела фонетики, профессор Антипова А. М.

Основная часть. В ходе устной коммуникации между людьми можно выделить определенные системы символов. Например, вербальную коммуникацию, которая состоит из слов и синтаксических правил, связывающих речь в единое предложение. Просодические и паралингвистические качества звука, которые включают в себя высоту тона, его изменения, громкость звука, акцент, паузы и окраску голоса человека. А также можно выделить невербальную коммуникацию, которая выражается мимикой, жестикულიцией, положением туловища, движениями и расстоянием между собеседниками.

Просодия здесь играет важную роль, так как человеческая речь состоит из предложений, образованных словами и группами слов, расположенных в соответствии с порядком, свойственным тому или иному языку. Предложение является фундаментальной коммуникативной ценностной единицей, обладающей своей фонетической структурой, просодия в предложении объясняет слоги с точки зрения их ударности и протяжённости, она выявляет фонетические особенности речи – ударение, тон, интонацию, то есть суперсегментные единицы звучания. Эти средства служат для составления и актуализации предложения. Изучение просодической системы языка означает изучение его ритмической и мелодической системы [3].

Просодические элементы связаны не только сегментными единицами, но также и между собой. Например, интонация связана с высотой звука, это обусловлено изменением интонации от одного звука к другому. Также интонация связана с паузой и ударением. Перед паузой, разделяющей два сегмента, составляющих синтаксические единицы, интонация находится на определенном уровне высоты. Но в просодии выделяют три основные просодические характеристики: тон, ударение и интонацию.

Для анализа модификаций просодических характеристик выступлений Шарля де Голля и Эммануэля Макрона были выбраны такие просодические элементы, как ударение, темп, интонация и пауза, потому что эти компоненты являются наиболее показательными при анализе просодических характеристик в политическом дискурсе.

Политический дискурс включает в себя все речи, которые публично произносятся профессиональными политиками. Он тесно связан с риторикой, искусством убеждать с помощью аргументов, для которой важен производимый эффект на аудиторию. Политический дискурс отличается тщательной подготовкой. Речь политика должна быть лаконична, но не лишена уместной эмоциональности. Существуют ограничительные элементы политического дискурса – это статус, аудитория, конъюнктура и вектор общения. Политический дискурс подразделяется на жанры. Это может быть официальная речь или политическое интервью [2].

Различные формы политической коммуникаций служат для организации демократического общества с древнейших времен, руководствуясь, прежде всего, особой языковой формой – устной. Таким образом, понятие политического дискурса развивалось наряду с другими формами устных коммуникаций, и со временем технически оттачивалось, чтобы в конечном итоге привести к созданию конкретных форм [5]. Однако, с развитием общества и по мере увеличения числа средств вещания, эти различные формы становились все более подробными, в зависимости от рамок вещания или количества участников обмена информацией. Таким образом, возникло несколько видов речи,

представляющих формы коммуникации, разработанные для стратегического участия в достижении заранее поставленной цели. Изменения могут касаться выбора, содержания речи, а также просодических характеристик [4]. Одна из основных просодических характеристик в политическом дискурсе касается временной организации речи, поскольку она является зеркалом правящих отношений. Дистанцию между политиком и аудиторией можно разделить на четыре основные категории: личные, неформальные, социальные и общественные. Исходя из этого, политический деятель приспособливает свою речь в зависимости от каждой из этих «дистанций». Поэтому становится возможным соотнести некоторые просодические факторы с конкретными речевыми ситуациями.

Французский политический дискурс заметно выделяется среди других. Для французских политических деятелей свойственна живая артикуляция, которая хорошо заметна в их речи. У многих французских политиков беглое произношение, но при этом они четко произносят согласные звуки. Их произношение понятно и является легким для восприятия. Также политики используют артикуляционную точность в качестве риторического приема, с помощью которого придают большую значимость и весомость определенным словам. Следует отметить подчеркнутую округлость и ударность гласных звуков в словах, несущих основной смысл. Обычно, речь политиков основывается на правильном дыхании, благодаря которому их предложения становятся звучными. Также немаловажным элементом является тембр голоса. Политическому деятелю необходимо обладать глубоким, полным и открытым тембром, чтобы придавать сказанному уверенный тон, а слова звучали взвешенно и продуманно. Стоит обратить внимание не только на изменение тембра голоса, его ускорение и замедление, повышение и понижение, но и на те случаи, когда слова звучат наиболее уверенно и непоколебимо именно за счет сохранения одной позиции тембра голоса, его неизменности в определенный момент.

Шарль Андре Жозеф Мари де Голль – французский офицер армии и государственный деятель, который организовал движение Свободной Франции против нацистской Германии в годы Второй Мировой Войны и был председателем Временного правительства Французской Республики с 1944 по 1946 год для того, чтобы восстановить демократию во Франции.

Анализ просодических особенностей речи Шарля де Голля был проведен на базе аудио- и видео-материалов. Для примера использовались несколько показательных речей Шарля де Голля, чтобы проследить общую модель реализации просодических средств в речевом поведении политика: выступление от 18 июня 1940 года [6], когда генерал де Голль выступил с призывом к сопротивлению нацистской оккупации со студии BBC в Лондоне, также его речь от 8 мая 1945г [9], в которой он объявлял победу на фашистской Германией, и политическое интервью Шарля де Голля на пресс-конференции 19 мая 1958г [7], которое состоялось сразу же после

серьезного политического кризиса 13 мая 1958 года. Тогда генерал де Голль созвал прессу во дворце Орсе, чтобы обсудить причины сложившейся ситуации, в которой находилась Франция, а также выразил готовность взять на себя полномочия Республики. Исследование показало, что политик владел многими просодическими средствами, что позволяло ему производить необходимое воздействие на аудиторию и делать свою речь влиятельной, уверенной и понятной слушателям. Он активно использовал многие просодические элементы в речи. Стоит отметить, что Шарль де Голль четко обозначал границу ритмической группы, поэтому его речь была размеренной, ровной и понятной. Особое внимание было обращено на различные виды ударений, которые использовал политик в ходе дискурса. Были выявлены различные просодические характеристики, которые способствовали влиянию на аудиторию. В его речи часто встречается ударная просодическая форма. Политик ставил ударение на определенных слогах, выделяя ударением определенные звуки или конкретный слог, вместе с тем подчеркивая значение всего слова, показывая, что оно играет важную роль в данном предложении. Темп речи политика можно охарактеризовать как нормальный, спокойный и относительно размеренный. Частота произносимых слов составляет в среднем 110 слов в минуту. В речи политика не замечено резкого увеличения или замедления темпа, что способствовало полному пониманию сказанного, при том, что предложения политика не являются растянутыми, а речь монотонной, так как она была насыщена грамотными и уместными паузами. Шарль де Голль активно использовал паузы, реализуя их основные функции, например, логические паузы выделяли особенно важные моменты в речи и привнесли смысл в предложения, сделав фразы более стройными и завершенными. Используя разные просодические элементы, политик смог добиться нужного эффекта, его слова звучали убедительно, торжественно и искренне. Модификации интонации в речи политика были незначительными и скорее выполняли коммуникативную, смысловозначительную и синтезирующую функции в предложении. А яркий тональный переход в кульминативных интонационных участках предложения усиливал эти свойства.

Чтобы проследить изменения на уровне просодии во времени, нами был проведен сопоставительный анализ просодических характеристик в просодическом дискурсе нынешнего президента Франции Эммануэля Макрона.

Эммануэль Жан-Мишель Фредерик Макрон – французский политик, который служил в качестве президента Франции и должности соправителем Андорры с 14 мая 2017 года.

В ходе исследования были задействованы аудио- и видео- материалы выступлений, речей и политических интервью Эммануэля Макрона: речь Макрона « Discours du Président de la République à l'Assemblée générale des Nations Unies » от 24 сентября 2019 [8], также интервью от 16 ноября 2020г,

которое было опубликовано под названием « La doctrine Macron : une conversation avec le Président français » [10], и телевизионное выступление, где было объявлено о новом карантине продолжительностью минимум один месяц для борьбы с эпидемией Covid-19, которое состоялось 28 октября 2020 года [11]. При анализе просодических особенностей речи Макрона было установлено, что его политическая речь принимает ровный и спокойный тон. В ходе анализа не было зафиксировано ярких эмоциональных всплесков или намеренных остановок, прерываний общего ритма речи. В дискурсе политика преобладают именно логический и ритмический виды ударений, политический деятель выделял определенные слова, так как они являлись смыслообразующими. Темп речи Макрона является нормальным и не содержит каких-либо нарушений и дефектов. Глава государства произносит примерно 115 слов в минуту, что является хорошим показателем для чтения публичной речи. Стоит отметить, что политический деятель сохраняет спокойный и размеренный ритм на протяжении всего выступления, при этом не переходя на монотонное чтение, что очень сложно во время длительного монолога. Используя различные просодические средства, политику удалось удержать внимание аудитории и подробно рассмотреть вопросы, вынесенные на обсуждение в ходе конференции. Сравнительно-сопоставительный анализ темпоритма речи Макрона показал, что политик владеет разными просодическими приемами и способен сохранять скорость речевого потока в рамках 115-130 слов в минуту, при этом окрашивая речь интонационными переходами и акцентируя внимание на смыслообразующих словах с помощью пауз, вне зависимости от вида политического дискурса. С точки зрения просодической паузации его речь является нейтральной, потому что политик использует только интонационно-синтаксические паузы, которые служат для разграничения частей предложения внутри фразы.

Выводы. Несмотря на то, что Шарль де Голль и Эммануэль Макрон приступили к осуществлению политической деятельности в разные временные периоды, Шарль де Голль вел политическую кампанию в середине и конце 20в, а Эммануэль Макрон является современным представителем Франции, также учитывая обстоятельства их нахождения у власти и внешние обстоятельства, имевшие влияние на них, проанализировав их речь, можно сказать, что эти политики пользовались схожими просодическими характеристиками. Обсуждая важные политические вопросы, де Голль и Макрон ставили логическое, психологическое и эмфатическое ударения на ключевых словах, чтобы подчеркнуть их значимость. Темп речи Шарля де Голля можно охарактеризовать, как нормальный, спокойный и относительно размеренный. В его речи не было замечено резких изменений темпоритма, которые бы помешали восприятию информации или были бы неуместными. Это способствовало полному пониманию сказанного, предложения политика не были растянутыми, а речь была насыщена

грамотными и уместными паузами. Такой же является речь Макрона – преобладает ровный, спокойный темпоритм. Речь политика лишена акцента и дефектов.

Конечно, речь Шарля де Голля и Эммануэля Макрона отличается: хотя политики и окрашивали речь схожими просодическими средствами, они использовали их по-разному. Несмотря на то, что политики обладали схожим темпоритмом, применение интонационной характеристики внесло определенные различия в речь де Голля и Макрона. Шарль де Голль выстраивал классическую интонационную систему в своей речи. Он выделял паузами ключевые моменты и произносил слова, придерживаясь одного темпа, в основном, не ускоряя и не замедляя его. Данные просодические характеристики в речи Эммануэля Макрона отличаются. Политик прибегал к ударной интонации для выделения важных слов, а также замедлял темп речи, чтобы обратить внимание аудитории на главную мысль предложения.

Список использованных источников

1. Антипова А. М. Просодия. Лингвистический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
2. Михальская А. К. Полевая структура политического дискурса. Метод анализа и описания речевого поведения политика в политическом интервью. М.: Просвещение, 2000. С.28-70.
3. Потапова Р. К., Потапов В. В. Междисциплинарность в исследовании речевой полиинформативности. М.: Языки славянской культуры, 2015. 352 с.
4. Реферовская Е. А. Французский язык. Языки мира: Романские языки. М.: Academia, 2001. С. 208.
5. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Едиториал УРСС, 2004. 432с.
6. Appel du 18 Juin du général de Gaulle [Electronic Resource]. Mode of access: URL: <https://youtu.be/uRo-3Y1MdwQ> (дата обращения 07.01.2021).
7. Conférence de presse du 19 mai 1958 [Electronic Resource]. Mode of access: URL: <https://fresques.ina.fr/de-gaulle/> (дата обращения 07.01.2021).
8. Discours du Président Emmanuel Macron à la tribune de l'Assemblée générale de l'ONU [Electronic Resource]. Mode of access: URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron> (дата обращения 07.01.2021).
9. Discours du 8 mai 1945 du général de Gaulle [Electronic Resource]. Mode of access: URL: <https://youtu.be/ZTs7rkh3-Qo> (дата обращения 07.01.2021).
10. La doctrine Macron: une conversation avec le Président français [Electronic Resource]. Mode of access: URL: <https://legrandcontinent.eu/>(дата обращения: 07.01.2021).
11. Reconfinement: le discours d'Emmanuel Macron du 28 octobre 2020 [Electronic Resource]. Mode of access: URL: <https://youtu.be/A5QXbo0a8wQ> (дата обращения: 07.01.2021).

УДК 82-1/29

ПОНЯТИЕ ПОЭТИКАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

И. В. Остапенко,

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

С. Магальяйи же Соуза Остапенко,

докторант Университет Порту, кандидат культурологии, Португалия, Порту

Н. К. Норец,

кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита, Институт экономики и управления, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. Авторами предпринята попытка определить происхождение термина «поэтичность» в зарубежном литературоведении. Рассматривается этимология термина и его употребление в литературных критических статьях зарубежных авторов.

Ключевые слова: поэтичность, поэтика, поэтические термины, литературность, художественность.

Summary. The authors take an attempt to identify the origin of the term “poeticity” in the foreign literary science. The etymology of the term and its usage in the literary critical researches of the foreign investigators are in the focus of the attention of the author of the article.

Key words: Poeticity, poetics poetic terms, literature, artistry.

Словарь «Webster's New International English Dictionary» определяет термин «poeticity» как «поэтическое качество, выразительность», приводя в качестве примера использования цитату из эссе «Шелли» Ф. Р. Ливиса – одного из наиболее влиятельных литературных критиков Великобритании и ключевой фигуры в истории английского литературоведения [1]. Ливис, критикуя «Оду западному ветру» П. Б. Шелли за бессодержательность, называет это стихотворение «всего лишь разлившимся потоком... поэтичностью», подразумевая под «поэтичностью» использованные Шелли художественные приемы [1, с.47]. Впервые опубликованное в сентябре 1935 года в журнале «Scrutiny», эссе «Шелли» Ф. Р. Ливиса переиздается и цитируется вплоть до настоящего времени (причем, неоднократно был процитирован именно интересующий нас пассаж о поэтичности, например, см. «Wordsworth's Influence On Shelley: A Study Of Poetic Authority» [2, с.185] и «Shelley And The Sublime: An Interpretation Of The Major Poems» [3, с. 116]), что дает нам основания предположить, что именно оно и является наиболее ранним источником использования термина «поэтичность», пусть и в несколько отличном от современного значения.

Другое определение дает глоссарий поэтических терминов к

монографии «Poetry» Джона Стрэчена и Ричарда Терри: «качество или стиль поэзии, в противоположность прозе», ограничивая применение термина только областью поэзии [4, с. 218].

В современном литературоведении термин «поэтикальность» пока не получил широкого распространения, уступая более широким понятиям «литературности» и «художественности» текста. Однако, данный термин остается в употреблении, и все чаще используется литературоведами разных стран. Часто отождествляемый с понятием «литературности», термин «поэтикальность» в последнее время стал использоваться именно для того, чтобы разграничить термин «литературность» в том виде, в котором он впервые появился, и его позднейшие толкования. Автором термина «литературность» считают Р. Якобсона, одного из самых видных представителей русского формализма. Якобсон описывал литературность с формалистической точки зрения, определяя ее как «превращение речи в поэтическое произведение и систему приемов, благодаря которым это превращение совершается», то есть, рассматривал литературу как явление исключительно лингвистическое, как «организованное насилие над языком». В конце XX века понятие «литературности» значительно расширилось, и теперь в его рамках стали рассматривать не только синтаксический и лексический аспекты текста, но и прагматический аспект текста, анализируя отношение текста, автора и читателя, а также – архитектуру произведения. Термин «поэтикальность», в противопоставлении термину «литературность», сужает значение последнего, и обозначает не только лингвистический, но и структурный, содержательный, когнитивный и эстетический аспекты текста.

Многие ученые прямо противопоставляют эти термины, используя термин «литературность» в его изначальном, якобсоновском, понимании – то есть, подразумевают под ним только языковой уровень текста художественного произведения. Такое противопоставление, например, можно обнаружить в книгах «Investigating English Discourse: Language, Literacy, Literature» профессора Ноттингемского университета Р. Картера [5, с. 124], «The Politics and Poetics of Journalistic Narrative» Филлиса Фраса [6, с. 6], «The Cambridge Introduction to Russian Literature» профессора Принстонского университета К. Эмерсон [7, с. 105], статье «Linguistic Deviation in Poetry Translation: An Investigation into the English Renderings of Shamlu's Verse» иранских литературоведов Х. Пирнаджмуддина и В. Медхата [8, с. 1329]. Особого внимания заслуживает статья Кармен Р. Кальдас под названием «Poeticity – a privilege of literature?». Не предлагая напрямую различать термины «поэтикальность» и «литературность», автор указывает на чрезмерную ограниченность понятия литературности и использует термин «поэтикальность» в более широком смысле, утверждая, что «поэтикальность зависит от взаимодействия, от способа передачи сообщения адресантом, и на способ его восприятия адресатом» [9, с. 78].

Вопрос дефиниции термина «поэтикальность» на данный момент нельзя считать полностью решенным, хотя в его отношении заметна тенденция к частичному слиянию смысла данного термина с понятием «художественности» литературы, то есть таким ее «свойством и свойством *ведущим*, которое ставит произведение искусства в особое положение по отношению к другим областям человеческого сознания». В качестве примера можно привести весьма близкое к общепринятому толкование данного термина: «комплексная текстовая категория, представляющая в широком смысле единство духовности, образности и их эстетически ценной языковой объективизации [4, с.221].

Категория поэтикальности в данный момент далека от однозначности и крайне переменчива. Руководствуясь вышеприведенными определениями, можно сказать, что под поэтикальностью чаще понимают реализацию в художественном произведении общепринятых законов поэтики, затрагивающих как речевой, так и структурный и прагматический аспекты текста, хотя существуют и другие точки зрения на данный вопрос.

Список использованных источников

1. Lewis C. S. *Christianity and Literature* / C. S. Lewis // *Religion and Modern Literature: Essays in Theory and Criticism*. Grand Rapids, Michigan: William B. Eerdmans Publishing Company, 1975. - P. 46-54.
2. Blank G. *Kim Wordsworth's Influence on Shelley: A Study of Poetic Authority*. Macmillan studies in romanticism // Macmillan, 1988. – 243 p.
3. Leighton A. *Shelley and the Sublime: An Interpretation of the Major Poems* // Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – 220 p.
4. Strachan John R., Terry Richard G. *Poetry. Elements of literature* (Том 2) // Edinburgh University Press, 2000. – 200 P.
5. Carter R. *Investigating English Discourse: Language, Literacy, Literature* // London and New York: Routledge, 2012. – 248 p.
6. Frus P. *The Politics and Poetics of Journalistic Narrative* // Cambridge University Press, 1994. – 292 p.
7. Emerson C. *The Cambridge Introduction to Russian Literature* // Cambridge University Press, 2008. – 292 p.
8. Pirnajmuddin H., Medhat V. *Linguistic Deviation in Poetry Translation: An Investigation into the English Renderings of Shamlu's Verse* // *Journal of Language Teaching and Research* 2(6). – December 2011. – pp. 1329-1336.
9. Caldas Carmen R. *Poeticity – a privilege of literature?* // *Artigos*. – v. 4 n. 9 (1983). – pp. 70-79.

УДК 327

**КОНЦЕПТ «СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОТЕСТЫ» В
ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ МЕДИА*****В. Ф. Олешко,***

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой периодической печати, Лауреат премии Правительства России в области печатных СМИ, Лауреат премий Союза журналистов России, Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург

Д. А. Попович,

обучающийся второго курса магистратуры кафедры периодической печати, Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург

Аннотация. В статье обсуждается роль, способы коммуникации, а также вклад и участие СМИ стран Южной Америки в моменты и ситуации социального протеста. Здесь мы используем материалы «Clarín» и обозревателей «La Nación» и «El Nacional».

Цель данной статьи – подойти к пониманию роли местных СМИ в социальном конфликте с социальным протестом в странах Латинской Америки.

Вкратце, мы проанализировали некоторые материалы периода чилийских протестов осенью 2019 года, чтобы выяснить, какие журналистские стратегии массовой коммуникации. Это может помочь нам лучше понять роль средств массовой информации в конфликтах в странах Латинской Америки.

Ключевые слова: массовая коммуникация, социальный протест, стратегии массовой коммуникации.

Summary. The article discusses the role, ways of communication and the contribution and participation of the mass media of the South American countries during social protest moments and situations. Herein we use some materials of «Clarín» and columnists of «La Nación» and «El Nacional».

The aim of this article is to make an approach to the understanding of the role of the local mass-media in the social conflict with social protest in Latin American countries.

Briefly, we have analyzed some materials of the period of the Chilean protests in autumn 2019 to find out some journalist's strategies of mass communication. This can help us to rise the understanding of the role of the mass media in the conflicts in Latin American countries.

Key words: mass communication, social protest, communication dissemination strategies.

Конфликты в Чили, Эквадоре, Боливии, Венесуэле и современное состояние политики в Аргентине – происходит в данный момент, поэтому кризисные явления в данных странах изучены довольно мало.

Даже имея экспертные оценки, мы можем лишь прогнозировать, чем завершится ситуация для этих стран, и как это скажется на мировом сообществе.

Мы имеем уникальную возможность наблюдать участие СМИ в конфликтных ситуациях в южноамериканских странах. Исходя из этого, мы можем сделать выводы, как СМИ влияют на данную ситуацию в каждой из этих стран. Разжигают ли они данный конфликт, способствуют ли его смягчению, применяя «мягкую силу»?

Мы изучим журналистские подходы стран Южной Америки в освещении кризисных явлений, что позволит нам сделать некоторый вклад в межкультурную коммуникацию. Кроме того, мы сделаем попытку переосмыслить роль СМИ в кризисных явлениях и в социальных конфликтах.

Цель нашего исследования – выявить роль чилийских, венесуэльских и аргентинских СМИ в преодолении кризисных явлений в данных странах, а также определить, как концепт протестов отражается в медиа данных стран.

В нашей работе мы опираемся на методологию исследования коммуникации. В частности, нами были взяты за основу некоторые теории. Одна из них – теория сетевого общества и сетевого государства М. Кастельса.

«Сетевое общество – это общество, социальная структура которого выстраивается вокруг сетей, активируемых с помощью переведенной в цифровую форму информации и основанных на микроэлектронике коммуникационных технологий» [3].

При этом главную роль в обществе играют «переключатели» – это те структуры и органы, которые могут подключать кого-то к сети или отключать от сетей.

Мы также обратились к коммуникационной теории Н. Лумана, который видит «новые медиа» как «самоописание общества», рассматривая особенности их функционирования [4].

Нами также были взяты за основу теории о «глобальном метрополисе» Г. Канна и «симулякры» Ж. Бодрийера.

Кроме того, мы опираемся на фундаментальную теорию «посредничества» И.М. Барберо, сыгравшую принципиально важную роль в становлении латиноамериканской мысли. Уже в 1970 годах И. М. Барберо использовал термин «посредничества», который ввел до него П. Фрейре.

И. М. Барберо утверждал: «Нет прямого, немедленного общения, каждое общение требует отстраненности ... Общение – это разлука и мост: посредничество» [8].

Изучая влияние СМИ в политических процессах Южной Америки, мы должны учитывать их особенности. Несмотря на разнообразие стран данного континента, местные медиа объединяет одна историческая деталь:

их появление в данных странах в свое время было обусловлено противостоянием колониальной и антиколониальной прессы.

В разные исторические периоды данные СМИ подвергались тому или иному влиянию стран Европы, преследовавших различные политические цели.

В ходе борьбы за независимость, учеными этих стран была создана так называемая альтернативная коммуникация, которую поддержали не только в научных кругах, но также различные политические движения, профсоюзы и католическая церковь. [7]

Публикации СМИ, посвященные протестам 2019 года также интересно рассмотреть с точки зрения поколений: диктатура в Чили и Аргентине, в результате которой люди пропадали без вести, существовала относительно недавно. Она не могла не оказать влияние на то, как современные чилийцы и аргентинцы воспринимают политические события.

Говоря о кризисных явлениях, мы прежде всего опирались на научную статью Вильданова И. Э. [1], а также на исследования Евдокимова В. А. [2] и многих других авторов.

В качестве эмпирической базы нами было взято шесть общественно-политических газет: аргентинские издания «La Prensa» и «Clarín», чилийские издания «La Nación» и «El Pulso», наконец – венесуэльские издания «El Nacional» и «El Universal». Переводы материалов на русский язык мы осуществляли самостоятельно. Мы обратились к местным СМИ, так как, именно они находятся в самом центре социального конфликта между сторонниками государственной власти и представителями оппозиции.

Анализируя данные материалы, мы проводили контент-анализ, анализ коммуникативных моделей креолизованных текстов.

Рассмотрим фоторепортажи чилийских протестов в электронной версии аргентинского издания «Clarín».

В этих текстах с полной креолизацией присутствует эмоциональный посыл: благодаря особому ракурсу, читатель видит статую Девы Марии с Иисусом на руках так, как будто их ранили протестующие [6].

Читатель вовлекается эмоционально в ситуацию, принимая или сторону протестующих (Дева Мария с Иисусом находятся посреди улицы, как будто тоже принимают участие в перевороте) или сторону правительства (можно подумать, что святые вышли остановить повстанцев).

Так как данный материал находится на странице аргентинского издания, его можно трактовать, как предостережение против протестных настроений.

Обратимся к чилийским колумнистам. В материале «Рассуждения об эмоциональном воздействии кризиса» [8] обозреватель Ивоне Малдонадо вводит понятие «социального катарсиса». Автор утверждает, что кризис

побуждает людей проявлять гуманизм. «Сейчас, когда кто-то лишился работы, особенно важно обращаться за психологической помощью, выслушивать друг друга, выстраивать правильно диалог и ограждать детей от любой информации, где речь идет о насилии», – пишет И. Малдонадо [5]. Обратим внимание, что в «La Nación» можно встретить достаточно много подобных материалов.

Венесуэльское издание «El National» вовсе пытается свести тему кризиса на нет. В материале «Различные неправительственные организации представили консорциумы по борьбе с продовольственным кризисом» есть попытка доказать, что необходимые меры приняты, и голода нет». Однако, фотография пустых полок в магазине говорит об обратном [9].

В ходе наших исследований мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, кризисные явления по-разному освещены южноамериканскими изданиями.

Если аргентинские журналисты ставят своей целью преимущественно предотвратить массовые протесты, то для венесуэльских изданий стоит вопрос проанализировать, что было сделано для ликвидации социального кризиса. Для чилийской прессы характерен упор на эмоциональное состояние человека. Данные подходы по-своему отражают менталитет данных стран и демонстрируют нам три журналистских школы.

Во-вторых, мы проследили за тем, как эти три журналистских школы пытаются снизить травматичность кризисных явлений в государстве и по-своему призывают к мирному урегулированию конфликтов. Эффективность данных мер будет более подробно проанализирована нами в нашем научном исследовании.

Таким образом, гипотеза о том, что СМИ могут как разжечь, так и значительно снизить социальный конфликт, скорее подтверждается. Но, что касается, снижения социального напряжения, мы видим, что обстановка в Чили и Венесуэле по-прежнему остается достаточно накаленной, и публикации журналистов не помогают снять напряжение.

Список использованных источников

1. Вильданов И. Э. Социальный кризис: изучение, проблемы и решения // Вестник Казанского технологического университета. 2006. № 2. С. 310 -314.

2. Евдокимов В. А. Роль средств массовой информации в политизации социального конфликта [Электронный ресурс] – Режим доступа: elar.urfu.ru/bitstream/10995/1700/1/urgu0454s.pdf.

3. Кастельс М. Власть коммуникации. Перевод с английского Н.М. Тылевич под научной редакцией А. И. Черных. М.; 2016.

4. Назарчук А. В. Учение Никласа Лумана о коммуникации. М.: 2012. 265 с.

5. Maldonado I. Una reflexi'ón sobre el impacto emocional de la crisis

[Electronic Resource]. Mode of access: URL: lanacion.cl/2019/11/06/es-importante-reflexionar-sobre-el-impacto-emocional-de-lacrisis/.

6. Estallido social: Siguen las violentas protestas en Santiago de Chile, la movilización contra el gobierno se sostiene en su tercera semana: [Electronic Resource]. Mode of access: URL: www.clarin.com/mundo/fotogaleriassiguen-violentas

7. Pineda de Alcazar M. Las teorías clásicas de la comunicación: Balance de sus aportes y limitaciones a la luz del siglo XXI. // Opcion, Año 17 № 36 (2001).

8. Vassallo de Lopes. The Barberian theory of communication. A teoria barberiana da comunicação. São Paulo, 2018.

9. Varias ONG presentan consorcio para combatir crisis alimentaria [Electronic Resource]. Mode of access: URL: www.elnacional.com/venezuela/varias-ong-presentan-consorcio-para-combatir-inseguridad-alimentaria/.

УДК 811.111'276.6-057.2

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ АНГЛИЙСКОГО СЛЕНГА

Н. И. Пантыкина,

старший преподаватель кафедры английской и восточной филологии, Луганский государственный педагогический университет, Луганск

Аннотация. Статья посвящена теоретическому разбору понятия и проблеме сленга. Рассматриваются особенности сленга и классификация как отечественной, так и зарубежной лингвистики. Данная статья может послужить подспорьем для дальнейших исследований в области лингвистической характеристики профессионального сленга с целью их использования в практической деятельности перевода.

Ключевые слова: английский язык, классификация, перевод, сленг, разговорная речь, эмоциональная сторона слова.

Summary. The article is devoted to the theoretical analysis of the concept and the problems of slang. Various peculiarities and the classification of both domestic and foreign linguistics are considered. This article can serve as an aid for further research in the field of linguistic characteristics of professional slang in order to use them in translation practice.

Key words: classification, colloquial speech, emotional meaning of a word, English, slang, translation.

На сегодняшний день английский язык является международным и становится языком стандартизации для многих стран, чтобы стать впоследствии национальным языком. Сам язык подразделяется на стандартный и нестандартный английский язык. Стандартный английский язык может быть как в письменной, так и устной форме; на нем обычно преподают в школе, в высших учебных заведениях. Что касается нестандартного английского языка, то он используется в конкретной

ситуации, в неформальной обстановке. Сленг является одним из видов нестандартного английского языка.

Сленг используется определенной социальной группой для внутреннего общения, предназначенный для того, чтобы только члены этой группы смогли его понять. Часто предполагается, что человек, использующий слова или фразы, знаком с группой или подгруппой слушателя, что и можно рассматривать его как отличительный фактор внутригрупповой идентичности. Сленговые выражения часто отражают отношение и ценности членов группы. Для того чтобы выражение стало сленгом, оно должно быть широко принято членами субкультуры или группы. Сленг не имеет социальных границ или ограничений, поскольку он может существовать во всех культурах и классах общества, а также во всех языках [5].

Третье издание *New Oxford American Dictionary* называет сленг разновидностью языка, которая состоит из слов и выражений, считающихся сугубо разговорными, более распространенными в речи, чем на письме и употребляющимися в пределах определенного контекста или определенной группы людей [7].

И. В. Арнольд определяет сленг как «сугубо разговорные слова и выражения с грубоватой или эмоциональной шуточной окраской, неопробованные (непринятые) в литературной речи» [3, с. 249].

Как отмечает А.М. Акопянц, сленгом является «наиболее подвижный слой разговорной речи и субъязыков, включающий в себя широко распространенную общепонятную речевую микросистему, весьма неоднородную по своему генетическому составу, имеющую ярко выраженный эмоционально-экспрессивный оценочный характер и своеобразный вокабуляр, представляющий чисто насмешку над социальными, эстетическими и другими условностями и авторитетами» [1, с. 89].

Следует отметить, что сленг также представляет собой совокупность поразительно ярких и живописных разговорных лексических единиц, значения которых не совсем понятны окружающим и которые еще не приняты обществом как постоянный лексический состав национального языка [2].

Исследователи выделяют такие характеристики сленга:

- 1) сленг – часть случайного, неформального стиля использования языка. Сленг традиционно имеет негативный оттенок: часто воспринимается как «низкая» или «вульгарная» форма языка и считается неуместным в формальных стилях языка;
- 2) сленг меняется довольно быстро;
- 3) сленг часто связан с определенной социальной группой, например, подростковой, преступной (криминальной) и т.д. [4]

Существенный вклад в изучении сленга внёс британский лексикограф Эрик Партридж. Он проследил культурно-исторические

предпосылки динамического развития неформальной речи и популярности сленга на североамериканском континенте. В своей работе «Сленг сегодня и вчера» он выделяет следующие виды сленга [6]:

1. Кокни

Сленг кокни – это разновидность английского сленга, появившейся среди лондонцев в Ист-Энде. Существует два вида сленга кокни: первый используют образованные люди среднего класса, выходцы из регионов; второй популярен среди полуграмотных или вовсе неграмотных людей, известен как уличный кокни лондонский, а также английский, на котором говорят лондонцы. Так, словосочетание «eye in a sling» означает быть сокрушенным или побежденным, а выражения «see the breeze» и «taste the sun» является выражением летнего удовольствия от побега из Лондона на просторное место.

2. Сленг рабочего класса

Обычно этот сленг используется людьми в их работе, а также связан с деньгами. Отметим несколько примеров сленга рабочего класса: 1) brass – деньги. Данный общий термин возник на медном и металлургическом заводах; 2) hummered – женат; 3) want an upron – быть без работы.

3. Сленг торговцев

В сленге торговцев, как и в сленге рабочих, некоторые слова теперь связаны со сленгом их происхождения и используются также рабочими. На сленге торговцев говорят обычно портные, мясники, химики и строители. Выделим несколько примеров данного сленга: 1) House of Parliament – собрание помощников портных и подмастерьев в магазине; 2) sygur – деньги; 3) sod – пьяница.

4. Сленг коммерции

Сленг коммерции относится к сленгу, используемому в торговле. Этот сленг обычно используется, когда член комитета должен заключить соглашение или принять участие в торговле со своим клиентом. Коммерцию здесь также можно интерпретировать как бизнес-операцию. Обычно ведутся дела на бирже, на денежном рынке. Приведем примеры сленга в коммерции: 1) contract – сокращенно от примечания к контракту, то есть примечание, которое биржевой брокер отправляет своему клиенту, в котором описывается сделанная за него сделка; 2) take the rate – одолжить акции.

5. Сленг церкви

Сленг не только появляется у людей на улице или в их повседневной беседе, но также встречается в святых местах, таких как церковь. Некоторые примеры церковного сленга: 1) holly Joe – мелкая круглая корона, которую носят священнослужители; 2) candle shop – римско-католическая часовня.

6. Сленг государственных школ и университетов

В этой разновидности сленга учащиеся становятся главным

источником создания сленговых слов и выражений. 1) bonse означает «голова», например: «Look out, or I'll fetch you a whack across the bonse» («Берегись, или я нанесу тебе удар по голове»); 2) bung означает ложь, пример: «Everything he said is a bung» («Все, что он сказал, – чушь»); 3) выражение «What's the mat?» означает «What is the matter?» («В чем дело?»).

Сленговый язык в университете отличается от сленга, используемого в государственных школах. Приведем несколько примеров: 1) damn – вред, поломка, ущерб; 2) lesser – лекция; 3) screwed up – быть побежденным.

7. Сленг искусства

Слова и выражения искусства быстро принимаются обществом, однако собственно сленг в искусстве угадать в наши дни труднее. Примеры сленга в искусстве: 1) frame – картина; 2) sculpt – работать в скульптуре; 3) put the value on – подписать картину.

8. Театральный сленг

Сленг в театре связан со сленгом в искусстве, потому что театр – это одно из видов искусства. Сам театральный сленг начинает развиваться в девятнадцатом веке и расширить свое влияние на обычный и неформальный разговорный английский. Появляются новые художники, которые позже используют сленг в своих произведениях. Римские писатели Плут, Гораций, Ювенал и Петроний использовали сленг в стилистических целях. У. Шекспир также использовал сленг в своих пьесах.

В театральном сленге есть несколько знакомых терминов, например, актера-профессионала называют pro. Человека, которого иногда нанимают за ничтожное вознаграждение, чтобы он выходил на сцену одним из толпы, или когда требуется большое количество актеров, чтобы произвести впечатление, зовут sure. Известно, что слово «ben» – это пособие, а sal – заработная плата. Приведем и другие примеры сленга в театре: 1) acting lady означает недееспособная актриса. От плохой актерской игры подавляющее большинство общества женщины и девушки выходят на сцену; 2) paper house – театр, у которого на спектакле есть аудитория, состоящая в основном из тех, кто пришел с «бумажным» билетом.

Таким образом, можно утверждать, что язык является живым, динамичным, он развивается вместе со временем, тенденциями и обществом. Сленговые выражения постоянно возникают, но также и исчезают, однако, много из них остаются частью эпохи, и становятся неотъемлемой особенностью определенного периода в жизни социума.

Список использованных источников

1. Акопянц А. М. Современный английский язык в контексте прагмалингводидактики. Пятигорск: ПГЛУ, 2007. 182 с.

2. Антрушина Г. Б. Стилистика современного английского языка. Санкт-Петербург: Владос, 2002. 767 с.

3. Арнольд И. В. Стилистика (современный английский язык). М.: Флинта, Наука, 2002. 384 с
4. Akmajian A. Linguistics: An Introduction to Language and Communication. Cambridge: The MIT Press, 1984. 630 p.
5. Muzayyanah A description of slang translation in the Diary of a Wimpy Kid novel. Semarang, 2015. 85 p.
6. Partridge E. Slang To-Day and Yesterday. London: Routledge & Kegan Paul LTD, 1971. 488 p.
7. Stevenson A. New Oxford American Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2010. 2096 p.

УДК 811.112

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА
ДРАМАТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ТЕННЕССИ УИЛЬЯМСА
НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

Н. В. Пасекова,

*кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и
практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. В статье рассмотрены основные теоретические основы и практические подходы к переводу драматических произведений. Существенным фактором остается проблема выбора переводческих стратегий и тактик в процессе перевода драматических произведений. На примере пьесы Т. Уильямса «Стеклянный зверинец» анализируются особенности языкового воплощения стилистических явлений оригинального текста в переводе на русский язык.

Ключевые слова: драматический текст, переводческие стратегии, адекватность перевода, «Стеклянный зверинец» Т. Уильямса.

Summary. The article deals with the main theoretical and practical approaches to the translation of dramatic works. The problem of choosing translation strategies and tactics in the process of translating dramatic works remains a significant factor. On the base of T. Williams' play «The Glass Menagerie» the peculiarities of the translation of stylistic phenomena of the original text translated into Russian are analyzed.

Key words: dramatic text, translation strategies, translation adequacy, «The Glass Menagerie» by T. Williams.

XX век стал классической эпохой для развития американского театра и драматургии. Американская драматургия на протяжении долго времени подражала английскому и европейскому театрам. Вплоть до начала XX века европейская драматургия считалась престижнее американских постановок. Именно в начале XX века в американской драматургии наблюдаются изменения. Стремительно развивалась поп-культура, в частности, жанр водевиля (вариация эстрады с клоунадой, скетчами,

музыкой). Среди драматургов, привнесших значительные изменения в драматургию Америки, можно выделить Теннесси Уильямса.

Особенный статус драмы, которая находится на стыке литературы и театра, дает возможность рассматривать драматический текст как художественно целостный, способный развиваться с помощью средств другого вида искусства. Такая двойственность определяет множественные характерные закономерности драмы, ее специфику, трудности перевода драматических произведений.

Основополагающим фактором драматических произведений является действие, которое разворачивается сегодня, в настоящем времени, и предназначено для разыгрывания прямо на глазах зрителей, выделяясь динамичностью, постоянством. Другими словами, такие тексты раскрывают само действие, которое выполняется персонажами, а не повествует об этом действии.

Драматург зависим от закона действия в развитии. Главный текст – это цепочка высказываний персонажей, их фраз, монологов. Отсюда следует некая сжатость художественных ресурсов драматического текста. Литератор-драматург использует всего небольшую долю предметно-образительных средств, раскрывая поведение и поступки персонажей главным образом в их монологах, диалогах, репликах.

Диалог в драматическом тексте – главный метод развития действия, а также основополагающее средство передачи характеров персонажей. При помощи диалогической речи разворачивается внешняя и внутренняя жизнь героев.

Еще одной формой речевой характеристики главных героев в драматическом тексте является монолог. Монолог направлен либо на самого персонажа, либо к другим героям пьесы, но, в отличие от диалога, монолог не требует ответов на реплики. Посредством монолога раскрываются идеалы, духовная жизнь персонажей, сложность характера, а также убеждения героев.

Помимо этого, в драматургии разработана такая достаточно стабильная форма организации речевого ряда, как реплика. Репликой именуется ответ на предшествующую речь или незамедлительное парирование аргумента. Смысл реплики сохраняется только в случае соединения с предыдущей и последующей репликами.

Характерным элементом реплики является ремарка. Ремарку можно описать как непосредственное «встревание» автора, разъяснение действия и донесение до зрителя дополнительного смысла, что по большому счету ведет к разрушению иллюзии повествования.

Что касается языка персонажей в драматическом произведении, он в корне отличается от нашей повседневной, разговорной речи. Язык героев более экспрессивен, он не предназначен для простого общения в жизни, ведь пьеса – это игра, следовательно, и язык персонажей должен соответствовать данной игре. Реплики отражают общение героев друг с

другом и со зрительным залом. С точки зрения лексического контекста, речь персонажей предполагает стилистическое соответствие реплик характеру героев.

При переводе пьес, проблемы, связанные с переводом текстов, получают новое измерение, так как текст – это лишь один из многочисленных элементов театрального дискурса. А язык, на котором написана пьеса, представляет собой лишь один из элементов сложной системы слуховых и визуальных знаков. Кроме того, текст пьесы содержит и жестикуляционный подтекст, определяющий движения актера на сцене в ходе спектакля [1, с. 154].

Как мы уже отмечали, текст драматического произведения – это, прежде всего, диалог в действии, который в переводе должен сберечь свою «действенность», сконцентрированность мыслей и действий, и оставаться сценическим и удобным для произнесения актерами, а отсюда – понятным для восприятия на слух.

В теории перевода существуют общие требования к языковой стороне переводного текста драматического произведения. Как отмечает, должны соблюдаться следующие требования:

1) в аспекте произнесения – удобство произношения (отсутствия неблагозвучия, ложных фонетических ассоциаций, скопления согласных, множество односложных и служебных слов);

2) в аспекте стиля – стилизованность языка, то есть некая эмоциональная выразительность, языковое обособление героев, метафоричность реплик, их несовпадение с бытовым диалогом;

3) в аспекте контакта со зрителями – нацеленность реплик и множество адресатов. Принятие во внимание особенностей звучащей речи приводит к более тщательному подбору слов и такому формированию реплик, которое исключает неясность и двусмысленность в устной передаче (М. Ю. Лукинова) [2, С. 28-29].

Задача переводчика лежит в поиске адекватных способов отображения стилистических особенностей речи персонажей и сохранении художественных средств, присущих тексту оригинала. Переводчик должен знать весь путь, который предстоит пройти персонажу на протяжении спектакля.

Рассмотрим некоторые примеры речевых характеристик персонажей пьесы «Стеклянный зверинец» в оригинале и переводах пьесы, осуществленных А. Завалий и Г. Злобиным.

«Стеклянный зверинец» – первая пьеса Т. Уильямса, которая принесла ему известность. Данная пьеса написана с характерной для драматурга тематикой – это обреченность людей, которые эмоционально привязаны к своему прошлому.

Т. Уильямсом рассказывает историю разрушения одной семьи: мама, сын и дочь больше не в состоянии претерпеть безвыходность проживания вместе в придуманном мире иллюзий, в существование

которого верит Аманда (мать главных героев). Несмотря на то, что Аманда полна жизнелюбией и оптимизма, она не смогла вписаться в тогдашнее послевоенное общество, не могла смириться и с тем, что ее молодость уже давно позади, что ее оставил муж. Аманда любит придумывать жизнь для своих детей и полагает, что единственной романтикой, которую мог бы позволить себе Том, ее сын, – это приблизить продвижение по службе, а дочери Лауре не следует мечтать о любви – лучше думать об успешном замужестве. Идя на поводу у матери, хрупкая Лаура пытается понравиться холостяку Джиму О'Коннору, пытается стать как все, но попытка заканчивается провалом и маловероятно, что девушка может прийти в себя после столь горького потрясения. Том, несмотря на то, что ушел из семьи и решил начать новую жизнь, вынашивает в груди незалеченную рану и клеймо отвергнутого.

Приведем примеры из текста оригинала пьесы «Стеклянный зверинец» и прокомментируем их перевод на предмет адекватности с учетом требований, которые предъявляются к языку драмы.

«But since I have a poet's weakness for symbols, I am using this character also as a symbol; he is the long-delayed but always expected something that we live for» [5, p. 3].

Перевод А. Завалий: «Но из-за моей поэтической слабости к символам, я и его использую в качестве символа; он есть то запоздавшее, но всегда ожидаемое, ради чего мы все жили» [3, с. 5]. Перевод Г. Злобина: «Я питаю слабость к символам — не одним же поэтам иметь такую слабость, и оттого он тоже символ чего-то такого, что никогда не приходит, но чего мы всегда ждем и ради чего живем» [4, с. 11].

Строки, переведенные А. Завалий, произносить стало легче благодаря сокращению количества слов в строке. Несмотря на это, переводчик не утерял смысл предложения и донес его до читателя. Г. Злобин жертвует удобством произнесения для смыслового уточнения. В данном отрывке речь идет о Джиме. Он, являясь посланником из реального мира, от которого отрезано семейство Уингфилд, считается самым реалистичным героем в пьесе. Здесь автор сравнивает Джима с символом.

«Amanda: Temperament like a Metropolitan star!» [5, p. 4].

Перевод А. Завалий: «Аманда: Темперамент просто как у звезды Метрополитена» [3, с. 5]. Перевод Г. Злобина: «Аманда: Подумаешь, какой нежный – тоже мне звезда в Метрополитен-опере» [4, с. 12].

В тексте оригинала мы видим сравнение. Анализируя перевод А. Завалий, отметим, что переводчик сохранил сравнение, предложенное автором. В переводе Г. Злобина сравнение уже не столь очевидно, как в исходном тексте, хотя фраза звучит оригинальнее.

«Laura: Mother, when you're disappointed, you get that awful suffering look on your face, like the picture of Jesus' mother in the museum!» [5, p. 8].

Перевод А. Завалий: «Лора: Когда ты бываешь расстроена, мама, у тебя на лице появляется это ужасное выражение страдания, как у матери

Иисуса на картине в музее!» [3, с. 9]. Перевод Г. Злобина: «Лаура: Мама, когда ты огорчаешься, у тебя такой страдальческий вид, как у божьей матери на картине в музее» [4, с. 17].

Анализируя оба перевода, мы видим, что переводчики достаточно хорошо перевели данную фразу, сохранив сравнение, которое имеется в тексте оригинала.

«Laura [in a tone of frightened apology]: I'm – crippled!» [5, p. 10].

Перевод А. Завалий: «Лора (как бы испуганно прося прощение): Я – калека!» [3, с. 10]. Перевод Г. Злобина: «Лаура (испуганно, словно прося прощения). Ведь я... я инвалид!» [4, с. 19].

А. Завалий перевел слово «crippled» как «калека», заменив глагол на существительное.

Г. Злобин также заменил глагол на существительное и использовал слово «инвалид». В его переводе появляется частица «ведь».

Повтор местоимения «я» у Г. Злобина указывает на то отчаяние, которое испытывает Лаура – она не может считать себя полноценным человеком из-за своей хромоты.

«What is the matter with you, you – big – big IDIOT!» [5, p. 11].

Перевод А. Завалий: «Аманда: Что с тобой случилось, ты, – большой – большой – идиот!» [3, с. 11]. Перевод Г. Злобина: «Аманда. Что ты болтаешь? В чем дело?.. Идиот ты этакий!» [4, с. 21].

В исходном тексте мы видим прием лексического повтора, целью которого является повышение экспрессивности текста. А. Завалий в своем переводе частично сохранил повтор «большой, большой», а Г. Злобин применил прием опущения, но для передачи эмоциональности реплики добавил разговорное местоимение «этакий», которое употребляется при выделении какого-либо качества, свойства, состояния.

«He was the only one at the warehouse with whom I was on friendly terms» [5, p. 24].

Перевод А. Завалий: «С ним одним в магазине я был в приятельских отношениях» [3, с. 23]. – Перевод Г. Злобина: «Джим – единственный человек в магазине, с кем я был на дружеской ноге» [4, с. 39].

Перевод А. Завалий более точный, дословный. Г. Злобин привнес в перевод лексические изменения, переведя фразу «on friendly terms» фразеологизмом «на дружеской ноге» – применение данного фразеологизма добавляет яркости, образности и живости в тексте. Перевод, предложенный Г. Злобиным, кажется выигрышнее за счет такого речевого оборота.

Laura: «To me it sounded like thunder!» [5, p. 37].

Перевод А. Завалий: «Лора (содрогаясь при воспоминании): По мне, так я просто гроыхала» [3, с. 33]. Перевод Г. Злобина: «Лаура: А мне казалось, будто гром гремит» [4, с. 52]. В тексте оригинала мы видим сравнение «like thunder». В переводе А. Завалий утеряно сравнение, хотя предложенный вариант ничуть не проигрывает, привносит в реплику

дополнительное экспрессивное значение. Г. Злобин же сохранил данное сравнение.

При переводе пьес, проблемы, связанные с переводом художественных текстов, получают новое измерение, так как текст – это лишь один из многочисленных элементов театрального дискурса. А язык, на котором написана пьеса, представляет собой лишь один из элементов сложной системы слуховых и визуальных знаков.

При передаче драматического произведения переводчику необходимо ознакомиться с творчеством автора, контекстом написания драмы, изучить стиль автора, рассмотреть культурно-исторический колорит текста, понять характер главных героев, и только потом сосредоточиться на адекватном переводе текста.

Исследование драматических переводов и выяснение их специфики является необходимым и актуальным для современной теории перевода. Целесообразными оказываются вопросы, касающиеся критериев оценки перевода драмы, приемов и способов передачи позиции автора и переводчика. Существенным фактором остается проблема выбора переводческих стратегий и тактик в процессе перевода драматических произведений.

Список использованных источников

1. Казакова Т. А. Практические основы перевода English – Russian: учеб. пособие. СПб., 2001. 288 с.
2. Новикова М. А. Стиль автора и стиль перевода: [Учеб. пособие для спец. «Иностр. яз. и лит.».]. Киев: УМКВО, 1988. 81 с.
3. Уильямс Теннесси. Стеклозверинец / Перевод А. Завалий. 1947. 42 с.
4. Уильямс Теннесси. Стеклозверинец / Перевод Г. Злобина. Москва, изд-во "Гудьял-Пресс", 1999. 64 с.
5. Williams Tennessee. The Glass Menagerie. 1944. 37 p.

УДК 811.12

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ: ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА ОСНОВЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ К. С. ЛЬЮИСА)

Н. В. Пасекова,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

О. С. Альджбур,

обучающийся второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В работе исследуются лингвистические особенности английской литературной сказки со стороны перевода. Основой

исследования послужили произведения К. С. Льюиса. Сказка, как художественный текст, является носителем культурно-исторической информации об определенном народе. Цель данной работы – выявить лингвистические особенности переводов английских литературных сказок с лингвистической точки зрения на основе произведений К. С. Льюиса. Сказка как вид литературного произведения наделена едва ли не самым богатым арсеналом средств художественного воздействия: эпитеты, сравнения, фразеологические обороты. В тексте перевода данные компоненты должны быть адекватно отражены, поскольку в них содержится информация о характерных чертах исходной культуры, т.е. культуры народа, которому принадлежит оригинал.

Ключевые слова: перевод, литературная сказка, детская литература, К. С. Льюис.

Summary. This work examines the linguistic features of the English literary tale from the point of translation. The research is based on the works of C. S. Lewis. A fairy tale, as a literary text, is a carrier of cultural and historical information about a particular people. The purpose of this work is to identify the linguistic features of translations of English literary tales from a linguistic point of view based on the works of C. S. Lewis. A fairy tale as a type of literary work is endowed with the richest arsenal of means of artistic influence: epithets, comparisons, phraseological turns. These components should be adequately reflected in the translation text, since they contain information about the characteristic features of the original culture, i.e. culture of the people to whom the original belongs.

Key words: translation, literary tale, children's literature, K. S. Lewis.

Особенности жанра «сказка» и его истории не раз поднималось в отечественном литературоведении в трудах А. Н. Пыпина, М. Н. Сперанского, С. В. Савченко, Ю. М. Соколова. Первоначально сказка определяется и понимается через какой-нибудь другой, родственной ей, жанр. К 1940-м годам было наконец достигнуто некоторое понимание характера сказки, был понят характер сказки и ее разнообразие, понятие «сказка» было сужено и больше не отождествлялось с повестью, притчей, романом, былиной. Однако все исследования были разрознены и не составляли единой системы, а также иногда сопровождалось ложными представлениями. Проведя разносторонний анализ разных точек зрения данной проблемы, мы пришли к выводу, что следует, прежде всего, различать сказку народную, или фольклорную, как эпический жанр устного народного творчества, и сказку литературную, как особый литературный жанр. Отдельный жанр литературы, известный как литературная сказка, начал активно развиваться еще в прошлом столетии и стал полноправным жанром литературы. В современном литературоведении данный жанр все еще активно исследуется и развивается, однако до сих пор нет четкого и структурированного определения и ее жанровых особенностей. В истории развития британской

литературной сказки прослеживается три «золотых века» британской литературной сказки. Первый век датируется 1850–1920 гг. Этот период ознаменовался расцветом жанра и связан с именами Р. Киплинга, Дж. Макдональда, К. Грэма, Э. Несбит, Б. Поттер, Д. М. Барри, Л. Кэрролла и других. Второй «золотой век» детской литературы датируется периодом с 1920 по 1950 годами и связан с именами Алана Милмена и Хью Лофтинга. Третий «золотой век» детской литературы начинается со второй половины 20 века и связан с фантастическими сказками Клайва Льюиса и Филиппы Пирс.

Все вышесказанное позволяет нам сделать вывод, что в структурном плане литературные и фольклорные типы сказок смогли образовать единую жанровую систему, внутренняя дифференциация которой проистекает, скорее, из форм бытования соответствующих текстов. При этом литературная сказка использует фольклорные мотивы и образы в качестве элементов некоторого литературного кода. Отличительной чертой британской литературной сказки в ее канонической формы является, прежде всего, ориентация жанра на детскую аудиторию (что было абсолютно не характерно для народной сказки), а также внедрение жанра в систему жанров современной фантастической литературы (среди которой выделяется особый тип фантастики – фэнтези, – «подпитывающий» в том числе и сказочный жанр). Из всех существующих типов народной сказки наибольшее влияние на формирования сказки литературной оказала волшебная сказка, хотя невозможно исключать и присутствие элементов других типов фольклорной сказки. В то же время проблема влияния различных видов народной сказки на формирование литературной сказки в различных ее жанровых и исторических вариантах требует отдельного и более подробного изучения.

Литературный перевод текстов считают самым сложным из всех видов письменного перевода. Цель переводчика заключается в том, чтобы текст перевода вызывал те же эмоции у читателя, что и оригинальный текст. Этого можно добиться путем избегания дословного перевода, который не воспроизведет должного эмоционального эффекта оригинала. У переводчика текста всегда две роли: получатель текста – оригинал и отправитель текста – перевод. Однако специфика художественного текста заключается в необходимости выполнения этих обеих ролей одним человеком. Работа переводчика – найти неформальные эквиваленты, соответствующие методике каждого автора. При всей важности сохранения национально-культурных особенностей переводческого произведения необходимость передать индивидуальный стиль автора, авторскую эстетику, проявляющуюся как в идеологической, так и в самой художественной концепции, остается принципиальной и в выборе средств для его достижения.

Важную роль в художественных текстах играют образные средства литературного русского языка и слова, которые реализуют свое значение в

контексте. Данные лексические единицы образуют основу для текстов и позволяют автору создать образность, что особо важно и актуально для этого стиля. Также в данном функциональном стиле слову отводится номинативно-изобразительная функция, а также широко используется многозначность слова. Это позволяет раскрыть в текстах новые смыслы и смысловые оттенки, а также образовать синонимию на всех языковых уровнях. В английских авторских сказках можно встретить всё: иронию, юмор, сарказм, отблески грустных и трагических событий, легкое и незамысловатое повествование, наличие большого количества стилистических приемов, оборотов речи, понятий и конечно же поучающий и глубокий смысл, заложенный в, казалось бы, простую и ничем не примечательную сказку.

Многие зарубежные критики считали, что творчество К. С. Льюиса сочетает в себе черты романтизма и реализма, но отличается философской углубленностью. В его произведениях обнаруживаются его философско-религиозные взгляды, которые были сформированы с опорой на христианскую веру, что свидетельствует о преемственности его произведений в отношении к традициям и устоям английской литературы, которая еще со времен мрачного Средневековья во многом опирается на церковь и вобрала в себя всю проблематику духовности.

Хроники Нарнии – это цикл из семи фэнтезийных сказок, которые были написаны Клайвом Стэйплзом Льюисом. В них рассказывается о приключениях детей в волшебном мире в стране Нарния, где животные умеют разговаривать, люди живут бок о бок с магическими существами, магия никого не удивляет, а добро борется со злом. Чтобы создать свой сказочный мир Нарнии, автор обращается к античной, германско-скандинавской, средневековой европейской, древневосточной, славянской, христианской и даже к исламской традициям. Но все же основным источником при написании истории для автора стало Евангелие, так что можно прийти к выводу, что вся история Нарнии повествует о Христе, явленном в образе льва Аслана.

В ходе данного исследования был проведен сопоставительный анализ переводов на русский язык волшебной литературной сказки К. С. Льюиса «Лев, колдунья и платяной шкаф», опубликованной в Великобритании в 1950 году с целью выявления лингвистических особенностей перевода английской литературной сказки.

Для выполнения сопоставительного анализа были выбраны переводы, выполненные Г. А. Островской (1978) и В. Воседого (2002). Разница между этими двумя переводами начинают проследиваться уже на уровне заголовка, но на уровне стилистической окраски произведения можно заметить колоссальную разницу. Так, в переводе Г. А. Островской наблюдается тенденция так называемого «сглаживания острых углов», которые могли бы нанести вред детской психике юных читателей. В. Воседой же активно пользуется нелитературной лексикой и

жаргонизмами. Например, в его переводе можно найти недетские ругательства, звучащие их детских уст, а также грубость по отношению к друг другу в моменты особого напряжения.

Для более понятного восприятия сказки маленькими читателями необходимы конкретные образы, так как сложные метафоричные высказывания часто остаются за гранью детского понимания, а обильное использование специальной лексики и устаревших слов может сделать книгу непривлекательной для ребенка.

При переводе литературных сказок следует отметить важную роль звукоподражания. Известно, что дети любят разные формы ономотопеи, так как ее употребление привлекает их внимание и способствует полному и всестороннему погружению в сказочный мир. Одной из трудностей перевода сказочных текстов является перевод имен персонажей. Так, например, имя фавна в оригинале звучит как «Tumnus», а в переводах «Тамнус» и «Тумнус», а имя льва «Aslan» передали через транскрипцию как «Эслан» и транслитерацию «Аслан».

Особый полет фантазии переводчиков можно отметить в перечислении нечисти, которую Колдунья призывает к себе на помощь. «Cruels» можно перевести как «злыдень», «Hags» – «ведьмы», «Spectres» – «приведения», «the people of the Toadstools» – «поганцы». И если Г. А. Островская дополняет произведение К. С. Льюиса персонажами русского фольклора (лешие), а приведений нарекает «вурдалаками» (вампирами), то В. Воседой вводит собственных героев, таких как Лихорадка и Бледная немочь.

Жанр литературной сказки отличается не только важным литературным значением, но и является очень важным социокультурным аспектом, участвующем в формировании подрастающего поколения. Основываясь на сказочных героях, их поступках и характерах происходит создание мировоззрения ребенка, его мнения о людях, зле и добре, культуре.

При оформлении текста сказки переводчику необходимо учитывать тот факт, что детская литература отображает более ограниченную действительность. Но она не нуждается в расширении, уменьшении, в ослаблении фантастических элементов текста. Обязательным является учитывание специфики каждой культуры, интерпретации фактов, процессов, явлений, присущих каждой сказке. Все эти компоненты должны быть отражены адекватно в тексте перевода, ведь в них существует информация об особенностях исходной культуры, которой принадлежит подлинное произведение.

Список использованных источников

1. Брауде Л. Ю. К истории понятия «литературная сказка» // Известия АН СССР, серия литературы и языка. Москва: Наука, 1977. 235 с.

2. Брауде Л. Ю. Скандинавская литературная сказка. Москва: Наука, 1979. 206 с.
3. Льюис К. С. Хроники Нарнии. Лев, Ведьмарка и Зеркальный Гардероб. Москва: Эксмо, 2003. 804 с.
4. Льюис К. С. Хроники Нарнии. Лев, Колдунья и платяной шкаф. Москва: Эксмо, 2005. 124 с.
5. Польшикова Л. Д. Сказка литературная // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / под ред. Н.Д. Тамарченко. Москва: Лабиринт, 2008. С. 235
6. Пропп В. Я. Морфология сказки: исследования по фольклору и мифологии Востока. Москва: Лабиринт, 2001. 144 с.
7. Lewis C. S. The Lion, the Witch and the Wardrobe. New York: Macmillan, 2017. 106 p.

УДК 81'25

CURA TE IPSUM:

ГДЕ, ЧЕМУ И КАК УЧАТСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ ПЕРЕВОДА¹

О. В. Петрова,

кандидат филологических наук, доцент, начальник Международной научно-исследовательской лаборатории «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения»; профессор кафедры теории и практики английского языка и перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород

Аннотация. В настоящее время в нашей стране не существует системы профессиональной подготовки преподавателей перевода. Перевод преподают либо переводчики, не имеющие педагогического образования, либо преподаватели иностранных языков, не имеющие переводческого образования. Нужна система профессиональной переподготовки преподавателей перевода с двумя разными видами программ: для имеющих переводческое образование и для имеющих педагогическое образование. По такому же принципу можно построить подготовку преподавателей перевода в формате магистратуры с разными учебными планами для имеющих степень бакалавра в области перевода и переводоведения и для бакалавров-преподавателей, так чтобы в результате каждый мог получить полный набор компетенций, необходимый для преподавания перевода.

Ключевые слова: преподаватель перевода, компетенции, образование, переподготовка, подготовка.

Summary. There is no specialized system for professional training of translation teachers in our country. Translation is taught either by translators with no degree in education or by teachers of foreign languages with no degree

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00149.

in translation. It is necessary to have a system of professional retraining with different programs for those having a degree in translation and those with a degree in education. Master level programs for training translation teachers can also be developed with different syllabi for bachelors in translation and bachelors in education, so that as a result everybody would acquire all the competences necessary for teaching translation.

Key words: Translation teacher, competences, education, retraining, training.

На переводческих факультетах готовят переводчиков. На педагогических – учителей и преподавателей разных дисциплин: математики, биологии, физкультуры. Но на переводческих факультетах не учат что бы то ни было преподавать, а на педагогических не учат не только преподавать перевод, но даже и самому переводу не учат. Так откуда же берутся преподаватели перевода?

Проблема подготовки преподавателей перевода широко обсуждается в переводоведческой литературе. Пишут о том, какими компетенциями должны обладать преподаватели перевода, о том, каким в структуре их профессиональной деятельности должно быть соотношение преподавания, практического перевода и научной работы в области переводоведения. Так или иначе, в большинстве случаев авторы сходятся на том, что преподаватель перевода обязательно должен быть практикующим переводчиком, а желательно еще и переводоведом [2].

История становления системы массовой подготовки переводчиков в нашей стране хорошо известна. Когда в 90-е годы прошлого столетия внезапно возникла потребность в большом объеме переводов (как устных, так и письменных) и, соответственно, в подготовке большого количества переводчиков, оказалось, что учить их некому. И для этого были срочно мобилизованы вузовские преподаватели иностранных языков, которые сами не имели ни переводческой подготовки, ни опыта практического перевода (тем более – перевода в условиях реального рынка переводческих услуг). К чему это привело, подробно описано в [1].

Так или иначе, за прошедшие годы в стране появилось большое количество преподавателей, обучающих студентов теории и практике перевода. Для того чтобы понять, какими компетенциями они обладают и как формировались эти компетенции, группой исследователей из Высшей школы перевода Нижегородского государственного лингвистического университета было проведено анкетирование преподавателей перевода из разных вузов, в которых ведется подготовка профессиональных переводчиков.

Результаты этого анкетирования оказались вполне предсказуемыми. Они показали, что на сегодняшний день у 45,8% опрошенных преподавателей перевода нет переводческого образования. Это значит, что их никогда не учили ни практике, ни теории перевода. И практические навыки, и теоретические знания (а из 54 респондентов, читающих лекции

по теории перевода, переводческого образования нет у 23) они приобретали самостоятельно. При этом, как показал анализ ответов, касающихся курсов профессиональной подготовки, 90,7% преподавателей перевода нигде и никогда не изучали дидактику перевода и не учились перевод преподавать.

Отсутствие подготовки в области дидактики перевода приводит к тому, что во многих случаях обучение переводу сводится к отработке неких стандартных переводческих приемов (чаще всего лексических и грамматических трансформаций) – т.е. исключительно к обучению технологии перевода. В действительности же главная задача преподавателя перевода – формирование у студентов профессионального переводческого мышления. А для того чтобы его формировать, преподаватель должен обладать им сам. Он должен уметь профессионально воспринимать всю ситуацию перевода, видеть место и функции переводчика в сложной и неоднозначной конфигурации «автор – инициатор перевода – заказчик – текст оригинала – переводчик – конечный получатель перевода». Он должен уметь видеть текст оригинала в контексте конкретной коммуникативной ситуации его создания и осознавать характер коммуникативной ситуации выполнения перевода и дальнейшего использования этого перевода заказчиком. И главное – он должен научить этому умению студентов.

Бесспорно, среди преподавателей есть талантливые люди, которые, не имея переводческого образования, самостоятельно научились хорошо переводить, освоили теоретические основы переводоведения и стали прекрасными преподавателями перевода и переводоведения. Достаточно вспомнить, что переводческого образования не было у В. Н. Комиссарова, одного из основоположников отечественной теории перевода. Но это все-таки исключения. Чаще всего самообразование оказывается эклектичным и превращается в механическое усвоение отдельных, часто противоречащих друг другу концепций и положений. Приобретение же профессиональных знаний и тем более формирование особого профессионального типа мышления требуют системного и комплексного образования.

Столь же бесспорно и то, что практикующие переводчики, никогда не изучавшие никаких психолого-педагогических наук – и тем более дидактики перевода, – иногда становятся хорошими преподавателями (причем чаще всего интуитивно, без специального изучения принципов педагогики и методики). Но в большинстве случаев они работают по принципу «делай, как я», просто перенося в аудиторию свой переводческий опыт. А поскольку профессиональный опыт каждого отдельного человека неизбежно ограничен, то и представления о профессии, которые в таком случае получают студенты, оказываются столь же ограниченными.

Итак, ситуация с преподаванием перевода выглядит следующим образом: без малого у половины преподавателей нет переводческого

образования, у остальных нет педагогического и практически ни у кого нет специальных знаний в области дидактики перевода.

Это не может не сказываться на качестве переводов, с которыми нам повседневно приходится сталкиваться. Особенно сегодня, когда растет неправильное, неграмотное использование средств автоматического перевода. Наше информационное пространство заполняется переводами, в которых коверкается язык и искажается содержание. И противостоять этому можно только одним способом: повышением качества подготовки переводчиков. До тех пор, пока работодателю приходится выбирать между плохим переводчиком и компьютером, он будет выбирать компьютер, так как это много быстрее и дешевле. А для повышения качества подготовки переводчиков нужно прежде всего создать систему профессиональной подготовки преподавателей перевода.

В сложившейся ситуации необходимы разработка и создание двух видов программ: а) программ переподготовки уже работающих преподавателей и б) программ профессиональной подготовки преподавателей перевода.

В отличие от существующей системы краткосрочных курсов повышения квалификации, которые именно в силу своей краткосрочности не способны обеспечить серьезной профессиональной подготовки, программы переподготовки должны быть достаточно объемными. Но главная их особенность заключается в том, что это должны быть два разных варианта программ: для тех, кто имеет базовое переводческое образование, и для тех, кто имеет базовое педагогическое образование. Первых нужно учить преподаванию, вторых – переводу и переводоведению. И необходима обязательная общая составляющая этих программ – дидактика перевода.

По тому же принципу могут быть построены и программы подготовки преподавателей перевода, скажем, в формате магистратуры, куда будут принимать отдельно бакалавров-переводчиков и отдельно – бакалавров-преподавателей иностранных языков. И обучаться они будут по разным учебным планам – так, чтобы студенты в каждой группе получили недостающую часть образования, необходимого преподавателю перевода.

В сегодняшнем мире перевод приобретает особое значение. И потому, что растет интенсивность обмена информацией, и потому, что язык все чаще становится орудием влияния, психологического и идеологического воздействия. И от того, насколько точно переводчик понимает и передает написанное или сказанное, зависит очень многое – от здоровья человека до лингвистической безопасности страны. Поэтому так важно создать систему подготовки преподавателей перевода, которые, в свою очередь, могли бы обеспечить подготовку высококвалифицированных переводчиков. До тех же пор, пока действует принцип «преподаватель, научи себя сам», эта задача решена не будет.

Список использованных источников

1. Petrova O., Ivanov A. Can any foreign language teacher also teach translation? The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS www.europeanproceedings.com e-ISSN: 2357-1330 DOI: 10.15405/epsbs.2020.08.125 WUT 2020 10th International Conference “Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects”. P. 1075-1084.
2. Sdobnikov V. V., Shamilov R. M., Shlepnev D. N. The basic requirements to translator trainers competence. The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS www.europeanproceedings.com e-ISSN: 2357-1330 DOI: 10.15405/epsbs.2020.08.141 WUT 2020 10th International Conference “Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects”. P. 1227-1236.

УДК 81-11

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА НАУЧНОГО ТЕКСТА**Э. В. Пиванова,***кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь*

Аннотация. Цель исследования состоит в изучении когнитивной специфики перевода научного текста. В ходе исследования использовался общенаучный описательный метод, метод критического анализа научной литературы, сравнительно-сопоставительный метод, метод ситуативно-контекстологического анализа, метод интроспекции – с целью проверки основных теоретических положений путем самоанализа, обращения к результатам собственного опыта переводческой и лингвоаналитической работы. Представлена этапность перевода научного текста как базовый принцип реализации индивидуальной когнитивной матрицы переводчика, имплицитно динамическое восприятие и оценивание текста оригинала с точки зрения известного и неизвестного, с последующим выбором способа перевода той или иной единицы.

Ключевые слова: перевод, когнитивная матрица переводчика, стереотип, стратегии перевода, научный текст.

Summary. The aim of the study is to examine the cognitive specifics of scientific text translation. The study used descriptive method, the method of critical analysis of scientific literature, comparative method, method of situational context analysis, the introspection method for the purpose of verification of the basic theoretical positions by self-examination, addressing the results of their own experience of translation and linguistic analysis. The issue presents the stages of the scientific text translation as the basic principle for the implementation of individual translator's cognitive matrix, thus implying dynamic perception and evaluation of the original text in the terms of the known and the unknown, and then selecting the method of translation.

Key words: translation, translator's cognitive matrix, stereotype, translation strategies, scientific text.

Осмысление собственной работы с текстом научной статьи на новую для переводчика специальную тему [3] показало, что основные этапы порождения текст перевода могут быть представлены следующим образом:

1) Этап понимания ИТ – базируется на восприятии известного, знакомого и антиципации развертывания текста исходя из уже имеющихся у переводчика знаний и представлений [1]. Здесь важно различать «известное», относящееся к речевому стандарту функционального стиля и жанра, и относящееся к предметно-тематической области, к которой принадлежит анализируемый текст по своему содержанию.

Приведем пример: *Sales promotion is «a marketing communications tool that uses a variety of incentives for consumer and trade audiences to elicit specific measurable actions or responses»* – *Стимулирование сбыта – это «инструмент маркетинговых коммуникаций, при котором задействуется множество целый ряд стимулов целевой аудитории, воздействующих на целевую аудиторию для достижения измеримого / осязаемого желаемого действия или ответа предполагаемой ответной реакции».*

В приведенном фрагменте ИТ нет лексем, которые были бы неизвестны переводчику. Кроме того, было очевидно, что здесь дается дефиниция маркетингового понятия, стандартная по своему синтаксическому рисунку и грамматическому оформлению. Т.е. здесь на этапе узнавания и понимания особых трудностей не возникло, однако мы отметили необходимость уточнить русскоязычные терминологические эквиваленты для единиц, отмеченных подчеркиванием (семантическое их наполнение было отнесено к «знакомому», однако лексическое оформление средствами русского языка потребовало обращения к контекстным словарям и корпусу текстов). На этом же примере мы показали, что пословная подстановка «эквивалентов» (зачеркнутые единицы) на этапе понимания не гарантирует того, что они останутся эквивалентами на этапе перевода. Одна из ведущих причин, по которой потребовалась их трансформация – конвенции научного стиля в русском языке, с его более выраженной книжностью, номинативностью, избыточностью.

Наличие стереотипа (лексического, синтаксического, композиционного, а также стереотипа в отношении преобладания видов изложения и, что самое главное, их чередования) многие лингвисты объясняют тем, что большая часть видов научного общения лежит в области коллективной языковой деятельности. Последняя предполагает повторяемость определенных ситуаций, для описания которых возможно использование стереотипных средств выражения. И не только возможно: именно стереотипное решение представляется наиболее целесообразным, а оригинальное, необычное решение не является необходимостью [2, с. 103].

Так, в современной английской научной литературе для описания эксперимента используется целый ряд стереотипных синтаксических конструкций с устойчивым лексическим наполнением, и вряд ли нарушение этого стереотипа показалось бы читателю функционально оправданным.

2) Этап собственно перевода – заключается в подборе эквивалентных соответствий единицам перевода, динамически вычленимым по ходу самого переводческого процесса. Каждое конкретное переводческое решение становится точкой бифуркации: каждое слово, добавленное к создаваемому тексту перевода, становится причиной и условием выбора следующего слова, поскольку включается в микро- и макроконтекст, вовлекается в систему лексико-семантических и грамматических связей и, в свою очередь, оказывается источником новых связей и в то же время определяет границы возможной сочетаемости с новыми потенциальными единицами порожденного текста перевода. Здесь же решается вопрос о том, какое переводческое решение следует принять в случае отсутствия эквивалента в принимающем языке.

Соответственно, на данном этапе реализуются две взаимодополняющие стратегии: прототипическая и адаптивная [1]. Прототипическая стратегия переводчика заключается в вычленении в ИТ и передаче на ПЯ наиболее узнаваемого, знакомого; это, в основном:

- типичное логико-семантическое построение предложения: *As Keller mentioned above, BTL marketing communication has grown faster than ATL since it emerged in the 1980s.* – *Как упоминал выше Келлер, маркетинговые коммуникации BTL с момента своего появления в 1980-х развивались более стремительно, чем ATL.*

Предложение оригинала построено по хорошо узнаваемой логико-семантической модели: вводная часть, содержащая отсылку к источнику информации, и основное сообщение, построенное на основе сравнительного оборота. В английском варианте сравнительный оборот *BTL marketing communication has grown faster than ATL* представляет собой синтаксическое единство, при этом переводчик легко определяет, что уточнение временного периода *since it emerged in the 1980s* относится именно к *BTL* как к подлежащему в данном предложении (хотя они и дистанцированы в линейной плоскости текста); в переводе же на русский из соображений удобочитаемости, синтаксической стройности оказалось предпочтительнее сделать перестановку *BTL с момента своего появления в 1980-х*. Такая перестановка осуществляется переводчиком практически «на автомате», не требует серьезных когнитивных усилий и временных затрат, поэтому такие случаи мы будем относить к реализации прототипической стратегии перевода.

- известные термины, общенаучная лексика (входящие в структуру ментального лексикона переводчика): *Activities aimed at resellers, sales representatives, wholesalers and sellers (trade promotion) help to stimulate*

sales, accelerate turnover and increase sales by activating the work of the distribution network. This area includes such events as conferences, seminars, holidays, product presentations, joint promotions of manufacturers and sellers, bonuses and discounts, etc. – Деятельность, направленная на реселлеров, торговых представителей, оптовиков и розничных продавцов (стимулирование торговли), помогает ускорять оборот и увеличивать продажи за счет активной работы торговой сети. В эту сферу входят такие мероприятия, как конференции, семинары, праздники, презентации, совместные акции производителей и продавцов, бонусы, скидки и др.

В приведенном примере содержится большой процент единиц, имеющих терминологический статус в сфере маркетинга; все они входят в ментальную структуру переводчика, знакомы по опыту предыдущей работы с англоязычными текстами, поэтому здесь в полной мере сработала прототипическая стратегия перевода.

- наиболее типичные грамматические конструкции, перевод которых базируется на основе знаний о специфике ИЯ и ПЯ: *By means of activities aimed at the buyer (consumer promotion), the tasks of encouraging a trial purchase, stimulating repeat purchases, and increasing the frequency of product (service) consumption are solved.* – Посредством действий, направленных на покупателя (стимулирование покупательского спроса), решаются такие задачи, как стимулирование пробной покупки, а впоследствии и повторных покупок, а также увеличение частоты потребления товара (услуги).

Знание специфики тема-рематического членения предложений в английском и русском языках позволило без труда перестроить предложение и выразить мысль оригинала в наиболее удобной для русского читателя форме. Как и в следующем примере: *ATL marketing depends mainly upon traditional advertising media such as TV, radio and print. While ATL marketing is based on mass media channels, BTL marketing broadly includes various forms of nontraditional advertising such as sponsorship, sales promotion, etc.* – ATL-маркетинг главным образом полагается на традиционные рекламные площадки, такие как телевидение, радио и печать, т.е. на каналы массовой коммуникации. В BTL-маркетинге, в свою очередь, задействованы различные формы нетрадиционной рекламы – спонсорство, маркетинговые акции и т.д.

Здесь тема-рематический перенос был произведен на стыке предложений. В русском варианте более логично завершить первое предложение обобщением о том, что перечисленные средства маркетинга относятся к массовой коммуникации.

Адаптивная стратегия перевода включается в следующих случаях:

- перевод сложных, незнакомых терминологических групп: *According to the Russian classification BTL includes: sales promotion among consumers, staff and resellers; merchandising; direct marketing (mailing lists, television marketing; SMS-dispatch; interactive marketing, etc.); event marketing.* – В

соответствии в российской классификацией BTL включает в себя: рекламные акции среди клиентов, персонала и реселлеров; мерчандайзинг; прямой маркетинг (СМС-рассылки и рассылки по e-mail, ТВ-реклама, интерактивный маркетинг и т.д.); событийный маркетинг.

Перевод отмеченной части предложения потребовал обращения к словарям и корпусу аналоговых текстов, поскольку необходимо было не только установить правильный перевод для каждого термина, но и выяснить, какой из возможных вариантов перевода более употребим в текстах данной тематической принадлежности.

- необходимость экспликации логических связей, скрытых за усложненностью структуры предложения: *As the marketing environment has become complex and various alternatives or new media are used in marketing communication, a variety of marketing communication vehicles can be divided into BTL (below-the-line) and ATL (above-the-line) based on the media used to convey the marketing message.* – *В последние годы маркетинговая среда значительно усложнилась, что привело к внедрению в маркетинговые коммуникации новых площадок. В зависимости от площадки, на которой размещено маркетинговое послание, маркетинговые ходы можно разделить на BTL (below-the-line) и ATL (above-the-line).*

В приведенном контексте ИТ, действительно, усложненность синтаксического построения препятствует уяснению смысла, и при переводе удалось линейно «развернуть» компактную, почти объемную структуру англоязычного построения. Предложение было разделено на два самостоятельных, причинно-следственные связи выразили более просто и прозрачно.

- устранение в переводе многословия или тавтологии, присутствующих в тексте оригинала: *Such a development is attributable to a decline in the power of traditional advertising media, especially network television, which has been weakened and as such is less effective.* – *Такая ситуация сложилась вследствие ослабления влияния традиционных рекламных площадок, – в первую очередь, сетевого телевидения, – а значит, и снижения их эффективности.*

Трехкратное упоминание о снижении (спаде, ослаблении) в исходном варианте воспринимается как вполне органичное и соответствующее нормам ИЯ, однако в переводе для выражения этой же мысли (и степени экспрессии) хватило двух лексем с названной семантикой.

- редактирование грамматических и иных ошибок, могущих затруднить понимание текста оригинала. В процессе работы с материалом исследования мы не нашли очевидных ошибок, но общий опыт практической переводческой деятельности позволяет говорить о том, что в целом такие ошибки не являются редкостью; по возможности, мы стараемся уточнить у автора оригинального текста спорные моменты. Если

контакт с автором исключен, привлекаются все возможные источники информации, чтобы прояснить спорный момент.

3) Этап порождения текста перевода как целостного единства – выстраивание текста в его линейности, корректура синтаксического оформления и сверхфразовой организации. Этот этап последовательно переходит в этап постпереводческого редактирования. Названные процедуры представляют не менее важный шаг переводческой работы, поскольку при перечитывании целого текста выявляются недочеты, которые не заметны при работе с отдельными сегментами ТП. На данном этапе зачастую обнаруживается, что нарушено единство терминологии и использования аббревиации, может быть выявлен сбой в использовании грамматического времени, обнаруживаются тавтологии, потери, ошибки в орфографии и пунктуации. Если перечисленные недочеты не будут устранены, то даже самый успешный с точки зрения частных переводческих решений текст произведет не лучшее впечатление.

Список использованных источников

1. Нефедова Л. А., Ремхе И. Н. Когнитивные особенности перевода научно-технического текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 2 (015). С. 91–101.

2. Прошин А. В. Явление автоматизации стилистических качеств фразеологических единиц // Проблемы семасиологии и лингвостилистики. Рязань, 1973. Вып. 1. Ч. 1. С. 103.

3. Siddiqi Z., Sohail S., Ghazanfar Ali S., Nasim S. Impact of BTL Activities on Brand Awareness of Tetra Pack Milk [Electronic Resource] // International Journal of Multidisciplinary and Current Research. Aug 2014. Vol. – Mode of access: URL: <https://studylib.net/doc/8383560/impact-of-btl-activities-on-brand-awareness-of-tetra-pack>. (дата обращения 11.12.2020).

УДК 81-11

ТРАНСЛАТОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «ГАЗОВАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ»

Э. В. Пиванова,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь

Л. В. Фадеева,

обучающийся пятого курса специальности «Перевод и переводоведение», Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь

Аннотация. Цель исследования – выявление переводческой специфики терминологической лексики предметной области «Газовая промышленность». Применялся метод лингвистического описания трудностей, встретившихся в процессе перевода текста; сравнительно-

сопоставительный метод (при работе с аналоговыми текстами для выявления вариантных и трансформационных переводческих соответствий интересующих нас лексических единиц); контекстуальный метод; приемы количественного подсчета. Исследование показало, что на выбор способа перевода влияют предъявляемые к термину системные требования, языковые тенденции, контекст и ряд экстралингвистических факторов (например, влияние более развитых стран и их языка на ПЯ). При переводе терминологической лексики предметной области «Газовая промышленность» наиболее частотными способами оказались поиск эквивалента (72%) и калькирование (19%). Менее востребованным оказался описательный перевод.

Ключевые слова: перевод, терминологическая лексика, профессионализмы, переводческое соответствие, эквивалент, калькирование, описательный перевод, газовая промышленность.

Summary. The purpose of the study is to identify the translation specifics of the terminological vocabulary of the *Gas industry* sphere. We used the method of linguistic description of difficulties encountered in the process of text translation; comparative-comparative method (when working with analog texts to identify variant and transformational translation correspondences of lexical units); contextual method; quantitative counting techniques. The study showed that the choice of the translation method is influenced by the system requirements imposed on the term, language trends, context, and a number of extralinguistic factors (for example, the influence of more developed countries and their languages). When translating the terminology of the subject area *Gas industry*, the most frequent methods were equivalent search (72%) and calquing (19%). Less popular was the descriptive translation.

Key words: translation, terminology, professional terms, translation compliance, equivalent, calquing, descriptive translation, gas industry.

Мастерство технического переводчика включает в себя довольно внушительный перечень знаний, которыми он должен обладать. При работе с научно-техническими информативными текстами от переводчика требуются следующие компетенции: он должен на высоком уровне владеть предметными знаниями той специальной области, к которой принадлежат переводимые тексты, знать и понимать особенности процессов и технологий, применяемых в странах, на языке которых составляются тексты оригинала и перевода. Во-вторых, переводчик должен обладать собственно языковой компетенцией, владеть нормами изложения, присущими научно-техническим текстам на рабочих языках, а также свободно оперировать специальной терминологической лексикой, составляющей когнитивный и прагматический базис информативного текста [2, с. 15]. Необходимо отметить, что нефтегазовая тематика признается одной из сложнейших для перевода, поскольку темпы ее развития и появления новых понятий и терминов чрезвычайно высоки, а сам нефтегазовый сектор объединяет знания и технологии из самых

разных областей – химии, геологии, физики и др.

Устоявшимся способом передачи терминов при переводе является поиск прямого терминологического эквивалента. В случае отсутствия эквивалентного элемента в терминосистеме языка перевода существует ряд приемов для передачи его значения: калькирование, заимствование, переводческое транскрибирование и транслитерация и др. Для перевода терминов и терминологических сочетаний особо важным является семантический уровень, в рамках которого возможно использование некоторых переводческих трансформаций, в частности, генерализации и конкретизации, для передачи безэквивалентных терминов.

Методом сплошной выборки из текста, послужившего материалом исследования [3], нами было отобрано 105 примеров, иллюстрирующих применение различных лексических трансформаций при переводе терминологической лексики названной предметной области. Наше исследование показало, что при переводе терминологической лексики предметной области «Газовая промышленность» были использованы следующие способы перевода: поиск эквивалента (72%), описательный перевод (9%), калькирование (19%).

Стратификационный подход позволил разделить всю терминологическую лексику, составившую картотеку настоящего исследования, на несколько групп: общенаучная терминология, номенклатурная терминология (наименования), профессионализмы и сокращения. Общенаучная терминология – непосредственная часть научной речи, т. е. описания научных объектов и явлений. Основным способом перевода данного слоя лексики является перевод с помощью однозначных устоявшихся эквивалентных соответствий в языке перевода:

The simple correlations have been developed by correlating field slugging results to key parameters such as flow line diameter and fluid physical properties. – Простые корреляции были разработаны путем сопоставления результатов поиска пробок в волокнах с такими ключевыми параметрами, как диаметр линии пробок и физические свойства пробок в волокнах.

The rate of production of a gas well depends, principally, on two fundamental equations, namely Darcy's law and the material balance equation (Dake, 1978). – Добыча природного газа зависит, главным образом, от двух фундаментальных уравнений, а именно, закона Дарси и уравнения материального баланса (Дейк, 1978).

Примерами общенаучной терминологии в материале нашего исследования являются *amplitude, crude, diameter, gramm, kilogram, liquid, molecular weight, oil, power, viscosity, velocity* и др.

Особое место при переводе научно-технических текстов занимают термины-словосочетания. Существуют различные приемы их перевода, но чаще всего мы применяли прием калькирования. Калькирование как переводческий прием послужило основой для большого числа разного

рода заимствований при межкультурной коммуникации в тех случаях, когда транслитерация была почему-либо неприемлема из эстетических, смысловых или иных соображений [1, с. 88]:

During annular flow, the liquid phase flows largely as an annular film on the wall with gas flowing as a central core. – При кольцевом потоке жидкофазный слой преимущественно движется вдоль стенок, образуя «оболочку» в виде цилиндра, внутри которой перемещается газ.

In fact, an accurate knowledge of hydrocarbon fluid phase behavior is crucial in designing and operating the gas engineering processes efficiently and optimally. – На самом деле, точная информация о поведении углеводородной жидкой фазы имеет решающее значение для эффективного и оптимального проектирования и управления процессами газовой инженерии.

В данных примерах мы видим, что прием калькирования заключается в создании устойчивого словосочетания на языке перевода, копирующего структуру исходной лексической единицы. Также при этом он может сопровождаться изменением порядка слов. Данным способом были переведены следующие термины-словосочетания: *associated gas* – попутный газ, *abrasive grit* – абразивный порошок, *biogenic mechanism* – биогенный механизм/способ, *fluid property* – свойства флюида, *geological and geophysical costs* – геологические и физические затраты, *multistage hydraulic fracturing* – многоступенчатый гидроразрыв пласта, *phase behavior* – фазовое поведение и т.д.

Наибольший интерес для нашего исследования представляет перевод профессионализмов, которые зачастую появляются путем метафорического переноса значений слов бытовой лексики на терминологические понятия: по сходству формы, эмоциональной ассоциации и т.д.

Известное в обыденной жизни выражение *Christmas tree* и переводимое как *рождественская елка* имеет абсолютно иное значение в нефтегазовой сфере. Данный термин-профессионализм основан на метафорическом переносе значения. *Christmas tree* – сооружение из труб и клапанов, устанавливаемое в устье скважины для регулирования потока нефти или газа с целью предотвращения выбросов, внешне отдаленно напоминающее рождественскую ель:

Christmas tree often provides numerous additional functions: chemical injection points, well intervention means, pressure relief means, monitoring points (such as pressure, temperature, corrosion, erosion, sand detection, flow rate, flow composition, valve and choke position feedback), and connection points for devices such as down hole pressure and temperature transducers (DHPT). – Фонтанное устьевое оборудование часто выполняет многочисленные дополнительные функции: служит точкой введения внутрискважинного реагента, выполняет внутрискважинную обработку,

сброс/сравливание давления, осуществляет текущий контроль за определенными показателями и процессами (давление, температура, коррозия, эрозия, обнаружение песка в трубопроводах, расход газа, состав потока газа, получение обратной информации о положении клапана и фонтанного штуцера), а также служит пунктом подключения таких устройств, как датчики температуры и давления.

Многие элементы буровых установок и сопутствующие им объекты имеют названия, происходящие от номинаций животных, например, *doghouse*. Речь идет в данном случае не о собачьей будке, как мы могли бы подумать, а о небольшом бытовом помещении бурового мастера. Это небольшое строение, используемое для хранения мелких принадлежностей, инвентаря и т.д.:

A doghouse is the steel-sided room adjacent to an oil rig floor, usually having an access door close to the driller's controls. – Вагончик-бытовка – это помещение, изготовленное полностью из стали и примыкающее к полу нефтяной вышки. Как правило, дверь располагается рядом с пультом бурильщика (бурового мастера).

Термин *mousehole* также может привести в замешательство неопытного переводчика. Между тем, эта «мышьяная нора» означает «неглубокое отверстие под полом буровой вышки, в котором временно хранится ведущая бурильная труба и стояки труб во время наращивания бурильной колонны» или «шурф под квадрат или наращивание труб»:

Once the hole has been made, the rotating mousehole is installed under the rig floor. Little maintenance is needed for this device, though it should be covered when not in use. – После того как пробурили отверстие в земле под скважину, в этом месте устанавливают вращающийся шурф под квадрат. Для этого устройства требуется незначительное техническое обслуживание. В период, когда им не пользуются, отверстие должно быть закрыто.

А, например, термин *pig* – это далеко не «поросенок», а так называемая «металлическая чушка» или «скребок» – приспособление для очистки стенок труб, вставляемое внутрь трубопровода и несомое внутренним потоком нефти или газа. Данное приспособление проходит сквозь весь нефте-газопровод, собирая грязь:

Pigging is an option, but only after very careful consideration of the system's performance to understand the dynamics of the moving pig and continuous removal of the wax cuttings ahead of it. – Внутренняя очистка трубопроводов скребком – функция, которая становится доступна только после тщательного изучения проходимости системы с целью повышения динамики движения скребка и непрерывного удаления парафинистых отложений, которые он встречает на своем пути.

Профессионализм *go devil* напоминает название фильма ужасов или главы детективного романа, но на самом деле обозначает приспособление,

сбрасываемое в скважину (шток для разрушения, для открытия клапана) или скребок с саморегулирующимися лопастями, который вставляется в трубопровод и продвигается вдоль него под давлением жидкости для удаления скоплений со стенок труб. Такое название данное приспособление получило в силу ассоциации с ведьмами и злыми духами, поскольку в процессе работы устройство издает ужасный грохот и «пыхтящие» звуки:

Go devil is used in wireline fishing operations when the wireline is required to be cut from a stuck tool string. – Скребок с саморегулирующимися лопастями для чистки трубопровода используется при каротажных поисковых работах, когда необходимо отрезать трос от прихваченного в скважине инструмента.

Суммируя все приведенные выше примеры, мы можем говорить о том, что большинство профессионализмов нефтегазовой промышленности построены на метафорическом значении или сходстве по какому-либо признаку. Данная лексика может вызывать у переводчика определенные трудности, так как «очаровывает» своей экспрессивностью. Но переводчик должен помнить, что имеет дело с профессиональной лексикой, поэтому ему необходимо обращаться к дополнительным материалам и специализированным словарям. Следовательно, основным способом перевода профессионализмов является поиск устоявшегося внутри профессиональной сферы эквивалента.

Если текст адресован группе лиц, не имеющих непосредственного отношения к данной профессиональной сфере, переводчик в комментариях может сначала указать дословный перевод, далее пояснение и потом уже профессиональный эквивалент. Такая подача материала будет способствовать освоению новой информации, поскольку образные ассоциации, закрепленные в профессиональных наименованиях, позволяют лучше представить то или иное природное или технологическое явление, процесс, детали оборудования и т.п.

Список использованных источников

1. Казакова Т. А. Практические основы перевода. СПб.: Изд-во Союз, 2001. 320 с.
2. Климзо Б. Н. Ремесло технического переводчика: об английском языке, переводе и переводчиках научно-технической литературы. М.: Р. Валент, 2017. 487 с.
3. Mokhatab S. Handbook of Natural Gas Transmission and Processing: Principles and Practices: Third Edition. USA.: Gulf Professional Publishing, 2019. 824 p.

УДК 81`255

МЕЖСЕМИОТИЧЕСКАЯ ВТОРИЧНОСТЬ КАК СОХРАНЕНИЕ «СИЛЬНОГО» ТЕКСТА ЛИТЕРАТУРЫ

В. А. Разумовская,

кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической экономики (научно-исследовательская лаборатория поведенческой экономики и развития коммуникаций); профессор кафедры культурологии и искусствоведения, Сибирский федеральный университет, Красноярск

Аннотация. Статья посвящена некоторым вопросам художественного перевода и рассматривает причины и примеры создания вторичных вариантов «сильного» текста литературы. Как хранилища и генераторы культурной информации и памяти, «сильные» литературные тексты и их вторичные версии различной семиотической природы убедительно демонстрируют проявление неокатегорий художественного переводоведения – переводной множественности и неисчерпаемости оригинала. Совокупность «сильного» художественного оригинала и его многочисленных вторичных текстов определяется как центр переводной аттракции, представляющий собой полилингвальный и полисемиотический гипертекст, существование которого обеспечивает сохранение «сильного» оригинала в «своей» и «других» культурах. Материалом анализа послужили межсемиотические переводы ряда «сильных» текстов русской литературы и культуры.

Ключевые слова: «сильный» текст, вторичный текст, межсемиотический перевод, неисчерпаемость оригинала, переводная множественность, центр переводной аттракции

Summary. The article is devoted to some issues of literary translation and examines the reasons and examples of creating secondary versions of a “strong” literary text. As repositories and generators of cultural information and memory, a “strong” literary text and their secondary versions of various semiotic nature cogently demonstrate the manifestation of the neocategories of literary translation studies – translation multiplicity and original inexhaustibility. The totality of a “strong” original literary text and its numerous secondary texts is defined as the center of translation attraction, representing the polylingual and polysemiotic hypertext, the existence of which ensures the preservation of a “strong” original in “its own” and “other” cultures. The intersemiotic translations of some “strong” texts of Russian literature and culture were used as the analysis materials.

Key words: “strong” text, secondary text, intersemiotic translation, original inexhaustibility, translation multiplicity, center of translation attraction.

Современное переводоведение представляет собой одну из областей многогранной гуманитаристики и традиционно обращается к переводу как виду межъязыковой и межкультурной усложненной коммуникативной деятельности с различных позиций в зависимости от рассматриваемых

участников и объектов данной деятельности, среди которых основными традиционно являются переводчик, читатель перевода, а также тексты оригинала и перевода. Особое место в теории перевода занимает вопрос о природе отношений, устанавливаемых между текстами, вовлеченными в процесс перевода. Так, философ и теоретик перевода В. Беньямин считал перевод важнейшей формой существования оригинала, одним из главных способов продления его жизни [2]. Именно после создания переводов у оригинала начинается «новая» жизнь, жизнь в «чужих» культурах в формах «чужих» языков». При этом необходимо отметить, что и через сто лет, прошедших с момента выхода в свет программной работы Беньямина (1923 год), теоретики и практики перевода так и не смогли ответить на вопросы, поставленные Беньямином. Таким образом, проблема природы отношений текстов перевода не утратила своей актуальности. Важно, что результаты последующих исследований свидетельствуют о многообразии точек зрения по указанному вопросу. Бесспорное значение в контексте рассматриваемой проблематики в настоящее время приобрело наблюдаемое расширение категориальной парадигмы переводоведения, а также уточнение и новое осмысление понятия перевода и его типологии. Так, если Беньямин обращался исключительно к ситуации межъязыкового перевода и описывал отношения между вербальными текстами, то в более поздних исследованиях в типологию переводов были включены тексты различной семиотической (не только вербальной) природы, что позволило выделить и описать новые формы существования вербального оригинала и способы продления его дальнейшей жизни. В данном случае важнейшее методологическое значение имеет известная работа Р. Якобсона [6], вслед за которой вторичными версиям художественного оригинала стали с полным правом считать не только межъязыковые, но и внутриязыковые и межсемиотические переводы.

Интересный материал в контексте рассматриваемой проблемы дает обращение к «сильным» текстам литературы и, соответственно, культуры. «Сильным» текстам принадлежит особое место в культурном пространстве всего мира и каждой отдельной страны, поскольку такие тексты обладают бесспорно высоким энергетическим потенциалом, имеют многочисленную читательскую аудиторию читателей, регулярно включены в национальные образовательные каноны и стандарты. Исследователи считают, что именно «сильные» тексты отдают свою эстетическую энергию своим читателям и получают энергию от них, что приводит к многократному усилению и качественному изменению перманентно возникающего информационного резонанса [3, с. 68-71]. При этом можно говорить о том, что «сильные» тексты также регулярно резонируют и с другими «сильными» текстами «своей» и «чужих» культур, что определяет их культурную ценность. Именно в силу указанных особенностей «сильные» тексты литературы являются регулярными и популярными объектами перевода, причем перевода различных видов (прежде всего, якобсоновских).

Как объект перевода, «сильный» текст всегда становится вызовом для переводчика в силу следующих причин: информационной ценности и, соответственно, сложности; известностью для потенциальных читателей и критиков; существованием выполненных переводов, с которыми новая версия будет сравниваться; возможной цензурной политики, а также отношения к автору переводимого текста, сложившегося в культуре языка перевода. Информационная сложность «сильного» художественного текста определяет определенную степень «непереводимости» или невозможность быть полностью переведенным. В данном случае можно обратиться к беньяминовской «непереводимости», рассматриваемой в упомянутой выше работе и понимаемой философом перевода не только как невозможность выполнения перевода, а как важнейший способ обнаружения языковой недостаточности оригинала. Можно говорить о некоем переводоведческом парадоксе: «сильный» художественный текст представляет несомненную трудность и сложность для перевода, но чем выше уровень такого текста, тем больше он нуждается в переводе. В. Беньямин считает, что чем выше уровень произведения, тем более оно переводимо.

В соответствии с накопленным опытом создания вторичных текстов «сильного» оригинала можно развить плодотворную идею Беньямина и говорить, что оригинал переводим не только на языки мира (вербальные семиотические системы), но и на «языки» других видов искусства. И в первую очередь можно обратиться к случаям перевода «сильного» текста литературы на «язык» кино. В терминах перевода (его межсемиотического вида) экранизация понимается как трансформация моносемиотического вербального оригинала на «язык» визуальных кинообразов, что имеет своим результатом полисемиотический вторичный текст. Анализируя особенности кинематографического пространства, О. В. Аронсон приходит к выводу о том, что экранизация предполагает не только использование иной семиотической системы, но и представляет собой качественно иной опыт восприятия культурного объекта, позволяющий эксплицировать нерепрезентируемую информацию оригинала. Такой опыт восприятия дает возможность «сильному» литературному произведению продолжать свое существование в форме кинотекста [1].

Возможность появления в процессе перевода у вербального текста большого количества вторичных версий определяется в современном переводоведении как явление переводной множественности. Глубокий анализ проявлений переводной множественности (преимущественно, в рамках межъязыкового перевода) позволил Р.Р. Чайковскому прийти к важному выводу о том, что в каждом оригинале заложена возможность его перевода, которая, в свою очередь, связана с явлением неисчерпаемости информации художественного оригинала (прежде всего, «сильного»). Неисчерпаемость оригинала и переводная множественность обеспечивают потенциальную политекстуальность текста литературы. Исследователи указанных явлений, получивших категориальный статус художественного

переводоведения, считают, что оригиналы генерирует перевод, но индекс политекстуальности варьирует в зависимости от различных факторов. Можно предположить, что одним из таких факторов и является «сила» оригиналов, выступающих объектами перевода в синхронии и диахронии. О таких художественных текстах исследователи указанных неокатегорий писали следующее: «с появлением оригинала возникает некое силовое поле, энергия которого может привести к появлению перевода» [4, с. 186]. Учет различных видов переводов дает возможность отнести к проявлениям переводной множественности и неисчерпаемости оригинала не только вербальные вторичные тексты, но и вторичные версии, созданные в результате межсемиотического перевода.

Указанные неокатегории обеспечивают возможность существования еще одного сравнительно недавно выделенного явления художественного переводоведения – центра переводной аттракции [7]. Оригинальный художественный текст является аттрактором перевода, а тексты-переводы – полем переводимости аттрактора. Поле переводимости структурировано по принципу центра и периферии и включает в себя как уже реализованные (существовавшие и существующие) переводы – центральная часть поля, так и переводы потенциальные – периферийная часть. История художественного перевода убедительно свидетельствует о том, что в роли аттрактора перевода преимущественно выступают тексты, являющиеся культурным достоянием определенной культуры и находящиеся в узлах текстовых и культурных решеток данных культур [5], то есть «сильные» тексты. Объем поля переводимости является своеобразным индикатором роли текста-аттрактора в процессе взаимодействия национальных литератур и степени интеграции переводимого художественного текста в единую мировую литературу: чем больше иноязычных переводов существует у оригинала – тем более значимым этот текст является для межкультурных контактов. В центр переводной аттракции с полным правом должны быть включены и межсемиотические переводы, что можно проиллюстрировать примерами создания вторичных версий таких «сильных» текстов русской литературы и культуры как «Война и мир», «Преступление и наказание», «Мастер и Маргарита» и многих других. Художественный оригинал и генерируемые им вторичные тексты взаимодействуют друг с другом, что обеспечивает непрерывный диалог национальных литератур и культур в синхронии и диахронии. Таким образом, очевидное изменение категориальной парадигмы современного переводоведения, а также расширение понятия перевода и его объекта позволяют рассматривать центр переводной аттракции, ядром которого выступает «сильный» художественный оригинал, как результат аккумуляции не только межъязыковых переводов, но и его межсемиотических вариантов, что служит целям сохранения ценного культурного объекта в «своей» и «чужих» культурах.

Список использованных источников

1. Аронсон О. Экранизация: перевод и опыт // Синий диван. № 3. 2002. С. 128–140.
2. Беньямин В. Задача переводчика // Учение о подобию. Медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012. С. 254–270.
3. Кузьмина Н.А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации. Омск: Изд-во Омского госуниверситета, 2009. 228 с.
4. Чайковский Р.Р., Лысенкова Е.Л. Неисчерпаемость оригинала. 100 переводов «Пантеры» Р.М. Рильке на 15 языков. Магадан: Кордис, 2001. 211 с.
5. Bassenett S., Lefevere A. Constructing Cultures: Essays on Literary Translation. Topics in Translation. 11. Clevedon: Multilingual Matters, 1998. 147 p.
6. Jakobson R. On Linguistic aspects of translation // On Translation. Cambridge: Harvard University Press, 1959. P. 30–39.
7. Razumovskaya V.A. “Strong” Texts of Russian Culture and Centers of Translation Attraction // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. № 7. 2014. P. 834–846.

УДК 130.2

ПЕРЕВОД КАК ФАКТОР МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В. Е. Резеньков,

*обучающийся третьего курса бакалавриата кафедры философии,
факультет философии, культурологии и искусств, Ленинградский
государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург*

Аннотация. Перевод – одна из основ межкультурной коммуникации. Цель работы выяснить, при каких условиях перевод оказывает максимально сильное влияние на взаимодействие культур. В работе использованы описательный и сравнительно-сопоставительный методы. Автор приходит к выводу, что значимость перевода как фактора межкультурной коммуникации значительно возрастает при зарождении коммуникации между культурами и активизации процессов глобализации.

Ключевые слова: перевод, Библия, глобализация, эллинизм, межкультурная коммуникация, национальная культура.

Summary. Translation is one of the foundations of intercultural communication. The purpose of this work is to find out under what conditions translation has the strongest possible impact on the interaction of cultures. The paper uses descriptive and comparative methods. The author argues that the importance of translation as a factor of cross-cultural communication increases significantly with the emergence of communication between cultures and the activation of the processes of globalization.

Key words: translation, Bible, globalization, Hellenism, intercultural communication, national culture.

Перевод – это интересный и разносторонний процесс, который, так или иначе, сопровождает человечество на протяжении всей его истории, по крайней мере с той поры, как появился примитивные языки и культура. Следует отметить, что мы не будем рассматривать перевод исключительно в рамках лингвистического подхода, а предпримем попытку более обширного, затрагивающего различные сферы культуры анализа, насколько это позволит объем данной статьи.

Существует огромное количество трактовок и определений понятия «перевода». А. Эттенгир понимал перевод может «как замену элементов одного языка... элементами другого» [4, с. 68]. Ожегов С. И. считал, что перевод — это текст, переведённый с одного языка на другой. [2] У. Уинтер считал, что «перевести значит заменить формулировку интерпретации сегмента окружающего нас мира другой, по возможности эквивалентной, формулировкой» [4, с. 68]. Эти и многие другие определения, приобретают совершенно иное звучание, когда мы перестаем рассматривать перевод, а, следовательно, и язык, как исключительно лингвистическое явление. При таком подходе и тишина способна «говорить» и мы нуждаемся в интерпретации и понимании ее звучания не меньше, чем в переводе какой-либо важной речи. Когда вся культура – это собеседник, а любое ее проявление – это язык, сфера применения перевода многократно возрастает, равно как и его влияние на процессы коммуникации.

Традиционно перевод принято рассматривать в качестве средства, инструмента межкультурной коммуникации. И действительно, с точки зрения исключительно лингвистической, перевод и сам переводчик не более, чем посредники, облегчающие и делающие возможным само ознакомление с оригиналом. Исходя из этой позиции, становится понятно требование «влезть в шкуру автора», предъявляемое к переводчику, т.е. остаться незаметным. Между тем, когда речь идет о значимом культурном явлении, заключенном в один текст, символ и т.д., именно перевод часто играет основополагающую роль в подобного рода межкультурной коммуникации. Перевод и переводчик не просто объясняют, облегчают понимание оригинала в данной ситуации, они воссоздают явление на родной почве, сами становясь творцами, по значимости порой не уступающими изначальному произведению, явлению, и его автору, если таковой имеется.

На ум сразу приходит Мартин Лютер и выполненный им перевод Библии на немецкий язык. Библия – священная книга христианства и одно из важнейших культурных явлений в истории человечества. Если говорить о Европе, то Библия существовала в европейском культурном пространстве уже полтора тысячелетия к моменту осуществления Лютером ее перевода. Она была известна каждому жителю Европы и оказывала колоссальное влияние на его жизнь, равно как и церковь. Потому выполненный Лютером перевод, казалось бы, не должен был

поставить под сомнение основы духовной жизни того времени, а наоборот способствовать распространению влияния Библии и закреплению ее позиции в обществе. Так и было бы, будь Библия ценным, но лишь лингвистическим явлением. Между тем, Библия была и остается священным текстом, на основе которого была выстроена христианская церковь. Таким образом, любое взаимодействие с Библией, ее трактовки, переводы приобретали характер кощунства, если не были иницированы самой церковью. Если говорить о католической Европе, то мощь церкви базировалась в том числе и на непонимании Библии простыми людьми. Священный текст был написан на латыни, непонятной большинству, и этот факт оправдывал существование священников, выступающих в качестве посредников между человеком и Богом. Таким образом, перевод текста Библии, выполненный Лютером в тех условиях, был не просто «посредником» между различными лингвистическими системами, а фактором межкультурной коммуникации, вызвавшим к жизни зачатки национального сознания европейских народов, и расколовшим некогда единую западную Европу на протестантскую с национальными церквями и католическую, оставшуюся в относительно едином пространстве. Можно сказать, что переводы Библии на национальные языки, появившиеся в ходе Реформации и после нее, в некотором смысле обеспечили развитие межкультурной коммуникации в Европе. Ни одна национальная культура не может существовать без развитого национального языка, и переводы «книги книг» дали мощный толчок развитию европейских народов и их языков.

Другой пример определяющего влияния перевода на межкультурную коммуникацию – это знаменитый Розетский камень. Для своей эпохи этот текст на двух языках – древнеегипетском, представленным иероглифами и демотическим письмом, и древнегреческом, не был чем-то примечательным. В эллинистическом Египте соседствовали две культуры – собственно древнеегипетская и античная греческая, и такой билингвальной текст был абсолютно адекватным отражением существовавшей культурной повседневности. В наше время, когда и античная, и древнеегипетская цивилизация перестали существовать, этот образец хвалебной речи новому царю, которых были сотни, если не тысячи, позволил воскресить из небытия богатейшую древнеегипетскую культуру. Текст на Розетском камне позволил восстановить межкультурную коммуникацию, которая была прервана на полтора тысячелетия, если считать от падения Западной Римской империи, повлекшее окончательное вытеснение остатков античной и древнеегипетской культуры из самого Египта. Символично, что образец повседневности эллинистического Египта позволил нам проникнуть вглубь веков и узнать больше о жизни этой страны на протяжении всей ее истории.

Стоит отметить, что эпоха эллинизма интересный и важный период с точки зрения невербального, но при этом всепроникающего и везде сущего культурного перевода в коммуникации между цивилизациями ближнего востока и Древней Грецией.

Весь эллинизм это один большой перевод. Очень разные народы оказались в едином политическом, экономическом, а самое главное культурном пространстве. Межкультурная коммуникация, может быть впервые в мировой истории, перестала ограничиваться редкими и малочисленными делегациями и единицами великих торговцев и путешественников, которые забирались в отдалённые уголки и вникали в чужие обычаи, когда большинство из них курсировали по знакомым маршрутам, интересуясь коммерческой выгодой значительно больше, чем культурными изысканиями.

В эпоху эллинизма межкультурная коммуникация и перевод становятся повседневностью и нормой. Самый показательный пример - это эллинистически Египет при Птолемах. Птолеми были греческой династией, основанная одним из полководцев Александра Македонского, правители которой носили титул фараонов в соответствии с древними египетскими традициями, т.е. были встроены в религиозную систему страны, которая была стержнем всей культуры Древнего Египта.

Для того чтобы остаться у власти, греческие правители Египта были вынуждены перевести себя на язык той страны, в которой они правили. И в данном случае перевод способствовал мирному протеканию межкультурной коммуникации. Ведь не будь культа фараонов или не встройся Александр, а за ним и Птолеми, в древнеегипетскую традицию власти, маловероятно, что греческое завоевание Египта прошло так успешно и относительно мирно.

Не случайно центром эллинистического мира была Александрия, город, который объединяла в себе культуру ближнего востока и средиземноморскую, прежде всего древнегреческую. Александрия была построена в Египте как столица фараонов, но при этом она была и крупным морским торговым портом с удобной гаванью и огромным Александрийским маяком. Можно утверждать, что в Александрии присутствовали черты и греческого города, особенно в архитектуре, городской планировке и географическом положении. Александрия со знаменитой Александрийской библиотекой была центром знаний и перевода, т.е. местом концентрации и ретрансляции культурных богатств обширного эллинистического мира. Показательно, что правители Египта считали покровительство собиранию и распространению интеллектуальных достижений разных народов одним из главных направлений своей политики. Так они укрепляли свое влияние как внутри страны, так и за ее пределами. Подобные процессы можно косвенно сравнить с меценатством эпохи Возрождения, а в дальнейшем и европейского просвещения, когда развитие культуры, распространение ее

влияния на другие народы, перевод на чужой язык были важными элементами глобальной экспансии государства.

Перевод всегда способствует межкультурной коммуникации, ведь без него она просто невозможна. Но в периоды активизации межкультурных контактов – завоеваний, глобализации, перевод выступает в качестве одного из главных факторов взаимодействия культур, а значит и сопутствующих процессов, и от перевода во многом зависит их успех.

Список использованных источников

1. Белик Е. В. Перевод как разновидность межкультурной коммуникации // «Преподаватель XXI век». 2013. №.2. С. 289–294
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] // Академик. URL: <https://perevodovedcheskiy.academic.ru/1087/перевод> (дата обращения 20.01.2021).
3. Чичиланова А. С. Определение понятия «перевод» в работах отечественных и зарубежных лингвистов // Вестник Курганского государственного университета. 2011. № 3. С. 35–37
4. Швейцер А. Теория перевода. М.: Наука, 1988. 212 с.

УДК 821.113.6

ЯЗЫК СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ В ПЕРЕВОДЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. ПЛАТОНОВА НА ШВЕДСКИЙ ЯЗЫК

И. В. Романовская,

кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии и скандинавистики, Институт филологии, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск

Аннотация. В статье представлен анализ перевода языковых единиц, обозначающих реалии советской действительности на шведский язык. В качестве материала исследования послужили шведские переводы произведений А. Платонова: «Происхождение мастера», «Дон Кихот в революции», «Котлован», «Джан», «Чевенгур», «Счастливая Москва. Цель работы заключается в выявлении переводческих стратегий при передаче советизмов на шведский язык. Среди методов исследования в данной работе используются сравнительный и описательный методы. Особое внимание уделено рассмотрению таких переводческих стратегий, как калькирование, транслитерация, комментирование, поиск лексико-семантических соответствий, опущение. Выбор переводческой стратегии определяется тем, насколько переводчику удастся сохранить «голос» книги и передать его на шведский язык.

Ключевые слова: А. Платонов, советизмы, рецепция, перевод, шведский язык, К. Эберг Линдстен, транслитерация, калькирование, комментирование.

Summary. The article presents an analysis of the translation of words denoting the realities of Soviet life into Swedish. The material of the study was Swedish translations of Andrey Platonov's works: «En mästares tillkomst», «Don Quijote i revolutionen», «Grundgropen», «Dzjan», «Tchevengur», «Lyckliga Moskva». The aim of the work is to identify translation strategies for the transmission of Soviet words to Swedish. Among the methods of research, comparative and descriptive methods are used in this work. Special attention is paid to the consideration of translation strategies such as calcing, transliteration, commenting, searching for lexical and semantic matches, omission. The choice of translation strategy depends on how much the translator manages to save the «voice» of the book and transfer it to Swedish.

Key words: A. Platonov, Soviet words, reception, translation, Swedish, K. Öberg Lindsten, transliteration, calcing, commenting.

Интерес шведских переводчиков к творчеству А. Платонова возник еще в первой половине XX века: в 1929 г. вышел перевод рассказа «Происхождение мастера» (переводчик Й. Ривкин) [10], в 1973 г. – сокращенный перевод романа «Чевенгур» под названием «Дон Кихот в революции» (переводчик С. Вальмарк) [6]. В XXI веке отдельными книгами вышли переводы «Котлована» (2007 г.) [11], «Счастливой Москвы» (2008 г.) [8], «Джана» (2009 г.) [7], «Чевенгура» (2016 г.) [9], писем А. Платонова «Я прожил жизнь...» (2019 г.) [12]. Сейчас творчество писателя столь активно переводится и издается благодаря Кайсе Эберг Линдстен. Платонов для неё – одна из «жемчужин» русской литературы, «глубокий, интересный и многосторонний писатель» [4, с. 230]. В планах переводчицы – перевести на шведский язык полностью собрание сочинений Платонова.

Переводы произведений писателя стали большим открытием для шведских читателей: автор показал советскую жизнь глазами обычного человека, дал возможность ощутить дух советской жизни. В литературоведении бытует мнение о том, что Платонов подчинил себя эпохе [1], его текст «рожден советской действительностью» [3, с. 144]. Платонов внимательно следил за ключевыми событиями общественно-политической жизни в Советской России [5]. Его увлеченность действиями властей, реализацией социалистической утопии привела к тому, что писатель с небывалой точностью начал фиксировать детали советской жизни. В его творчестве представлены названия органов власти, должностей, предметов быта, лексика, связанная с трудовым, производственным процессом и многое другое. Платонов «впитал» в себя новый советский язык; советские слова и выражения органично вписались в «сюжетную ткань» его произведений. Цель данной статьи заключается в том, чтобы рассмотреть основные приемы передачи реалий советской действительности (советизмов) на шведский язык.

Под советизмами мы понимаем лексические единицы (слова, сокращения, устойчивые словосочетания и др.), характеризующие

советскую эпоху. Сюда входят советские реалии, экономическая, общественная, политическая лексика, вошедшая в обиход в период существования СССР. При переводе советизмов на шведский язык наиболее продуктивными и часто используемыми трансформациями являются транслитерация, опущение, комментирование (добавление), калькирование и поиск лексико-семантических соответствий [2].

Достаточно распространенным способом перевода советизмов является передача слова графической системой шведского языка (транслитерация). С помощью данного приема на шведский язык переданы следующие слова из произведений Платонова: *колхоз* (шв. «kolchos»), *кулак* (шв. «kulak»), *пролетариат* (шв. «proletariat»), *активист* (шв. «aktivist»), *социализм* (шв. «socialism»), *барак* (шв. «barack»), *кооператив* (шв. «kooperativ»), *комиссар* (шв. «komissar») и многие другие. Транслитерация позволяет перенести на шведский язык саму языковую единицу и её смысл (денотативное и сигнификативное содержание).

Нередко для объяснения значений слов используется поиск лексико-семантического соответствия. С помощью синонимической замены объяснены такие слова, как *развёрстка* – «rekvisition» (досл. «заявка, запрос»), *прораб* – «arbetsledare» (досл. «руководитель, начальник, бригадир»), *завком* – «fabrik» (досл. «фабрика, завод, производство»).

В переводе прозы Платонова на шведский язык можно найти примеры частичного и полного калькирования. Полное калькирование подразумевает воссоздание на материале шведского языка словообразовательной модели русского языка. К примеру, типичное для советского времени слово *ревком* (революционный комитет) передано на шведский язык сложным словом «revolutionskommité». *Губком* или *губисполком* (губернский исполнительный комитет) воссоздается как «guvernements exekutivkommitté». Довольно часто при калькировании наблюдается изменение структуры слова: если в русском языке слово, например, *горсовет* («городской совет») образовано присоединением прилагательного к существительному, то в шведском языке «stadssovjet» – это сложное слово, состоящее из двух корней-существительных («stad» и «sovjet»), соединенных присоединительным согласным – s. Аналогичным образом выглядит словообразовательная модель словосочетания *районный уполномоченный*, которое на шведский язык переводится многокорневым словом «distriktsombud», где «distrikt» – это «район, округ» и «ombud» – «представитель, уполномоченный», s – соединительный согласный. При переводе таких советизмов, как *губком*, *ревком*, *горсовет* на шведский язык меняется форма слова (сокращение предстает в расшифрованном виде) – это дает возможность шведскому читателю получить полное представление о предмете / явлении советской действительности.

При частичном калькировании словообразовательная модель состоит из двух частей, причем одна часть слова создается из языкового материала шведского языка, а другая – на материале русского языка. Используемое в

«Котловане» и «Чевенгуре» слово *сельсовет* переводится на шведский язык как «bysovjet», где первый корень – by – означает «деревня, село, поселок» и является языковым материалом шведского языка, а второй корень «sovjet» – заимствован из русского языка и относится к периоду советизации (например, Högsta Sovjet – Верховный Совет). Аналогичным образом калькировано словосочетание *партийные люди* – «partifolket», где первый корень – «parti» – является интернациональным (он есть и в русском языке), а второй «folk» – относится только к языковой системе шведского языка.

В процессе перевода советизмов на шведский язык необходим комментарий переводчика. Цель комментария – с одной стороны, объяснить незнакомые, непонятные шведскому читателю реалии и, с другой стороны, упростить восприятие и понимание текста. Комментарий трансформирует чужие реалии в понятные шведскому читателю слова и образы. Примеров комментирования советских реалий в шведских переводах – огромное множество, приведем несколько из них: *субботник* – слово, обозначающее совместную работу граждан по наведению порядка, – переведено словосочетанием «frivillig lördagsinsats» (досл. «добровольный субботний вклад»); типичное для производственной прозы слово *ударник*, характеризующее повышенную степень производительности трудящегося, – переведено словосочетанием «den främste mönsterarbetaren» (досл. «лучший образцовый рабочий»). Комментарий дает возможность переводчику в более «свободной» форме пояснить значение реалии. В качестве комментария могут использоваться слова-синонимы, словосочетания, предложения. Например, слово *поселение* из повести «Джан» поясняется развернутой конструкцией «den plats där hans folk bodde» (досл. «то место, где его народ жил»). Существительное *продработка* передано на шведский язык глагольной конструкцией «att arbeta med rekvisition och distribution av livsmedel» (досл. «работать с реквизицией и распределением товаров»). Использование данной переводческой стратегии продиктовано тем, что отсутствие комментария может привести к обеднению или искажению смысла, при этом как видно из примеров при комментировании допускаются различные варианты лексико-семантических и грамматических трансформаций.

В редких случаях встречается осознанный отказ от перевода лексико-семантических единиц на шведский язык. Переводчики обращаются к опущению, если смысл реалии раскрыть по имеющимся в наличии у переводчика словарям и справочникам не представляется возможным. Такой пример мы находим в романе «Счастливая Москва»: К. Эберг Линдстен снимает из перевода сокращение *Мострон* (предполагается, что это название треста по производству хлеба и кондитерских изделий в СССР).

«Ночью она хотела залезть

«Om natten ville hon krypa in

Она ночлег в ящик, найти och lägga sig någonstans i en låda, порожнюю пищевую будку eller finna en tom kiosk, eller något *Мострона* или еще что-либо». annat ställe...».

Опущение допускается при переводе в исключительных случаях, чаще мы имеем дело с противоположным явлением – семантизацией сокращений. Приведем несколько примеров в качестве доказательства. В шведских переводах расшифрованы следующие сокращения: *Осовиахим* (шв. «Förbundet för främjandet av försvaret och utvecklandet av flyget och den kemiska industrin»), *Монр* (шв. «Internationella hjälporganisation för revolutionärer»), *МОГЭС* (шв. «Moskvas statliga kraftverk»), *осодмил* (шв. «sällskapet för samverkan med polisen»). Эти переводческие трансформации доказывают, что перевод не является механическим делом: в одних случаях наиболее правильным решением является отказ от перевода языковой единицы, особенно в тех случаях, когда слово мало понятно даже современному отечественному читателю, в других случаях – правильнее расшифровать значение слова, чтобы воссоздать исторический колорит и органично вписать пояснение советского лексикона в художественный перевод.

При переводе советизмов на шведский язык используются разные переводческие приемы-стратегии: от буквального воспроизведения формы слова до комментирования советской реалии. Выбор способа перевода зависит от степени изменения авторского текста, доступности реалии шведскому читателю и сохранения «голоса книги» (термин К. Эберг Линдстен) [4, с. 231].

Список использованных источников

1. Бродский И. А. Послесловие к «Котловану» А. Платонова // Сочинения. Спб., 1995. Т. 4. С. 49–52.
2. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностранных языков. Москва, 1990. 253 с.
3. Никонова Т. А. Андрей Платонов в диалоге с миром и социальной реальностью. Воронеж, 2011. 220 с.
4. Романовская И. В. Рецепция творчества А. Платонова в Швеции: дис. канд. филол. наук. Петрозаводск, 2019. 234 с.
5. Санджи-Гаряева З. С. Советский язык в изображении А. Платонова и М. Булгакова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 6 (2). <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskiy-yazyk-v-izobrazhenii-a-platonova-i-m-bulgakova> (дата обращения 18.01.2021).
6. Platonov A. Don Quijote i revolutionen. Stockholm, 1973. 317 s.
7. Platonov A. Dzjan. Stockholm, 2009. 192 s.
8. Platonov A. Lyckliga Moskva. Stockholm, 2008. 160 s.
9. Platonov A. Tjevengur. Stockholm, 2016. 607 s.
10. Platonov A. En mästares tillkomst // 14 sovjetryska berättare. Stockholm, 1927. S. 165–192.

11. Platonov A. Grundgropen. Stockholm, 2007. 191 s.

12. Platonov A. ... Jag har genomlevt livet. Brev 1920-1950. Stockholm, 2019. 862 s.

УДК 82.0

ПЕРЕВОДЧЕСКОЕ ЧТЕНИЕ «МАЛЕНЬКОГО ПРИНЦА» А. ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ

В. В. Силин,

кандидат филологических наук, доцент кафедры романской и классической филологии, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Аннотация. В этой статье на примере литературоведческого анализа «Маленького принца» А. де Сент-Экзюпери показаны особенности контекстуального, имманентного и интертекстуального чтения и значение этих трех аспектов чтения при переводе.

Ключевые слова: контекстуальное, имманентное, интертекстуальное чтение, социальная критика, универсальное значение, интертекстуальная игра

Summary. In this article, using the example of the literary analysis of the «Little Prince» by A. de Saint-Exupéry, the specificity of contextual, immanent and intertextual reading and the significance of these three aspects of reading in translation are considered.

Key words: contextual, immanent, intertextual reading, social criticism, universal meaning, intertextual game.

Чтение представляет собой простой процесс раскодирования информации, содержащейся в тексте. Греймас и Курте определяют его следующим образом: «При первом приближении под *чтением* понимают процесс узнавания графем (или букв) и их логической связи, которая имеет целью трансформировать страницу, украшенную нарисованными значками, в план выражения текста» [4, с.206]. При этом читать можно не только буквы, но и другие формы кодирования информации – иероглифы, азбуку Морзе и др.; даже восприятие на слух звуков, составляющих слова, можно определить как чтение.

Целью чтения текста является его понимание, которое Е. А. Цурганова характеризует довольно абстрактно – как «процесс познания «внутреннего содержания» жизненного факта с помощью внешних знаков, воспринимаемых нашими чувствами» [3, с. 319]. При этом чтение и понимание, ввиду их имплицитной природы, воспринимаются единым процессом: прочитано значит понято. Процесс этот сугубо субъективный, потому что понимание требует, как отмечают Греймас и Курте, «компетенции читателя, сравнимой, хотя и не обязательно идентичной, с компетенцией создателя текста», но на деле компетенции автора и читателя никогда не совпадают [1, с. 206]. Именно поэтому переводы одного текста никогда не совпадают. Как пишет

В. Е. Хализев, «интерпретация сопряжена с *переводом* высказывания на иной язык (в другую семиотическую область), с его *перекодировкой* (если воспользоваться термином структурализма)» [2, с. 129]. Однако выбор той или иной «перекодировки» также субъективен, поэтому интерпретация в принципе не может быть объективной.

Вполне очевидно, что процесс чтения и понимания требует внимательного изучения в рамках теории и практики перевода, чтобы избежать ошибок, связанных с этим процессом.

Исследовательской **целью** статьи является определение специфики переводческого чтения на примере литературоведческой интерпретации философской сказки А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» (1944), которая в полной мере демонстрирует особенности этого чтения. **Методологической** основой исследования стало установление аналогий между аспектами переводческого чтения и основными направлениями литературоведческого изучения текстов – контекстуальным, имманентным и интертекстуальным.

Контекстуальное изучение литературы опирается на экстратекстуальную информацию, полученную из различных наук, которая используется для интерпретации текстов. В литературоведении чаще всего обращаются к истории, психологии и социологии, или к их сочетанию. Это хорошо демонстрируют даже названия большинства методологических направлений и школ: культурно-историческая школа Ипполита Тэна, сравнительно-историческая школа Бенфея и Веселовского, психологическая школа Вундта и Потевни и др.

При спонтанном контекстуальном чтении внимание читателя направлено на представление образов, описанных в тексте, при этом он опирается на собственный жизненный опыт, который является его «контекстом». Но, если обычный читатель оказывается неспособным представить некий незнакомый образ и может обойтись догадкой, то переводчику это не позволено. Он обязан использовать словари и справочную литературу (это тоже контекст), чтобы добиться как можно более полного и точного представления этого образа. Например, в техническом переводе невозможно перевести описание работы устройства, если не представить это в своем воображении.

Контекстуальное чтение является ассоциативным, так как информация об образах, содержащаяся в тексте, вызывает у читателя воспоминания об образах из личного жизненного опыта. Поэтому контекстуальное чтение может быть эмоциональным, вызывая у читателя чувство радости, грусти и т.п. Происходит это потому, что в процессе чтения субъективный контекстуальный опыт читателя и содержание текста объединяются ввиду целостности индивидуального мышления. Именно поэтому, обогащаясь новым жизненным и литературным опытом, мы обнаруживаем в одном и том же произведении больше информации, или иную информацию. Следует отметить, что субъективное эмоциональное

восприятие текста может стать помехой в работе переводчика, который стремится достичь адекватности перевода.

Сюжет «Маленького принца» состоит из эпизодов, в которых главный герой вступает в общение с второстепенными персонажами. Даже небольшой жизненный опыт позволяет обнаружить в этом общении юмор, основанный, чаще всего на абсурде. На первой планете это был человек, который называл себя королем, хотя не имел подданных; на второй жил тщеславный человек, который слышал только комплименты и был глух к критике; на третьей обитал пьяница, который пил, чтобы забыть, что он пьяница; четвертую занимал бизнесмен, который считал звезды своей собственностью; на пятой бессмысленную работу выполнял фонарщик, который часто зажигал и гасил фонари, потому что его планета стала вращаться быстрее; на шестой Маленький принц обнаружил географа, который хорошо разбирался в теории, но ничего не знал конкретного о своей маленькой планете.

На планете, на которой жил сам Маленький принц также обнаруживается абсурдность, хотя и не смешная, в его общении с Розой, которая, вместо того, чтобы поговорить и выяснить отношения, предпочитает хранить молчание. На седьмой планете, где Маленький принц повстречал пилота, совершившего вынужденную посадку в Сахаре, абсурдность отмечается уже не с точки зрения Маленького принца, а пилота. Это он считает абсурдной просьбу мальчика нарисовать ему барашка в то время, когда он занимается ремонтом самолета. Пилот рискует погибнуть в пустыне, а для Маленького принца нет ничего странного в его просьбе, так как он легко перемещается в пространстве.

Таким образом, можно сделать вывод, что контекстуальное чтение обнаруживает *социальную критику*, основанную на абсурдности ситуаций, описанных в каждом эпизоде «Маленького принца». В них критикуются *типичные* пороки, присущие людям – глупость, невежество, тщеславие и др.

Имманентное изучение текста не использует данные других наук (контекст), черпая необходимую информацию в структурах текста. Эта информация обширна, известна с давних пор и закреплена терминологически. В литературоведении специальные понятия существуют в поэтике, такие как жанр, сюжет, персонаж и т.д. По своей сути имманентная интерпретация текста также является контекстуальной, но только пользуется специализированным контекстом, представленным различными науками о тексте. Имманентное изучение литературы представлено в методологии русской формальной школы, в структурализме и в структурной поэтике, которые полностью отказались от контекстуальной интерпретации текстов.

Имманентное чтение нацелено на постижение иносказательного содержания, скрытого в структурных элементах текста и в их функциональных связях. Это содержание может проявляться на разных

структурных уровнях – от элементарной поэтики, которая изучается в школе, до семиотики. Информация о тексте достаточно объективна и однозначна, что подтверждается наличием специальных терминов. Но объективность имманентного чтения относительна, потому что зависит от компетенции читателя, самостоятельно определяющего жанровую характеристику текста, структуру сюжета, иносказательные образы, хронотоп, а также семантику более глубинных структур текста. Имманентное чтение служит извлечению из текста недоступную контекстуальному чтению информацию, способную существенно корректировать его понимание. Что касается переводчика, то он должен обладать достаточно высоким уровнем знаний об имманентных структурах текста и пользоваться ими в своей работе, потому что ошибки в жанре или стиле текста более серьезны, чем ошибки контекстуального чтения. Только при переводе научно-технических текстов в этих знаниях нет нужды, так как авторы таких текстов избегают иносказания, стремясь к конкретности и объективности.

В «Маленьком принце» имманентное чтение позволяет выделить в повторяющихся многократно структурах общения главного героя с второстепенными персонажами идейное обобщение *универсального* уровня – отсутствие взаимопонимания между людьми. Это очевидно в каждом из эпизодов, и эта идея контрастно подчеркнута тем, что главный герой – мальчик, обладающий наивным, честным и чистым взглядом на жизнь, и тем что люди разобщены, так как персонажи сказки проживают на разных планетах. Только на Земле Маленький принц находит понимание в лице пилота, который вспомнил, что в детстве он сам сталкивался с непониманием со стороны взрослых, которые думали, что он нарисовал шляпу, хотя это был питон, проглотивший слона.

Таким образом, имманентное чтение позволяет выявлять скрытый иносказательный план содержания, который имеет универсальное, то есть, общечеловеческое значение.

Интертекстуальное изучение литературы ориентировано на выявление заимствований из других текстов, получивших общее название интертекст. Суть интертекстуальной интерпретации текстов состоит не просто в выявлении цитаций, но и в определении их стилистических функций, так как заимствования часто служат созданию иронического, пародийного и других стилистических эффектов. Интертекстуальная интерпретация является основной в методологии постструктурализма.

Интертекстуальное чтение – самое сложное, так как требует от читателя знания интертекста, то есть обширной экстратекстуальной информации, практически всего культурного фонда человечества. При этом в процессе чтения выявляются только «явные неоднородности», то есть относительно легко определяемые цитации, поскольку авторы заимствуют их сознательно, и игнорируются «конститутивные

неоднородности», которые утверждают принципиальную амбивалентность каждого слова и потому делают чтение невозможным.

Интертекстуальное чтение является неполным, поскольку не охватывает весь текст, а реализуется только в тех случаях, когда в структурах текста обнаруживаются интертекстуальности. Это чтение происходит на основе имманентного чтения, потому что только оно способно выявить смысловую трансформацию заимствованной формы в новом тексте. Трансформации происходят потому, что поставляемые интертекстом формы всегда используются по иному поводу, для утверждения иных идей. Поскольку интертекстуальные формы определяются имманентным чтением, то их трансформации имеют свое терминологическое определение – цитата, аллюзия, ирония, юмор, пародия и т.д. Но смысл этих трансформаций можно выявить только с помощью контекстуальной информации исторического характера. Переводчик, следовательно, должен обладать энциклопедическими знаниями, так как при интертекстуальном чтении он должен не только выявлять цитации, но понимать суть интертекстуальной игры, чтобы передать ее стилистический эффект.

В «Маленьком принце» в образах Розы и Лиса легко определяются интертекстуальные аллюзии на средневековые «Роман о Розе» и «Роман о Лисе». Иронический смысл интертекстуальной игры состоит в том, что в средневековом романе Роза является идеалом поэта, который разыскивает ее в саду, населенном аллегорическими фигурами, а Роза Маленького принца капризна, и он покидает ее. Средневековый Лис – хитрый и лицемерный персонаж, олицетворяющий типичного буржуа, а Лис в «Маленьком принце» – мудрец, который произнес знаменитые слова: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Другой мудрец – это Змей, который оказывал помощь Маленькому принцу, хотя интертекстуально он относится к коварному библейскому змею-искусителю. Вполне очевидно, что на отмеченных несоответствиях основана ироничная интертекстуальная игра в философской сказке «Маленький принц».

Таким образом, переводчик должен научиться находить в переводимом тексте интертекстуальные аллюзии и понимать смысл интертекстуальной игры. Примечательно, что переводчик «Маленького принца» Нора Галь уловила интертекстуальное значение его образов, иначе она могла бы Лиса назвать Лисой, а Змея – Змеей.

Итак, литературоведческий анализ «Маленького принца» А. де Сент-Экзюпери показал, что чтение как сознательный процесс имеет три аспекта – контекстуальный, имманентный и интертекстуальный. При этом контекстуальное чтение является основным, а имманентное и интертекстуальное – дополнительными, но важными при художественном переводе, так как их игнорирование способно исказить текст перевода.

Список использованных источников

1. Сент-Экзюпери А. Маленький принц: пер. Н. Галь. Москва, 1959. № 8.
2. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высш. шк., 2004.
3. Цурганова Е. А. Понимание // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. М.: Интрада, 2004.
4. Greimas A.J., Courtès J. Sémiotique : dictionnaire raisonné de la théorie du langage / A.J Greimas, J. Courtès. P. : Hachette, 1993.

УДК 81-26, 347.78.034

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ
В СЕРИАЛЕ "SHERLOCK" И ЕГО РУССКОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ**

О. Г. Скидан,

*кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет,
Севастополь*

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые способы лингвистического выражения негативной оценки в англоязычном кинодискурсе. Выделяются основные лексические средства, используемые участниками коммуникации для реализации личностных аксиологических суждений. Оценочный потенциал наиболее частотных оценочных средств анализируется на материале современного англоязычного сериала и его русскоязычной версии.

Ключевые слова: оценка, негативная оценка, кинодискурс, лингвистические средства выражения оценки.

Summary. The article deals with the key ways of linguistic expression of negative evaluation in the English audiovisual discourse. The basic verbal patterns used by the participants in communication for implementation of personal axiological judgments are revealed. The evaluation potential of the most frequent evaluation means of modern English-language film and its Russian-language version is analyzed.

Key words: evaluation, negative evaluation, film discourse, linguistic devices of expression of evaluation.

Оценка является одной из важнейших лингвостилистических категорий современной лингвистики, принимающих непосредственное участие в организации языкового общения. По своей природе оценка связана с онтологией человеческого сознания, его интерпретирующей функцией, является одним из главных способов передачи субъективного отношения, воплощения картины мира.

Будучи универсальной языковой категорией, оценочность присуща всем функциональным стилям, а значит, может встретиться в любом сюжетном контексте. Как отмечает Ю. С. Старостина, потенциал оценочных высказываний «расширяется именно в разговорной речи, в

сфере повседневно-бытового общения, которому свойственны повышенная эмоциональность и экспрессивность» [3, с. 322]. Многие исследователи соглашаются с тем, что одним из наиболее распространенных и продуктивных способов выражения оценки в языке являются лексические средства. Объясняется это тем, что именно лексический состав языка «непосредственно отражает те изменения, которые происходят в обществе» [1, с. 46].

Основным источником примеров эмоционально-оценочной лексики, и, соответственно, фактором, вызывающим трудности у переводчиков, считаются кинофильмы. Задача, которая стоит перед исследователями, заключается в том, чтобы определить, насколько возможным представляется передача прагматического компонента, заложенного в оценку, и можно ли считать результат такой трансляции хорошим переводом с учетом лингвокультурных различий.

Как отмечают Г. Г. Слышкин и М. А. Ефремова, одной из характеристик кинодискурса является модальность; кинотекст является продуктом субъективного осмысления реальности автором и передает отношение автора к данному событию. Кроме того, согласно тем же авторам, неотъемлемой чертой кинотекстов является прагматическая направленность, которая подразумевает определенного рода воздействие на реципиента и побуждение его к ответной реакции [2, с. 33]. При этом в дискурсе оценка не бывает независимой, она входит в общее построение коммуникативного процесса и как бы расставляет объекты по местам в ценностной «картине мира», определяя их взаимодействие. В связи с этим изучение новейших образцов английской разговорной речи в формате кинодискурса позволяет раскрыть современные тенденции в использовании лингвистических средств оценки и выявить способы их репрезентации в зависимости от психологических и социальных установок современного поколения.

Цель статьи – выявить лексические средства репрезентации категории оценочности в англоязычном кинодискурсе, а также проанализировать приемы их перевода на русский язык.

Имена прилагательные являются самой многочисленной группой среди оценочных средств, так как обладают семантикой, в которую заложена категория качественной оценки объекта.

С помощью подходящего прилагательного герой легко может выразить свое отношение к явлениям действительности и, если нужно, обидеть собеседника или же выразить уважение к нему. В речи задействуются разные виды прилагательных:

— *Sherlock Holmes, you are a back-stabbing, heartless, manipulative bastard. (S.3. E.3.)*

— *Шерлок Холмс, вы гнусный бессердечный манипулятор и подонок!*

— *And you, as it turns out, are a grasping, opportunistic, publicity-hungry, tabloid whore. (S.3. E.3.)*

— *А вы, как выяснилось, ценкая беспринципная таблоидная потаскуха.*

В примере представлены составные прилагательные *back-stabbing*, *publicity-hungry* и производное *heartless*. В переводе для сохранения благозвучности и во избежание нагромождения однородных членов (*manipulative* - *манулятор*) применена грамматическая трансформация. Для прилагательного *grasping*, которое определяется словарем как *desiring material possessions urgently and excessively and often to the point of ruthlessness*, подобран перевод *ценкая*. Прилагательные *publicity-hungry* и *tabloid* являются синонимами, так как подразумевают, что героиня больше всего ценит славу и внимание, поэтому в переводе *publicity-hungry* опущено без потери прагматического значения. Обе реплики эмоционально нагружены за счет пейоративных прилагательных в сочетании с завершающими пренебрежительными компонентами в виде просторечия «потаскуха» и разговорного «подонок».

Одним из способов выражения оценки в рассматриваемом кинодискурсе является использование атрибутивных словосочетаний, состоящих из пары или более прилагательных и существительного:

— *... going to barbecues with awful dreadful boring people (S.3. E.2.)*

— *за барбекю перед мерзкими занудами.*

Такой пример негативной оценки основывается на пейоративной лексике. Ключевое слово *people* нейтрально, однако прилагательные с негативной семантикой позволяют актуализировать советующее значение. Лексико-семантический вариант *awful* - *extremely bad or unpleasant*, в то время как семантика *dreadful* - *causing fear* подразумевает наличие страха. В переводе из пары синонимов остается один, что является обоснованным и общеизвестным приемом. Однако оттенки значений оригинала и перевода соприкасаются лишь в семе *unpleasant*. В данном случае наблюдаем дифференциацию, так как передана лишь часть прагматического значения. Прилагательное *boring* под воздействием денотативного значения ключевого слова компенсируется за счет емкой единицы «зануда», которая является синонимом слова «неинтересный» и отражает семантический аспект оригинала.

В следующих примерах прилагательные не содержат негативную коннотацию, а приобретают ее в контексте коммуникативной ситуации. Таким образом, можно говорить об полиэмотивности прилагательных. Данная особенность заключается в том, что прилагательное, в зависимости от конкретных ситуативно-контекстуальных условий, может приобретать или наращивать эмоциональный смысл и менять коннотативное значение, следовательно, и эмоциональную сему:

— *He's trying to be clever. It's over-confidence (S.2. E.1.)*

— *Решил всех обхитрить, чтобы не заподозрили.*

Согласно словарному определению, прилагательное *clever* обозначает *quick to understand, learn, and devise or apply ideas; intelligent*. Однако, учитывая сюжетную линию, зритель безошибочно декодирует негативную коннотацию, благодаря которой формируется негативное отношение к объекту. Лексико-семантических вариантов слова «обхитрить» является разговорными и конкретизирует значение глагола.

Наречия также обладают обширным потенциалом оценочной семантики. Чаще всего наречия не нуждаются в контекстуальной поддержке. Оценочная коннотация и экспрессивность уже включены в их семантику: *extremely delicate and potentially criminal nature* – **крайне** деликатного, **потенциально** криминального свойства.

Наречия степени или отношения являются частотным оценочным инструментом в данном кинодискурсе. Отличительной особенностью данных наречий является то, что на русский язык они передаются с помощью глаголов, усиливающих негативную семантику. Таким образом, достигается необходимая суггестивность:

- *Didn't see that coming (S.4. E.1.)*
- **Naturally.**
- *Мне и в голову не пришло.*
- **He удивлен.**

Следующим по численности подклассом в ряду лексических средств, выражающих оценку, чаще отрицательную, является сленг. Отрицательность сленгизмов превалирует, так как большинство единиц принадлежат к таким семантическим полям как «наркотики», «невежество», «глупость». Сниженная разговорная лексика для выражения негативного отношения коммуникантов к предмету разговора в английском кинодискурсе более разнообразна, чем в русском, и включает в себя словообразование, метафоризацию и переосмысление лексико-семантических вариантов.

- *You're high as a kite! (S.4. E.1.)*
- *Но вы явно **под кайфом!***

В данном примере наблюдаем художественное сравнение.

- *Back on the sauce? (S.3. E.3.)*
- *Опять **подсел?***

Выражение *on the sauce* обозначает состояние, в котором человек находится под влиянием алкоголя или наркотиков, иногда с шутливым оттенком. Основой формирования пейоративности является переосмысление значения нейтрального денотата в английском языке и аффиксация (добавление приставки) в русском.

Тот факт, что идиома представляет собой готовый целостный блок с определенной семантикой, объясняет частое использование данных единиц в речи героев. В момент, когда необходимо выразить эмоции и отношение к объекту, готовое выражение, создающее образность, приходится как нельзя кстати. Рассмотрим некоторые примеры:

— *The grit on the lens, the fly in the ointment* (S.2. E.2.).

— *Ложка дегтя, нутяк, который все портит.*

ФЕ *the fly in the ointment* является библеизмом и обозначает: *a minor irritation that spoils the success or enjoyment of something*. Выражение *grit on the lens* не зафиксировано в словаре, его можно назвать авторским или окказиональным фразеологизмом, созданным на манер библеизма. Таким образом, обе языковые единицы, стоящие подряд, указывают на усиленное недовольство говорящего. В русскоязычном варианте сохранился лишь один фразеологизм, что является оправданным в силу необходимости соответствия видеоряду при дубляже. В случае с авторским фразеологизмом наблюдаем генерализацию и смысловое развитие. Перевод передает прагматическое значение, заложенное в данную оценку, ведь говорящий минимизирует значение эмоций и подчеркивает их негативное влияние на людей.

Специфика перевода кинотекста определяется требованием видеоряда соответствовать по продолжительности аудиоряду. В некоторых случаях переводчику приходится определять значимость тех или иных элементов в формировании смыслового и прагматического наполнения фильма, что влияет на выбор стратегий перевода.

Наиболее эффективными средствами реализации оценки в англоязычном кинодискурсе являются выражения, семантика которых обладает собственно семантическим и прагматическим значением, а значит коннотативное и оценочное значения предопределены. Данная тенденция объясняется намерением сэкономить когнитивные усилия говорящего и обеспечить безошибочную дешифровку прагматики аксиологического суждения получателем.

При переводе характерной особенностью можно выделить стремление сузить значение и конкретизировать содержание оригинала. Это связано с тем, что русскому языку свойственна большая степень экспрессии и как следствие вместо стилистически нейтральных слов подлинника в переводе появляются эмоционально окрашенные русские слова, что усиливает экспрессивность реплики. Интересно отметить, что именно русский выступает как язык, уделяющий эмоциям гораздо большее внимание и имеющий значительно более богатый репертуар лексических и грамматических выражений для разграничения оттенков значений.

В английском языке, со свойственной ему сдержанностью и широкой семантикой значений, любое употребление слова в непривычном для него контексте экспрессивно, так как имеет эмоциональное или оценочное действие. Данную особенность важно учитывать при переводе и помнить не про воссоздание единства содержания и формы, а про конкретизацию данного единства в сознании зрителя с помощью средств языка перевода.

Особенностью данного кинодискурса является преобладание пейоративной оценки и сдвиг к отрицательному полюсу по шкале оценивания. Данная тенденция объясняется несколькими факторами. Во-

первых, самой личностью героя и его окружения. Во-вторых, в большинстве национальных культур эмоционально нагруженные слова негативной коннотации встречаются в речи значительно чаще, чем положительные, и подобная асимметричность с психологической точки зрения объясняется тем, что отрицательные, «мешающие» стороны бытия воспринимаются человеком намного острее, чем положительные, способствующие комфорту факторы, которые обычно рассматриваются как естественные, нормальные, а потому и меньше провоцирующие эмоции.

Список использованных источников

1. Маркелова Т. В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке. М.: МГУП имени Ивана Федорова, 2013. 299 с.
2. Слышкин Г. Г., Ефремова М. А. Кинотекст: опыт лингвокультурологического анализа. М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с.
3. Старостина Ю. С. Комбинаторика разноуровневых средств языка при выражении негативной оценки (на материале английской стилизованной разговорной речи) // Слово – Высказывание – Дискурс: Междунар. сб. науч. статей. Самара, 2004. С. 321–326.

УДК 81-139

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛЕНГИЗМОВ В СПОРТИВНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Е. И. Стефановская,

преподаватель кафедры теории и практики перевода,

факультет социокультурных коммуникаций,

Белорусский государственный университет,

Минск

Аннотация. Сегодня проникновение спорта обнаруживается практически во всех областях деятельности, в том числе и в лингвистике. Данная работа посвящена вопросам такой лексической группы как сленгизмы в англо- и русскоязычных текстах спортивной направленности, а также их коммуникативным и прагматическим особенностям.

Ключевые слова: спорт; спортивный дискурс; сленг; спортивный сленг; спортивная лексика.

Summary. Today sport penetration can be found in all spheres as well as in linguistics. The article considers such a lexical group as sports slang. The author studies this group in both English and Russian sport-related features and interviews and describes its communicative and pragmatic peculiarities.

Key words: sport; sports discourse; slang; sports slang; sports vocabulary.

Ретроспективный взгляд на историю человечества позволяет с уверенностью сказать о том, что популярность спорта и его влияние на все сферы деятельности сегодня достигают небывалых масштабов. Площадкой лингвистической реализации деятельности этого общественного института

является спортивный дискурс (далее СД). В последние годы данное дискурсивное поле все чаще становится объектом исследования лингвистов, которые изучают особенности функционирования и перевода терминов, сленгизмов, идиомем, место и коммуникативную специфику СД, его взаимодействие с другими видами дискурса и пр.

К. В. Снятков отмечает, что, наряду с ментальной основой, пресуппозиционной основой, неизолированностью в общем дискурсивном пространстве, отсутствием полноценной обратной связи с реципиентами, к коммуникативно-прагматическим характеристикам СД относится и массовость его аудитории [9]. В связи с этим в последние десятилетия отмечается активное вплетение разговорных форм речи (жаргон, сленг, просторечия и пр.) в канву текстов спортивной направленности.

В рамках данного исследования особое внимание уделялось функционированию сленгизмов в пространстве русско- (далее РЯ) и англоязычного (далее АЯ) СД. Само понятие *сленг*, как и ряд других концептов современной лингвистики, весьма неоднозначно и имеет целый ряд определений. В нашей работе мы придерживаемся определения Л. Л. Нелюбина: «сленг – это разговорные слова и выражения профессиональной речи (или социальной группы), которые приобретают в языке особую экспрессивно-эмоциональную окраску и употребляются в строго определенных ситуациях и сферах общения» [6, с. 152].

Стоит отметить, что далеко не всегда возможно разграничить понятия «сленг», «жаргон», «арго», «профессионализм» вследствие наличия у них ряда схожих коммуникативных и прагматических характеристик, что особенно очевидно в узкоспециализированных текстах, к которым относятся и материалы спортивной направленности. Н. О. Орлова отмечает, что с годами значение понятия «сленг» расширялось, и в него вошли различные виды нелитературной лексики: жаргон, просторечие, диалекты и вульгарные слова [7, с. 38]. И. Р. Гальперин вовсе отрицает существование такой категории, как сленг, ссылаясь на его неопределенность, и предлагает рассматривать сленг как синоним английского эквивалента слова «жаргон» [2, с. 110]. В целом стилисты отмечают, что жаргон, сленг или социолект – это «не вредный паразитический нарост на теле языка, который вульгаризирует устную речь говорящего, а органическая и в какой-то мере необходимая часть этой системы» [11, с. 155].

Метафора как особое семантическое и когнитивное образование, актуализирующее симультанную передачу как прямого, так и переносного значения, включает в себя множество лингвистических явлений, характеризующихся семантической двуплановостью, к которым наряду с аллегорией, олицетворением, игрой слов, перифразом, аллюзией и др. относится и сленг. Сленг является единицей вторичной номинации, которая эксплуатирует концепты для построения образа из лексикона различных социальных групп. При такого рода заимствовании

«происходит метафорическое переосмысление и расширение значения заимствованных единиц» [7, с. 40]. Метафорика считается одним из мощнейших источников формирования семантической наполненности сленга [1, с. 34]. Такое важнейшее свойство эксплуатируемой при построении сленга метафоры, как диалогичность (отклик со стороны адресата высказывания, его способность понять заложенный в метафору смысл, «вскрыть» ее), в полной мере находит свое отражение и в сленгизме. Метафорические импульсы, возникающие при образовании сленговой единицы путем метафорического переноса, активно проникают в ассоциативное поле данного сленгизма и обнаруживаются в нем. Истинный сленг по своей природе метафоричен, так как номинация понятия, обозначаемого им, проходит на основе процесса сравнения, сленг – это самое настоящее «пиршество метафор и экспрессии» [3, с. 1401]. Именно способность метафорических механизмов «сопоставлять, а затем и синтезировать сущности, соотносимые с разными логическими порядками, обуславливает ее продуктивность как средства создания новых наименований, особенно в сфере обозначения объектов невидимого мира, абстрактных терминов и понятий», что отчетливо обнаруживается в проанализированном нами корпусе сленговых единиц. [4, с. 68].

Е. Л. Смольникова высказала предположение о существовании сленговой метафоры, образованной в ходе слияния сленга и метафоры. С метафорой данный феномен роднит то, что он включает слова и выражения, употребляемые в переносном смысле, иносказательно на основе действительного или воображаемого сходства данного предмета или явления с другим предметом или явлением. Сходство же со сленгом обнаруживается в том, что данные метафоры составляют слой нелитературной лексики, который, в отличие от литературного языка, не обслуживает высокие сферы общения (политика, наука, религия, образование, искусство и т.д.) и характеризуется тематической ограниченностью и неустойчивостью. Автор отмечает, что основной задачей сленговой метафоры является представление информации в определенном свете, формируя у реципиента необходимое продуценту эмоциональное состояние и мировосприятие и поддерживая или создавая необходимый имидж, воздействие на собеседника для реализации поставленной коммуникативной цели, в связи с чем данная метафора должна рассматриваться в речи в тесной взаимосвязи с условиями ее возникновения и функционирования, с учетом авторских интенций и прагматических характеристик, а выявление когнитивного механизма сленговой метафоры не представляется возможным без анализа коммуникативных намерений говорящего [8, с. 8].

Будучи одним из наиболее экспрессивных и выразительных метафорических оборотов речи, сленг экспандируется в СД для выполнения широкого ряда стилистических функций, в частности, для 1) создания эффекта новизны, необычности, отличия от признанных

образцов; 2) передачи определенного настроения говорящего; 3) придания высказыванию конкретности, живости, выразительности, зримости, точности, краткости, образности; 4) избегания штампов, клише [5, с. 109].

Спортивные сленгизмы как особая сленговая категория характеризуются целым рядом особенностей: 1) одной из важнейших особенностей спортивного сленга является его относительная устойчивость, что в большинстве сфер употребления сленга не является отличительной характеристикой (например, молодежный, компьютерный сленг отличаются высочайшей степенью динамичности, процесс их образования и устаревания происходит очень стремительно). Спортивный сленгизм может существовать в языке на протяжении нескольких лет и не терять при этом свою актуальность; 2) нечеткая интегрированная социальная ограниченность проявляется в том, что спортивный сленг не обладает фиксированной социальной или групповой ориентацией, так как активно используется представителями различных возрастных категорий, социального положения, территориальной принадлежности, сфер занятости и пр. (в силу разнородности всех этих категорий среди спортивных болельщиков и деятелей); 3) повышенная эмоциональность и экспрессивность, активно эксплуатируемая метафора и языковая игра, авторская креативность, проявляющаяся в оригинальном характере неологизмов, окказионализмов и словотворчества в целом; 4) широкомасштабная коммуникативно-функциональная специфика, проявляющаяся в большом числе и разнообразии выполняемых спортивным сленгом функций и задач; 5) нетрадиционность, выразительность, разноплановость, метафоричность номинации; 6) в отличие от ряда других видов дискурса использование сленговых слов и выражений в СД не рассматривается как стилистическая погрешность, а наоборот является одним из ключевых элементов достижения эмоциональности и экспрессивности.

В ходе исследования нами был сформирован экспериментальный корпус спортивных сленгизмов, в который вошли 86 РЯ и 84 АЯ единицы. Лингвистический анализ данной выборки позволил создать классификацию спортивного сленга, которая впервые описывалась в более ранней работе автора [10, с. 57]. Итак, мы предлагаем выделять три группы лексем:

а) сленгизмы, функционирующие в рамках определенного вида спорта: *Андрей Исаков - лауреат горчичника (футбол: знак предупреждения игрока, желтая карточка); и мы видим, что Яков Фак наехал на секунды Шипулина (биатлон: опередить); Кутузов забрасывал диск в чужую зону, но Кривоножкин не сумел его догнать (хоккей: шайба); Брюклер уверенно так идет на свой первый сухарь в сезоне (футбол: матч, в котором вратарь не пропустил гол); на второй половине дистанции зачастила, начала до такой степени «рвать» воду, что это свело на нет эффективность усилий (плавание: совершать резкие*

движения в очень стремительном темпе); *while it's a good game, Pool Hustler is a few steps short of what Backstreet Billiards has to offer* (бильярд: катала, игрок, зарабатывающий деньги игрой в бильярд, профессиональный игрок бильярд); *they practise footy in domes* (футбол: австралийский футбол, правила австралийского футбола); *we played great in the first half but then faded,*" said Bale who fired his team in front on the half-hour and struck the woodwork moments before Serbia's **equalizer** (футбол: гол, сравнивающий счет); *when you miss the chance to **kill the game** with a second goal it happens so often that you concede* (виды спорта с мячом: решить исход матча в пользу своей команды);

б) единицы речи, составляющие лексикон определенного вида спорта, но приобретающие статус сленгизмов за счет их использования в другом виде спорта: *чуть не оседлал Кошту Фрэнк Лэмпард* (при комментировании футбольного матча); *чуть позже уже Гордейчук совершил «выстрел» с убойной позиции* (при комментировании футбольного матча);

в) сленговые единицы, функционирующие во всех видах спорта: *она в Казани были в призах* (быть на пьедестале почета); *он, кстати, в нынешнем сезоне имел подиум* (быть на пьедестале почета); *в прошлом сезоне эти спортсмены выпали из состава из-за травм* (не участвовать в соревнованиях); *Владимир Анциферов возглавит молодежную команду и будет готовить игроков для «основы»* (основной состав); *Санкович же взял «бронзу», оставив Харли с «деревянной» медалью»* (4 место); *белорусы свой поход за путевкой на «мир» начнут с матчей в Хорватии* (чемпионат мира); *Vjörndalen is the winningest biathlete in the history of the sport* (рекордсмен по количеству побед; самый титулованный); *a clean final standing stage put him in the lead and pushed Garanichev out of the top spot* (лишить первого места; лишить победы); *Fourcade, who tied Jean Claude Killy by winning three medals in a single Olympic Winter Games, admitted that this was a hard competition, in many ways* (сравнять счет); *at the same time, the Canadian Jean Philippe Leguellec is enjoying his "home-field advantage"* (преимущество своего/ домашнего поля/ площадки); *Leonard Fournette's ability to take it to the house on almost any carry made him the runaway Heisman Trophy favorite for the first two-thirds of the 2015 campaign* (приносить очко).

В РЯ СД была обнаружена одинаковая репрезентативность групп «сленгизмы, функционирующие в рамках определенного вида спорта» и «сленговые единицы, функционирующие во всех видах спорта» (по 40 единиц), в то время как группа «единицы речи, составляющие лексикон определенного вида спорта, но приобретающие статус сленгизмов за счет их использования в другом виде спорта» была представлена лишь 6 примерами. Следует отметить, что группа «единицы речи, составляющие лексикон определенного вида спорта, но приобретающие статус сленгизмов за счет их использования в другом виде спорта» не была

представлена примерами в АЯ СД вообще. Доминирующей группой сленгизмов в АЯ СД оказалась группа «сленговые единицы, функционирующие во всех видах спорта» (53 из 84 единиц), высокой частотностью употребления отличается и группа «сленг, функционирующий в рамках определенного вида спорта» (31 из 84 единиц).

Подводя итог, мы можем отметить, что активное «задействование» такого пласта лексики, как сленгизмы, отчетливо обнаруживается в рамках современного АЯ и РЯ СД. В отличие от стилистических канонов некоторых других дискурсивных пространств, в спортивном данная тенденция не рассматривается как нарушение речевых стандартов, а, скорее, наоборот является эффективным способом наделения текста и речи особой экспрессивностью и эмоциональностью.

Список использованных источников

1. Береговская Э. М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. 1996. №3.1. С. 32–41.
2. Гальперин И. Р. О термине «сленг» // Вопросы языкознания –1956. № 6. С.107–114.
3. Кадочникова С. Г. Англицизмы: современная реальность или вынужденная необходимость? // Молодой ученый. – 2015. – №10. – С. 1399–1402.
4. Клевцова О. Б. Феномен человеческого тела как принцип лингвистической реконструкции мира. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2012. 192 с.
5. Мизюрина Т. В. Определение и общие характеристики понятия «сленг», его роль в языке и культуре современной России // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск, 2013. № 1 (292). С. 106–111.
6. Нелюбин Л.Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект): учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. 216 с.
7. Орлова Н. О. Сленг vs. жаргон: проблема дефиниции // Ярославский педагогический вестник. 2004. № 3. С. 36–40.
8. Смольникова Е. Л. Когнитивный механизм метафоризации сленга (на материале русского и английского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2011. 19 с.
9. Снятков К. В. Коммуникативно-прагматические характеристики телевизионного спортивного дискурса: дисс. ... канд филол. наук. Череповец, 2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/kommunikativno-pragmaticeskije-kharakteristiki-televizionnogo-sportivnogo-diskursa> (дата обращения 21.02.2021).
10. Стефановская Е. И. Коммуникативно-функциональная специфика сленга в пространстве спортивного дискурса // Языковая личность и

эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17-18 нояб. 2016 г. Минск: Изд. центр БГУ, 2016. С. 56–59.

11. Хвесько Т. В. Интерпретация субстандартной лексики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 2. С. 151–156.

УДК 372.881.111.1

**КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В СВЕТЕ ПРОБЛЕМ ПЕРЕВОДА:
ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ**

Л. П. Тарнаева,

*доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры
иностраных языков и лингводидактики, Санкт-Петербургский
государственный университет, Санкт-Петербург*

А. В. Шаврова,

*ассистент кафедры иностранных языков и лингводидактики,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург*

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования у будущих специалистов в сфере международных отношений умений перевода текстов политического дискурса. Коммуникативные стратегии англоязычного политического дискурса и реализующие их тактики и речевые акты анализируются с лингводидактических позиций. Отмечается, что важным принципом построения технологии обучения является ориентация на коммуникативные стратегии, доминирующие в политическом дискурсе. Представлены примеры заданий, способствующих формированию умений перевода текстов англоязычного политического дискурса.

Ключевые слова: политический дискурс, коммуникативные стратегии, речевые тактики, идиоматичные речевые единицы, переводческие умения.

Summary. The article focuses on training the students specializing in international relationships to translate texts of political discourse from English into Russian. Communicative strategies, tactics and speech acts of the English political discourse are analyzed in linguodidactic perspective. It is highlighted that orientation on dominant communicative strategies of political discourse is one of the key principles of the teaching technology aimed at developing translation skills. The examples of the tasks are suggested.

Key words: political discourse, communicative strategies, speech tactics, idiomatic expressions, translation skills.

Воздействующая функция речи активно используется в политическом дискурсе и реализуется посредством коммуникативных стратегий, под которыми понимается «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели», включающий в

себя «планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [1, с. 181].

Основная цель англоязычного политического дискурса – борьба за власть и удержание власти – определяет широкий репертуар коммуникативных стратегий, ведущими из которых являются *аргументативные стратегии*, помогающие косвенно повлиять на рациональные оценки слушателей; *манипулятивные стратегии*, способствующие прямому воздействию на мышление адресата и убеждению его в правильности выносимых политиком суждений; *персуазивные стратегии*, побуждающие реципиента к выполнению определенных действий в рамках кризисной ситуации; *контактоформирующие стратегии*, направленные на установление и удержание контакта с аудиторией [11].

Коммуникативные стратегии политического дискурса, в свою очередь, реализуются посредством речевых тактик, которые обусловлены интенциями говорящего и являются совокупностью приёмов, предполагающих использование языковых средств (фонетических, грамматических, лексических, стилистических) [2]. Важно отметить, что закрепление тактик за конкретной стратегией является условным, так как одна и та же тактика может выступать в качестве средства реализации различных стратегий [10; 13]. Таким образом, исследователи выделяют частные и общие тактики [5; 13; 14]. Например, *тактики признания существования проблемы, указания путей решения проблемы, установки на перспективы* реализуют аргументативные стратегии; *тактики оппозиционирования, критики, гиперболизации своих достоинств* являются воплощением манипулятивных стратегий; *персуазивные стратегии* представлены *тактиками обещания, призыва, убеждения в успехе*; *контактоформирующие стратегии* могут реализовываться посредством *тактик единения, учета ценностных ориентиров, создания психологического комфорта*. Между тем такие тактики, как *контраст, иллюстрирование, акцентирование положительной информации, комментирование* являются эффективным воплощением как аргументативных, так и персуазивных стратегий. Единицей речевых тактик являются речевые акты, которые строятся на основе языковых единиц различного уровня. Знание и умелое использование политиком коммуникативных стратегий и тактик обеспечивает продуктивное воздействие на массовое сознание.

В обучении английскому языку студентов-международников формирование умений перевода текстов, построенных на основе доминирующих стратегий англоязычного политического дискурса и реализующих их речевых тактик и речевых актов, должно стать необходимой составляющей квалификационных характеристик выпускника, поскольку, как отмечается в образовательных стандартах

ведущих вузов России, будущие специалисты в сфере международных отношений должны уметь осуществлять переводческую деятельность в рамках их профессиональных обязанностей [3; 4; 6].

Исследователи отмечают, что для обеспечения образной передачи мысли, создания косвенной оценочной номинации, реализации ведущих коммуникативных стратегий политического дискурса важную роль играет использование в речевых актах идиоматичных речевых единиц (далее – ИРЕ) [7; 15], под которыми понимаются «целостно воспроизводимые, устойчивые по структуре и значению, специфичные для определенного языка, национально-обусловленные смысловые единства различного языкового уровня, функционирующие в естественной и аутентичной речи носителей определенного языка» [12, с. 206]. Таким образом, признание роли ИРЕ в реализации коммуникативных стратегий приводит к важному лингводидактическому выводу о том, что речевые акты, построенные с использованием ИРЕ, должны быть важным компонентом отбираемого лингвистического материала, являющегося основой методических приёмов обучения переводу текстов англоязычного политического дискурса.

Учитывая программные требования по формированию у студентов-международников умений перевода текстов англоязычного политического дискурса, важным принципом построения технологии обучения следует избрать ориентацию на коммуникативные стратегии.

Согласно этому принципу предлагаемый в рамках данного исследования комплекс упражнений должен быть направлен на формирование и развитие у студентов следующих умений: определить интенцию высказывания (*Identify the communicative intention of the discourse fragments*), выявить коммуникативную стратегию, на основе которой построен фрагмент текста (*Identify the communicative strategy of the discourse fragments*), распознать речевые тактики (*Identify the speech tactics used in the discourse fragments*), вычленив ИРЕ и интерпретировать их смысл с опорой на контекст и коммуникативную интенцию адресанта (*Find sentences with idiomatic expressions and say what role they play in the discourse fragments. Translate the sentences into Russian*).

В соответствии с методическими принципами посильности и доступности упражнения, включающие речевые акты с использованием ИРЕ, могут сопровождаться лингвистическим комментарием, при этом идиоматичные тексты или их фрагменты, в которых функционируют ИРЕ, могут быть представлены в методической аутентичности [8; 9].

Экспериментальное обучение позволило сделать вывод о том, что подобные упражнения способствуют формированию и развитию умений перевода текстов англоязычного политического дискурса.

Список использованных источников

1. Иссерс О. С. Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью» / О. С. Иссерс. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2011. 224 с.

2. Михалева О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия: монография. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 256 с.

3. Образовательный стандарт высшего образования МГИМО (У) МИД России. Уровень высшего образования – бакалавриат. Направление подготовки 41.03.04 Политология (квалификация – бакалавр). М.: МГИМО, 2017. 37 с.

4. Образовательный стандарт, самостоятельно устанавливаемый Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова для реализуемых образовательных программ высшего образования по направлению подготовки «Международные отношения». Уровни высшего профессионального образования: 41.03.05 бакалавриат с присвоением квалификации «бакалавр», 41.04.05 магистратура с присвоением квалификации «магистр». М: МГУ, 2015. 24 с.

5. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ...д-р фил. наук. Саратов, 2005. 325 с.

6. Приказ № 1585 / 1 от 19.03.2015 «Об утверждении новой редакции Образовательного стандарта (бакалавриат). СПб: СПбГУ, 2015. 317 с.

7. Сергеева А. А. Метафорические концепты как источники фразеологических единиц в англоязычном политическом дискурсе // Молодой ученый, 2015. Вып. № 7. С. 1001–1004.

8. Смирнова Л. Е. Методическая аутентичность в обучении иностранному языку // Инновационная наука, 2016. № 11–2. С. 129–131.

9. Тарнаева Л. П. Идиоматичность институционального дискурса в свете проблем перевода // Индустрия перевода: материалы IX Международной научной конференции (Пермь, 5–7 июня 2017 г.). Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2017. С. 159–164.

10. Тарнаева Л. П. Перевод в сфере делового общения: диалог языков и культур (лингводидактический аспект): монография. СПб.: ООО «Книжный дом», 2017. 134 с.

11. Тарнаева Л. П., Шаврова А. В. Особенности грамматической организации англоязычного предвыборного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 12. Ч. 4. С. 168–172.

12. Тарнаева Л. П., Осипова Е. С. Использование ресурсов корпусной лингвистики при подготовке переводчиков в сфере профессиональной коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 9 (63). Ч. 1. С. 205–209.

13. Торбик Е. М. Персуазивные стратегии в деловом дискурсе (на материале англоязычных проектных заявок): автореф. ... канд. филол. наук. Тверь, 2016. 19 с.

14. Филатова Н. В. Дискурс сферы туризма в прагматическом и лингвистическом аспектах: автореф. ... канд. филол. наук. М., 2014. 19 с.

15. Чайкина А. Ю. Когнитивные основания выбора и функционирования фразеологических единиц в англоязычном политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 26 с.

УДК 811.111'23

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ АНГЛИЙСКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Е. А. Уразова,

к. филол. н., независимый исследователь, Москва

А. В. Галкин,

независимый исследователь, Москва

Аннотация. В статье рассматриваются универсальные и индивидуальные черты метафоры в политическом дискурсе при её переводе с английского и китайского языков на русский язык. Делается вывод об универсальности многих метафорических моделей политического дискурса англо-саксонской, китайской и русской языковых картин мира, а также приводятся индивидуальные метафоры, свойственные конкретному лингвокультурному коду.

Ключевые слова: универсальная метафора, индивидуальная метафора, метафорическая модель, политический дискурс

Summary. The article deals with universal and individual features of metaphor in political discourse and its translation from English and Chinese into Russian. A conclusion is drawn about the existence of many universal metaphorical models in political discourse of English, Chinese and Russian linguistic world views. Individual metaphors inherent in a particular linguistic cultural code are demonstrated.

Key words: universal metaphor, individual metaphor, metaphorical model, metaphorical projection, mind mapping, political discourse

Являясь с одной стороны художественным средством выразительности, а с другой – особым глубинным когнитивным явлением, метафора представляет трудность для перевода и требует тщательного осмысления и адекватной передачи при переключении с одного лингвокультурного кода на другой.

Языковые картины мира исходного языка и языка перевода, как правило, существенно отличаются, и переводчику необходимо учитывать лингвокультурные различия в языках при передаче смысла метафоры адекватными средствами другой языковой картины мира.

Метафорические модели, хоть и имеют свойство универсализма, продуцируют конкретные метафоры в соответствии с национально-культурными особенностями того или иного этноса [2, с. 124]. Когда переводчику удаётся подобрать в языке перевода подобную исходной метафору, можно говорить об универсальности данной метафоры для обоих языков. Однако бывает так, что параллельной метафоры в языке

перевода не существует, и в таком случае речь идёт об индивидуальной метафоре, свойственной исключительно менталитету носителей исходного языка. Часто метафоры, за которыми стоят «закодированные» национально-специфические ценности, внутрисоциумные установки и особое культурное знание, получают неявную экспликацию для читателей из другой культуры [1].

Характерной чертой англо-саксонской языковой картины мира является использование большого количества метафор о море, что связано с географическим положением Великобритании. Так, в статье «Отставка Терезы Мэй: как будет выбран следующий премьер-министр» информагентства «Би-Би-Си» [5] относящийся к военно-морской тематике глагол *to torpedo* (букв. «подбивать с помощью торпеды»), использован в метафорическом значении:

In fact, Mr Johnson was seen as a favourite in the 2016 contest – before his main backer, Michael Gove, unexpectedly entered the contest. That decision *torpedoed* Mr Johnson's campaign and Mr Gove stood accused of "*backstabbing*". – В действительности Бориса Джонсона рассматривали как фаворита в борьбе за кресло премьер-министра в 2016 году, но потом Майкл Гоув, который всегда его поддерживал, неожиданно сам вступил в борьбу. Это решение «*потопило*» предвыборную кампанию Б. Джонсона, а М. Гоув был обвинен в *нанесении «удара в спину»*. (Перевод наш – Е. У.)

Метафора *to torpedo* относится к разряду морских и военных метафор и имеет целью передать идею быстрого, бесповоротного и разрушительного характера действий Майкла Гоува в вопросе борьбы за кресло премьер-министра Соединённого королевства. Здесь же наблюдаем другую военную метафору *to backstab* («наносить удар в спину») применительно к поведению М. Гоува в отношении его соратника по партии Б. Джонсона. Благодаря использованию данной метафоры автор имеет возможность выразить неодобрение по поводу подобных коварных предательских действий. Обе английские метафоры удалось передать на русский язык аналогичными образными понятиями, которые адекватно воспринимаются представителями русской языковой картины мира, так как эти метафоры являются универсальными для английского и русского культурных кодов.

Весьма показательно также использование метафоры «*корабля*» в статье информагентства «Би-Би-Си» «Поиск приемлемого варианта» [6], посвящённой предвыборной гонке в США 2016 года. Автор статьи неоднократно обращается к метафорическому образу *тонущего корабля*, чтобы описать положение дел в предвыборном штабе республиканской партии США. Приведём несколько примеров использования данной морской метафоры:

1. Paul Ryan, the highest-ranking Republican officeholder, has officially given the signal. *The SS* (=steamer ship – «пароход» – прим. пер.) Trump is *sinking*, and it's time for members of his party to calmly, quietly *head to the*

lifeboats. – Пол Райан, наиболее высокопоставленное официальное лицо республиканской партии, официально подал сигнал (к эвакуации). *Корабль Трампа тонет*, и настало время для его однопартийцев спокойно и уверенно направиться к спасательным шлюпкам. (Перевод наш – Е. У.)

2. It's worth keeping in mind that while Mr Ryan is sounding the *abandon-ship alarm*, Donald Trump may not play the *stoic captain watching from the bridge*. – Стоит иметь в виду, что пока Пол Райан подаёт сигнал покинуть корабль, Дональд Трамп может не захотеть играть роль капитана, стоически наблюдающего за эвакуацией с капитанского мостика. (Перевод наш – Е. У.)

В статье речь идет о скандале, разгоревшемся в октябре 2016 года вокруг будущего президента Дональда Трампа (на тот момент кандидата от республиканской партии) после обнародования его некорректных высказываний о женщинах, когда на него обрушился шквал критики как со стороны соперников-демократов, так и многих видных однопартийцев-республиканцев во главе со спикером Палаты представителей республиканцем Полом Райаном. Вся статья пронизана сквозной метафорой тонущего корабля (республиканской партии), с которого из-за действий капитана (Дональда Трампа) бежит даже экипаж (представители Республиканской партии). Благодаря подобным метафорам позиция автора читается предельно ясно: он полагает, что республиканец Д. Трамп теряет очки и не является достойным кандидатом, способным одержать победу на президентских выборах. И хотя история показала ошибочность такого мнения, на момент написания статьи автор выражал распространенную точку зрения, а морские метафоры помогли ему образно и эмоционально донести эту идею до читателя. Образ тонущего корабля является универсальной метафорой и был передан на русский язык без изменений и пояснений.

Если обратиться к сино-тибетской группе языков, то процессы метафоризации, метафорические модели, по которым строятся конкретные метафоры, в этих языках сходны с процессами в англо-саксонских и славянских языках. В китайском языке широко представлено явление под названием «цзеюй» («опосредованное, или заимствованное сравнение»), или «иньюй» («скрытое сравнение»), ближайшей аналогией к которому в привычной европейской терминологии является понятие «метафора».

Рассмотрим пример употребления универсальной метафоры в публицистической статье о государственном визите Председателя Китайской Народной Республики в Россию из газеты «Жэньминь жибао» [7]. В указанной статье встречается глагольно-объектная конструкция 注入动力, что буквально означает «вливать энергию, силу, импульс». В политическом дискурсе это основанное на метафорическом переносе выражение означает «придать ускорение, сообщить энергию, придать движущую силу»:

再过几天，习近平主席将对俄罗斯进行国事访问，一定会为中俄关系发展注入新的动力。 – Через несколько дней Председатель КНР Си Цзиньпин нанесёт государственный визит в Россию, в ходе которого, несомненно, будет дан *новый импульс* развитию китайско-российских отношений. (Перевод А. В. Галкина).

Пример свидетельствует о сходных процессах метафоризации, присущих человеческому сознанию в целом и порождающих эквивалентные универсальные метафоры в различных языковых картинах мира.

Китайские метафоры часто имеют ярко выраженную национальную специфику. Так, в работе В. Ф. Щичко [4, с. 112] видим употребление индивидуальной метафоры 喝西北风 (буквально «хлебать северо-западный ветер»); словари фразеологизмов обычно предлагают вариант перевода «класть зубы на полку») в предложении, где речь идёт о заговоре против режима Мао Цзэдуна во главе с его женой, который был раскрыт и подавлен:

四人帮”叫喊，只要革命搞好了，粮食不收也没关系，这完全是屁话，难道他们不吃粮，天天喝西北风活着！

В. Ф. Щичко предлагает вариант, ориентированный на иную систему культурных координат:

«Банда четырёх» кричала о том, что лишь бы революция была хорошо сделана, а если зерно не убрали, то это неважно. Это полнейшая ложь, неужели целыми днями не ели еду, а *святым духом питались!*».

В результате подбора соответствующего русскому лингвокультурному коду метафорического переноса переводчик получает иное значение данной метафоры. Важность упоминания о северном ветре в исходном варианте обусловлена тем, что в течение своей многовековой истории Китай часто подвергался набегам с севера, поэтому ветер с севера олицетворял для простых китайцев смертельную опасность, влекущую за собой голод и несчастье. В данном примере фразеологизм с буквальным значением «хлебать северо-западный ветер» в силу метафорического переноса стал обозначать полное отсутствие каких-либо материальных средств к существованию. Переводчик вынужден был подобрать иную, подходящую по смыслу метафору, поскольку русскоязычный носитель-реципиент не имеет подобной аллюзии в своём лингвокультурном коде. Конечно, эквивалентами данного выражения можно признать «класть зубы на полку» и «питаться святым духом», но в таком случае теряются инокультурные коннотации [3]. В данном случае речь идёт об индивидуальной метафоре, присущей исключительно китайской языковой картине мира.

Таким образом, передача метафоры средствами другого языка представляет переводческую трудность. Многие метафорические модели политического дискурса англо-саксонской, русской и китайской языковых

картин мира имеют свойство универсализма, то есть присущи человеческому мышлению как таковому, независимо от конкретной языковой картины мира. Однако конкретные метафоры в рассматриваемых языках обладают индивидуальными национально-культурными особенностями, которые необходимо учитывать при их передаче средствами иного лингвокультурного кода.

Список использованных источников

1. Масленникова Е. М. Шекспировские метафоры-эвфемизмы: потерянные значения // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония 2019. М.: ИЯ РАН, 2019. С. 111-119.

2. Уразова Е. А. Метафора в репрезентации языковой картины мира (на примере англо-американской и русской политической публицистики): дис. ... кандидата филологических наук. Москва, 2019. 202 с.

3. Уразова Е. А. О национально-культурных особенностях политических метафор // Вестник Тверского гос. ун-та – Сер. «Филология» 2016. № 4. С. 136-141.

4. Щичко В. Ф. Китайский язык. Теория и практика перевода. М.: Восточная книга, 2013. 264 с.

5. Theresa May resignation: How the UK's next prime minister will be chosen [Electronic Resource] // The BBC. 07.06.2019. – Mode of access: URL: <https://www.bbc.com/news/uk-politics-48497953> (дата обращения: 15.11.2020).

6. Zurcher, Anthony Walking a fine line (... between abandonment and loyalty to his putative standard-bearer) [Electronic Resource] // The BBC. 10.10.2016. – Mode of access: URL: <http://www.bbc.com/news/election-us-2016-37610348> (дата обращения: 29.11.2020).

7. 驻俄大使：习近平访俄为中俄关系发展注入新动力 («Предстоящий визит Председателя КНР Си Цзиньпина в Россию придаст новый импульс развитию китайско-российских отношений») [Электронный ресурс] // «Жэньминь жибао». 19.03.13. – Mode of access: URL: http://www.gov.cn/jrzg/2013-03/19/content_2357066.htm (дата обращения: 29.11.2020).

УДК 821.51

ОРИГИНАЛЬНЫЕ И ПЕРЕВОДНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ МЕМЕДЕМИНА ЯШАРА (1936-2007 гг.)

Т. Б. Усеинов,

*доктор филологических наук, профессор кафедры
крымскотатарской филологии, Институт филологии, Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Крымскотатарская литература румынской диаспоры и сегодня остаётся слабо изученной, хотя и не утрачивает своей

актуальности. Это обуславливается недостаточным объёмом переводной литературы. Отметим ограниченное количество переводов на славянские и другие языки произведений крымскотатарских классиков-эмигрантов. Корреляция количества оригинальных и переводных произведений прямо или косвенно отражает состояние национальной литературы и культуры в целом. Переводчики обращаются к проверенным временем классическим образцам, тогда, как новых произведений практически не создаётся. Цель работы – освещение вопроса об оригинальных и переводных произведениях Мемедемина Яшара.

Ключевые слова: крымскотатарская литература, Мемедемин Яшар, поэзия, оригинальные и переводные произведения.

Summary. The Crimean Tatar literature of the Romanian diaspora remains poorly studied even today, although it does not lose its relevance. This is due to the insufficient volume of translated literature. Note the limited number of translations into Slavic and other languages of the works of Crimean Tatar classics-emigrants. The correlation between the number of original and translated works directly or indirectly reflects the state of national literature and culture as a whole. Translators turn to time-tested classical samples, while new ones are practically not created. The aim of this work is the light of the question of original and translated works Memetemin Yashar.

Key words: Crimean Tatar literature, Memetemin Yashar, poetry, original and translated works.

Крымскотатарская поэзия румынской эмиграции привносит в литературную традицию народа всё новые сюжеты, образы, побуждает к переоценке исторических событий, тем самым к переосмыслению застарелых стереотипов, сложившихся у читателя на протяжении десятилетий советского периода.

Крымскотатарская румынская эмиграция имеет давнюю историю. Около десяти тысяч крымских татар и сейчас проживают в Добрудже¹ – территории, расположенной между нижним течением реки Дунай и побережьем Чёрного моря.

Ещё в 1593-95 гг. татары из Крыма и Буджакской степи начинают активно заселять пустующие причерноморские земли. Большая часть переселенцев размещается в главном городе этой местности – Костендже (Констанца). Также закладываются множество этнических крымскотатарских деревень.

Добруджа до середины XIX века остаётся ничем неприметной провинцией Османской империи, пока в результате очередной масштабной волны эмиграции из Крыма в среде местного крымскотатарского

¹ Добруджа, Доброджа – “историческая область в Европе, расположенная между нижним течением реки Дунай и побережьем Чёрного моря Северная часть входит в состав Румынии (уезды Тулча и Констанца), южная – в состав Болгарии (округа Толбухинский и Силистренский)” [3; с. 377].

населения начинают усиливаться патриотические настроения, ставшие причиной культурного и литературного бума.

Так, на рубеже веков заявляет о себе целая плеяда поэтов, ставших, впоследствии, классиками крымскотатарской эмиграции в Румынии: Мемет Ниязий (1878-1931 гг.) [4, с. 27-41], Салиха Аджы Фазыл къызы Мемет (1903-1961 гг.) [4, с. 51-53], Неджип Аджы Фазыл (1908-1948 гг.) [4, с. 54-67], Мемет Вани Юртсевер (1907-1994 гг.) [4, с. 68-83], Исмаил Зиядин (1912-1996 гг.) [4, с. 91-121], Абдулла Вели Шуайып (1913-1991 гг.) [4, с. 151-154] и другие.

Среди отмеченных авторов непревзойдённой величиной признаётся один из первых ярких представителей данной плеяды – Мемет Ниязий (1878-1931 гг.), литературное наследие, которого оказывает огромное влияние на развитие не только творчества авторов Добруджи, но и крымскотатарской литературы в целом.

Несмотря на богатое культурное наследие, литература румынской диаспоры и сегодня остаётся слабо изученной, хотя и не утрачивает своей актуальности. Данное положение дел обуславливается недостаточным объёмом переводной литературы. Прежде всего, отметим ограниченное количество переводов на славянские и другие языки произведений крымскотатарских классиков-эмигрантов.

Корреляция количества оригинальных и переводных произведений прямо или косвенно отражает состояние национальной литературы и культуры, в целом. С сожалением вынуждены констатировать, что крымскотатарская литература современного периода и в том числе эмигрантская, выходит на тот уровень, когда переводная литература (хотя и немногочисленная) и количественно, и качественно начинает “браться вверх” над оригинальной, творимой (в том числе) авторами-современниками. Это связано, на наш взгляд, с почти полным отсутствием, новых, заслуживающих внимания произведений на родном языке. Переводчики, как правило, обращаются к проверенным временем классическим образцам, тогда, как новых произведений практически не создаётся.

Говоря о степени изученности поэтического наследия Мемедмина Яшара (1936-2007 гг.) – поэта румынской диаспоры крымскотатарского народа, заметим недостаточное количество научных, критических работ, освещающих вопросы архитектоники и семантики [1, 4, 5, 6, 7, 8, 9]. Данное положение сохраняется, несмотря на имеющийся объёмный оригинальный текст произведений автора, представленный семью сборниками стихов поэта: “Танцы пера” (“Kalem oyunlari”, 1996 г.) [12], “Феникс” (“Anka”, 1997 г.) [10], “Стремление, привитое к звёздам” (“Yıldızlarga aşılgan emel”, 1999 г.) [16], “Мир Семрашик” (“Semraşik'nin dünyası”, 2000 г.) [14], “Друзьям” (“Dostlarım”, 2001 г.) [11], “Шалишал” (“Şalışal”, 2002 г.) [15], “Точка” (“Nokta”, 2003 г.) [13].

Также отметим переводную литературу, представленную подстрочным переводом с крымскотатарского на русский язык Т. Б. Усеинова [7] и отдельными смысловыми переводами стихов М. Яшара на русский язык, выполненных О. В. Бекировой [2].

Преимуществом поэзии Мемедмина Яшара (как силлабической, так и “свободной”) является семантика.

Народность, присущая данной поэзии, не случайна. Она во многом заимствована у Мемета Ниязий (1878-1931 гг.). Яшар позиционирует себя, как неразрывная часть единого народа. В этой связи на передний план выходит патриотическая тематика, раскрытию которой посвящена большая часть поэтического наследия автора. Наиболее удачные произведения, с точки зрения архитектоники и семантики, были написаны в рамках данного направления.

Лирика М. Яшара – явление уникальное для крымскотатарской литературы современного периода. Некоторая наивность, искренность и открытость, а также доступность в языковом плане привлекают, завораживают, делают эту поэзию близкой простому читателю.

Философские произведения в большей степени встречаются в последних сборниках автора. Как правило, это размышления человека преклонного возраста о бренности жизни, коварстве мира, приближении смерти и т. д.

Сатира поэта не разрушает, а скорее созидает. Стихотворения написаны простым народным крымскотатарским языком, близким к северному диалекту.

Педагогический опыт М. Яшара проявляется в детских стихотворениях – небольшой объём несёт несложную смысловую нагрузку и освещает гиперболизированный мир ребёнка.

М Яшар успешно пишет произведения автобиографического характера, в которых наряду с освещением внутреннего мира автора, можно обнаружить синтез различных тематических направлений: патриотизма, лирики, философии и дидактики.

С сожалением констатируем, что столь богатое поэтическое наследие Мемедмина Яшара до сих пор не привлекло широкого внимания переводчиков и исследователей. Надеемся, что ситуация изменится в самое ближайшее время.

Список использованных источников

1. Бекирова О. В. Деятели крымско-татарской зарубежной литературы: румынская диаспора // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Том 4 (70). № 1. С. 48-58.

2. Бекирова О. В. Родной язык перевод стихотворения Мемедмина Яшара [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://stihi.ru/2019/04/17/6673>

3. Добруджа // БСЭ. 3-е изд. М.: Совет. энциклопедия, 1972. Т.8. С. 377.
4. Къырымтатар иджрет эдебияты. Окъув къулланмасы / Сост. Э. Э. Къуртумеров, Т. Б. Усеинов, А. М. Харахады. Симферополь: Крымучпедгиз, 2002. 256 с.
5. Усеинов Т. Б. Автобиографические стихи Мемедмина Яшара // Культура народов Причерноморья. 2014. № 267. С. 177-180.
6. Усеинов Т. Б. Лирические стихи Мемедмина Яшара // Учёные записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2014. Том 27 (66). № 3. С. 314-319.
7. Усеинов Т. Б. Народный стих Мемедмина Яшара. Симферополь: Крымучпедгиз, 2009. 160 с.
8. Усеинов Т. Б. Теоретический аспект народного стиха Мемедмина Яшара // Учёные записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2014. Том 27 (66). № 4., Ч. 1. С. 35-39.
9. Усеинов Т. Б. Философские мотивы в творчестве крымскотатарского поэта Румынии – Мемедмина Яшара (1936-2007) // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2018. Выпуск 6. С. 53-57.
10. Yaşar M. Anka: Şiirler. Bukreş: Kriterion, 1997. 83 s.
11. Yaşar M. Dostlarım: Şiirler. Constanta: Editura Europolis, 2001. 95 s.
12. Yaşar M. Kalem oyunları: Şiirler. Bukreş: Kriterion, 1996. 85 s.
13. Yaşar M. Nokta. Constanta: Editura Europolis, 2003. 66 s.
14. Yaşar M. Semraşık'nın dünyası. Kostenci: Europolis Basımüyi, 2000.
15. Yaşar M. Şalişal. Yaşar. Constanta: Editura Europolis, 2002. 83 s.
16. Yaşar M. Yıldızlarğa aşılğan emel. Constanta: Editura Europolis, 1999. 95 s.

УДК 811.512.111

ПЕРЕВОД РУССКИХ УРБАНОНИМОВ НА ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК *

Э. В. Фомин,

кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств, Чебоксары

Аннотация. Настоящая работа посвящена изучению чувашских переводов русских названий. Цель исследования – на материале г. Чебоксары, являющегося столицей Чувашской Республики, рассмотреть сосуществование русских и чувашских урбанонимов. Выводы работы

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Кабинета Министров Чувашской Республики в рамках научного проекта № 19-412-210001 p_a.

базируются на наблюдениях и компаративном анализе материала – русско-чувашских пар городских названий. Чувашские названия в Чебоксарах вторичны по сути: они являются кальками русских. При этом в условиях практикуемого двуязычного ландшафта допускается перевод даже собственных имен. Кроме того, в переводах проблемной чертой следует признать несоблюдение литературной нормы чувашского языка, допущение нежелательных семантических ассоциаций, возникающих в русском восприятии.

Ключевые слова: урбанонимы, ономастика, русский язык, чувашский язык, языковые контакты.

Summary. This work is devoted to the study of the Chuvash translations of dominant Russian names. The purpose of the study is to examine the coexistence of Russian and Chuvash urbanonyms based on the material of the city of Cheboksary, which is the capital of the Chuvash Republic. The conclusions of the work are based on observations and comparative analysis of material – Russian-Chuvash pairs of city names. The Chuvash names in Cheboksary are essentially secondary: they are tracing copies of the Russians. At the same time, even proper names can be translated in a supported bilingual landscape. In addition, in translations, a problematic feature should be recognized as non-compliance with the literary norm of the Chuvash language, as well as the admission of undesirable semantic associations that arise in Russian perception.

Key words: urbanonyms, onomastics, Russian language, Chuvash language, language contacts.

Чебоксары – столица Чувашской Республики. Здесь активно используются чувашский и русский языки. Под мощным влиянием чувашского языка в Чебоксарах сформировался региональный вариант русского языка, получивший название чебоксарского (о лингвистических параметрах чебоксарского региолекта см.: 1; 2; 4).

В настоящее время в условиях Чебоксар наблюдается стремление к созданию паритетного русско-чувашского аудиовизуального ландшафта. Этот процесс направлен от первичных русских названий к чувашским, осознаваемым в качестве вторичных, в связи с чем в их функционировании возникает ряд проблем.

Цель исследования – на материале г. Чебоксар рассмотреть сосуществование русских и чувашских урбанонимов.

Выводы работы базируются на наблюдениях и компаративном анализе материала – русско-чувашских пар городских названий, чаще всего топонимов. Исследование выполнено на стыке социолингвистики, ортологии и переводоведения.

Сосуществование русского и чувашского языков в городском ландшафте Чебоксар исторически обусловлено: основное население республики и ее столицы составляют люди с первым чувашским языком, и город с 1920 г. по сути признан этнической столицей чувашей.

Использование обоих языков в официальном контексте можно квалифицировать в качестве черты, придающей городу неповторимость и привлекательность. Полилингвизм социальной среды – мощное средство ее интернационализации, установления толерантности к иноэтническим культурам и их освоения в естественных условиях.

Можно выделить ряд проблем, связанных с переводом русских урбанонимов Чебоксар на чувашский язык, в частности ассоциативно-негативное восприятие переводного текста (1), многословность (2), допущение фактических (3) и грамматических (4) ошибок.

1. Нежелательное толкование переводного текста, допускающего ассоциативные связи с русскими обценизмами:

рус. ист. *улица Уеба Мишши* из чув. *Уйӑп Мишши урамӑ*, совр. *улица Шумилова*. Улица названа в честь чувашского поэта Михаила Шумилова, более известного под псевдонимом *Уйӑп Мишши* [у́йп м'иш:й];

рус. *Студенческий городок* – чув. *Студентсен хули* [студ'энтс'эн' хули^{б1}]. Видимо, в данном случае желательной следует признать форму *Студхула*, являющуюся калькой русского неофициального названия *Студгородок*.

2. Многословность чувашского перевода по сравнению с русским оригиналом:

рус. *Протопопиха* – чув. *Протопопиха сали* [сали^{б1}]. Протопопиха (Заводское) – русская деревня, включенная в состав Чебоксар в 1961 г. Указание на сельский статус Протопопихи в чувашском переводе излишне, поскольку он подкрепляется формой самого слова, ср. с ойконимами в черте Чебоксар с аналогичным формантом: *Кнутиха*, *Голодяиха*. Можно допустить, что переводчиком выбрана такая форма чувашского названия с целью подчеркнуть русский национальный состав деревни, ср.: чув. *сала* 'русское селение' из рус. *село*. Но более вероятным представляется желание переводчика придать топониму минимальные чувашские черты, иначе перевод полностью соответствовал бы русскому названию;

рус. *МТВ-центр* – чув. *Регионсем хушинчи куравпа сугу-илу́ центрӑ*. В чувашском языке сложносокращенный способ словообразования развит слабо, по этой причине на практике наблюдается стремление избегать аббревиатуры. В последнем случае можно было бы сложное русское название оставить без перевода: его русский характер не ощущался бы в чувашском тексте объявления об остановке общественного транспорта: *Тепӑр чарӑну – «МТВ-центр»* 'Следующая остановка – «МТВ-центр»'.

Краткие опорные топонимы в условиях города желательны, поскольку расстояние между остановками составляет лишь несколько сотен метров, не предполагающих возможность развернутых объявлений на двух языках.

3. Фактические ошибки:

рус. *гостиница «Чувашия»* – чув. «*Чӑваш ен*» *хӑна сурчӑ*. Вопреки правилу собственные имена с языка на язык не переводить, в Чебоксарах и Чувашии в целом практикуется их смысловой перевод. Надо полагать, так инерционно проявляется традиция освоения православных антропонимов, наблюдаемая со времен христианизации чувашского населения с середины XVIII в., ср.: рус. *Васёк (Василий)* – чув. *Ваçук* [ваӓӓк], рус. *Пётр* – чув. *Петӓр* [п'эд'ър], рус. *Мария* – чув. *Марук* [марӓк]. Правда, в новых условиях русизмы не обретают чувашские черты на фонетическом уровне, но при наличии аналогов переводятся на чувашский язык;

рус. *Храм Рождества Христова* – чув. *Христос чӑрӓлнӓ ятпа лартнӑ чиркӓ* 'храм, построенный в честь воскресения Христа'. В данном примере вступают в противоречие два разных события: *рождество* в русском оригинале и *воскрешение* в чувашском переводе.

4. Грамматические ошибки:

рус. «*Остановка “Сквер Чапаева”*» – чув. «*Чарӑну “Чапаев скверӓ”*» вместо «*Чапаев скверӓ*» *чарӑну*. Нарушенный порядок чувашского словорасположения в объявлениях автобусных остановок носит тотальный характер.

Идея смыслового перевода с русского языка на чувашский была осознана еще во второй половине XIX в.: «Поверьте, что именно от несоблюдения порядка в расстановке слов согласно требованию чувашского синтаксиса, т. е. от подстрочного перевода с русского, для чуваш совершенно непонятны поучения, говоримые в церквях по-чувашски и переводы таких книг как “Кон святой борнызин, али хорав идю сине: епле ман святой борнас?” Даже заглавие это до сих пор еще ни один чувашин не мог перевести мне по-русски или объяснить перифразом по-чувашски» [2, с. V].

Как следствие вторичности чувашских названий в топонимической практике Чебоксар возникают некачественные чувашские урбанонимы, ср.:

рус. *улица 50 лет Октября* – чув. *Октябре 50 сӓл урам* вместо *Октябрь 50 сӓлне халалланӑ урам*;

рус. *парк 500-летия Чебоксар* – чув. *Шупашкара 500 сӓл парк* вместо *Шупашкар 500 сӓлне халалланӑ парк*. Фактические переводы русских названий улиц на чувашский язык вступают в противоречие с грамматикой чувашского языка, а скорректированные топонимы становятся слишком длинными;

рус. *улица Гражданская* – чув. *Граждан(сен) урамӓ* вместо логически уместной *Гражданин(сен) урамӓ*.

До 1990 г. чувашский язык в республике допускался только в вывесках государственных учреждений. Чувашские названия в аудиовизуальном ландшафте г. Чебоксары широко практикуются лишь в последние 30 лет. По этой причине в профессиональной лингвистической среде ошибки в чувашских текстах считаются простительными.

В целях исключения названий, неудобных с лингвистической точки зрения, параллельно с русскими также следует утверждать их чувашские соответствия. При этом необходимо, чтобы калькированные урбанонимы гармонировали с внутренними ожиданиями самого чувашского языка.

Представляется, что чувашский аудиовизуальный фон – важное условие, поддерживающее чебоксарский региолект русского языка и ускоряющее его спецификацию.

Список использованных источников

1. Ерина Т. Н., Фомин Э. В. Изучение чебоксарского региолекта русского языка: презентация проекта // Вестник Чувашского государственного института культуры и искусств. 2014. № 9. С. 12–14.

2. Золотницкий Н. И. Заметки для ознакомления с чувашским наречием / Братство святителя Гурия. Казань: Университет. тип., 1871. 64, [14] с.

3. Фомин Э. В., Ерина Т. Н. Маркеры чебоксарского региолекта русского языка // Ашмаринские чтения. Чебоксары, 2019. С. 59–61.

4. Erina T. N., Fomin E. V. Russian Language in Modern Conditions: Cheboksary Regiolect // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Vol. 92. P. 315–322.

УДК 811

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА ДЖ. ОСТИН «ГОРДОСТЬ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ»

Е. Г. Хитарова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, факультет романо-германской филологии, Кубанский государственный университет, Краснодар

Т. А. Хитарова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Кубанский государственный аграрный университет им.

И. Т. Трубилина, Краснодар

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые лексические трансформации при переводе романа английской писательницы Джейн Остин «Гордость и предубеждение» с английского на русский язык, а именно: переводческое транскрибирование и транслитерация; калькирование; лексико-семантические замены, то есть конкретизация, генерализация и модуляция. Приведены примеры к каждому типу трансформаций. Предлагаются выводы. Кроме этого, указана важность использования изученного материала на практических занятиях.

Ключевые слова: перевод, литература, лингвокультурология, дискурс, версия, лексическая трансформация, Джейн Остин

Summary. Some lexical transformations in translation of Jane Austen “Pride and Prejudice” from English into Russian are depicted in the article.

They are: transcription and transliteration, calculus, lexical semantic replacement, specification, generalization, modulation. The examples are given to each type of transformation. Also the importance of research usage on practical classes is presented.

Key words: translation, literature, cultural linguistic, discourse, version, lexical transformation, Jane Austen.

Материалом данной работы является произведение английской писательницы Джейн Остин «Гордость и предубеждение», а также некоторые статьи критиков, литературоведов, исследователей. Роман был написан в XVIII веке. Редакторы не приняли книгу к изданию и только после успеха следующей работы «Разум и чувства» ее первый роман «Гордость и предубеждение» спустя 15 лет был опубликован. Произведение тщательно перерабатывалось и дополнялось. Автор описывает героев с психолого-эмотивной точки зрения, показывает внутреннюю характеристику действующих лиц романа. Простое счастье человека вне политических и иных социальных проблем выходит на первый план у Дж. Остин. Благородство и внутренняя красота одних героев сталкивается с глупостью, лицемерием других, что является ядром конфликта, и это, вероятно, привлекает читателей нашего времени.

Читательский интерес к роману проходит параллельно с профессиональным вниманием переводчиков. Одним из самых востребованных является версия И. С. Маршака 1967 года, сына знаменитого литературоведа и переводчика С. Я. Маршака. Другие версии перевода были подвержены критике, основным аргументом явилось использование несовременной лексики, переводчик посчитал свой вариант уместным.

Актуальность статьи заключается в том, что в современном мире, полном технических и технологических прорывов, не угасает читательский интерес к произведению XVIII века. Вероятно, это обусловлено мастерским описанием автором чувств и эмоций героев, природы Англии, быта, стилистической красотой английского языка сквозь трансформации в русскоязычное поле.

В представленном анализе можно опереться на научное издание В. Н. Комиссарова «Теория перевода (лингвистические аспекты)». Ученый приводит такое определение трансформаций: «преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода в указанном смысле, называются переводческими (межъязыковыми) трансформациями. Поскольку переводческие трансформации осуществляются с языковыми единицами, имеющими как план содержания, так и план выражения, они носят формально-семантический характер, преобразуя как форму, так и значение исходных единиц». [1, с. 171] Кроме этого, в исследовании приводится четкая классификация переводческих трансформаций – лексических, грамматических, а также лексико-грамматических. В данной работе рассмотрению подлежат

лексические трансформации. В.Н. Комиссаров распределяет их на несколько типов, это: переводческое транскрибирование и транслитерация; калькирование; лексико-семантические замены, то есть конкретизация, генерализация и модуляция.

Целью переводчика не только данного романа, а произведений художественной литературы, является верное использование лексических трансформаций для конструирования адекватного перевода.

Транскрипция и транслитерация – это типы перевода лексической единицы иноязычного текста посредством восстановления ее образа с помощью букв языка перевода. Транскрипция отражает звуковой вид английского слова, транслитерация – графическое написание.

Следует привести несколько примеров данного типа переводческих трансформаций – транскрипции и транслитерации:

Mr. Bennet – «мистер Беннет», Mr. Morris – «мистер Моррис», Lizzy – «Лиззи», Derbyshire – «Дербишир».

“Mr. Bennet was among the earliest of those who waited on Mr. Bingley” [5, с. 12].

«Мистер Беннет все же одним из первых навестил мистера Бингли» [2, с. 2].

“I hope Mr. Bingley will like it, Lizzy” [5, с. 17].

«Надеюсь, Лиззи, мистеру Бингли это понравится» [2, с. 20].

Цель применения этой трансформации – точность воспроизведения имени протагонистов, при этом внимание направлено на особенности звучания имен собственных.

Калькирование – тип перевода, при котором составные части лексической единицы – морфемы и лексемы – получают замену лексическими соответствиями в другом языке.

Например: “She had been graciously pleased to approve of both of the discourses which he had already had the honour of preaching before her” [5, с. 67].

«Она милостиво одобрила обе его проповеди, которые он уже имел честь произнести в ее присутствии» [2, с. 69].

В данном случае “graciously pleased” при помощи калькирования может быть переведена как “милостиво одобрила”, то есть, этот тип лексической трансформации предлагает не звукового, а комбинаторного состава словосочетания.

Блок лексико – семантических замен включает в себя конкретизацию, генерализацию и модуляцию.

Конкретизация – тип трансформации, при котором происходит замена слова с более обширным значением на слово с узким значением. Цель данного типа – уточнение и четкое определение лексем в переводе.

Данные примеры четко характеризуют данную трансформацию:

“She seems a very pleasant young woman” [5, с. 23].

«Кажется, она очень приятная молодая женщина, – сказал Бингли» [2, с. 24].

“Do let the portraits of your uncle and aunt Phillips be placed in the gallery at Pemberley” [5, с. 34].

«Неприменно повесьте портрет дядюшки Филлипса в галерее Пемберли» [2, с. 34].

“My dear Mr. Bennet, said his lady to him one day, have you heard that Netherfield Park is let at last?” [5, с. 43].

«Дорогой мистер Беннет, – сказала как-то раз миссис Беннет своему мужу, – слышали вы, что Незерфилд-парк наконец больше не будет пустовать?» [2, с. 45].

Примеры отражают точность, выразительность; при использовании данного типа трансформации можно избежать излишних повторений.

Генерализация – тип переводческой трансформации обратный конкретизации, от более узкого значения иностранного языка переводчик переходит к более широкому. В некоторых случаях излишняя конкретика не уместна в целях адекватного перевода.

Данные примеры точно характеризуют рассматриваемый тип трансформации:

“No, no; stay where you are” [5, с. 4].

«Нет, нет, пожалуйста, оставайтесь» [2, с. 6].

“The person of whom I speak is a gentleman, and a stranger” [21, с. 78].

«Я имею в виду приезжего джентльмена» [2, с. 79].

Модуляция – тип трансформаций, при котором язык перевода и язык оригинального текста может различаться, но при этом сохранять причинно-следственную связь, логически обоснованное притяжение. В. Н. Комиссаров определяет модуляцию как смысловое развитие.

“Good heavens! cried Elizabeth; but how could that be?” [5, с. 45]

– «Боже правый! – воскликнула Элизабетт» [2, с. 47].

“I could hardly keep my countenance” [5, с. 2].

«Я едва сдержалась от смеха» [2, с. 123].

Данные примеры ясно отражают модуляцию.

Необходимо отметить, что стилистический и лексико-грамматический анализ художественной литературы важен в процессе подготовки специалиста-переводчика. «Именно художественные произведения дают обучающимся возможность эмоционального и психологического погружения в ситуативно-событийные обстоятельства, оценки лексического наполнения текстов. Чтение произведения – это «живой» язык в художественно представленных обстоятельствах» [4, с. 166]. Роман Дж. Остин является активно читаемым в современном мире. «Многообразие аналитического материала, относящегося к данному роману, дает читателям возможность осознания факта того, что в романе раскрываются чувства, эмоции и переживания персонажей схожие с настоящими, невымышленными чувствами и эмоциями. Роман «Гордость

и предубеждение» обладает дальнейшим потенциалом к расширению исследовательского пространства и выявлению неоднозначности точек соприкосновения настоящего и прошлого как в литературоведении, лингвокультурологии, так и в различных направлениях языкознания, столкновение разных точек зрения свидетельствует о неувядаемости романа и о не снижении читательского интереса» [3, с. 142]. Таким образом, задача переводчика заключается в осмысленном подходе к переводческим трансформациям с целью сохранить оригинальность исходного текста, при этом добившись понимания у читателя.

Список использованных источников

1. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш.шк., 1990. 253 с.
2. Остин Дж. Гордость и предубеждение. Перевод с английского. / И. С. Маршак. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2005. 342 с.
3. Хитарова Е. Г. Обзор некоторых критических статей по роману Джейн Остин «Гордость и предубеждение» // Филологические науки в XXI веке: актуальность, многополярность, перспективы развития. Сборник научных трудов. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2020. С. 140-144.
4. Хитарова Е. Г., Хитарова Т. А. Изучение англоязычной литературы во внеаудиторном образовательном пространстве в неязыковом вузе // Качество высшего образования в аграрном вузе: проблемы и перспективы Сборник статей по материалам учебно-методической конференции, Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет 2019. С. 165-166
5. Austen Jane. Pride and Prejudice. New York: Modern Library Classics, 2004. 280 p.

УДК 801.61

СТИХОТВОРЕНИЕ А. Н. ОСТРОВСКОГО «АРТИСТУ» В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕВОДОВ Ф. ШИЛЛЕРА¹

Ю. Л. Цветков,

*доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры
зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский
государственный университет, Иваново*

Аннотация. Перевод А. Н. Островского «Артисту (из Шиллера)» (1884 г.) представляет собой поэтическую трансформацию отрывка из центральной части «Пролога к “Лагерю Валленштейна”» Ф. Шиллера и выражает точку зрения немецкого поэта на бессмертие таланта не только поэта, но и драматического актёра. Островский значительно сократил

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ исследовательского проекта № 20-012-00084А: А. Н. Островский. Переводы: исследование, текстология, комментирование.

фрагмент из пролога, сохранив его смысловое наполнение. Опушения, лексические свёртывания и перестановки позволили изменить ритмический рисунок фрагмента и добавить рифму. Из нерифмованного белого стиха Шиллера возникло стихотворение «Артисту» (четырёхстопный, одический ямб), посвящённое 50-летию творческой деятельности выдающегося актёра Малого театра И. В. Самарина. Оно было положено на музыку для соло, хора и оркестра А. С. Аренским и исполнено на юбилее Самарина.

Ключевые слова: поэтический перевод, стихотворение на случай, белый стих, ода, опущения, лексические свёртывания, перестановки, вокальное стихотворение.

Summary. A. N. Ostrovsky's translation "To the Artist (from Schiller)" (1884) is a poetic transformation of the passage from the central part of the Prologue to the Wallenstein Camp by F. Schiller and expresses the German poet's point of view on the immortality of the talent not only of the poet, but also of the dramatic actor. Ostrovsky significantly reduced the fragment from the prologue, preserving its semantic content. Omissions, lexical collapses, and permutations made it possible to change the rhythmic pattern of the fragment and add rhyme. From Schiller's non-rhymed white verse arose the poem "To the Artist" (four-stop, odic iambic), dedicated to the 50th anniversary of the creative activity of the outstanding actor of the Maly Theater I. V. Samarin. It was set to music for solo, choir and orchestra by A. S. Arensky and performed at the anniversary of Samarin.

Key words: poetic translation, a poem for the occasion, white verse, ode, omissions, lexical folding, permutations, vocal poem.

Переводческая деятельность великого русского драматурга Александра Николаевича Островского (1823-1886 гг.) остаётся до сих пор мало исследованной [5; 13]. Интерес Островского к иностранным языкам был заложен домашним образованием и Первой московской гимназией. Кроме древнегреческого и латинского языков Островский переводил с французского, английского, испанского, итальянского и немецкого. Он перевёл 22 пьесы из репертуара мировой драматургии.

Впервые перевод стихотворения «Артисту (из Шиллера)» был опубликован в газете «Русские ведомости» [10, с. 4]. Беловой автограф с правкой в последнем четверостишии находится в ЦГАЛИ. В Полное собрание сочинений А. Н. Островского перевод был впервые включён и прокомментирован Т. Орнатской. [9, с. 498] Она указала на другой автограф, подаренный И. В. Самарину, с подписью и датой «16 декабря 1884» (ГЦТМ) [8, с. 603]. В комментарии Т. Орнатская ссылается на перевод Островским стихотворения Ф. Шиллера «Гимн искусству», которое было положено на музыку для соло, хора и оркестра А. С. Аренским и исполнено на праздновании пятидесятилетия творческой деятельности ведущего актёра Малого театра в Москве И. В. Самарина.

Однако в Полном собрании стихотворений Ф. Шиллера на немецком языке названия «Гимн искусству» нет.

Впервые установить подлинник стихотворения Шиллера удалось немецкому профессору-русисту из университета г. Пассау А. Хёхерлю: «На самом деле это название композиции А. С. Аренского, для которой Островский написал текст; а у Шиллера это стихотворение называется просто «Prolog» («Пролог») и открывает (...) драматический цикл «Wallenstein» [12, с. 122]. Уточняя формулировку А. Хёхерля, необходимо подчеркнуть, что Островский перевёл лишь одну (третью) из десяти строф пролога Шиллера к «Лагерю Валленштейна», первой части трилогии «Валленштейн», названную автором «драматическим стихотворением».

Пролог к «Лагерю Валленштейна» (1797) Шиллера представляет собой «стихотворение на случай», относится к важному событию г. Веймара – возобновлению деятельности вновь отстроенного театра в октябре 1798 года и «создаёт творческую декларацию поэта» [15, с. 286]. Поэт для Шиллера красотой поэзии способен нравственно очистить человека и «выйти на широкие просторы истории “из повседневности мещанских дел”» [6]. Поэтому вполне естественно обращение Шиллера в первых двух строфах к былым заслугам театра, великим драматическим авторам и актёрам, которые остались в памяти нескольких поколений. Зал, по мнению Шиллера, «преображается искусством в храм», в котором живёт «дух совершенства». К этому совершенству стремится и зритель. «Высокий дух гармонии» будит в человеке «торжественные чувства». Актёры прежнего театра дали высокий пример для подражания. Их прекрасный талант может «омолодить былую славу». Зритель, чуткий к «волшебству искусства», будет следить за «каждым проявлением духа» [18, S. 9-10].

Третья 18-строчная строфа нерифмованного белого стиха (*blanc vers*) [3, с. 153], своеобразно переведённая Островским, изначально должна быть гимнической, посвящённой юбиляру — Ивану Васильевичу Самарину (1817-1885 гг.). Островского и Самарина связывали давние дружеские отношения. Лучшие свои роли он сыграл в пьесах Ф. Шиллера: маркиза Позу («Дон Карлос»), Мортимера («Мария Стюарт») и Фердинанда («Коварство и любовь»). Поэтому закономерно обращение Островского к поэтическому наследию Шиллера в честь юбилея Самарина.

В 1861 году в Петербурге было издано первое Собрание сочинений Шиллера, организатором его был Н. В. Гербель, потомок архитектора из Швейцарии, который возводил петровский Петербург. Он привлёк многих поэтов (Л. Мей, Ф. Миллер, М. Михайлов и др.) [4]. «Родной» для русского читателя называл поэзию Шиллера Н. Г. Чернышевский [14, с. 505]. Страстно увлечён Шиллером был Ф. М. Достоевский. Как известно, он превыше всего ставил борьбу Шиллера за человеческое достоинство [2]. В 1885 г. в Петербурге, а в 1890 г. и в Москве

гастролировала труппа из г. Мейнингена, которая ставила на немецком языке «Лагерь Валленштейна» Шиллера [4].

Кроме того, Самарин, ученик М. С. Щепкина, блистательно играл роли во многих спектаклях Островского: Городулина («На всякого мудреца довольно простоты»), Телятева («Бешеные деньги»), Кнурова («Бесприданница»), Милонова («Лес»), Берендея («Снегурочка») и др. Комический талант Самарина закрепил за ним амплу драматического любовника и благородного отца. Его актёрское искусство отличалось теплотой и задушевностью. Самарин был талантливым режиссёром и драматургом. Он осуществил первую постановку в Малом театре «Евгения Онегина» П. И. Чайковского, а для празднования пятидесятилетия творческой деятельности Самарина П. И. Чайковский сочинил в честь юбиляра «Элегию», впоследствии известную как «Элегия памяти И. В. Самарина» [11].

М. Н. Ермолова – величайшая актриса Малого театра – рассказывала об исполнении Самариним роли Дон Цезара де Базана в мелодраме Ф. Дюмануара и А. Деннери «Испанский дворянин»: «Как сейчас вижу красивого человека в разорванном плаще, перелезающего через решётку, – это был Испанский Дворянин – Иван Васильевич Самарин. Я, конечно, уже не помню ни содержания этой пьесы, ни игры актёров, но неизгладимое впечатление о том, как он был прекрасен, благороден, как он кого-то защищал и кого-то спасал и, наконец, как он избавился от всех тех бед, которые ему грозили, – все эти картины, как живые, воскресают у меня в памяти и ярки до настоящего времени» [11].

Островскому необходимо было написать в честь Самарина вокальное стихотворение, предназначенное для сольного исполнения и хора. Если по содержанию третья строфа пролога Шиллера соответствовала замыслу автора, то белый (нерифмованный) стих, проникший в немецкую поэзию, начиная с Г. Э. Лессинга, не мог удовлетворить Островского. Для торжественного вокального исполнения он выбрал одический четырёхстопный ямб, характерный для од М. В. Ломоносова «Вечернее размышление о божием величестве при случае великого северного сияния», «Ода парафрастическая псалма» и «Ода на день восшествия на Всероссийский престол её величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года» [7, с. 45-49]. Формальная трансформация шиллеровского белого стиха в четырёхстопный ямб осуществлялась приемами опущения, лексического свёртывания и перестановки.

Denn schnell und spurlos geht des Mimen Kunst,
Die wunderbare, an dem Sinn vorüber,
Wenn das Gebild des Meißels, der Gesang
Des Dichters nach Jahrtausenden noch leben,
Hier stirbt der Zauber mit dem Künstler ab,
Und wie der Klang verhallet in dem Ohr,
Verrauscht des Augenblicks geschwinde Schöpfung,

Und ihren Ruhm bewahrt kein daurend Werk.
 Schwer ist die Kunst, vergänglich ist ihr Preis,
 Dem Mimen flicht die Nachwelt keine Kränze,
 Drum muß er geitzen mit der Gegenwart,
 Den Augenblick, der sein ist, ganz erfüllen,
 Muß seiner Mitwelt mächtig sich versichern,
 Und im Gefühl der Würdigsten und Besten
 Ein lebend Denkmal sich erbaun – So nimmt er
 Sich seines Namens Ewigkeit voraus,
 Denn wer den Besten seiner Zeit genug
 Gethan, der hat gelebt für alle Zeiten (F. Schiller, 1798) [18, S. 10].

Поэта-гения творенье,
 Резца и кисти образцы
 Живут векам на удивленье
 И вечно славны их творцы.

Но быстротечно обаянье,
 Которым нас чарует мим;
 Его мгновенное созданье
 Бесследно гибнет вместе с ним.

Но пусть созданий не оставит
 Себе великий лицедей;
 При жизни памятник поставит
 В сердцах достойнейших людей.

Его минуты вдохновенья
 И вековечно торжество;
 Ему венки и поклоненья,
 Бессмертье – имени его! (А. Н. Островский, 1884 г.) [9, с. 498].

Островский *опускает* отдельные слова, словосочетания и целые предложения ради экономии выразительных средств и стройности стихотворной формы. Так исчезает «звук, замирающий в ушах», «нелёгкое искусство и преходящая цена на него», «поэт должен дорожить настоящим», «те, кто много совершил в своё время». В оригинале есть мысль о том, что «потомки не дарят миму венки». В стихотворении Островского присутствует антонимический смысл: «Ему венки и поклоненья», поскольку искусство лицедея бессмертно. Такая высокая оценка актёру возникает в последней строке стихотворения Островского и может быть обусловлена заключительным торжественным аккордом, венчающим посвящение юбиляру.

Лексическое свёртывание обусловлено краткостью избранного ритмического размера (четырёхстопный ямб) и привнесённой рифмой

abab. Строгая одическая форма не позволяла использовать развёрнутые эпитеты, сравнения или метафоры: „verrauscht des Augenblicks geschwinde Schöpfung“, „wie der Klang verhallet in dem Ohr“, „der Gesang des Dichters nach Jahrtausenden noch lebt“, „So nimmt er Sich seines Namens Ewigkeit voraus“, „Denn wer den Besten seiner Zeit genug Gethan“.

Смысловые *перестановки* в строфах обусловлены теми же обстоятельствами. Мим упоминается не в начале стихотворения, а во второй строфе; мимолётность артистического дара подчёркивается во второй и третьей строфе (теперь уже лицедея); венки (которые предназначены для актёра) из средней части отрывка перенесены в заключительную строфу.

Отрывок из «Пролога к “Валленштейну”» переводился при жизни Островского поэтом и переводчиком Львом Александровичем Меем (1822-1862 гг.) в Собрании сочинений Ф. Шиллера (1861 г.). Этот перевод близок к белому, нерегулярному стиху без рифмы со свободным чередованием мужских и женских окончаний. Современный перевод «Пролога» Шиллера выполнен высоко профессионально Львом Владимировичем Гинзбургом (1921-1980 гг.), который не соблюдает в белом стихе ритмику оригинала. В переводе сохраняются как смысловые особенности обращения Шиллера к зрителям вновь открывшегося театра, так и «ломаный» ритм белого стиха немецкой драмы.

Ведь исчезает сразу, без следа
Чудесное творение актёра,
В то время как скульптура или песнь
На сотни лет творцов переживают.
С актёром вместе труд его умрёт,
Подобно звуку, ускользнёт мгновенье,
В котором он являл нам гений свой,
В созданье долговечном не живущий.
Нелегко труд — изменчива цена.
Потомки роз не дарят лицедею,
Поэтому он должен дорожить
Минутою, ему принадлежащей,
Всем существом проникнуть в современность,
Сродниться с ней и в благородных душах
Создать при жизни памятник себе.
Тем самым он в грядущее войдёт.
Лишь тот для будущего жил, кто много
Свершил для современников своих (Л. Гинзбург, 1980 г.) [16].

Да! скоро и безслѣдно передѣ мыслью
Скользить искусство пламенное мима,
А образцы рѣзца и пѣснь поэта
Тысячелѣтья могут пережить.

Да! обаянье гибнетъ вмѣстѣ съ мимомъ
 И замираетъ отдаленнымъ звукомъ,
 И вѣковѣчной славой за собою
 Мгновенное созданье -- не оставить.
 Искусство мима строго, но потомство
 Не для него сплететъ вѣнокъ лавровый.
 Затѣмъ-то онъ скупится настоящимъ
 И жадно каждымъ мигомъ дорожить,
 Чтобъ имъ зажечь, въ сіяніи и блескѣ,
 Сердца людей достойнѣйшихъ и лучшихъ,
 Себѣ поставить памятникъ при жизни,
 И слить безсмертье съ именемъ своимъ:
 Кто лучшимъ современникамъ приносить
 Благоую пользу - не умереть во вѣки. (Л. Мей, 1861 г.) [17].

Трансформация шиллеровского нерифмованного стиха в одический ямб вокального стихотворения при соблюдении общего принципа сжатия общего объёма отрывка из Шиллера свидетельствует о блестящих способностях Островского-переводчика. Перевод нельзя назвать точным или вольным. Он адекватно выразил переводческую задачу драматурга, который выполнил «поэтический перевод», о котором замечательно писал С. С. Аверинцев: «В самом деле, заново творимое русское стихотворение, которое должно принять черты, заданные уже существующим образцом иноязычной поэзии, а при том ещё сделать его чуждостью, отдалённостью, инаковостью своей темой, но так, чтобы эта тема помогала ему стать именно русским стихотворением» [1, с. 565].

Список использованных источников

1. Аверинцев С. С. Размышления над переводами Жуковского // Зарубежная поэзия в переводах В. А. Жуковского в двух томах. Т. 2. Сборник / сост. А. А. Гугнин. М.: Радуга, 1985. С. 553-574.
2. Вильмонт Н. Н. Достоевский и Шиллер: Записки русского германиста. М.: Сов. писатель, 1984. 280 с.
3. Гаспаров М. Л. Очерк истории европейского стиха. М.: Наука, 1989. 304 с.
4. Данилевский Р. Ю. Русский образ Фридриха Шиллера. К двухсотлетию со дня смерти поэта [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/8823072> (дата обращения 10.01 2021).
5. Журавлёва А. И.; Зыкова Г. В. Шиллер // А. Н. Островский: энцикл. / гл. ред. И. А. Овчинина. Кострома: Костромаиздат; Шуя: ШГПУ, 2012. С. 483-484.
6. Михайлов А. В. Обратный перевод. Раздел IV. Из предисловий и рецензий. [Электронный ресурс] – Режим доступа:

www.xliby.ru/kulturologija/obratnyi_perevod/p7.php (дата обращения 08.12.2020).

7. Мысль, вооружённая рифмами. Поэтическая антология по истории русского стиха. Л.: ЛГУ, 1987. 606 с.

8. Орнатская Т. Комментарии. Артисту (из Шиллера) // Островский А.Н. Полн собр. соч.: В 12 т. Т. 7. Пьесы (1866-1873). М.: Искусство, 1977. С. 603.

9. Островский А. Н. Артисту (из Шиллера) // Островский А. Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 7. Пьесы (1866-1873). М.: Искусство, 1977. С. 498.

10. Островский А.Н. Артисту (из Шиллера) // Русские ведомости. 1884. № 350. С. 4.

11. Самарин Иван Васильевич, актёр. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.maly.ru/people?name=SamarinI (дата обращения 20.12.2020).

12. Хёхерль А. А. Н. Островский – переводчик Г. Гейне // А. Н. Островский: материалы и исследования / отв. ред., сост. И. А. Овчинина. Иваново: ИВГУ, 2013. Вып. 4. С. 122-126.

13. Цветков Ю. Л. Поэтические переводы А. Н. Островского с немецкого языка // IV Общероссийская онлайн-конференция с международным участием «Перевод и культура: взаимодействие и взаимовлияние». Сборник тезисов / отв. ред. А. В. Иванов. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2020. С. 163-166.

14. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в пятнадцати томах. Т. 4. Статьи и рецензии (1856-1857). М.: Гос. изд-во худож. литер., 1948. 983 с.

15. Шиллер Ф. П. Фридрих Шиллер. М.: Худож. литер., 1955. 430 с.

16. Шиллер Ф. Валленштейн (Драматическая поэма). Пролог / пер. Л. Гинзбурга. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://wysotsky.com/0009/435.htm> (дата обращения 10.12.2020).

17. Шиллер Ф. Валленштейновская трилогия / пер. Л. Мея // Шиллер Ф. Собр. соч. в переводе русских писателей / под. ред. С. А. Венгерова. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1901. Т. 2. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://az.lib.ru/s/schiller_i_k/text_0090-oldorfo.shtm (дата обращения 10.12.2020).

18. Schiller F. Prolog. Wallensteins Lager // Schillers Werke in fünf Bänden. Berlin; Weimar, 1976. Bd. 4. Wallenstein. S. 9-13.

УДК 82:161

ОСОБЕННОСТИ И ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА АФОРИЗМОВ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Чжан Менцзя,

к. филол. н., старший преподаватель Института перевода Шаньдунского университета, Провинция Шаньдун, город Вэйхай, КНР

В. С. Любеев,

*к. филол. н., старший преподаватель, Российский государственный
социальный университет, Москва*

Л. А. Демешева,

переводчик, Германия

Аннотация. Переводческая деятельность всегда связана с определенными трудностями: одна из них – адекватность перевода. Перевод афоризмов заставляет переводчика использовать все умения и навыки для сохранения остроты и колорита высказывания. Выделены основные способы перевода афоризмов с английского на русский язык.

Ключевые слова: перевод афоризмов, способы переводы афоризмов, свойства афоризмов.

Summary. The process of translation is always connected to certain difficulties: one of them is the adequacy of translation. The translation of aphorisms makes the interpreter use all the knowledge and skills to save the sharpness and beauty of the utterance. The basic methods of translation of the aphorisms from Russian into English are pointed out.

Key words: the translation of the aphorisms, the methods of translation of the aphorisms, the characteristics of the aphorisms.

Перевод – это сложный и многогранный вид человеческой деятельности. Хотя обычно говорят о переводе с одного языка на другой, но, в действительности, в процессе перевода происходит не просто замена одного языка другим [1, С. 11]. В переводе требуется настолько глубокое осмысление текста, чтобы произведение приобрело характер оригинала, написанного на языке перевода. С другой стороны, перевод требует строгого выдерживания стилистических особенностей языка оригинала, т.е. сохранения в переводе в нужных местах нейтральной лексики, высокого стиля, канцеляризмов и т.п.

Прежде чем перейти к исследованию проблем перевода афоризмов, мы остановимся на кратком перечислении особенностей жанра, которые укажут на трудности, с которыми сталкивается переводчик афоризмов.

Язык афоризма избегает различных замысловатых идиоматических построений. Для переводчика специфика афоризма характеризуется тем, что в нем обычно фигурируют общечеловеческие темы, для которых лексика глубоко проработана во всех современных языках. Поэтому в структуре афоризма очень редки идиоматические «украшения» и, следовательно, перевод в большинстве случаев приближается к дословному – калькированию.

Однако не всегда удастся передать именно ту красоту игры слов и тонкого смысла, который раскрывается лишь в оригинальном звучании. «Все языки, как и культуры – вариации на одни и те же темы. Поэтому они взаимопереводимы, но никогда до конца» (Иосиф Левин). Вот, на наш взгляд, достойный пример, который непременно вызовет трудности при

переводе: Pro and con are opposites, that fact is clearly seen. If progress means to move forward, then what does congress mean? (Nipsey Russel).

Важное свойство афоризма – предельная компрессия информации в малом по объему высказывании. Средства передачи большого объема информации в афоризме различны.

Основными критериями, по которым должен оцениваться перевод афоризма – это соблюдение нормы правильного воспроизведения смысла и нормы сохранения художественной ценности. Все орнаментальные приемы, используемые в афоризме, информативны и взаимодействуют со смыслом высказывания, являясь средством окказионального изменения семантики. Здесь и заключена основная сложность перевода, так как, сохраняя смысл афористического высказывания посредством приема калькирования, не всегда удастся сохранить образ.

Собранный материал показывает, что в ПЯ так же, как и в ИЯ, в большинстве случаев удастся сохранить структурное построение афоризма. Воспроизведение этих особенностей грамматического построения афоризма имеет особое значение для качества перевода, так как они являются стилистически значимыми и способствуют компрессии информации.

Проанализировав переводы афоризмов, мы выделили несколько основных приемов:

1) калькирование – составные части безэквивалентной лексической единицы (морфемы слова или лексемы словосочетания) заменяется их буквальным соответствием на языке перевода [2, С. 149].

2) транскрипция – переводческий прием, основанный на фонетическом принципе, например, на передаче русскими буквами звуков иноязычного наименования. Транслитерация – передача текста, написанного при помощи одной алфавитной системы (ИЯ) средствами другой алфавитной системы (ПЯ) Приведем пример транскрипции:

God, so atrocious in the Old Testament, so attractive in the New - the Jekyll and Hyde of sacred romance (Mark Twain). – Бог свиреп в Ветхом Завете и обаятелен в Новом – доктор Джекиль и мистер Хайд священного романа.

3) трансформация образа. Под «образом» традиционно понимается «живое, наглядное представление о ком-либо или о чем-либо», а в художественном произведении – «тип, характер». Трансформация образа может быть использована, если наблюдается «несоответствие ассоциаций и, в результате, эмоциональных и интеллектуальных реакций в ИЯ и ПЯ». Трансформация образа может применяться при переводе художественной литературы, а также при переводе образных сравнений, метафор, пословиц [Бродский 2001: 30-31]. Полная замена образа может быть связана с сохранением экспрессивной окраски, что чаще даже важнее, чем передача функционально-стилистической принадлежности.

Every sweet has its sour; every evil its good.

У любой сладости есть своя горечь, у каждого зла – свое добро.

4) генерализация позволяет передать содержание реалии единицей с более широким значением, подставляя родовое понятие вместо видового.

The foolish man seeks happiness in the distance; the wise man grows it under his feet

Глупец ищет счастья вдали; мудрый растит его рядом с собой

5) конкретизация. Для этого приема перевода характерно установление отношения эквивалентности между словом оригинала, передающим родовое понятие, и словом в языке перевода, называющим соответствующее видовое понятие, т.е. замена слова, имеющего более широкое значение, словом с более узким значением

Tragedy is when I cut my finger. Comedy is when you fall into an open sewer and die.

Трагедия – это когда я порезал себе палец. Комедия – когда вы провалились в открытый канализационный люк и сломали себе шею.

Как уже было замечено ранее, с помощью калькирования не всегда удастся сохранить образ. Это может быть следствием многозначности, омонимичности слов, самый искусный перевод не сможет передать столь тонкую игру слова, так как структура многозначных слов в различных языках не совпадает.

Приведем пример: Man is a reasoning rather than a reasonable animal. (Alexander Hamilton). – Человека можно скорее назвать рассуждающим, чем разумным, существом.

Семантическая связь слов reasoning и reasonable возникает благодаря сходству звучания. Обыгрывание звуковой формы слова вызывает эстетическое переживание, облегчает запоминание афоризма. Перевод в нашем примере представляет собой точную лексическую и грамматическую эквивалентность оригинала, однако невозможность передать фонетическую эквивалентность лишает перевод легкости и изящества оригинала. А главное теряются контекстуальные семантические связи, возникшие в оригинале.

За счет калькирования антитеза в отобранных афоризмах сохранилась с минимальными изменениями. Для наглядности удачной передачи антитезы обратимся еще к одному примеру: Where law ends, tyranny begins (William Pitt). – Где кончаются законы, там начинается тирания. В этом афоризме параллельные конструкции служат формой выражения двойной антитезы. В пределах параллельных конструкций антитеза распространяется и на субъекты law – tyranny. Синтаксическая структура перевода, удачнее, чем структура оригинала, поддерживает антитетическое противопоставление. Добавление слова там снимает асимметрию частичных параллельных конструкций оригинала и улучшает восприятие афоризма.

Перспективной представляется дальнейшая разработка и изучение афоризмов американской и российской лингвокультур, классификация их

по наличию других стилистических фигур, где шире будут представлены приемы перевода.

Также перспективным для разработки данной проблемы представляется проведение исследований по проблематике афоризмов с точки зрения перевода, по критерию переводимости, составление упражнений по созданию и переводу афоризмов, исследование афоризмов других пар языков. Внимание к афоризмам поможет переводчику, как письменному, так и устному, осуществлять перевод не только с языка на язык, но и с культуры на культуру.

Список использованных источников

1. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 1999. 192 с.
2. Латышев Л. К. Технология перевода. М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2000. 280 с.
3. Норец М. В., Норец Т. М. Особенности художественного перевода с русского на французский и обратно // *Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций*. Симферополь: КФУ им. В. И. Вернадского, 2019. № 3-4 (27-28). С. 5-12.
4. Шевчук-Черногородова М. А. Универсалии фразеологических систем русского, английского и французского языков // *Переводческий дискурс: междисциплинарный подход*. Материалы II международной научно-практической конференции. 2018. С. 643-648.

УДК 811,11

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ДЕТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

М. С. Шевченко,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Ростов-на-Дону

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме перевода детской художественной литературы. Особую значимость данной работе придает тот факт, что в статье большое внимание уделяется феномену художественной литературы, которая является признанным носителем духовного начала в человеке, идеалом добра, любви, сострадания.

Ключевые слова: перевод, детская художественная литература, устойчивые выражения, игра слов, юмор

Summary. The article is devoted to the actual problem of translation of children's fiction. The particular significance of this work is given by the fact that the article pays great attention to the phenomenon of fiction, which is a recognized bearer of the spiritual principle in a person, the ideal of goodness, love, compassion.

Key words: translation, children's fiction, set expressions, wordplay, humor

Феномен художественного стиля неоднократно привлекал внимание ученых-лингвистов. Некоторые исследователи (Л. Г. Барлас, В. Д. Бондалетов, И. Р. Гальперин) рассматривают язык художественной литературы как явление особого рода, которое нельзя поставить в один ряд с функциональными стилями.

Выделение детской художественной литературы как отдельного жанра основывается на определенной категории читателя. В прошлом учёные не выделяли отдельно литературу для детей, но некоторые произведения из общего литературного наследия вошли в круг произведений для детского чтения [4, с. 102].

Выдающийся педагог XX века А. С. Макаренко утверждает, что когда мы говорим о литературе для детей, мы одновременно предполагаем два аспекта: данная литература определённо должна быть художественной, во-вторых, она должна обладать какими-то особенностями, которые будут характеризовать её как литературу для детей. Однако, в свою очередь, по словам А. С. Макаренко детская художественная литература объединяет в себе совокупность возрастных особенностей: литература для детей 8 лет не одно и то же, что литература для детей 16 лет [3, с. 76]. С первого взгляда можно сделать вывод, что отличие художественной детской литературы от литературы для взрослых лежит в тематике произведения, в его содержании. Однако, по мнению А. С. Макаренко, довольно сложно отыскать тему, которая не могла бы быть предоставлена детям. Даже любовь между мужчиной и женщиной (и, в свою очередь, деторождение) не может быть исключена из списка тем, предназначенных для детской аудитории. Несложно представить себе книгу для детей, в которой будет написано: *«принц женился на принцессе, и они любили друг друга»*, *«жили-были дед да бабка, и не было у них детей»*, *«родила царица в ночь...»* [3, с. 77].

По словам А. С. Макаренко, если существует тема, которая противопоказана для детской литературы, но приемлема для литературы взрослых, то это означает, что проблема данной детской тематики еще не разрешена и детским писателям стоит всего лишь потрудиться над преподнесением этой темы детям. К примеру, темы современности, которые на сегодняшний момент являются наиболее важными и первоочерёдными: патриотизм, дружба народов, избавление от стереотипов и дискриминации, экологические проблемы современности. Поэтому, можно сделать вывод, что особенности, различающие детскую и взрослую художественную литературу, заключаются в том, как рассказывается, и далеко не в том, о чём рассказывается юному читателю [3, с. 81].

Говоря о детской литературе, необходимо помнить о некотором ряде стилевых правил и ограничений. Эти правила представляют собой

общеизвестные педагогические акты, уместные всегда, когда дело касается ребенка или подростка. Прежде всего, детская художественная книга должна вести ребенка вперед, к тем аспектам, которые являются неизвестными или малоизвестными для ребёнка [3, с. 83]. Касательно жанров детской литературы, можно отметить, что существует широкий спектр жанров, однако, некоторые из них можно также отнести и к собственно художественной литературе. В частности, к жанрам детской литературы можно отнести: сказки, басни, стихи, фэнтэзи, былины, рассказы, поэмы. Однако детская художественная литература в разных странах развивалась под влиянием различных факторов [4, с. 102].

Говоря, о специфике перевода детской художественной литературы, известный переводчик М. Л. Лозинский считает, что при переводе переводчик должен учитывать всю сложную связь между словами, и его цель – найти в родном языке такую же сложную и живую связь, которая в той или иной степени точно отразила бы подлинник, а также обладала бы тем же эмоциональным влиянием на читателя. Чтобы текст перевода получился художественным, важно уметь писать на родном языке. Переводчик должен задействовать все свои фоновые знания, художественный вкус, весь кругозор, а также углублять знания не только языка оригинала, но и языка перевода [2, с. 64].

Качество перевода во многом зависит от цели переводчика. Можно выделить три цели перевода художественной литературы. Первая цель – это знакомство читателей с творчеством того или иного писателя, произведения которого недоступны им в виду языка. Таким образом, переводчик ставит перед собой цель познакомить читателя не только с произведениями автора, но и с его творческой манерой и идиостилем. Переводчик должен постараться перевести текст так, чтобы читатель прочувствовал ту же «атмосферу», что и вложил в текст автор. Для этого автору перевода приходится сглаживать национально-культурные различия, а также следить за тем, чтобы текст перевода воспринимался читателем так же естественно, как и текст оригинала. В таком случае переводчик также не должен концентрировать внимание на неизвестных читателю реалиях, которые кажутся естественными представителю этой культуры. В этом случае читатель получает в той или иной степени полное представление о творчестве писателя и его индивидуальном стиле, однако наиболее полного представления о культуре автора читатель не получит [1, с. 69].

Второй целью можно назвать знакомство читателей с особенностями культуры иноязычного народа, то есть передача своеобразия и характерных особенностей той или иной культуры. Ставя перед собой эту цель, переводчик обязан стремиться к максимально полному сохранению соответствия тексту оригинала, а также попытаться объяснить читателю некоторые реалии, которые встречаются ему при чтении произведения, и постараться передать все особенности культуры автора [1, с. 69–70].

Третья цель – это знакомство читателя с содержанием книги [1, с. 68]. Решая эту задачу, переводчик не должен пытаться найти функциональные аналоги выразительных средств, использованных автором оригинала. Здесь автор перевода может пренебречь национальными особенностями и основной формой, сосредоточив всё свое внимание на собственно содержании переводимого произведения. В определенных случаях такой перевод можно назвать оправданным. Однако данный перевод едва ли можно назвать художественным. К сожалению, в последнее время так называемый «нехудожественный» перевод становится всё более распространённым, и все чаще переводчики используют данный способ [1, с. 70].

Художественный перевод имеет множество специфических черт и, соответственно, проблем:

1. Полное отсутствие дословности. Пример: «Really! said Mary Poppins. Really, such behaviour!». – «Это ещё что такое? – сказала Мэри Поппинс. – Что это за поведение?» (перевод Б. Заходера). Материалом нашего исследования послужили произведение Памелы Трэверс «Мэри Поппинс» и перевод данного произведения Борисом Заходером.

2. Проблема перевода устойчивых выражений. Пример: «*Whenever there was a fight in the road he would be sure to be in the thick of it; he was always getting into trouble with the Postman or the Policeman, and there was nothing he loved better than sniffing about in drains or garbage tins*». – «Где бы на улице ни происходила драка, он непременно оказывался в самой гуще; он постоянно имел неприятности с почтальоном и полисменом; и больше всего на свете он любил рыться в помойках и сточных канавах».

3. Игра слов, юмор.

Для многих литературных произведений характерны говорящие имена и фамилии. В детских произведениях имена собственные иногда приобретают юмористический оттенок. Например, дядя Мэри Поппинс в оригинале имеет фамилию Wigg, а сам мужчина полностью лысый. Борис Заходер перевёл его имя как «*мистер Паррик*», т.к. при переводе фамилии транслитерацией русскому ребёнку была бы непонятна шутка, заложенная в эту фамилию автором. Борис Заходер успешно адаптирует фамилию персонажа для русских детей, сохраняя при этом специфику написания слов. «*Why is he called Mr. Wigg – does he wear one? – asked Michael, hurrying along beside Mary Poppins. He is called Mr. Wigg because Mr. Wigg is his name. And he doesn't wear one. He is bald, – said Mary Poppins*». – «А почему его зовут мистер Паррик – он ходит в парике? – спросил Майкл, попевая вприпрыжку за Мэри Поппинс. – Его зовут мистер Паррик потому, что его фамилия Паррик. Он не носит парика. Он лысый, – сказала Мэри Поппинс».

Также интерес для переводчика представляют клички. В произведении «Мэри Поппинс» целая глава посвящена псу Мисс Ларк, который нашёл себе друга – бродячую собаку. Пёс Мисс Ларк потребовал

у хозяйки взять его друга к ним в дом. Между ними происходит приведённый ниже диалог: «*But I'll say no more, no matter what I think. And this – creature – I shall call Waif or Stray or ...*». «*They say you must call him Willoughby and nothing else, – said Mary Poppins. Willoughby being his name*».

Борис Заходер перевёл этот отрывок следующим образом: «*Больше я ничего не скажу! Пусть всё, что я думаю, останется у меня в груди. А это... м-м-м... животное я буду звать Шариком, или Бобиком, или... – Они говорят, вы должны звать его Варфоломеем и никак иначе, – сказала Мэри Поппинс. – Его имя – Варфоломей!*»

Здесь переводчик дал волю фантазии и полностью преобразовал оригинальные имена. В оригинале Мисс Ларк называет бродячего пса «*Waif*» и «*Stray*», что в переводе означает «беспризорник» и «уличный». Однако, для русского юного читателя такие «клички» казались бы странными. Поэтому Борис Заходер выбрал самые простые клички собак, присущие русскому менталитету. Это клички Бобик и Шарик, которыми обычно называют собак, сидящих на цепи у дома. Таким образом, переводчик подчёркивает пренебрежение Мисс Ларк, которое и хотел выразить автор произведения.

При переводе детской художественной литературы переводчик может столкнуться со следующими проблемами:

1. Сохранение образности. Говоря об этой проблеме в переводе детской литературы, не нужно забывать, что существуют разнообразные способы сохранения образности оригинального текста [2, с. 37]. Многие согласятся с утверждением, что дети обладают необычайно богатой фантазией. Для её стимуляции и развития, Памела Трэверс использует ёмкие описания людей и предметов с яркими эпитетами. Например, описывая няню, рассказчик говорит: «*She was old and fat and smelt of barley-water*». «*Она была старая и толстая, и от неё всегда неприятно пахло лекарствами*». Борис Владимирович Заходер в этой фразе применяет смысловое развитие и переводит «*barley-water*» (*ячменный отвар*) как «*неприятно пахло лекарствами*». Отвары из ячменя прописывают при артрите, болезнях почек и печени, а также других заболеваниях. Юному читателю, скорее всего, был бы незнаком запах ячменного раствора, однако, запах лекарств знает каждый человек. Таким образом, ребёнок ясно понимает природу запаха и разделяет позицию автора и героев произведения.

2. Жанрово-стилистические особенности перевода детской литературы. Одной из особенностей художественных произведений для детей является обильное наличие лингвистических средств, влияющих на восприятие текста ребёнком. Существует несколько техник и способов, как сделать литературное произведение более интересным и захватывающим для ребёнка [2, с. 38]. «*IF YOU WANT to find Cherry-Tree Lane all you have to do is ask the Policeman at the cross-roads.... And sure enough, if you follow*

his directions exactly, you will be there – right in the middle of Cherry-Tree Lane, where the houses run down one side and the Park runs down the other and the cherry-trees go dancing right down the middle». Переводчик Борис Заходер при переводе также воспользовался этим приёмом. Однако при переводе с английского языка местоимение «you» можно интерпретировать как «вы» и как «ты». Б. Заходер сделал это обращение не обобщённым, а адресованным каждому ребёнку отдельно – в его переводе автор обращается к читателю на «ты»: *«Если ты хочешь отыскать Вишнёвый переулок, просто-напросто спроси у полицмена на перекрёстке... И будь уверен, если ты ничего не перепутаешь, ты окажешься там – в самой середине Вишнёвого переулка: по одной стороне идут дома, по другой – тянется парк, а посредине ведут свой хоровод вишнёвые деревья»*.

Посредством этого приёма достигается создание особой связи писателя с ребёнком – писатель будто бы разговаривает напрямую с ним, тем самым способствуя дружественному отношению ребёнка к автору. Таким образом, в случае с детской литературой, обращение на «ты» является наиболее удачным. Маленькие дети привыкли разговаривать на «вы» только с малознакомыми взрослыми или старшими людьми в официальной обстановке (например, в школе). Обращаясь к юному читателю на «ты», переводчик позиционирует автора как друга, нового хорошего приятеля.

3. Передача эмоционального компонента при переводе детской литературы. Именно в детской художественной литературе очень важно выражение идей и событий, описание героев достаточно выразительно. Произведения детской литературы отличаются крайней эмоциональностью, так как дети воспринимают этот мир через призму своих чувств и эмоций. Эмоциональность может достигаться разными способами. В первую очередь, эмоциональность может быть достигнута путём употребления эмоционально-окрашенной лексики [2, с. 39–40].

В заключение можно отметить, что выделение детской литературы как отдельного жанра основывается на определенной категории читателя. Особенности, различающие детскую и взрослую художественную литературу, заключаются в том, как рассказывается, а не в том, о чём рассказывается юному читателю. Очень важно правильно и максимально понятно передать образы и эмоциональную нагрузку юному читателю.

Список использованных источников

1. Белякова Е. И. Переводим с английского. СПб.: КАРО, 2003. 160 с.
2. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. Издательство «ЭТС». М., 2002. 424 с.
3. Макаренко А. С. Педагогические сочинения в восьми томах № 7. М., 1984. 809 с.
4. Мильчин К. Сотворенные миры английской литературы // Литература. 2011. № 10. С. 102.

УДК 81.26

**ТРАНСЛАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
КРАЕВЕДЧЕСКИХ ТЕКСТОВ*****К. Р. Шериева,****обучающийся пятого курса специалитета кафедры теории и
практики перевода, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский
федеральный университет, Ставрополь*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению лингвостилистических особенностей краеведческих текстов, а также выявлению релевантных способов их перевода с русского на английский. Цель работы состоит в выявлении способов сохранения прагматического материала лексических единиц при переводе краеведческого текста. При выполнении исследования использованы сопоставительный метод, описательный метод на основе сплошной выборки языкового материала, метод компонентного анализа языковых единиц, контекстологический и переводной методы анализа. Результаты исследования раскрывают основные проблемы передачи лексических единиц при переводе краеведческого текста. Основными способами передачи прагматического потенциала лексических единиц (слов-реалий) при переводе являются следующие трансформации: транскрипция, транслитерация, описательный перевод, приближённый перевод, полный перевод.

Ключевые слова: краеведческий текст, перевод, социокультурные реалии.

Summary. The article is devoted to the linguistic and stylistic features of the text of local lore orientation, as well as identifying relevant ways to translate them from Russian to English. The purpose of this work is to identify ways to preserve the pragmatic material of lexical units in the translation of local lore text. In carrying out the study were used the comparative method, the descriptive method based on a continuous sample of language material, the method of component analysis of language units, contextual and translation methods of analysis. The results of the study reveal the main problems of the transfer of lexical units when translating a local lore text. The main ways of transferring the pragmatic potential of lexical units (words-realities) during translation are the following transformations: transcription, transliteration, descriptive translation, approximate translation.

Key words: local lore text, translation, socio-cultural realia.

Знакомство с культурой и историей других стран через призму языка является одной из основных целей обучения переводу. С возрождением интереса к национальному духовному наследию, вопрос о передаче краеведческих текстов на другой язык становится всё более актуальным. Сведения, дающие представление о процессе исторического развития общества, а также его культуре, обычаях и традициях представляют культурный фон, который в полной мере отражается в краеведческих текстах. Хотя главным объектом краеведения является историко-

культурное наследие того или иного региона, краеведческие исследования приобретают сегодня всё более междисциплинарный характер, привлекая в том числе методологические базы и инструментарии различных лингвистических дисциплин.

В рамках данного исследования мы рассматриваем краеведческий текст как особый вид текста, который содержит информацию из смежных дисциплин. Таким образом, краеведческий текст – это тип текста, который содержит информацию о местности с точки зрения истории, культуры и природных особенностей какой-либо части страны, региона, области, района и т.д.

Результатами научных изысканий в области краеведения становятся многочисленные статьи и другие публикации, которые носят как научный характер, если они ориентированы на специалистов в данной области, так и могут являться научно-популярными, если преследуют цель популяризации историко-краеведческих знаний и осведомленности населения об истории становления родного края.

Данная статья посвящена специфике перевода краеведческих текстов, а также рассмотрению их лингвостилистических особенностей. Для выявления особенностей перевода нами была использована классификация переводов В. Н. Комиссарова. По его мнению, «существует две основных классификации видов перевода: по характеру переводимых текстов и по характеру речевых действий переводчика в процессе перевода» [4, с. 94]. Классификация по характеру переводимых текстов связана с жанрово-стилистическими особенностями переводимого материала, которая «обуславливает выделение двух функциональных видов перевода: художественный (литературный) перевод и информативный (специальный) перевод» [4, с. 95]. В. Н. Комиссаров утверждает, что «информативным переводом называется перевод текстов, основная функция которых заключается в сообщении каких-то сведений, а не в художественно-эстетическом воздействии на читателя» [4, с. 97]. Также, в работе В. Н. Комиссарова указывается, что «к таким текстам относятся все материалы научного, делового, общественно-политического, бытового и прочего характера» [4, с. 97]. Таким образом, историко-краеведческие тексты можно отнести к информативному переводу.

Исходя из задач нашей работы, целесообразно определить, к какому типу текста относится краеведческий текст. Основываясь на транслатологической классификации текстов И. С. Алексеевой, краеведческие тексты можно отнести к научному типу, поскольку обладают рядом особенностей: монологический характер, отбор языковых средств, ясность, краткость, объективность и т.д. Как указывает в своей работе И. С. Алексеева, «в соответствии с преобладающим в тексте видом информации, все тексты подразделяются на 4 группы»: примарно-когнитивные тексты, примарно-оперативные тексты, примарно-эмоциональные тексты, примарно-эстетические тексты [1, с. 266].

Примарно-когнитивная группа включает в себя такие типы текста, как «научный, научно-учебный, научно-популярный, объявления, искусствоведческий, музыковедческий, философский, документы, деловое письмо и т.д.» [1, с. 265-266]. Основываясь на данной классификации можно сказать, что историко-краеведческие тексты относятся к научно-популярному типу текста. В отличие от собственно научного стиля в научно-популярном подстиле используются средства выразительности, являющиеся характерными для художественного стиля, что обуславливает трудности при переводе текста. Как утверждает И. С. Алексеева, главная задача научно-популярного текста – это заинтересовать читателя и донести доступным языком информацию из определенной области знаний [1, с. 271]. Источником данного типа текста является специалист, представляющий достоверную информацию, а реципиентом является массовый читатель, не обладающий особыми знаниями в данной области.

Краеведческий текст рассматривается как сложный культурный феномен, как способ сохранения и передачи познания окружающего мира, накопления знаний, традиций и обычаев. Однако, краеведческий текст локоцентричен, антропоцентричен, культуроцентричен. Локоцентризм, с одной стороны, воплощает принадлежность человека к своей исторической и духовной малой родине, в то же время реализуется через присутствие в тексте географических реалий, топонимов, этнонимов и других лексических единиц, определяющих и характеризующих какое-либо место или локус. Антропоцентризм выражается в передаче важных знаний о человеке посредством языка. Культуроцентризм реализуется через изображение в тексте взаимодействия человека, культуры и социальной среды. В текстах данного вида содержится когнитивная информация, которая выражается историческими терминами, словами-реалиями, именами собственными, топонимами, архаизмами и историзмами.

В историко-краеведческих текстах фиксируются исторические и культурные сведения, которые обуславливают необходимость выполнения педагогической, просветительской и научной функций. Ведущими признаками данного типа текста являются использование культуроспецифичной лексики, что составляет особую трудность при выполнении перевода. К культуроспецифичной лексике, как было указано выше, относятся исторические термины, слова-реалии и культуронимы, иначе безэквивалентная лексика, имена собственные, топонимы, архаизмы и историзмы. Под реалией в настоящем исследовании понимаются лексемы, отображающие национальные особенности, исторические факты, а также культурное наследие, не имеющие, как правило, точных соответствий в другом языке.

Важной составляющей переводческого анализа являются вопросы о специфике перевода безэквивалентной лексики, иначе говоря, историко-культурных реалий такого типа текстов. Именно перевод реалий

обуславливает понятность текста на переводящем языке. Стоит упомянуть, что трудность решения переводческой задачи не говорит о невыполнимости. Как указывает в своей работе А. В. Фёдоров, для выполнения перевода социокультурных реалий, переводчик должен обладать фоновыми знаниями [6, с. 165]. Под «фоновыми знаниями» А. В. Фёдоров понимает «совокупность представлений о том, что составляет реальный фон, на которой развёртывается картина жизни другой страны, другого народа» [6, с. 165]. С течением времени фоновая информация, которой обладает человек, пополняется в связи с растущими контактами разных народов и культур. Как утверждает в своей работе А. В. Фёдоров, одним из видов таких контактов является именно перевод текстов, в том числе краеведческих [6, с. 166].

В связи с возрастающим интересом к переводу лексических составляющих краеведческого текста, важно упомянуть основные способы передачи слов-реалий. Чаще всего безэквивалентная лексика передаётся при помощи такой трансформации, как полный перевод, в основе которой лежат транскрипция и транслитерация. Отметим, что «воспроизведение прагматического потенциала оригинала непосредственным образом связано с ориентацией на конкретную группу рецепторов, обладающих познаниями в той области, о которой идет речь в оригинале» [5, с. 206]. Это обуславливает использование переводческих трансформаций. Как показал анализ эмпирического материала, наиболее частотной трансформацией является полный перевод.

Таким образом, *полный перевод* (перевод термина термином) возможен только в том случае, когда термину в ИЯ соответствует термин в ПЯ. «Для термина характерна соотнесённость с точным определённым понятием, стремление к однозначности. Это приводит к тому, что ряд терминов приобретает своего рода независимость от контекста и, следовательно, может переводиться с помощью лексического эквивалента. Многие английские термины в любом контексте соответствуют определённым русским терминам» [7, с. 23-24]. Например:

В 1821 г. Белгородский уланский полк (бывший Таганрогский драгунский), проходя через Ставрополь и обнаружив факт исчезновения своей церкви, возбудил по этому поводу соответствующее дело перед управлением Кавказской области. – In 1821, the Belgorod lancers regiment (formerly the Taganrog Dragoon regiment) discovered the fact of the destruction of its Church, when they went through Stavropol. In this regard it initiated a corresponding case at the administration of the Caucasus region.

В данных примерах нами был применён полный перевод, так как при переводе этих названий были найдены эквиваленты на переводящем языке «*Belgorod lancers regiment*», «*Taganrog Dragoon regiment*». Данные явления присутствуют как в русской, так и в английской культурах, что является главной причиной использования такой трансформации. Такие

исторические названия используются в краеведческом тексте для передачи исторического колорита и временной ретроспективы текста.

Приведём ещё один пример полного перевода:

Это могли быть 3-6 фунтовые пушки (диаметр ствола 72-94 мм), лёгкие 7-10 фунтовые гаубицы (100-125 мм), небольшие мортиры. – Those could be 3-6 pounds cannon (caliber of the tube 72-94 mm), lightweight 7-10 pounds howitzer (100-125 mm), and small mortars.

В данных примерах был применён полный перевод, так как при переводе этих военных терминов также были найдены эквиваленты на переводящем языке «*cannon*», «*howitzer*» и «*mortars*». Как в русском, так и в английском языках, они являются терминами и обозначают орудия, использовавшиеся в полевой, осадной, крепостной и корабельной артиллерии.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что при передаче культуроспецифичной лексики на иностранный язык необходимо исходить из того, с какой целью осуществляется перевод, а также какие функции будет выполнять текст перевода в принимающей культуре. Стоит также помнить о существующих культурных сходствах, выражающихся культуроспецифичной лексикой, присутствующей как в русской, так и в иностранной культуре. Основной целью перевода краеведческих текстов является знакомство с историей и культурой родного края, в связи с этим, главной задачей переводчика ставится передача прагматического значения и культурнозначимой коннотации специфичной лексики.

Список использованных источников

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 352 с.
2. Казакова Т. А. Практические основы перевода. English Russian. – Серия: Изучаем иностранные языки. СПб.: Издательство Союз, 2001. 320 с.
3. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение // Курс лекций. М.: ЭТС, 1999. 192 с.
4. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
5. Марченко Т. В. Лингвокультурный и прагматический аспекты прецедентных феноменов: транслатологическая специфика // Вестник Северо-Кавказского федерального университета, 2014. № 2 (41). С. 205-208.
6. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для институтов и факультетов иностр. языков. Учеб. пособие. – 5-е изд. М.: ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. 416 с.
7. Яшина Н. К. Учебное пособие по переводу научно-технической литературы с английского языка на русский. Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2015. 112 с.

УДК 811.12

**ГИПЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ЛИТЕРАТУРНОГО
МЕТОДА «ПЕРЕПИСЫВАНИЯ» НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
Р. КЕНО LA «CIMAIS ET LA FRACTION»*****В. И. Шульженко,****доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры
языкознания, русской филологии, литературного и журналистского
мастерства, Институт переводоведения и многоязычия, Пятигорский
государственный университет, Пятигорск****А. Д. Чурсин,****обучающийся четвертого курса бакалавриата кафедры французской
филологии и межкультурной коммуникации, Институт романо-
германских языков, информационных и гуманитарных технологий,
Пятигорский государственный университет, Пятигорск*

Аннотация. Цель исследования – выявить гипертекстуальные свойства литературного метода «переписывания» (на фр. *réécriture*) на примере басни Р. Кено «La cimaise et la fraction». В исследовании используются метод лингвистического наблюдения и описания, а также метод контекстуального анализа. На основании анализа басни Р. Кено «La cimaise et la fraction», а также привлечения текста референта – басни Ж. де Ла Фонтена «La cigale et la fourmi» – устанавливается, что метод «переписывания» обладает такими гипертекстуальными качествами, как наличие текста-референта, а также наличие эксплицитной связи с оригиналом на уровне содержания, формы и проблем.

Ключевые слова: Гипертекст, гипертекстуальность, переписывание, Р. Кено.

Summary: The study aims to investigate the hypertextual qualities of the literary device "rewriting" on the basis of R. Keno's fable "La cimaise et la fraction". The method of linguistic observation and description and the method of contextual analysis were used in our study. Based on the analysis of R. Keno's fable "La cimaise et la fraction", as well as the use of the text of the referent – the fable of J. de La Fontaine "La cigale et la fourmi" – it is established that the method of "rewriting" has such hypertextual qualities as the presence of text-referent and the presence of an explicit connection with the original at the level of content, form and problems.

Key words: Hypertext, hypertextuality, rewriting, *réécriture*, R. Queneau.

Проблеме гипертекстуальности отведено значительное внимание со стороны исследователей разных наук: лингвистики, литературоведения, социологии. Однако, несмотря на высокую степень разработанности данного аспекта языка, гипертекстуальность остается противоречивым явлением, так как сложно провести границу между гипертекстуальностью и другим феноменом – интертекстуальностью.

К проблеме гипертекстуальности обращались многие ученые. Так, О. В. Дедова в своей работе «Теория гипертекста и гипертекстовые

практики в Рунете» определяла гипертекстуальность как «совокупность специфических особенностей гипертекста в изложении, структурировании и организации доступа к информации» [1, с. 32]. Однако ошибочно полагать, что гипертекст является компиляцией исходных текстов. По мнению Ю. Хартунга, гипертекст – это «самостоятельный объект с набором собственных специфических свойств, в котором крайне важна соотносимость отдельных его частей друг с другом» [3, с. 68].

Ученый Т. И. Рязанцева выделяет два типа гипертекстуальности по характеру ссылки: эксплицитную и имплицитную. Так, под эксплицитной гипертекстуальностью ученый понимает «прямую ссылку» на другой текст, тогда как проявлением имплицитной гипертекстуальности являются скрытые языковые и стилистические аллюзии [2, с. 47]. Одним из примеров языковой аллюзии может быть метафора, а сатира и пародия представляют собой стилистические аллюзии.

В своем исследовании мы будем опираться на определение гипертекстуальности, данное лингвистом Т. И. Рязанцевой, в частности, на эксплицитный тип гипертекстуальности. Имплицитный тип гипертекстуальности в нашем исследовании воспринимается как феномен интертекстуальности. Таким образом, главным отличием гипертекста от интертекста является «ссылка», в гипертексте представляющая собой прямую аллюзию, а в интертексте скрытую.

Исходя из данного определения, мы выделяем следующие гипертекстуальные свойства:

1) Наличие исходного текста, или текста-оригинала, который является референтом по отношению к гипертексту.

2) Гипертекст эксплицитно связан с оригиналом содержанием, формой, а также поднятыми проблемами, то есть имеет схожую канву повествования, жанрово ссылается на оригинал и имеет схожую проблематику.

По нашему мнению, к гипертексту относятся произведения, написанные методом «переписывание» (с фран. *réécriture*). Суть данного литературного метода предполагает наличие образца произведения или мифического персонажа, например, Дон Жуан, Медея, Саломой, оригинальные истории которых переписываются современными авторами по образцу античности [4, с. 9]. При такой работе с текстом, где оригинал преобразуется в новое произведение, подчиняясь особому отбору лексических средств. Примером такого метода является произведение Р. Кено «*La cimaise et la fraction*» (Карниз и фракция). Текст Р. Кено находится в отношении гипертекстуальности с басней Ж. де Ла Фонтена «*La cigale et la fourmi*» (Стрекоза и муравья). Данный текст построен на методе "S+7", разработанный в новаторском объединении «УЛИПО» (OULIPO) Жаном Лескюром. Смысл данного метода заключается в том, что в выбранном оригинальном тексте каждое существительное, глагол и прилагательное заменяется аналогичной частью речи, седьмой по счёту в

словаре после заменяемого слова. Так, основываясь на данном методе, Р. Кено преобразует оригинальную басню Ж. Де Ла Фонтена «La cigale et la fourmi» в «La cimaise et la fraction».

«La Cigale, ayant chanté / Tout l'été,...» преобразуется в «La cimaise / ayant charonné tout l'éternueur...». Полностью изменяется главный персонаж басни, из «цикады» становясь «цементной плитой», которая формирует часть верхнего карниза, скрывающая, по задумке автора, «всякий чих». Несмотря на то, что главные герои, их действия, а также их характеристики значительно изменились в произведении «La cimaise et la fraction», благодаря такому явлению, как гипертекстуальность, читатель, уже прочитавший «La cigale et la fourmi», путем расшифровки и интерпретации произведения, узнает в басне Р. Кено отголоски оригинальной басни Ж. де Ла Фонтена.

«Se trouva fort dépourvue / Quand la bise fut venue» – в басне Ла Фонтена цикада была разочарована, когда пришел ветер, а в произведении Р. Кено «se tuba fort dépurative / quand la bixacée fut verdie», то есть обзавелась тяжелыми трубами, когда всё зацвело.

«Pas un seul petit morceau / De mouche ou de vermisseau...» – цикада говорит о необходимости пропитания, а в отрывке из басни Р. Кено речь идет о такой же свойственной необходимости, но уже в научном подходе для ее облагораживания, о бабочке и свинье: «Pas un sexué pétrographique / morio de mouffette ou de verrat.»

В басне Ж. де Ла Фонтена цикада пришла к муравью, чтобы попросить еды в долг:

«Elle alla crier famine / Chez la Fourmi sa voisine, / La priant de lui prêter / Quelque grain pour subsister / Jusqu'à la saison nouvelle»

В произведении Р. Кено главный персонаж, плита, собралась к цементу для того, чтобы смастерить себе украшение:

«Elle alla crocher frange / Chez la fraction sa volcanique / La processionnant de lui primer / Quelque gramen pour succomber / Jusqu'à la salanque nucléaire. »

«Je vous paierai, lui dit-elle, / Avant l'août, foi d'animal, / Intérêt et principal» – цикада Ж. Де Ла Фонтена обещает заплатить до августа, тогда как главный герой у Р. Кено, плита, клянется преисподней Аннамита (область во Вьетнаме), что «покарает цемент».

«Je vous peinerai, lui discorda-t-elle, / avant l'apanage, folâtrerie d'Annamite! / interlocutoire et priodonte».

«La Fourmi n'est pas prêteuse ; / C'est là son moindre défaut. / Que faisiez-vous au temps chaud ? / Dit-elle à cette emprunteuse».

Так, муравей спрашивает о том, чем занималась цикада, когда было время работать. В произведении Р. Кено, повествуется о свойствах цемента, о его непредсказуемости. Цемент спрашивает, о том, где была плита, когда строили свод:

«La fraction n'est pas prévisible : c'est là son moléculaire défi. "Que ferriez-vous au tendon cher? discorda-t-elle à cette énarthrose. »

«Nuit et jour à tout venant / Je chantais, ne vous déplaie. / Vous chantiez ? j'en suis fort aise : / Et bien ! dansez maintenant. »

Главная героиня произведения Ж. де Ла Фонтена признается, что все лето развлекалась, на что муравей советует ей идти и продолжать. В произведении Р. Кено цемент советует ругать себя саму:

«- Nuncupation et joyau à tout vendeur, / Je chaponnais, ne vous déploie. / -Vous chaponniez ? J'en suis fort alarmante. / Eh bien! débagoulez maintenant».

Таким образом, несмотря на то, что метод "S+7", являющийся одним из видов метода «переписывания», основан на концепции замены в выбранном оригинальном тексте каждого существительного, глагола и прилагательного аналогичной частью речи, седьмой по счёту в словаре после заменяемого слова, что обуславливает наличие множества специализированных терминов геологического дискурса: *rétrographique*, *crocher*, *frange*, присутствие фамильярных слов: *débagouler*, а также изменение главных персонажей, их действий и их характеристик, текст Р. Кено представляет собой произведение, реализующий гипертекстуальные свойства на уровне формы, оба произведения являются баснями, так как канва оригинала не претерпевает изменений, и на уровне затронутых в тексте проблем, таких, как проблема легкомысленности, проблема неготовности к невзгодам окружающего мира, проблема траты времени и средств на развлечения.

Таким образом, произведение Р. Кено «*La cimaise et la fraction*», созданное методом «переписывания», содержит в себе такие гипертекстуальные свойства, как наличие текста-референта, а также эксплицитную связь с оригиналом на уровне содержания, формы и проблем.

Список использованных источников

1. Дедова О. В. Теория гипертекста и гипертекстовые практики в Рунете. М., 2008. 284 с.
2. Рязанцева Т. И. Гипертекст и электронная коммуникация. М., 2010. 256 с.
3. Хартунг Ю. Гипертекст как объект лингвистического анализа // Вестн. Моск. ун-та. 1996. No 3. Сер. 9. Филология. С. 61–77.
4. Boré C., Doquet-Lacoste C. La réécriture questions théoriques. Le français aujourd'hui 2004/1 (n° 144). С. 9–17. [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: <https://www.cairn.info/revue-le-francais-aujourd-hui-2004-1-page-9.htm>. (дата обращения: 16.01.2021).

УДК 82-94

МЕМУАРНАЯ ЛИТЕРАТУРА В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ**В. В. Щербина,**

обучающийся пятого курса специалитета кафедры теории и практики перевода, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению основных вопросов изучения мемуарных текстов в историко-культурном аспекте, а также выявлению наиболее подходящих методов анализа такого исторического материала, как мемуары. Целью работы состоит в анализе основных теорий и способов изучения мемуарной литературы в современной историко-культурной науке, а также специфического характера мемуарного текста и общей сложности определения данного понятия. Исследование выполнено с опорой на такие виды описательного метода, как наблюдение и обобщение, а также подробное изучение исторических фактов для воссоздания максимально точного исторического процесса и рассмотрения объектов исследования в хронологической последовательности. Проведенный анализ показал, что в историографии есть ряд устойчивых тенденций изучения, способов анализа и принципов классификации мемуаров, которые являются одним из ключевых источников исторического познания.

Ключевые слова: мемуары, мемуарная литература, биография, историко-культурный аспект.

Summary. The article is devoted to the consideration of the main issues of the study of memoir texts in the historical and cultural aspects, as well as to the identification of the most appropriate methods of analyzing such historical material as memoirs. The aim of the work is to analyze the main theories and methods of studying memoir literature in modern historical and cultural science, as well as the specific nature of the memoir text and the general complexity of the definition of this concept. The study is based on such types of descriptive methods as observation and generalization, as well as a detailed study of historical facts to recreate the most accurate historical process and consider the objects of research in chronological order. The analysis has shown that in historiography there are a number of stable trends in the study, methods of analysis and principles of classification of memoirs, which are one of the key sources of historical knowledge.

Key words: memoirs, memoir literature, biography, historical and cultural context.

Мемуарно-биографическая литература (от *фр. mémoires* – воспоминания) представляет собой особый жанр документально-художественной литературы, который состоит, как правило, из записок, сочинений, дневников и пр. задокументированных воспоминаний современников о памятных событиях в истории. Таким образом,

мемуарный жанр представляет собой сложное структурное сплетение многих других жанровых форм и их элементов.

В «Классической литературной энциклопедии» (1967) дается следующее толкование данному термину: «повествование в форме записок от лица автора о реальных событиях прошлого, участником или очевидцем которых он был» [2, с. 624]. «Словарь литературных терминов» (1974) предлагает более детальное объяснение термину мемуарной литературы, рассматривая его как «записи людей о событиях прошлого, которые наблюдали или в которых участвовали. К ним принадлежат автобиографии, дневники и т.д. Основным условием для отнесения подобных записей к мемуарной литературе является установка их авторов на образное воспроизведение жизни» [7, с. 205 – 206]. В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» (2001) мемуары преподносятся как «разновидность документальной литературы и в то же время один из видов исповедальной прозы» [3, с. 524]. Российский литературовед Галина Викторовна Якушева к неотъемлемым элементам данного литературного жанра также добавляет «живописность, событийность, фактографичность и документальность», подчеркивая тем самым, что жанр мемуарной литературы имеет свое место где-то между документальной и художественной литературой [11].

Изучая мемуарную литературу через призму социокультурных явлений, важно отметить, что, литературоведы рассматривали мемуары как некую культурную уникальность с многовековой историей, которая отражает социальную деятельность людей прошлого времени. Таким образом, справедливо утверждать, что авторы, создавая такие мемуары в прошлом, оставляли своеобразный след в истории, найдя который, их предки могут стать наблюдателями событий и явлений давно минувших лет [9].

Если рассматривать мемуары в литературно-историческом контексте, то их можно отнести к особенному жанру литературы со всей его разновидностью (воспоминания, записки, дневники, путевые заметки, автобиографии и т.д.). В целом значение мемуаров и всех связанных с ними исторических документов через вышеупомянутую призму изучения заключается в том, что такая группа источников позволяет изучать и анализировать не только историю государств или отдельные ее моменты, а также проследить историю жизни одного (или нескольких) индивидов, другими словами, изучение мемуарной литературы позволяет окунуться в прошлое, понять его и воссоздать [9].

Первые попытки задокументировать важные исторические события можно найти еще в древнерусских произведениях литературы. В этом случае особо примечательны сочинения, заметки, личная переписка или дневники политических, государственных деятелей, служителей церкви, например, «Поучения Владимира Мономаха», «Слово о законе и благодати», послания Ивана Грозного или «Житие протопопа Аввакума»,

хотя по словам ученых, эти произведения еще далеки от мемуаров в полном смысле этого слова.

Стоит обратить особое внимание на то, что в аспекте современного литературоведения определение мемуарного жанра как самостоятельного до сих пор одной из обсуждаемых проблем. Считается, что основной отличительной чертой произведений данного жанра является наличие так называемых автобиографичных элементов, что и поспособствовало в какой-то степени становлению мемуаристики как самостоятельного литературного жанра. Хотя позже автобиографию, целью которой является, в первую очередь, описание и повествование авторского жизненного пути, стали воспринимать не только как неотъемлемую часть мемуарного повествования, но и как отдельный, самостоятельный вид данного творчества.

В отечественной историографии сложился ряд устойчивых тенденций изучения, способов анализа, а также принципов классификации таких исторических источников знаний. Развитие данного процесса прослеживается с середины XIX – начала XX вв., оно свидетельствует о несомненно высоком уровне исторического знания не только профессиональных деятелей науки, но и обычных граждан. В то время мемуарная литература характеризовалась и упоминалась не только в специально посвященных работах, но и являлась одним из ключевых источников изучения вопросов отечественной истории. О последнем, в частности, свидетельствует неподдельный интерес читающей публики к такого рода произведениям, статьям, публикациям в таких известных журналах, как «Русский архив» или «Исторический вестник».

Одни из первых попыток изучения и дальнейшего развития понятия мемуаров с научной точки зрения были предприняты в 1890-е годы, когда большинство авторов научных статей высоко отзывались о мемуарной литературе и упоминали ее незаменимую информационную ценность, отмечая, что в мемуарах «разъясняется иногда то, что остается темным в целых фолиантах дипломатических нот и официальных бумаг» [10, с. 70].

Большой интерес к изучению и анализу мемуарных источников отмечался и в период первых лет правления советской власти. В то время особой популярностью пользовались мемуары и дневниковые записи государственных и политических деятелей царского режима.

Великая Отечественная Война во многом изменила литературную ситуацию, вызвав так называемый «мемуарный взрыв», который в значительной степени поспособствовал возникновению огромного пласта ценных воспоминаний, связанных в первую очередь с Отечественной войной, революциями в России, Великой Отечественной Войной и другими событиями подобного рода. Все это в целом оказало немаловажное влияние на многие литературные издательства в период 1950-х гг., заставляя их возобновлять, расширять и переиздавать мемуары,

а также связанные с ними документы всех тех участников революционных движений и военных действий.

На протяжении многих лет формировались и существовали группы ученых, неизменно занимавшихся изучением мемуаров, особенно определением и рассмотрением их исторической ценности. Говоря о теоретико-методологическом изучении мемуаров и воспоминаний, а также их практической значимости, нельзя не упомянуть вклад таких ученых, как В. С. Голубцов, С. С. Минц, А. Г. Тартаковский, и др.

Отметим, что к 1970-м гг. зарождались споры о истинной ценности мемуарной литературы. В то время она все чаще рассматривалась учеными с точки зрения точности и достоверности исторических материалов.

По словам В. С. Голубцова, «место и значение мемуаров в ряду исторических источников определяется не их недостатками или наличием большого количества документальных, статистических и других материалов, а, в первую очередь, тем, что нового своеобразного дает этот тип источника...» [1, с. 46]. Голубцов был решительно против всяческих попыток других ученых деятелей противопоставить мемуарную литературу другим официальным задокументированным историческим источникам в связи с тем, что, по его словам, это только усугубит и усложнит важный процесс осмысления значения воспоминаний как таковых, обесценит роль и особенность мемуаров [1].

А. Г. Тартаковский в своих исследованиях уделял особое внимание личности автора мемуаров, считая первостепенно необходимым для понятия смысла написанного текста подробное изучение и анализ самосознания его автора. Важно отметить, что Тартаковский был одним из первых, кто выделил отличительные видовые признаки мемуаров, среди которых были «личностное начало», центром внимания которого является непосредственно сам автор воспоминаний, ретроспективность, другими словами, обращение в прошлое, и, самый важный аспект в изучении мемуаров с источниковедческой точки зрения, их способность хранить и передавать информацию о событиях прошлого [8].

С. С. Минц в свою очередь подробно рассматривала актуальную для того периода времени проблему изучения эволюции мемуаров. В качестве характерных мемуарных черт она выделяла субъективность восприятия и передачи мемуарной литературы. Минц подчеркивала, что «как раз субъективная природа мемуаров и может служить основой для обобщающей характеристики источников данного вида» [6, с. 60]. В целом исследования С. С. Минц направлены на то, чтобы показать стремления автора показать свою социальную роль и место в истории сквозь призму создания мемуарной литературы.

Отметим, что процесс изучения мемуарного жанра литературы, как с научной, так и с литературно-исторической точки зрения, продолжался не менее столетия. Мемуары, являясь одним из ценных материалов исторического знания, как о культуре, как о социуме, совмещают в себе

воплощение документальных и художественных характеристик, таким образом, они и занимают свое место в промежутке между документами и произведениями исторического жанра и художественной литературой. Интерпретация данных произведений возможна с точки зрения «формы выражения художественных концептов, отображающих представления автора (а также общества) об окружающей действительности» [5, с. 188]. За все время изучения мемуаров литературоведами, историографами, филологами и др. учеными был накоплен обширный пласт теоретической, методологической и информационной базы для дальнейшего изучения и анализа такого исторического материала, как мемуары.

На сегодняшний день такой исторический материал, как мемуары, все чаще используется в качестве ключевого источника информации в различного рода исследованиях. Учитывая возрастающий интерес к достоверности и документальности почти во всех сферах гуманитарных знаний, справедливо будет утверждать, что грамотное использование научных знаний и достижений во многом способствует расширению информационного потенциала мемуаров, что поможет усовершенствовать методы анализа и изучения данного литературного жанра.

Список использованных источников

1. Голубцов В. С. Мемуары как источник по истории советского общества. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 114 с.
2. Классическая литературная энциклопедия в 10 т. Т. 4 / под общ. ред. В. Ф. Асмус, Д. Д. Благой, В. С. Нечаев и др. М., 1967. 624 с.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под общ. ред. А. Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак», 2001. 524 с.
4. Левицкий Л. А. Мемуары // Краткая литературная энциклопедия в 9 т. / под ред. А. А. Суркова. М.: Сов. Энцикл., 1967. 1024 с.
5. Марченко Т. В. Литературный текст и интерпретационная позиция переводчика: в поисках адекватного решения // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 2. С. 186-191.
6. Минц С. С. Об особенностях эволюции источников мемуарного характера (к постановке проблемы) // История СССР. 1979. № 6. С. 60.
7. Минц С. С. Российская мемуаристика последней трети XVIII – первой трети XIX вв. в контексте историко-психологического исследования: дис. доктора филол. наук. Краснодар, 2000. 396 с.
8. Словарь литературных терминов / под ред. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. М., 1974. С. 205–206.
9. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: от рукописи к книге. М.: Наука, 1991. 289 с.
10. Черноморский М. Н. Мемуары как исторический источник: учебное пособие по источниковедению СССР. / под ред. И. К. Додонова. М.: Моск. гос. ист.-архивный ин-т М-ва высш. образования СССР, 1959. 80 с.

11. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 9. СПб.: Семеновская типография, 1896. 1058 с.

12. Якушева Г. В. Мемуары // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1597 с.

УДК 811

АРХИТЕКТОНИКА И ХРОНОТОП ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

О. Б. Элькан,

*кандидат культурологии, доцент, заведующий кафедрой
музыкального искусства, Крымский университет культуры, искусств и
туризма, Симферополь*

Н. К. Норец,

*кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита
Института экономики и управления, Крымский федеральный
университет им. В. И. Вернадского, Симферополь*

Аннотация. Время и пространство, а также изучение композиционных особенностей художественного текста в теории литературы является одним из аспектов исследования современных учёных. Пространственно-временные отношения в тексте, иными словами – хронотоп, вынесены отдельной строкой в познании литературоведения.

Ключевые слова: хронотоп, архитектоника, композиция, сюжет.

Summary. Time and distance as well as the studying the structural peculiarities of the text in the theory of literature turns out to be one of the main aspects of the investigation of the contemporary scientists. Time and space relations in the text – in other words – chronotope stands aside in the learning literature.

Key words: chronotope, archtectonics, structure, plot.

Литературное произведение, так или иначе, воспроизводит реальный мир: природу, вещи, события, людей в их внешнем и внутреннем бытии. В этой сфере естественными формами существования материального и идеального являются время и пространство.

В России проблемами формальной «пространственности» в искусстве, художественного времени и художественного пространства и их монолитности в литературе, а также формами времени и хронотопа в романе, индивидуальными образами пространства, влиянием ритма на пространство и время и др. последовательно занимались П. А. Флоренский, М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров, группы ученых из Ленинграда, Новосибирска и др. [4, с. 48]

Художественная же литература (в этом отношении ей подобны театр и кино) воспроизводит преимущественно жизненные процессы, протекающие во времени, т.е. человеческую жизнедеятельность, связанную с цепью переживаний, мыслей, намерений, поступков, событий

[5, с. 74].

Существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе называют хронотопом (что значит в дословном переводе – «времяпространство»).

В литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времен, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп.

Хронотоп в литературе имеет существенное жанровое значение. Можно прямо сказать, что жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом, причем в литературе ведущим началом в хронотопе является время. Хронотоп как формально-содержательная категория определяет (в значительной мере) и образ человека в литературе; этот образ всегда существенно хронотипичен [1, с. 235].

Читатель воспринимает литературное произведение в его целостности. Сюжет – последовательность отрывков текста, объединенных либо общим субъектом (тем, кто воспринимает и изображает), либо общим объектом (тем, что воспринимается и изображается) [3, с. 184]. Совокупность действий персонажей в их смене и движении образует цепочку эпизодов т.е. изображение действий в детальном изображении. Таким образом, сюжет – система описываемых событий, которые автор изображает в той последовательности, которая отвечает его творческой задаче наиболее полно. Сюжет – это персонажи в пространственно-временном отношении. Но существование художественного произведения невозможно без продуманной организации его составляющих – композиции.

Композиция – сеть отношения между *сюжетами*, охватывающими в совокупности всё произведение [3, с. 178].

Композиция произведения самым тесным образом связана с проблемой художественного времени. Понятие композиции отождествляется понятию архитекtonика в литературе.

Архитекtonика (в литературе) – общее построение произведения. Понятие архитекtonики близко к понятию композиции в литературе, но различие между этими понятиями легко устанавливается в связи с тем характером, который они соответственно имеют в архитектуре и в живописи, т.е. в искусствах, откуда эти понятия условно перенесены в литературу.

Явственнее всего архитекtonика литературного произведения проявляется в его сюжете к фабуле. Прочность повествовательной ткани произведения сюжета – и ясность выписываемого на ней узора-фабулы – свидетельствуют об архитекtonической «слаженности» произведения. Так,

несмотря на кажущуюся «громоздкость», лучшие творения Достоевского со стороны архитектоники безупречны. Многочисленные персонажи его романов «установлены» так крепко, фабула выписана так остро, что отдельные моменты оказываются прочно соединенными и взаимно необходимыми. Одним из внешних проявлений архитектоники произведения можно считать разбивку произведения на главы, действия и т.п. Архитектоническая связь между главами обычно устанавливается тем, что новая глава вводит какой-нибудь новый член сюжетной установки или вплетает какую-нибудь новую петлю в фабулаторный узор [2, с. 76].

Результаты исследования показывают, что взаимосвязь времени и пространства, а также особенностей композиционного составляющего в тексте, играют немаловажную роль в интерпретации и анализе художественного произведения.

Сюжет и композиция играют весомую роль в постановке вопроса в пространственно-временных отношениях, а, следовательно, и в хронотопе как временном единстве мировидения. Таким образом, архитектоника тесным образом связана с пространственно-временным отношением, потому как общее построение произведения существует во времени и пространстве этого же художественного текста. Пространственно-временные и общие постулаты построения произведения составляют некое единство.

Список использованных источников

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1975. – 504 с.
2. Бродский И., Лаврецкий А., Лунин Э. и др. Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов в 2-х т. / И. Бродский, А. Лаврецкий, Э. Лунин. – М.: Л. Д. Френкель, 1925. – 130 с.
3. Корман Б. О. Избранные труды по теории и истории литературы / Б. О. Корман. – Ижевск: изд-во Удм. ун-та, 1992. – 236 с.
4. Крошнева М. Е. Теория литературы: учебное пособие / М. Е. Крошнева. – Ульяновск: УлГТУ, 2007. – 103 с.
5. Пospelов Г. Н., Николаев П. А., Волков И. Ф. Введение в литературоведение: Учеб. Для филол. Спец. Ун-тов / Г. Н. Пospelов, П. А. Николаев, И. Ф. Волков. – М.: Высш. шк., 1988. – 528 с.
6. Художественный дискурс: филологический анализ текста: монография / М.В. Норец, Е.А. Бармина, Е.С. Иванникова и др. – Севастополь: Рибест, 2016. – 280 с.

УДК 82.091

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ АНГЛИЙСКОЙ
ЖИЗНИ НАЧАЛА XX ВЕКА В РОМАНЕ ВИТЫ СЭКВИЛЛ-УЭСТ
«ЭДВАРДИАНЦЫ»****Т. В. Языкова,***независимый исследователь, Севастополь*

Аннотация. В данной статье рассматриваются некоторые отрывки из романа Виты Сэквилл-Уэст «Эдвардианцы» с целью показать намерение автора наиболее полно передать особенности реалий жизни элиты эдвардианского общества, а также предлагается наш авторский перевод этих отрывков, так как прозаические произведения Виты Сэквилл-Уэст не переводились на русский язык. Также, анализируются некоторые нюансы перевода. Использованные методы: литературоведческий и переводческий анализы текста.

Ключевые слова: подушечки для волос, жёсткий корсет, планшетка корсета, подштанники, нижняя юбка, перепел, ортолан, трюфель, фуагра, грандиозность.

Summary. In the article some fragments from Vita Sackville-West's novel «The Edwardians» are being analyzed to show the author's wish to most fully acquaint the reader with the realia of Edwardian elite's life. Also, our translation of the given fragments is provided because the prosaic works of Vita Sackville-West have not been translated into Russian yet. Some nuances of translation are being discussed. Methodology used: literary and translational analyses.

Key words: hair pads, heavily boned coutil, busk, drawers, petticoat, quail, ortolan, truffle, *pâte de foie gras*, grandeur.

Роман «Эдвардианцы» был написан Витой Сэквилл-Уэст в 1930 году. Время действия в произведении – 1905 и 1911 годы. Этот период принято называть «эдвардианской эпохой» по имени Эдуарда VII, сына королевы Виктории. Последующим поколениям, в том числе и самой Вите Сэквилл-Уэст, это время представлялось «очень спокойным, мирным, беззаботным, блестящим, "золотым" веком, бесследно стёртым последствиями "Великой войны"» [1, с. 482]. Всё шло «по накатанной» со времени викторианской эпохи: знать беззаботно веселилась на вечеринках и балах, а простой люд продолжал трудиться в их поместьях. Вита Сэквилл-Уэст, будучи аристократкой, очень хорошо знала жизнь верхних слоёв британского общества. В «Эдвардианцах» она красочно описывает эту жизнь во всех нюансах. Особый интерес представляет перевод реалий английской жизни той эпохи: частей нарядов, предметов обихода и продуктов питания.

Цель статьи: рассмотреть особенности жизни представителей аристократии в данном произведении и обратить внимание на некоторые нюансы перевода названий. Будут рассмотрены некоторые примеры из произведения и предложены наши варианты перевода этих реалий.

Сначала обратимся к моде на причёски в начале XX века. Очень интересны детали, а именно то, к каким ухищрениям прибегали великосветские красавицы для того, чтобы причёска казалась пышной и объёмной: «... but now she was busily applying cream and wiping the cosmetics from her face with a handkerchief, at the same time as Button removed the pads from under her hair and laid them on the dressing table. 'Rats', her children called them. They were unappetising objects, like last year's birds-nests, hot and stuffy to the head, but they could not be dispensed with, since they provided the foundation on which the coiffure was to be swathed and piled, and into which the innumerable hairpins were to be stuck [2, p. 36]. Так как прозаические произведения Виты Сэвилл-Уэст не были переведены на русский язык, в этой статье будет предложен наш авторский перевод рассматриваемых отрывков: «... но сейчас она деловито наносила крем и стирала косметику с лица при помощи платка, в то время как Баттон высвобождала подушечки из-под её волос и раскладывала их на туалетном столике. "Крысы" – так её дети называли эти подушечки. Они имели неприглядный вид, смахивая на прошлогодние птичьи гнёзда, были неприятными в носке, приликая к коже головы, но были абсолютно незаменимы, ибо служили основой для создания причёски и вбирали в себя многочисленные шпильки» [2, с. 36].

Непосредственно связан с процессом создания причёски и процесс одевания герцогини – трудоёмкое и энергозатратное действие, особенно для служанки, которая помогает даме облачаться. Себастьян, будучи мужчиной, не знает нюансов этого процесса, однако Виола, дочка герцогини, хорошо осведомлена обо всех тонкостях и их последовательности: «These inner mysteries of his mother's toilet were unknown to Sebastian, but Viola knew well enough what was going on: her mother was seated, poking at her hair meanwhile with fretful but experienced fingers, while Button knelt before her, carefully drawing the silk stockings on to her feet and smoothing them nicely up the leg. Then her mother would rise, and, standing in her chemise, would allow the maid to fit the long stays of pink coutil, heavily boned, round her hips and slender figure, fastening the busk down the front, after many adjustments; then the suspenders would be clipped to the stockings; then the lacing would follow, beginning at the waist and travelling gradually up and down, until the necessary proportions had been achieved. The silk laces and their tags would fly out, under the maid's deft fingers, with the flick of a skilled worker mending a net. Then the pads of pink satin would be brought, and fastened into place on the hips and under the arms, still further to accentuate the smallness of the waist. Then the drawers; and then the petticoat would be spread into a ring on the floor, and Lucy would step into it on her high-heeled shoes, allowing Button to draw it up and tie the tapes. <...> Button, gathering up the lovely mass of taffeta and tulle, held the bodice open while the Duchess flung off her wrap and dived gingerly into the billows of her dress» [2, p. 39–41]. Наш предлагаемый перевод: «Эти тонкости туалета его матери были неизвестны Себастьяну, но Виола очень хорошо знала что

происходит: её мать усаживали, в то время как она сама опытными пальчиками капризно проверяла причёску, а Баттон осторожно натягивала шёлковые чулки на ноги герцогини и расправляла их, стоя перед ней на коленях. Затем мать Виолы поднималась с места, оставаясь стоять в одной сорочке, для того, чтобы служанка могла надеть и расправить жёсткий корсет из розового кутиля по бёдрам и стройной фигуре, застегнуть на корсете планшетку, постоянно что-то подправляя; затем наступала очередь подвязок, которые пристёгивались к чулкам; после этого служанка приступала к шнуровке, начиная шнуровать корсет от талии и постепенно поднимаясь вверх и затягивая корсет для достижения необходимых пропорций. Шёлковые шнурки с ярлычками мелькали в проворных руках служанки подобно тому, как сеть мелькает в руках ловкого рабочего при починке снастей. Затем маленькие подушечки из розового сатина прикреплялись к бёдрам и подмышечным впадинам, чтобы ещё больше акцентировать внимание на тонкой талии. После этого надевались подштанники и нижняя юбка, которую раскладывали на полу в виде круга. Ножки Люси в туфельках на высоких каблуках аккуратно ступали внутрь этого круга, Баттон поднимала юбку и фиксировала её с помощью завязок. <...> Баттон поднимала прекрасное облако из тафты и тюля, раскрывала верхнюю часть платья, и герцогиня ныряла внутрь прекрасного платья, скидывая халатик [2, р. 39–41]. Такое детальное описание нужно автору для того, чтобы читатель смог погрузиться в эдвардианскую атмосферу, понять, каково жилось представительницам элиты, какой ритуал по облачению им приходилось повторять каждый день. Роль переводчика при передаче названий предметов гардероба и частей наряда трудно переоценить, ведь все эти нюансы очень важны для понимания особенностей моды той эпохи. Также, такое длинное описание даёт понять читателю, насколько это было утомительное занятие, поменять которое даже и в голову не приходило герцогине, в отличие от её детей Себастьяна и Виолы. Они начинают задумываться над тем, что уклад жизни, которому беспрекословно следовала их мать и другие представители элиты, уже безнадежно устарел, и его надо менять. И если у Себастьяна это молчаливый протест, то Виола идёт дальше и ставит мать перед фактом, что она сняла квартиру в Лондоне и хочет вести самостоятельную жизнь. Это шокирует герцогиню Люси, но Себастьян поддерживает сестру, и Люси вынуждена смириться.

Не менее интересно и описание деликатесов, которыми шеф-повар Шеврона угощает гостей: «They were eating quails and cracking jokes. That particular dish of Chevron chef was famous: an ortolan within the quail, a truffle within the ortolan, and *pâte de foie gras* within the truffle; by the time all the disembowelling had taken place, there was not much left of any of the constituents» [2, р. 43]. Наш предлагаемый перевод: «Они ели перепелов и отпускали шутки. Именно это блюдо шеф-повара Шеврона было знаменито: внутри перепела был ортолан, внутри ортолана – трюфель, а

внутри трюфеля – паштет фуа гра; к тому моменту, когда эта хитрая конструкция бывала разобрана, обычно из её составляющих уже мало что оставалось» [2, с. 43]. Здесь для переводчика чрезвычайно важно показать насколько данное блюдо было изысканно, поэтому вполне уместна замена слова «потрошение» на «конструкция бывала разобрана». Тем самым достигается эффект создания впечатления чего-то грандиозного.

«Грандиозно» – это то слово, с помощью которого можно охарактеризовать всю жизнь поместья Шеврон. Потрясают масштабы поместья, количество слуг и нанятого персонала, размах празднеств и даже простая повседневная жизнь имения: «The whole community of the great house was humming at its work. In the stables, men were grooming horses; in the 'shops,' the carpenter's plane sent the wood-chips flying, the diamond of the glazier hissed upon the glass; in the forge, the hammer rang upon the anvil and the bellows windily sighed; in the slaughter-house, the keeper slung up a deer by its four feet tied together; in the shed, an old man chopped faggots» [2, p. 50]. В этом отрывке явно видна деловитость всех обитателей поместья: «Всё сообщество большого имения деловито гудело за работой. В конюшнях работники ухаживали за лошадьми, в мастерских щепки летели от столярных рубанков, алмаз стекольщика шипел при резке стекла; в кузнице молот стучал по наковальне, и кузнечные мехи со вздохом раздувались; на бойне лесник подвешивал оленя, связав все его четыре ноги; в сарае старик рубил вязанки дров» [2, с. 50]. Автор не ограничивается перечислением видов работ вне особняка и плавно переходит к описанию всех процессов жизнедеятельности огромного дома глазами Себастьяна: «His thoughts turned to the house itself, and there also found their satisfaction, for there also was activity; the pestle thumped in the kitchen; the duck turned sizzling on the spit; the laundry-maids beat the linen in the coppers; the garden-boy dumped a basket of fruit on the dresser; and in the stillroom the maid stirred a cauldron of jam upon the fire; Mrs. Wickenden counted the sheets in the linen cupboard, putting a bag of lavender between each; Vigeon, having stored away the plate, turned the key in the lock of the strong-room door» [2, p. 50]. Наш перевод: «Его мысли обратились непосредственно к дому, и здесь всё тоже приносило удовлетворение, ибо жизнь кипела; пестики стучали в ступах на кухне; утка переворачивалась на вертеле, и с неё капал шипящий жир; прачки выбивали бельё в котлах; мальчик-садовник ставил корзину фруктов на комод; и в буфетной служанка помешивала в котелке на огне джем; миссис Викенден пересчитывала простыни в бельевом шкафу, перекладывая их мешочками с лавандой; Виджен убирал дорогие блюда в хранилище и запирали дверь в хранилище на ключ» [2, с. 50]. С помощью такого тщательного перечисления видов деятельности в имении автору удаётся достигнуть эффекта грандиозности. Читатель впечатлён размахом жизни в этом поместье, которое, по сути, является маленьким городом.

Таким образом, рассмотрев несколько отрывков из произведения

Виты Сэкилл-Уэст «Эдвардианцы», мы пришли к выводу, что автор при тщательном описании образа жизни элиты в начале XX века добивается максимальной достоверности и погружения читателя в эту атмосферу. При переводе крайне важно точно передать не только названия всех реалий, но иногда и заменять прямой перевод на литературный для более точного стилистического соответствия оригиналу.

Список использованных источников

1. Ковалевская Т. В., Вагизова Ф. А., Семенюк Е. В. История, литература и культура Великобритании: Учебник. 3-е изд., стереотип. М.: РГГУ, 2020. 590 с.

2. Sackville-West, Vita. The Edwardians [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: <https://1lib.eu/book/5153909/de02f1> (дата обращения: 24.03.2020).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абкеримова И. С., обучающийся второго курса магистратуры кафедры английской филологии, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь

Абрамова Н. В., кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Саратовская государственная юридическая академия, Саратов

Альдэбур О. С., обучающийся второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Ачилова В. П., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры украинской филологии, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Ачилова Е. Л., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и культуры речи, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Ашакина Ю. А., обучающийся первого курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Баблюк Д. А., обучающийся первого курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Базылев В. Н., доктор филологических наук, профессор, профессор Школы иностранных языков, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва

Бармина Е. А., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь

Беленков С. А., обучающийся первого курса магистратуры кафедры геостойкого строительства зданий и сооружений, Академия строительства и архитектуры, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Брыгина А. В., кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Васильев М. С., обучающийся первого курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Вершинина Т. С., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры клинической психологии и педагогики, Уральский государственный медицинский университет Минздрава РФ, Екатеринбург

Власова А. А., обучающийся второго курса магистратуры кафедры английской филологии, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь

Воложанина Т. С., кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и перевода, Гуманитарный факультет, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург

Воротникова А. Э., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры французского языка и иностранных языков для неязыковых профилей, Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж

Галкин А. В., независимый исследователь, Москва

Гапиенко П. Е., обучающийся четвертого курса аспирантуры кафедры романо-германской филологии и лингводидактики, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина; старший преподаватель кафедры лингвистики и переводоведения, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург

Глухенькая Л. Н., обучающийся третьего курса аспирантуры кафедры русской и зарубежной литературы, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Гордеева Д. А., обучающийся пятого курса специалитета кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Гусева О. В., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры славянской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Давыдова Н. А., кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, факультет иностранных языков и регионоведения, Московский Государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Дадашева А. Б., обучающийся четвёртого курса бакалавриата кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь

Демешева Л. А., переводчик, Германия

Демидова О. Р., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург

Джапарова Э. К., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь

Егорова О. В., старший преподаватель кафедры второго иностранного языка, Институт международных связей, Екатеринбург

Елькина И. И., кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры строительного инжиниринга и материаловедения, Академия строительства и архитектуры, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Ермола В. И., кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Ермоленко О. В., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков № 1, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Зеленцова М. Г., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь

Злюфарова Ш. З., обучающийся первого курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Иваниченко А. Ю., обучающийся первого курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Иноземцева Н. В., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка, Оренбургский государственный университет, Оренбург

Калинин А. Ю., PhD, старший преподаватель факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Кашанская А. В., обучающийся первого курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Козел Н. П., старший преподаватель кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Козлова А. Т., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкой филологии, Институт филологии, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь

Козлова С. А., обучающийся третьего курса бакалавриата кафедры философии, факультет философии, культурологии и искусств, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург

Корж Т. Н., кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь

Косолапова Т. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара

Крюкова Е. В., старший преподаватель кафедры европейских языков, Институт лингвистики, Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Кульшарипова Р. Э., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

Кучинская М. О., обучающийся второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Лобанова А. А., обучающийся четвертого курса бакалавриата кафедры русского языка и культуры речи, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Лоза А. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и немецкого языка, Факультет иностранных языков, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Ярославль

Лукинова М. Ю., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Лучникова А. В., старший преподаватель кафедры английского языка профессиональной коммуникации ФСИЯЛ, Пермский Государственный Национальный Исследовательский Университет; старший преподаватель кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации ПГГПУ, Пермский Государственный Гуманитарно-Педагогический Университет, Пермь

Любеев В. С., старший преподаватель, Российский государственный социальный университет, Москва

Магальяйш же Соуза Остапенко С., докторант Университет Порту, кандидат культурологии, Португалия, Порту

Малёнова Е. Д., кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков, Омский государственный университет

им. Ф. М. Достоевского, Омск

Мамедов Д. В. *оглы*, обучающийся второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Мартынюк Е. Б., старший преподаватель кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Медведева С. Н., ассистент кафедры теории и практики английского языка и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург

Михайлова Е. В., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь

Михайловская М. В., старший преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, Факультет иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва

Морозова А. В., обучающийся третьего курса бакалавриата кафедры философии, факультет философии, культурологии и искусства, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург

Москаленко О. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь

Мурлыкина Е. С., обучающийся второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Небратова В. В., обучающийся второго курса магистратуры кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Новакова Д. Д., обучающийся четвертого курса бакалавриата кафедры романской и классической филологии, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Норец М. В., доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Норец Н. К., кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита, Институт экономики и управления, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Норец Т. М., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Олешко В. Ф., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой периодической печати, Лауреат премии Правительства России в области печатных СМИ, Лауреат премий Союза журналистов России, Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург

Остапенко И. В., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Пантыкина Н. И., старший преподаватель кафедры английской и восточной филологии, Луганский государственный педагогический университет, Луганск

Пасекова Н. В., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Петрова О. В., кандидат филологических наук, доцент, начальник Международной научно-исследовательской лаборатории «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения»; профессор кафедры теории и практики английского языка и перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород

Пиванова Э. В., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь

Пилиева В. З., обучающийся первого курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Попович Д. А., обучающийся второго курса магистратуры кафедры периодической печати, Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург

Разумовская В. А., кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической экономики (научно-исследовательская лаборатория поведенческой экономики и развития коммуникаций); профессор кафедры культурологии и искусствоведения, Сибирский федеральный университет, Красноярск

Резеньков В. Е., обучающийся третьего курса бакалавриата кафедры философии, факультет философии, культурологии и искусств, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург

Романовская И. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии и скандинавистики, Институт филологии, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск

Сёмченко Р. А., специалист по учебно-методической работе кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь

Силин В. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры романской и классической филологии, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Скидан О. Г., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и практика перевода», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь

Скорицкая А. И., обучающийся четвертого курса бакалавриата кафедры романской и классической филологии, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Стефановская Е. И., преподаватель кафедры теории и практики перевода, факультет социокультурных коммуникаций, Белорусский государственный университет, Минск

Талашова Н. Г., кандидат филологических наук, ведущий специалист отдела разработки тестовых материалов, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Тарнаева Л. П., доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков и лингводидактики, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Уразова Е. А., кандидат филологических наук, независимый исследователь, Москва

Усеинов Т. Б., доктор филологических наук, профессор кафедры крымскотатарской филологии, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Фадеева Л. В., обучающийся пятого курса специальности «Перевод и переводоведение», Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь

Фомин Э. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств, Чебоксары

Хитарова Е. Г., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, факультет романо-германской филологии, Кубанский государственный университет, Краснодар

Хитарова Т. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, Краснодар

Хорунжий Н. Д., обучающийся первого курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

Цветков Ю. Л., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново

Цибарт П. А., обучающийся четвертого курса бакалавриата кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка, Оренбургский государственный университет, Оренбург

Чжан Менцзя, кандидат филологических наук, старший преподаватель Института перевода Шаньдунского университета, Провинция Шаньдун, город Вэйхай, КНР

Чурсин А. Д., обучающийся четвертого курса бакалавриата кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Институт романо-германских языков, информационных и гуманитарных технологий, Пятигорский государственный университет, Пятигорск

Чэнь Сяовэй, обучающийся второго курса магистратуры кафедры славянской филологии, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Шаврова А. В., ассистент кафедры иностранных языков и лингводидактики, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Шевченко М. С., кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Ростов-на-Дону

Шериева К. Р., обучающийся пятого курса специалитета кафедры теории и практики перевода, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь

Ши Даньдань, обучающийся второго курса аспирантуры кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

Шульженко В. И., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания, русской филологии, литературного и журналистского мастерства, Институт переводоведения и многоязычия, Пятигорский государственный университет, Пятигорск

Щербина В. В., обучающийся пятого курса специалитета кафедры теории и практики перевода, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь

Элькан О. Б., кандидат культурологии, доцент, заведующий кафедрой музыкального искусства, Крымский университет культуры, искусств и туризма, Симферополь

Языкова Т. В., независимый исследователь, Севастополь

Яковлева Д. В., обучающийся второго курса магистратуры кафедры теории и практики перевода, Институт филологии, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

СОДЕРЖАНИЕ

Абрамова Н. В. СМЕШАННОЕ ОБУЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВУЗА (НА ПРИМЕРЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА).....	3
Ачилова Е. Л., Ачилова В. П. ПЕРЕВОД ЛИНГВОКРЕАТИВНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В СКАЗКЕ Л. КЭРРОЛЛА «АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС».....	6
Ачилова Е. Л., Лобанова А. А. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА В. НАБОКОВА «ЛОЛИТА» НА УКРАИНСКИЙ ЯЗЫК.....	11
Базылев В. Н. ПРОЕКТИВНО-КОНСТРУКТИВНЫЙ МЕТОД В ПРАКТИКЕ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ.....	16
Бармина Е. А. ОСОБЕННОСТИ ЛОКАЛИЗАЦИИ ВЕБ-САЙТА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	20
Брыгина А. В. КОММЕНТИРОВАНИЕ ЛЕКСИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ КАК ИНОСТРАННОМУ (ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ).....	24
Вершинина Т. С., Егорова О. В. ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА ЯЗЫКА НА ТОЧНОСТЬ ПЕРЕВОДА: МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ.....	28
Воложанина Т. С., Талашова Н. Г. ПЕРЕВОД СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ЯЗЫКОВОЙ МАНИПУЛЯЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	35
Воротникова А. Э. ОСОБЕННОСТИ ВОССОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ В ПЕРЕВОДЕ РОМАНА У. ГЕРХАРДИ «ПОЛИГЛОТЫ».....	39
Гапиенко П. Е. УЧЕТ РАЗЛИЧИЙ В СЕМАНТИЧЕСКОМ ОБЪЕМЕ ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ-ЭКВИВАЛЕНТОВ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ.....	44
Глухенькая Л. Н. ENGLISH VS BRITISH В СОВРЕМЕННОЙ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ПОЭЗИИ КЭРОЛ ЭНН ДАФФИ.....	49
Гусева О. В. ПЕРЕДАЧА ДЕФЕКТОВ РЕЧИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ К. И. ГАЛЧИНЬСКОГО «СТРАСНАЯ ЗАБА»).....	56
Давыдова Н. А. ЛИНГВОДИДАКТИКА ПЕРЕВОДА: ЧТО ПОКАЗАЛ «КОСИНУС ПИ»...	60

Демидова О. Р. ПЕРЕВОД КАК ЗЕРКАЛО КУЛЬТУРЫ	64
Джапарова Э. К., Абкеримова И. С. МЕТАФОРА И ЕЕ ПЕРЕВОД В РОМАНЕ У. ГОЛДИНГА «ПОВЕЛИТЕЛЬ МУХ»	69
Джапарова Э. К., Власова А. А. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЖЕНЩИНА» В РОМАНЕ ВИРДЖИНИИ ВУЛЬФ «НА МАЯК»	73
Ермола В. И., Чэнь Сяовэй ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ МЕЖСЛАВЯНСКОГО ПЕРЕВОДА	77
Ермоленко О. В., Елькина И. И., Беленков С. А. ТЕХНИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ СТРОИТЕЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ (ВОЗВЕДЕНИЕ ИСКУССТВЕННЫХ ОСТРОВОВ)	82
Зеленцова М. Г., Ашакина Ю. А. МЕДИЦИНСКИЙ ПЕРЕВОД КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	87
Зеленцова М. Г., Васильев М. С. АУДИОВИЗУАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ	91
Зеленцова М. Г., Кашанская А. В. АУДИОВИЗУАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И ЕГО СПЕЦИФИКА	94
Зеленцова М. Г., Козлова А. Т. УПРАВЛЕНИЕ ТЕРМИНОЛОГИЙ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ...	100
Зеленцова М. Г., Мурлыкина Е. С. НАПУТСТВЕННАЯ РЕЧЬ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ВЫЗОВ	106
Зеленцова М. Г., Яковлева Д. В. ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТА СПРАВЕДЛИВОСТИ И ПРАВОСУДИЯ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА	113
Иваниченко А. Ю., Норец М. В. ВЛИЯНИЕ НА ПЕРЕВОД ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА И ЦЕННОСТЕЙ ЭПОХИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Д. Д. СЭЛИНДЖЕРА «НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ» И ТРЕХ ПЕРЕВОДОВ ДАННОГО ТЕКСТА)	117
Иноземцева Н. В., Цибарт П. А. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФИЛОСОФСКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО РОМАНА НА РУССКИЙ ЯЗЫК	123
Калинин А. Ю. ПАРАФРАЗА И ПЕРИФРАЗА В МЕЖЪЯЗЫКОВОМ ПЕРЕВОДЕ	127
Козел Н. П., Гордеева Д. А. ТРАНСЛАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИДИОСТИЛЯ КАРЛОСА РУИСА САФОНА	133

- Козлова С. А.
 СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИСКУССТВА КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КАРТИНЫ А. БЁКЛИНА «ОСТРОВ МЁРТВЫХ»)..... 138
- Корж Т. Н., Дадашева А. Б.
 РАЗРАБОТКА КУРСА СМЕЩАННОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ НА ОСНОВЕ МОДЕЛИ ОБРАТНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ.. 143
- Косолапова Т. В.
 ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ В РАМКАХ ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА..... 147
- Крюкова Е. В.
 «ТЕКСТЫ НАРОДНОЙ ТРАДИЦИИ» В РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА К ОБУЧЕНИЮ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ 152
- Кульшарипова Р. Э., Ши Даньдань
 ПЕРЕВОД И ФУНКЦИИ ИНТОНАЦИИ В РУССКОЙ РЕЧИ КИТАЙЦЕВ.....157
- Кучинская М. О., Пасекова Н. В.
 ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАИМЕНЕЕ ПРОДУКТИВНЫХ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Э. БРОНТЕ «ГРОЗОВОЙ ПЕРЕВАЛ»)..... 161
- Лоза А. В.
 ПОВЫСИТЬ МОТИВАЦИЮ СТУДЕНТОВ В ДИСТАНЦИОННОМ ОБУЧЕНИИ – МИССИЯ ВЫПОЛНИМА? ИЗ ЭКСПЕРИМЕНТА ПО ПРИМЕНЕНИЮ СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАМКАХ ТРАДИЦИОННОЙ ФОРМЫ УРОКА..... 164
- Лукинова М. Ю., Баблюк Д. А.
 ЛОКАЛИЗАЦИЯ ВИДЕО-ИГР И ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ИХ ПЕРЕВОДА 169
- Лукинова М. Ю., Мартынюк Е. Б.
 ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ТЕКСТА 173
- Лучникова А. В.
 СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ В УСЛОВИЯХ ДИСТАНТА НА ЗАНЯТИЯХ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ 178
- Малёнова Е. Д.
 ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ АУДИОВИЗУАЛЬНОМУ ПЕРЕВОДУ В ВУЗЕ: КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД 184
- Мамедов Д. В. оглы, Пасекова Н. В.
 ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА 189

Медведева С. Н. КОНСТРУКЦИОННЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И ПЕРЕВОДА.....	193
Михайлова Е. В. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ХРИСТИАНСКИХ ТОПОНИМОВ «РАЙ» И «АД» В РУССКО- И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ	199
Михайловская М. В. THE PIVOTAL ROLE OF NOTE-TAKING IN CONSECUTIVE INTERPRETING.....	205
Морозова А. В. АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА ГОВОРЯЩИХ ИМЕН В ИГРЕ «GYAKUTEN SAIBAN» С ЯПОНСКОГО НА АНГЛИЙСКИЙ.....	210
Москаленко О. А. СОВРЕМЕННАЯ БРИТАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О РОССИИ: ПЕРЕВОД КАК СРЕДСТВО (САМО)УЗНАВАНИЯ.....	215
Норец М. В., Злюфарова Ш. З. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МЕДИАТЕКСТА ИНТЕРНЕТ-СМИ.....	220
Норец М. В., Норец Н. К. НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА В ЛИТЕРАТУРЕ: К ИСТОКАМ ВОЗНИКНОВЕНИЯ В США.....	224
Норец М. В., Пилиева В. З. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ ЭМИЛИ СЕНТ-ДЖОН МАНДЕЛ «СТАНЦИЯ ОДИННАДЦАТЬ»	226
Норец М. В., Сёмченко Р. А. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ШПИОНСКИХ РОМАНОВ ФРЕДЕРИКА ФОРСАЙТА	230
Норец М. В., Хорунжий Н. Д. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ПЕРЕВОДА АЛЛЮЗИЙ В РОМАНЕ Т. ХАРДИ «ТЭСС ИЗ РОДА Д'ЭРБЕРВИЛЛЕЙ»	234
Норец Т. М., Небратова В. В. КОНЦЕПТ «УСПЕХ» В АСПЕКТЕ ГЕНДЕРНОЙ ТЕОРИИ НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР.....	239
Норец Т. М., Новакова Д. Д. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНО- КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ)	245
Норец Т. М., Скорицкая А. И. МОДИФИКАЦИИ ПРОСОДИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ВЫСТУПЛЕНИЙ ФРАНЦУЗСКИХ ПОЛИТИКОВ	250

<i>Остапенко И. В., Магальяйш же Соуза Остапенко С., Норец Н. К.</i> ПОНЯТИЕ ПОЭТИКАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ.....	257
<i>Олешко В. Ф., Попович Д. А.</i> КОНЦЕПТ «СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОТЕСТЫ» В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ МЕДИА.....	260
<i>Пантыкина Н. И.</i> К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ АНГЛИЙСКОГО СЛЕНГА.....	264
<i>Пасекова Н. В.</i> НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ДРАМАТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ТЕННЕССИ УИЛЬЯМСА НА РУССКИЙ ЯЗЫК.....	268
<i>Пасекова Н. В., Альджбур О. С.</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ: ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА ОСНОВЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ К. С. ЛЬЮИСА).....	273
<i>Петрова О. В.</i> CURA TE IPSUM: ГДЕ, ЧЕМУ И КАК УЧАТСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ ПЕРЕВОДА.....	278
<i>Пиванова Э. В.</i> КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА НАУЧНОГО ТЕКСТА.....	282
<i>Пиванова Э. В., Фадеева Л. В.</i> ТРАНСЛАТОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «ГАЗОВАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ».....	287
<i>Разумовская В. А.</i> МЕЖСЕМИОТИЧЕСКАЯ ВТОРИЧНОСТЬ КАК СОХРАНЕНИЕ «СИЛЬНОГО» ТЕКСТА ЛИТЕРАТУРЫ.....	293
<i>Резеньков В. Е.</i> ПЕРЕВОД КАК ФАКТОР МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	297
<i>Романовская И. В.</i> ЯЗЫК СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ В ПЕРЕВОДЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. ПЛАТОНОВА НА ШВЕДСКИЙ ЯЗЫК.....	301
<i>Силин В. В.</i> ПЕРЕВОДЧЕСКОЕ ЧТЕНИЕ «МАЛЕНЬКОГО ПРИНЦА» А. ДЕ СЕНТ- ЭКЗЮПЕРИ.....	306
<i>Скидан О. Г.</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ В СЕРИАЛЕ "SHERLOCK" И ЕГО РУССКОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ.....	311
<i>Стефановская Е. И.</i> ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛЕНГИЗМОВ В СПОРТИВНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ.....	316
<i>Тарнаева Л. П., Шаврова А. В.</i> КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В СВЕТЕ ПРОБЛЕМ ПЕРЕВОДА: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ.....	322

Уразова Е. А., Галкин А. В. УНИВЕРСАЛЬНЫЕ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ АНГЛИЙСКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ.....	326
Усеинов Т. Б. ОРИГИНАЛЬНЫЕ И ПЕРЕВОДНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ МЕМЕДЕМИНА ЯШАРА (1936-2007 гг.).....	330
Фомин Э. В. ПЕРЕВОД РУССКИХ УРБАНОНИМОВ НА ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК	334
Хитарова Е. Г., Хитарова Т. А. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА ДЖ. ОСТИН «ГОРДОСТЬ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ»	338
Цветков Ю. Л. СТИХОТВОРЕНИЕ А. Н. ОСТРОВСКОГО «АРТИСТУ» В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕВОДОВ Ф. ШИЛЛЕРА.....	342
Чжан Менцзя, Любеев В. С., Демешева Л. А. ОСОБЕННОСТИ И ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА АФОРИЗМОВ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК.....	349
Шевченко М. С. СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ДЕТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	353
Шериева К. Р. ТРАНСЛАТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ТЕКСТОВ.....	359
Шульженко В. И., Чурсин А. Д. ГИПЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ЛИТЕРАТУРНОГО МЕТОДА «ПЕРЕПИСЫВАНИЯ» НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Р. КЕНО LA «SIMAIS ET LA FRACTION».....	364
Щербина В. В. МЕМУАРНАЯ ЛИТЕРАТУРА В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ.	368
Элькан О. Б., Норец Н. К. АРХИТЕКТОНИКА И ХРОНОТОП ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ.....	373
Языкова Т. В. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ АНГЛИЙСКОЙ ЖИЗНИ НАЧАЛА XX ВЕКА В РОМАНЕ ВИТЫ СЭКВИЛЛ-УЭСТ «ЭДВАРДИАНЦЫ»	376
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	381

Научное издание

**ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ДИСКУРС:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД**

Материалы V международной научно-практической конференции

*Симферополь
29 – 30 апреля 2021 года*

Верстка М. А. Шевчук-Черногородова

в авторской редакции

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 23,02. Тираж 100 экз. Заказ № 12А/02.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ»
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «ИТ «АРИАЛ»
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru